

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Том 49, № 2

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 49, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглаич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)
А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Х.Р. Туманс, доктор истории, ассоциированный профессор кафедры археологии и истории Латвийского национального университета (Рига, Латвия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор В.С. Берегова. Корректур, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 27,1. Дата выхода 30.06.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 243 **Юров В.В.**
Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт
- 255 **Чореф М.М.**
К вопросу о методике выявления реплик боспорским статерам: на примере монет Фофорса 582 г. б. э. (285/286 г.).
- 263 **Стржалковская А.Д., Шевченко Н.Н.**
Причины появления и распространения ересей в Палестине IV–VI вв.
- 269 **Пашкова А.Ю.**
Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения
- 283 **Денисова И.В.**
К истории изучения афинского неоплатонизма в современной историографии
- 292 **Веретенникова Е.П.**
Родиаполь и внутренняя Ликия в римско-ранневизантийское время
- 302 **Руднева М.А.**
Общественные волнения в ранневизантийских городах: от Константина до Феодосия I (По данным «Церковных историй»)
- 311 **Меднис С.С.**
Крестины Елизаветы Тюдор: один день королевского церемониала
- 322 **Третьякова М.В.**
Венецианский посол Джакомо Соранцо о парламентах Франции 50-х гг. XVI в.
- 331 **Никитин Д.С.**
Индийский национальный конгресс в годы правления лорда Элгина (1894–1898)
- 339 **Грозов С.С.**
Малоизвестный памятник средневекового энциклопедизма анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 351 **Виноградов А.Е.**
Легенда об основании Киева и «История Тарона»: обратная связь?
- 361 **Морозан В.В.**
Дворянские выборы в Санкт-Петербургской губернии в последней трети XVIII века
- 375 **Шатохин И.Т.**
Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры
- 385 **Лю-Ку-Тан В.А.**
Первый директор Белгородского учительского института Павел Емельянович Роцин (1826–1903)
- 396 **Смоленская О.А.**
Деятельность фабричной инспекции по охране труда несовершеннолетних и женщин 1882–1905 гг. (на примере Воронежской и Курской губерний)
- 405 **Воронко А.Н.**
Музейная рефлексия на возрастание военной угрозы СССР 1920-е гг.
- 413 **Апанасенок А.В., Пудякова И.С.**
Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг.
- 425 **Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.**
«Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х гг.
- 433 **Богдашина И.В.**
Женская память о гигиенических практиках 1950–1960-х гг. (на примере Сталинграда/Волгограда)
- 440 **Петрова Т.М.**
Публичные речи Н.С. Хрущева конца 1950-х – начала 1960-х гг.: опыт источниковедческого анализа
- 450 **Васильева Е.Е.**
Надгробия со следами окраски с кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 461 **Искаков И.Ж.**
Некоторые вопросы методологии изучения политических процессов в Евразии
- 471 **Богданов К.В., Кузьмин И.А.**
Парадипломатия федеральной земли Бавария в 2008–2022 годах на примере сотрудничества с Российской Федерацией
- 479 **Рыжов И.В.**
COVID-19 как фактор влияния на функционирование региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в 2019–2022 гг.
- 489 **Соколова Е.С., Бакулина А.А.**
Политика Китая в Африке: проблемы и тенденции

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Volume 49, No. 2

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: **Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».**
 Publisher: **Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.**
 Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4/year

Commissioning Editor V.S. Beregova. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 27,1. Date of publishing: 30.06.2022. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 243 **Yurov V.V.**
Police and repressive functions of the praetorian cohorts
- 255 **Choref M.M.**
On the question of the method for identifying replicas to Bosporan staters: on the example of the coins of Theothorses of 582 B. E.
- 263 **Strzhalkovskaya A.D., Shevchenko N.N.**
The reasons for the appearance and spread of heresies in Palestine of the IV–VI centuries A. D.
- 269 **Pashkova A.Yu.**
Antioch in Pisidia: on the History of the City and its Study
- 283 **Denisova I.V.**
To the history of the study of athenian neoplatonism in modern historiography
- 292 **Veretennikova E.P.**
Rodiapolis and internal Lycia in Roman – Early Byzantine time
- 302 **Rudneva M.A.**
Social unrest in Early Byzantine Cities: from Konstantine to Feodosius I (According to «The Ecclesiastical History»)
- 311 **Mednis S.S.**
The christening of Elizabeth Tudor: one day of the royal ceremony
- 322 **Tretyakova M.V.**
Venetian Ambassador Giacomo Soranzo on the parliaments of France in the 50s of the XVI century
- 331 **Nikitin D.S.**
Indian National Congress in the years of the Elgin's government (1894–1898)
- 339 **Grozov S.S.**
A little-known monument of medieval encyclopedism anonymous moralised encyclopedia «*De proprietatibus rerum*»

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 351 **Vinogradov A.E.**
The legend of the founding of Kyiv and the «History of Taron»: feedback?
- 361 **Morozan V.V.**
Elections of the nobility in the St. Petersburg province in the last third of the 18th century
- 375 **Shatokhin I.T.**
Kursk vice-governors: experience of reconstruction of service career
- 385 **Lyu-Ku-Tan V.A.**
The first director of the Belgorod Teachers' Institute Pavel Emelyanovich Roshchin (1826–1903)
- 396 **Smolenskaya O.A.**
Activities of factory inspection for juvenile and female labor protection in 1882–1905 (on the example of Voronezh and Kursk Governorates)
- 405 **Voronko A.N.**
Museum reflection on the increasing military threat to the USSR in the 1920s
- 413 **Apanasenok A.V., Pudyakova I.S.**
The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s – 1970s
- 425 **Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V.**
«Everything was given with great difficulty and in any weather»: women's memory of everyday disorder in the post-war new Soviet city of the 1950s
- 433 **Bogdashina I.V.**
Women's memory of hygiene practices in the 1950–1960s (on the example of Stalingrad/Volgograd)
- 440 **Petrova T.M.**
Public speeches by N.S. Khrushchev in the late 1950s – early 1960s: the experience of source analysis
- 450 **Vasileva E.E.**
Grave monuments with traces of painting from the cemetery at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 461 **Iskakov I.Zh.**
Some questions of the methodology studying political processes in Eurasia
- 471 **Bogdanov K.V., Kuzmin I.A.**
Paradiplomacy of the Federal State of Bavaria in 2008–2022 on the example of cooperation with the Russian Federation
- 479 **Ryzhov I.V.**
COVID-19 as a factor of influence on the functioning of the regional subsystem of international relations in the Middle East in 2019–2022
- 489 **Sokolova E.S., Bakulina A.A.**
Chinese Policy in Africa: Problems and Trends

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-243-254

Оригинальное исследование

Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт

Юров В.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Аннотация. Преторианская гвардия как институт охраны императора и членов его семьи, как опора императорского режима была сформирована первым правителем Римской империи – Октавианом Августом. Обеспечение безопасности принцев и их родственников было главной задачей преторианцев. Однако круг обязанностей преторианских когорт, безусловно, не ограничивался императорским эскортом: преторианцы подавляли восстания и беспорядки, а также принимали участие в поддержании общественного порядка на мероприятиях и надзирали за осужденными; пытали, принуждали к самоубийству, казнили неугодных для правителей людей. Иными словами, гвардейцы осуществляли различные полицейские и репрессивные функции, рассмотрение которых и является главной целью работы. Хронологические рамки: правление династии Юлиев – Клавдиев. При написании статьи мы опирались на труды Тацита, Светония, Диона Кассия, а также на произведения некоторых других античных историков, повествовавших о событиях 27 г. до н. э. – 68 г. н. э. Также мы рассмотрели многие современные публикации по данной теме. Таким образом, в работе продемонстрировано исполнение преторианцами их полицейских, а также репрессивных функций.

Ключевые слова: Древний Рим, Юлии – Клавдии, преторианские когорты, преторианская гвардия, преторианцы

Для цитирования: Юров В.В. 2022. Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт. *Via in tempore. История. Политология.* 49(2): 243–254. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-243-254

Police and repressive functions of the praetorian cohorts

Vladislav V. Yurov

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Abstract. The first ruler of the Roman Empire – Octavian Augustus, formed the Praetorian Guard as an institution for the protection of the emperor and his family members, as a support of the imperial regime. Ensuring the safety of the princeps and their relatives was the main task of the praetorians. However, the duties of the praetorian cohorts were certainly not limited to the imperial escort: the praetorians suppressed uprisings and riots, and also took part in maintaining public order at events and supervised the convicts; tortured, forced to commit suicide, executed people objectionable to the rulers. In other words, the guards carried out various types of police and repressive functions, the consideration of which is the

main purpose of our work. The chronological framework of this publication is the reign of the Julius – Claudian dynasty. When writing, we relied on the works of Tacitus, Suetonius, Dion Cassius, as well as on the works of some other ancient historians who narrated the events of 27 B. C. – 68 A. D. We have also reviewed many modern publications on this topic. Thus, the work demonstrates the performance by the praetorians of their police, as well as repressive functions.

Keywords: Ancient Rome, Julio – Claudian dynasty, praetorian cohorts, Praetorian Guard, praetorians

For citation: Yurov V.V. 2022. Police and repressive functions of the praetorian cohorts. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 243–254 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-243-254

Введение

В современной отечественной историографии тема полицейских и репрессивных функций преторианцев не получила достаточного рассмотрения. Однако обстоятельных работ о преторианской гвардии в целом существует достаточно много. Упомянем некоторые из них: это публикации Е.А. Гуськова, А.Ю. Дьяченко, К.В. Дрязгунова, В.В. Семенова, Ю.А. Ушакова, Н.И. Соловьянова, Е.С. Данилова, а также И.А. Дороненко [Ушаков, 1984, 1986; Семенов, 2001; Гуськов, 2007, 2008, 2009, 2012, 2013; Соловьянов, 2008; Данилов, 2009; Дрязгунов, 2010а, 2010б, 2010в; Дьяченко, 2012, 2013а, 2013б, 2015, 2016, 2018; Дороненко, 2018, 2020а, 2020б]. На тему функции эскорта, главной обязанности преторианской гвардии, существует наша работа [Юров, 2020]. Следует заметить, что в большинстве отечественных публикаций о преторианцах как среди указанных выше, так и в целом не рассматриваются полицейские и репрессивные задачи преторианских когорт, а исследуются совершенно иные проблемы. Безусловно, в отдельных работах тема этих обязанностей гвардейцев была затронута, но лишь в незначительной степени, а полноценного, детального рассмотрения того, как преторианцы осуществляли свои полицейские, а также репрессивные функции не было произведено.

В современной западной историографии проблема преторианских когорт изучена значительно серьезнее. В последнее время за рубежом было написано несколько крупных и содержательных трудов на тему преторианцев. Наиболее ценные из них: работа Б. Ранкова [Rankov, 1994], диссертация С. Бингэм [Bingham, 1997] и ее же монография по данной теме [Bingham, 2013], работа испанского историка А. Аргуина [Argüín, 2006] а также новейший труд Г. Бедуайера [Bédouère, 2017]. Наиболее подробно различные функции гвардейцев были рассмотрены в работах Бингэм и Бедуайера.

Таким образом, исследование проблемы полицейских и репрессивных функций преторианской гвардии в наибольшей степени актуально для отечественной историографии античности, ибо в ней этому вопросу не было уделено достаточно внимания.

Объект и методы исследования

Объект данного исследования: преторианские когорты на службе у Юлиев – Клавдиев (27 г. до н. э. – 68 г. н. э.). Предмет исследования: рассмотрение того, как преторианцы осуществляли полицейские, а также репрессивные функции в указанный период. С опорой на многие нарративные источники и современные публикации мы смогли в полной мере применить системно – структурный метод исследования. С его помощью мы рассмотрели как систему со своей структурой определенный набор функций преторианской гвардии. И если в нашей предыдущей статье мы исследовали функцию императорского эскорта у преторианских когорт [Юров, 2020]; то в данной работе мы рассматриваем другой структурный элемент функций преторианской гвардии: их полицейские, а также репрессивные обязанности.

Результаты и их обсуждение

Глава I. Полицейские функции преторианской гвардии

1.1. Благодаря сведениям античных авторов мы знаем, что преторианская гвардия использовалась для подавления восстаний и беспорядков. Так, когда в 14 году н. э. до Паннонии дошла весть о кончине императора Августа, расквартированные в ней легионы взбунтовались, требуя повышения платы за службу и сокращения ее срока до 16 лет, как у преторианцев (Тас. Ann. I. 17. 8). Для усмирения легионеров Тиберий отправил своего сына Друза, которого сопровождали две преторианские когорты, большая часть преторианской конницы, а также префект претория Элий Сеян (Тас. Ann. I. 24. 1–3). В итоге поставленная императором задача была выполнена – мятежные солдаты были приведены к покорности усилиями Друза и преторианцев, которым удалось убить нескольких зачинщиков (Тас. Ann. I. 30. 1).

В правление Тиберия произошел еще один инцидент, который относится к нашей теме: «...В Полленции чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона до тех пор, пока силой не вынудила у наследников большие деньги на гладиаторские зрелища, тогда он (Тиберий), не выдавая своих намерений, подвел одну когорту из Рима, другую – из Котгиева царства, и они внезапно, с обнаженным оружием, при звуках труб, с двух сторон вступили в город и большую часть черни и декурионов бросили в вечное заточение¹» (Suet. Tib. 37. 3). Светоний не называет эти когорты преторианскими напрямую, но, как было справедливо замечено Сандрой Бингэм: «преторианцы были лучше подготовлены для того, чтобы управляться с такими инцидентами, учитывая их военную подготовку» [Bingham, 1997, p. 129]. Мы полностью разделяем ее мнение и не сомневаемся в том, что подавлением беспорядка в Полленции занимались именно гвардейцы.

Следующее событие, которое относится к нашей проблеме, датируется 24 г. н. э. Бывший воин преторианской гвардии Тит Куртизий намеревался поднять восстание рабов на юге Италии. Заговорщиков, уже готовых выступить, удалось рассеять с помощью высадившихся моряков, которые по счастливой случайности оказались в том регионе. Так как ситуация приобрела серьезный оборот для безопасности Италии и Рима, появилась необходимость привлечь дополнительные силы. «Срочно присланный Цезарем трибун Стай с сильным отрядом доставил самого вожака и ближайших сотоварищей его дерзости в Рим, уже охваченный страхом из-за великого множества находившихся в нем рабов²» (Тас. Ann. IV. 27. 1–3). По мнению Сандры Бингэм [Bingham, 1997, p. 130] и Стивена Коллинза [Дан-до-Коллинз, 2017, с. 211], посланный трибун и его воины определенно были преторианцами, с чем нам трудно не согласиться. Здесь мы должны принять во внимание опасность, исходящую от большого количества рабов, вышедших из-под контроля, а также личность самого Куртизия, гвардейца в отставке, которого бывшим сослуживцам было бы несложно опознать, что облегчало его поимку. Использование профессиональных воинов-преторианцев позволило в данном случае оперативно сопроводить нарушителей порядка в Рим для дальнейшей расправы, что предотвратило угрозу более крупных беспорядков.

После смерти Тиберия в 37 г. н. э. к власти пришел Гай Калигула. Этот правитель был широко известен своими жестокостями и неадекватными выходками, которые и привели к печальным для него последствиям. Нам же достаточно любопытен инцидент, произошедший в день его гибели. Его убийство было намечено на день Палатинских игр (Suet. Cal. 56. 2). Поприсутствовав на представлении какое-то время, принцепс направился во дворец на дневной завтрак (Suet. Cal. 58. 1–2). Как известно, два главных заговорщика – преторианские трибуны Корнелий Сабин и Кассий Херея – стали его убийцами. Они выждали момент, когда рядом с Калигулой не будет охраны, и убили императора, причем сразу после содеян-

¹ Здесь и далее русский перевод М.Л. Гаспарова.

² Здесь и далее русский перевод А.С. Бобовича.

ного успели скрыться. Осознав произошедшее, германцы – телохранители Калигулы – пришли в ярость, стали искать виновных и мстить. Так погибли Аспрен, Норбан и сенатор Антей, ни в чем не повинные, но просто попавшиеся им на глаза во дворце (Ios. Ant. Iud. XIX. 1. 15). Обезумевшие от гнева и крови воины ворвались с мечами в театр, который не так давно покинул их ныне покойный император, и стали угрожать находившимся там людям. Для зрителей все могло закончиться фатально, если бы не вмешательство некоего Павла Аррунция. «Он немедленно отозвал германцев, а сопровождавшие его трибуны приказали им вложить мечи в ножны³» (Ios. Ant. Iud. XIX. 1. 17–18).

Рассматривая это событие, Гай Бедуайер замечает: «...Аррунций, вероятно, один из преторианских префектов, усмирил их» [Bédouyère, 2017, p. 106]. Его догадка кажется нам вполне обоснованной, ведь для того, чтобы подобным образом «умиротворить» буйствующих императорских телохранителей, были нужны определенные полномочия и власть, которые подразумевали бы и преторианских трибунов в качестве эскорта. Сандра Бингэм добавляет, что, помимо молящей о помиловании толпы и вмешательства Аррунция, на усмирение этих варваров «число присутствующих преторианцев, должно быть, тоже оказало влияние» [Bingham, 1997, p. 161]. И с ее позицией трудно не согласиться, так как нам кажется маловероятным, что озлобленные германцы немедленно послушались бы приказов нескольких преторианских трибунов и их префекта, не имея они за собой силы в виде преторианцев. Судя по всему, в тот день преторианская гвардия пресекла жестокость германцев в театре и помогла восстановить общественный порядок, хотя на руках некоторых ее воинов была кровь принцепса.

Очередной заслуживающий внимания эпизод произошел в 58 г. н. э., в правление Нерона. В городе Путеолы случилось волнение, и Сенат поручил разобраться с этой проблемой Гаю Кассию, но его действия не возымели успеха. Тогда тот по собственной инициативе передал это задание неким братьям Скрибониям, «...и страх перед данною им когортою преторианцев, а также казнь нескольких человек быстро восстановили согласие среди горожан» (Tas. Ann. XIII. 48. 1–3). Данный отрывок и предыдущие показательно демонстрируют, что преторианская гвардия иногда использовалась для подавления выступлений и восстановления общественного порядка, и вполне успешно.

1.2. Одной из обязанностей преторианцев был надзор за осужденными людьми⁴. Гвардейцы должны были надзирать за Юлией Старшей, дочерью Августа, за Юлией Младшей, его внучкой, которая за свои пороки была сослана на острова под тщательное наблюдение. Присматривали и за Агриппой Постумом, внуком первого императора, который также был перевезен на остров, и, сверх того, заключен под стражу (Suet. Aug. 65. 3–4). Тацит упоминает трибуна, приставленного для наблюдения за ним (Tas. Ann. I. 6. 2).

Тиберий, сменивший Августа на посту правителя, был достаточно подозрительным человеком. Особый надзор велся за Агриппиной, его невесткой. Она и ее сын Нерон были отправлены на острова, к ним были приставлены воины, докладывавшие обо всем, что происходило с сосланными (Tas. Ann. IV. 67. 5–6).

За внуком Тиберия Друзом, который был брошен в подземелье Палатинского дворца, наблюдали соглядатаи и некий центурион Аттий, доносивший все его изречения и действия до императора (Tas. Ann. VI. 24. 1–3).

Безусловно, преторианцы надзирали не только за родственниками правителей. Однажды сенатор Юний Галлиен попытался подольститься к Тиберию, предложив оставшим гвардейцам даровать право занимать места в первых четырнадцати рядах амфитеатра. В ответ принцепс заявил, что Галлиену не должно быть дела до воинов, которые подчиняются только императору; обвинил его в разжигании мятежа, нарушении воинской

³ Здесь и далее русский перевод Г.Г. Генкеля.

⁴ Нужно отметить, что для наблюдения и шпионажа часто привлекались так называемые «speculatores».

дисциплины, после чего изгнал из сената, и осужденного стали содержать под стражей в домах высших должностных лиц (Тас. Ann. VI. 3. 1–3).

В 36 г. н. э. Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, был обвинен в том, что желал смерти правителю. Тиберий отдал приказ префекту претория – Макрону, чтобы тот заключил его в оковы и отправил в темницу, где надзор за ним и прочими заключенными держали центурионы (Ios. Ant. Iud. XVIII. 6. 5–7). Под темницей здесь, судя по всему, нужно понимать тюрьму, которая находилась в преторианском лагере, в которой Агриппа находился около полугода, но впоследствии был освобожден. Как можно заметить, в правление Тиберия у преторианцев было много подобных заданий.

Сменивший его Калигула около 40 г. н. э. отправил в изгнание Корнелию Орестиллу и Гая Кальпурния Пизона. «Пизону он позволил увести с собой десять рабов, а когда тот просил разрешения взять больше, Гай предоставил ему право использовать столько рабов, сколько он хочет, но добавил: «И столько же воинов будут тебя сопровождать⁵» (Dio Cass. 59. 8. 8). Пизон, таким образом, получал надсмотрщиков-преторианцев за своей особой.

1.3. У преторианцев была еще одна задача полицейского характера – поддержание общественного порядка на мероприятиях. Так, когда в 14 г. н. э. скончался император Август, в день его похорон «воины были расставлены словно для охраны, ... дабы не было потревожено его погребение» (Тас. Ann. I. 8. 7), что можно расценить как обеспечение гвардейцами мер безопасности на этом мероприятии.

В правление Тиберия случился еще один инцидент такого же рода: «В театре еще больше усилились беспорядки, начавшиеся в минувшем году: было убито не только несколько человек из народа, но также воины и центурион, был ранен трибун преторианской когорты, когда они пытались пресечь буйство черни, обрушившейся с бранью на магистратов» (Тас. Ann. I. 77. 1), – в данном случае источник напрямую предоставляет нам информацию о деятельности преторианцев для поддержания общественного порядка.

Очередное событие, относящееся к нашей теме, произошло уже при Калигуле: «народ, собравшийся в цирке и возмущавшийся его поведением, Гай приказал воинам перебить» (Dio Cass. 59. 28. 11). Под воинами в данном случае стоит понимать преторианцев, которых император использовал и для усмирения толпы, и для собственной защиты, когда «народ приступил к Гаю с настоятельной просьбой об ослаблении поборов и облегчении бремени налогов». Он не захотел удовлетворить их просьбу, вызвав тем самым неодобрение народа. Реакция Калигулы была жестокой, многие люди были убиты (Ios. Ant. Iud. XIX. 1. 4).

Тацит и Светоний сообщают, что при Клавдии преторианцам довелось быть участниками некоторых мероприятий; например, во время представления в Большом Цирке, когда император «представлял африканские травы с участием отряда преторианских всадников во главе с трибунами и самим префектом» (Suet. Cl. 21. 3), а также на зрелище морского «сражения» на Фуцинском озере, где «На плотях стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы» (Тас. Ann. XII. 56. 1–3). В этих случаях гвардейцы могли использоваться Клавдием и для поддержания общественного порядка, что вполне вероятно, учитывая их присутствие.

Интересный инцидент, относящийся к нашей теме, произошел в правление Нерона. По сведениям Тацита: «В цирке упрядняется караул, который в дни представлений обычно выставлялся преторианской когортой; это было сделано для того, чтобы создать видимость большей свободы, оградить воинов от развращения, порождаемого их пребыванием среди театральной разнузданности, и проверить на опыте, сможет ли простой народ соблюдать благопристойность и после удаления стражи» (Тас. Ann. XIII. 24. 1). Однако уже скоро для пресечения разросшихся беспорядков «воинские караулы» были возвращены (Тас. Ann. XIII. 25. 4). Так преторианцы вновь стали охранять общественный порядок на мероприятиях при Нероне.

⁵ Здесь и далее русский перевод А.В. Махлаюка.

По информации Тацита, Диона Кассия и Светония, этот принцепс учредил игры, известные как Неронии и Ювеналии, и лично участвовал в них. На них также присутствовали воины преторианских когорт (Тас. Ann. XIV. 15. 1, 6, 7; Dio Cass. 61. 20. 2; Suet. Nero. 21. 1). Мы полагаем, что в данных случаях гвардейцы действовали и для осуществления эскорта императора, и для охраны общественного порядка на этих мероприятиях.

Глава II. Репрессивные функции преторианских когорт

2.1. Преторианцы активно использовались для казней лиц, неугодных императорам. Так, когда в правление Октавиана Августа случился заговор Терренция Мурены и Фанния Цепиона, все причастные к нему были обвинены и убиты (Dio Cass. 54. 3. 5). Как замечает Бедуайер, «немыслимо, чтобы преторианская гвардия не была вовлечена в разгром заговора» [Bédouère, 2017, p. 47], с чем сложно не согласиться, учитывая последующие инциденты подобного характера.

После смерти Августа, вероятно, по приказу Тиберия или его матери Ливии был убит уже упомянутый Агриппа Постум, внук покойного правителя. По версии Светония, его ликвидировал войсковой трибун (Suet. Tib. 22), приставленный к нему для охраны и надзора; Тацит же считает, что его убийство – дело рук центуриона (Тас. Ann. I. 6. 1). В обоих случаях здесь, несомненно, подразумеваются преторианцы.

В правление Тиберия случился еще один похожий инцидент с участием гвардейцев. Тацит приводит достаточно интересный сюжет о сосланном на остров Керкину Семпронии Гракхе. По прибытии «воинов, посланных его умертвить», он написал своей жене письмо с последними распоряжениями и «подставил шею убийцам» (Тас. Ann. I. 53. 4–8).

После смерти этого принцепса императором стал Калигула, известный своей кровожадностью. Гемелла, внука умершего правителя, «он неожиданно казнил, прислав к нему внезапно войскового трибуна» (Suet. Cal. 23. 3). Очевидно, что это убийство было обусловлено тем, что Гай видел в нем угрозу для своей власти, так как умерщвленный преторианским трибуном Гемелл принадлежал к императорской семье.

В 39 г. н. э. принцепс предпринял путешествие к Рейнской границе в сопровождении преторианцев (Suet. Cal. 43). По прибытии он обвинил в заговоре Лентула Гетулика, наместника Германии, и Лепида, мужа сестры императора, и казнил их (Dio Cass. 59. 22. 5). Как сообщает Сенека, он «приказал Лепиду подставить шею под меч трибуна Декстра⁶» (Sen. Ep. 4. 7). Квестора Бетилина Басса, «обвиненного в заговоре, он (Калигула) велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, нанося удары» (Suet. Cal. 26. 3). Отца сенатора Антея, которого звали тем же именем, Гай присудил к изгнанию, а позже подослал солдат убить его (Jos. Ant. Iud. XIX. 1. 15). Таким образом, гвардейцы лишили жизни многих людей и магистратов, которые жили и отправляли должности при этом правителе.

Император Клавдий был спокойнее и благоразумнее своего предшественника, но тем не менее за время своего правления он казнил 35 сенаторов и более 300 всадников, к смерти людей проявляя редкое безразличие. К примеру, «когда уже центурион, докладывая о казни одного консуляра, сказал, что приказ исполнен, он (Клавдий) вдруг заявил, что никаких приказов не давал; однако сделанное одобрил, так как отпущенники уверили его, что солдаты исполнили свой долг, по собственному почину бросившись мстить за императора» (Suet. Cl. 29. 2). Так император поощрил центуриона и подчиненных ему преторианцев за это убийство.

Об участии гвардейцев в подобных расправах есть намек у Кассия Диона: «Клавдий же до такой степени склонен был карать всех подряд, что постоянно давал воинам в качестве пароля тот стих, который гласит, что нужно защищаться от первого, кто лишь обидеть захочет» (Dio Cass. 60. 16. 7).

⁶ Русский перевод С.А. Ошерова.

Похожую информацию нам предоставляет и Светоний: «А когда ему (Клавдию) случилось наказать неприятеля или злоумышленника, он всякий раз давал начальнику телохранителей, на его обычный запрос, следующий пароль: дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду» (Suet. Cl. 42. 1). Судя по всему, Клавдий активно использовал преторианцев как силу, каравшую неугодных ему людей.

Любопытен инцидент с его женой Мессалиной и ее любовником Сицием. Наглость порочной женщины дошла до того, что она вышла за Сиция замуж, притом что уже была супругой правителя. Узнав об этом, принцепс в компании верного вольноотпущенника Нарцисса отправился к преторианцам, где после нескольких слов императора и его подопечного гвардейцы потребовали назвать имена виновников и подвергнуть их наказанию. Сиция доставили в преторианский лагерь и там же казнили. К Мессалине по приказу Нарцисса направились несколько центурионов, а также трибун, который и умертвил ее ударом меча (Tac. Ann. XI. 31–38).

После смерти Клавдия в 54 г. н. э. при известных обстоятельствах к власти пришел Нерон. Уже на следующий год своего правления он устроил отравление Британника, который был родным сыном покойного императора, и, по мнению нового принцепса, представлял для него опасность. «Он (Нерон) замышляет устранить его тайными кознями и велит изготовить для него яд, поручив это дело трибуну преторианской когорты Юлию Поллиону, под надзором которого содержалась осужденная за многие преступления прославленная отравительница по имени Локуста» (Tac. Ann. XIII. 15. 4). В конечном итоге преторианец справился с задачей.

Тигеллин, префект претория при Нероне, с согласия императора принял решение устранить двух сосланных граждан – Суллу и Плавта. Первый находился в Массилии, куда и были подсланы убийцы, которые лишили Суллу жизни и отослали его голову принцепсу. Второй был выслан в провинцию Азия. Туда были посланы 60 воинов и евнух Пелагон, которому Нерон подчинил центуриона с манипулом как телохранителей. Центурион обезглавил Плавта, и его голова была доставлена правителю прямо в Рим (Tac. Ann. XIV. 57. 1, 6; 58. 4; 59. 3–4). Таким образом, действующие в разных частях империи преторианцы выполнили поставленный приказ.

Жена Нерона Октавия была обвинена Нероном в прелюбодеянии с рабом и бесплодии и сначала была сослана им в Кампанию, где ее держали под стражей, а потом – на остров Пандатерию, где «в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина». Однако «томилась» она недолго, ибо вскоре гвардейцы ее умертвили и отослали ее голову новой жене принцепса – Поппее (Tac. Ann. XIV. 63. 1; 64. 1–4).

В 65 г. н. э. против столь жестокого правителя созрел заговор, участниками которого были Гай Кальпурний Пизон, некоторые всадники, сенаторы и многие преторианцы, а именно: трибун преторианской когорты Субрий Флав и центурион Сульпиций Аспер; трибуны преторианских когорт Гавий Сильван и Стаций Проксум, а также Максим Скавр и Венет Павел, центурионы; в своих речах о принадлежности к делу заявил даже один из преторианских префектов – Фений Руф (Tac. Ann. XV. 49. 1–2; 50. 1–4). Однако из-за доносов наварха Волузия Прокула, вольноотпущенника Милиха и Антония Натала стало ясно, что заговор обречен.

Когда император узнал о нем, он впал в ярость и стал карать всех, кого только мог заподозрить. Так был умерщвлен консул на будущий год Плавтий Латеран, «рукою трибуна Стация, до конца стойко храня молчание и даже не укорив трибуна, участника того же заговора» (Tac. Ann. XV. 60. 1–2). Один из самых храбрых и преданных делу заговора трибун преторианской когорты Субрий Флав с честью и без страха принял смерть от другого трибуна, Вейания Нигера (Tac. Ann. XV. 67. 6–8). С достоинством принял смерть сотник Сульпиций Аспер и другие центурионы (Tac. Ann. XV. 68. 1–2). Этот сюжет пока-

зательно демонстрирует, как преторианцы действовали в ходе указанных событий, проливая кровь своих сослуживцев и других людей.

Нерон же продолжил репрессии. Он обвинил некоего Луция Силана в заговоре и сослал его в муниципий Барий, где тот и погиб от руки центуриона и воинов, которые сопровождали его (Тас. Ann. XVI. 9. 2–5).

2.2. Преторианцы и их префекты неоднократно использовались для пыток заключенных. Дион Кассий сообщает, что Тиберий направлял в сенат не только доносы, «но и показания, полученные под пыткой на допросах, проводимых Макроном» (Dio Cass. 58. 21. 3), который был префектом претория. Например, по отношению к Альбуцилле, обвиненной в неуважении к императору, Макрон подверг пытке ее рабов и занимался допросом свидетелей, «как было видно из пересланных сенату протоколов дознания» (Тас. Ann. VI. 47. 2–4).

Преторианскому трибуну Кассию Херее Калигула приказал пытать актрису Квинтиллию, которая, впрочем, выжила под пыткой и не вымолвила ни слова против своего обвиненного возлюбленного. В итоге император пощадил ее, оправдал и даже наградил за стойкость (Jos. Ant. Iud. XIX. 1. 5).

В 42 г. н. э. Камилл Скрибониан бросил вызов императору Клавдию, но вскоре его мятеж был подавлен. Последовала суровая кара над теми, кто был к нему причастен. Многие его участники «были схвачены преторианской гвардией. Некоторых пытали, выбивали признания» [Дандо-Коллинз, 2017, с. 309]. Дион Кассий сообщает, что судом над обвиняемыми занимался принцепс в присутствии префектов и вольноотпущенников (Dio Cass. 60. 16. 3).

Император Нерон подвергал пыткам многих людей, причастных к заговору Пизона. К примеру, он приказал пытать находившуюся под стражей вольноотпущенницу Эпихариду. Доносчики Волузий и Милих также были закованы в цепи. «В свирепом дознании, чинимом Нероном и Тигеллином, с таким же ожесточением действовал и еще не названный в показаниях Фений Руф, который, стараясь отмежеваться от заговорщиков, был беспощаден к своим сотоварищам». Впрочем, его также уличили в участии в заговоре, и воин Кассий наложил на него оковы (Тас. Ann. XV. 55. 1; 56. 1; 57. 1; 58. 3; 66. 3). В данном случае Тацит показательно демонстрирует, какую роль в раскрытии и подавлении заговора играли пытки, осуществляемые высшими лицами преторианской гвардии – префектами претория Руфом и Тигеллином.

2.3. Иногда преторианцы принуждали к самоубийству неугодных императорам людей, вместо того чтобы их казнить. Один из первых таких случаев произошел в 16 г. н. э., при Тиберии, когда до суицида был доведен Либон Друз, обвиненный в подготовке государственного переворота. Тацит сообщает, что его дом окружили воины и, насладившись последним пиршеством, Друз заколол себя, а солдаты, засвидетельствовав его смерть, ушли (Тас. Ann. II. 31. 1–3).

В 20 г. н. э. Кальпурния Пизона, наместника провинции Сирия, обвинили в отравлении популярного полководца Германика. После осуждающих речей в сенате «Пизона поместили на носилки, и в сопровождении трибуна преторианской когорты он был доставлен к себе» (Тас. Ann. III. 14. 1–7). Осознав безвыходность ситуации, он пронзил себе горло (Тас. Ann. III. 15. 6).

Следующее интересное для нас событие произошло уже в правление Клавдия. После смерти распутной Мессалины он остался без жены. По рекомендации верного вольноотпущенника Палланта новой супругой принцепса стала Агриппина, дочь Германика (Тас. Ann. XII. 1. 3). Агриппина возненавидела некую Лоллию Паулину, так как она была ее соперницей за замужество с Цезарем, и оболгала ее, обвинив в обращении к магам и халдеям. В итоге Лоллию осудили и «к ней был прислан трибун, дабы он принудил ее к самоубийству» (Тас. Ann. XII. 22. 1–4).

В правление Нерона также имели место несколько подобных инцидентов. Во время заговора Пизона к консулу Ветину, который вообще не был посвящен в него, но просто был

ненавистен императору, был послан трибун Гереллан с когортой воинов. Когда они достигли его дома, консул сразу понял, в чем дело, и покончил с собой (Тас. Ann. XV. 68. 4; 69. 1–3).

Похожую участь заслужили еще несколько известных личностей. К главному заговорщику, Пизону, «пришел отряд воинов, составленный Нероном из новобранцев и недавно вступивших на службу, ибо старых воинов опасались, считая, что они проникнуты благожелательностью к Пизону». По их прибытии он вскрыл себе вены (Тас. Ann. XV. 59. 7). К Сенеке, также обвиненному в заговоре, принцепс послал трибуна преторианской когорты Гавия Сильвана, который окружил его виллу отрядами воинов. В итоге известный мыслитель покончил с собой (Тас. Ann. XV. 60; 63. 4), хотя, по версии Диона Кассия, «его конец ускорили воины» (Dio Cass. 62. 25. 2).

Продолжив репрессии, Нерон приставил к некоему Луцию Ветеру «воинов, предписав вести за ним тайное наблюдение» (Тас. Ann. XVI. 10. 4; 11. 4). Спустя немного времени тот вскрыл себе вены. К Марку Осторию Скапуле, который якобы посягал на императорскую власть, был послан центурион с поручением принудить его к незамедлительной смерти. В итоге Скапула покончил с собой (Тас. Ann. XVI. 14. 4; 15. 1–4).

В указанных выше случаях преторианцы оказывали определенное давление на неугодных правителям людей, после чего те совершали суицид.

Заключение

Таким образом, в рамках периода правления династии Юлиев – Клавдиев (27 г. до н. э. – 68 г. н. э.) мы рассмотрели, какие полицейские и репрессивные функции имели преторианцы и как они их осуществляли.

Проанализировав приведенный нами материал, можно сделать вывод: круг полицейских, а также репрессивных обязанностей гвардейцев был довольно широким: преторианцы подавляли восстания и беспорядки, а также принимали участие в поддержании общественного порядка на мероприятиях и надзирали за осужденными; пытали, принуждали к самоубийству, казнили неугодных для правителей людей. Следует заметить: преторианская гвардия, помимо уже рассмотренных нами функций (как в данной работе, так и в предыдущей [Юров, 2020]), выполняла и некоторые другие, вспомогательные задачи, но их исследование – цель нашей следующей работы.

Список литературы

- Гуськов Е.А. 2007. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт. *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 20–22 апреля 2007 г. Саратов, Наука: 181–190.
- Гуськов Е.А. 2008. Преторианцы Отона и Вителлия в гвардии Веспасиана: несколько замечаний. *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 24–26 апреля 2008 г. Саратов, Наука: 113–119.
- Гуськов Е.А. 2009. Авл Виргий Марс и проблема количества преторианских когорт в период принципата Августа. *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 24–26 апреля 2009 г. Саратов, Наука: 92–100.
- Гуськов Е.А. 2012. Императоры и преторианцы: отражение культа правителя в посвящениях римских воинов. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1 (65): 189–195.
- Гуськов Е.А. 2013. Императорский культ в преторианских когортах. *КЛИО*, 7 (79): 43–46.
- Гаспаров М.Л., Штаерман Е.М. 1993. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., Наука, 364.
- Генкель Г.Г. 2002. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. О древности иудейского народа (Против Апиона). Кн. 13–20. М., АСТ; Ладомир, 612.
- Дьяченко А.Ю. 2012. К вопросу о мятеже преторианской гвардии в правление императора Нервы. *Вестник Алтайской государственной педагогической академии*, 10: 15–17.
- Дьяченко А.Ю. 2013а. Преторианцы и Тиберий: оценка взаимоотношений. *Молодой ученый*, 6: 618–621.

- Дьяченко А.Ю. 2013б. Преторианская гвардия в «Год четырёх императоров». Молодой ученый, 11: 714–717.
- Дьяченко А.Ю. 2015. Гвардия Октавиана Августа и ее предшественники. Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы конференции, проходившей 25–26 сентября 2015 г. Волгоград, изд-во Волгоградского государственного университета: 18–27.
- Дьяченко А.Ю. 2016. Генезис римской императорской гвардии. Известия Алтайского государственного университета, 2(90): 65–69.
- Дьяченко А.Ю. 2018. Гвардия Октавиана Августа. Вестник Алтайского государственного педагогического университета, 4 (37): 91–93.
- Дрязгунов К.В. 2010а. К проблеме количества преторианских когорт в Риме. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2: 32–34.
- Дрязгунов К.В. 2010б. О преторианских префектах в правление Клавдия. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 3: 48–49.
- Дрязгунов К.В. 2010в. Преторианцы как *speculatores*. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 4: 68–70.
- Данилов Е.С. 2009. Римская военная разведка: *speculatores*. Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (25): 16–23.
- Дороненко И.А. 2018. К вопросу об участии преторианской гвардии в германских и дакийских войнах императора Домициана. Молодежь третьего тысячелетия. Материалы конференции, проходившей 02–27 апреля 2018 г. Омск, изд-во Ом. гос. ун-та: 42–46.
- Дороненко И.А. 2020а. Преторианская гвардия при Нерве. Молодежь третьего тысячелетия. Материалы конференции, проходившей 01–26 апреля 2020 г. Омск, изд-во Ом. гос. ун-та: 67–71.
- Дороненко И.А. 2020б. Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э. Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Материалы конференции, проходившей 12–14 октября 2020 г. Новосибирск, изд-во Новосибирского национального исследовательского гос. ун-та: 130–138.
- Дандо-Коллинз С. 2017. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., Центрполиграф, 639.
- Махлаюк А.В. 2014. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LI–LXIII. СПб., Нестор-История, 680.
- Ошеров С.А., Гаспаров М.Л. 1977. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., Наука, 384.
- Соловьянов Н.И. 2008. Культы преторианцев в Риме. Вестник Томского государственного университета, 317: 116–118.
- Семенов В.В. 2001. Преторианские когорты: модель и практика. Военно-исторический журнал *Para Bellum*, 12: 103–119.
- Ушаков Ю.А. 1984. Роль преторианской гвардии во внутривластической жизни Римской империи при первых императорах. Античная гражданская община, М., изд-во Московского государственного заочного педагогического института: 115–131.
- Ушаков Ю.А. 1986. Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. Античная гражданская община, М., изд-во Московского государственного заочного педагогического института: 78–83.
- Утченко С.Л., Бобович А.С., Боровский Я.М., Сергеенко М.Е. 1993. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения. М., Ладомир, 443.
- Юров В.В. 2020. Преторианские когорты: функция императорского эскорта. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 482–489.
- Argüín A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome*. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard. A history of Rome's Elite Special Forces*. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. *The Praetorian Guard*. London, Osprey Publishing, 64.

References

- Gus'kov E.A. 2007. On the question of the quingenary and military type of praetorian cohorts. *Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 20–22, 2007*. Saratov, Publ. Nauka: 181–190 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2008. The praetorians of Otho and Vitellius in the Guard of Vespasian: a few remarks. *Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 24–26, 2008*. Saratov, Publ. Nauka: 113–119 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2009. Aulus Virgilius Mars and the problem of the number of praetorian cohorts during the principate of Augustus. *Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 24–26, 2009*. Saratov, Publ. Nauka: 92–100 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2012. Emperors and praetorians: reflection of the cult of the ruler in the dedications of Roman soldiers. *Bulletin of the Saratov State Technical University*, 1 (65): 189–195 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2013. The Imperial cult in the praetorian cohorts. *KLIO*, 7 (79): 43–46 (in Russian).
- Gasparov M.L., Shtaerman E.M. 1993. *Gaj Svetonij Trankvill. Zhizn' dvenadcati cezarej [Gaius Suetonius Tranquille. The Life of the Twelve Caesars]*. Moscow, Publ. Science, 364.
- Genkel' G.G. 2002. Iosif Flavij. Iudejskie drevnosti. V 2 t. T. 2. O drevnosti iudejskogo naroda (Protiv Apiona). Kn. 13–20 [Josephus. Jewish antiquities. In 2 vols. 2. On the antiquity of the Jews (Against Apion). Books 13–20]. Moscow, Publ. AST; Ladomir, 612.
- D'jachenko A.Ju. 2012. On the question of the rebellion of the Praetorian Guard during the reign of emperor Nerva. *Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy*, 10: 15–17 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2013a. Praetorians and Tiberius: an assessment of the relationships. *Young scientist*, 6: 618–621 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2013b. Praetorian Guard in the «Year of the Four Emperors». *Young scientist*, 11: 714–717 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2015. The Guard of Octavian Augustus and its predecessors. *Military history of Russia: problems, searches, solutions. Materials of the conference held on September 25–26, 2015*. Volgograd, Publ. Volgograd State University: 18–27 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2016. Genesis of the Roman Imperial Guard. *News of the Altai State University*, 2(90): 65–69 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2018. Guard of Octavian Augustus. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 4 (37): 91–93 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010a. On the problem of the number of praetorian cohorts in Rome. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 2: 32–34 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010b. About the praetorian prefects in the reign of Claudius. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 3: 48–49 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010v. Praetorians as speculatores. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 4: 68–70 (in Russian).
- Danilov E.S. 2009. Roman military intelligence: speculatores. *Problems of history, philology, culture*, 3 (25): 16–23 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2018. On the question of the participation of the Praetorian Guard in the German and Dacian Wars of Emperor Domitian. *Youth of the third millennium. Materials of the conference held on April 02–27, 2018*. Omsk, Publ. Omsk State University: 42–46 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2020a. The Praetorian Guard under Nerva. *Youth of the third millennium. Materials of the conference held on April 01–26, 2020*. Omsk, Publ. Omsk State University: 67–71 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2020b. Praetorian Guard on the battlefields of the II century A. D. *Actual problems of historical research: the view of young scientists. Materials of the conference held on October 12–14, 2020*. Novosibirsk, Publ. Novosibirsk National Research State University: 130–138 (in Russian).
- Dando-Kollinz S. 2017. *Legiony Rima. Polnaja istorija vseh legionov Rimskoj imperii [Legions of Rome: The Definitive History of Every Imperial Roman Legion]*. Moscow, Publ. Centerpoligraph, 639.
- Mahlajuk A.V. 2014. *Kassij Dion Kokkejjan. Rimskaja istorija. Knigi LI–LXIII [Cassius Dion Coccianus. Roman history. Books LI–LXIII]*. Saint Petersburg, Publ. Nestor-History, 680.
- Osharov S.A., Gasparov M.L. 1977. *Lucij Annej Seneka. Nравstvennye pis'ma k Luciliju [Lucius Annaeus Seneca. Moral Letters to Lucilius]*. Moscow, Publ. Science, 384.

- Solov'janov N.I. 2008. Cults of the praetorians in Rome. *Bulletin of Tomsk State University*, 317: 116–118 (in Russian).
- Semenov V.V. 2001. Praetorian cohorts: model and practice. *Para Bellum*, military – historical magazine, 12: 103–119 (in Russian).
- Ushakov Ju. A. 1984. The role of the Praetorian Guard in the internal political life of the Roman Empire under the first emperors. *Ancient civil community*. Moscow, Publ. Moscow State Correspondence Pedagogical Institute: 115–131 (in Russian).
- Ushakov Ju.A. 1986. The Praetorian Guard during the Civil War of 68–69 A. D. *Ancient civil community*. Moscow, Publ. Moscow State Correspondence Pedagogical Institute: 78–83 (in Russian).
- Utchenko S.L., Bobovich A.S., Borovskij Ja.M., Sergeenko M.E. 1993. Kornelij Tacit. *Sochinenija v dvuh tomah*. Tom I. «Annaly. Malye proizvedenija» [Cornelius Tacitus. Essays in two volumes. Volume I. Annals. Small works] Moscow, Publ. Ladomir, 443.
- Yurov V.V. 2020. Praetorian cohorts: the function of the imperial escort. *Via in tempore. History. Political Science*, 47 (3): 482–489 (in Russian).
- Argüin A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome*. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. *The Pretorian Guard. A history of Rome's Elite Special Forces*. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. *The Praetorian Guard*. London, Osprey Publishing, 64.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.11.2021

Received 20.11.2021

Поступила после рецензирования 14.03.2022

Revised 14.03.2022

Принята к публикации 14.03.2022

Accepted 14.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юров Владислав Викторович, магистрант кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Vladislav V. Yurov, Master's student of the Department of Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-2727-1428](https://orcid.org/0000-0003-2727-1428)

УДК 94(495)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-255-262

Оригинальное исследование

К вопросу о методике выявления реплик боспорским статерам: на примере монет Фофорса 582 г. б. э. (285/286 г.)

Чореф М.М.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: choref@yandex.ru

Аннотация. Одной из серьезнейших проблем, стоящих перед нумизматами, изучающими монетное дело позднего Боспора, является выявление реплик деньгам официального чекана. Проблема заключается в том, что до сих пор не выработаны общепринятые критерии, позволяющие отличить подражания от оригинальных монет. Пытаясь приблизить разрешение этой проблемы, рассмотрим статеры Фофорса, на которых размещено символическое обозначение даты 582 г. б. э. (285/286 г.). Полагаем, что все эти монеты – подлинные, официального чекана. Их выпустили в начале правления Фофорса. Вернее всего, их отчеканили в центре его домена, в кочевой ставке, находящейся в Центральном Предкавказье. Но вряд ли их выпускали только 1 год. Допускаем, что эти монеты эмитировали значительно дольше. Вполне возможно, что 2–3 года. Этим обстоятельством можно объяснять разнообразие их типов, проявившееся в развороте и перестановке букв в символических обозначениях даты выпуска, в горизонтальном отражении изображений боспорского царя и римского императора при сохранении одних и тех же ошибок в легенде аверса. Заключаем, что подобного рода погрешности в легендах не всегда могут рассматриваться как признаки реплики.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, Фофорс, реплики

Для цитирования: Чореф М.М. 2022. К вопросу о методике выявления реплик боспорским статерам: на примере монет Фофорса 582 г. б. э. (285/286 г.). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 255–262. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-255-262

On the question of the method for identifying replicas to Bosporan staters: on the example of the coins of Theothorses of 582 B. E.

Mikhail M. Choref

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod 603950, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract. One of the most serious problems facing numismatists studying the coinage of the late Bosphorus is the identification of replicas of the official coinage money. The problem is that there are still no generally accepted criteria for distinguishing imitations from original coins. Trying to approximate the solution of this problem, consider the Theothorses staters on which the symbolic designation of the date 582 BE is placed. We believe that all these coins are genuine official mintage. They were released at the beginning of Theothorses reign. Most likely, they were minted in the center of his domain in a nomadic headquarters located in the Central Ciscaucasia. But it is unlikely that they were released for only 1 year. We assume that these coins have been issued for much longer. It is quite possible those 2–3 years. This circumstance can explain the variety of their types manifested in the spread and rearrangement of letters in the symbolic designations of the date of issue in the horizontal reflection of the images of the Bosporan

king and the Roman emperor, while maintaining the same errors in the legend of the obverse. We conclude that errors of this kind in legends may not always be regarded as signs of a replica.

Key words: history, archeology, numismatics, Bosporus, Theothorses, replicas

For citation: Choref M.M. 2022. On the question of the method for identifying replicas to Bosporan stators: on the example of the coins of Theothorses of 582 B. E. Via in tempore. History and political science. 49 (2): 00–00 (in Russian). 00-00. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-00-00

Введение

Продолжаем изучение нумизматики Боспорского государства периода правления Фофорса [Чореф, 2014, с. 323–365; Чореф, 2019, с. 261–268]. Перейдем к одним из самых интересных монет (рис. 1–3), относимых рядом исследователей [Фролова, 1992, с. 7; 10, с. 76; Чореф, 2014, с. 329, 332, рис. 1, 1] к его чеканке – к статерам 582 г. б. э. (285/286 гг.) (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Статеры Фофорса 582 г. б. э. первой серии
Fig. 1. Stators of the Theothorses 582 B. E. of the first series

Рис. 2. Статер Фофорса 582 г. б. э. второй серии
Fig. 2. Stators of the Theothorses 582 B. E. of the second series

Рис. 3. Статер Фофорса 582 г. б. э. третьей серии
Fig. 3. Staters of the Theothorses 582 B. E. of the third series

Наш интерес к ним отнюдь не случаен. Ведь до сих пор бытует мнение, что они являются древними подражаниями [Голенко, 1959, с. 187–190; Анохин, 1986, с. 127; Анохин, 1999, с. 169]. Попытаемся разрешить эту проблему.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали монеты, которые, по мнению В.А. Анохина и К.В. Голенко, являются древними подражаниями [Голенко, 1959, с. 187–190; Анохин, 1986, с. 127; Анохин, 1999, с. 169]. Мы же полагаем, что это официальные монеты боспорского чекана. Использовались элементы иконологического метода, важного для понимания иконографической информации монет Боспорского государства.

Результаты и их обсуждение

Начнем с констатации того факта, что эти монеты весьма примечательны. Бросается в глаза нарочитая стилизованность, можно даже сказать – варваризированность их оформления. Трудно не обратить внимания на непропорционально крупные носы у изображенных, на обозначенные точками глаза и губы. Весьма примечательны и переданные как прямые, а не свободно ниспадающие и развевающиеся ленты диадемы и лаврового венка. Менее заметны, но не менее показательны и волосы, отображенные короткими линиями, черточками, причем так, что прическа не просматривается. Похоже, что они взлохмаченные.

Складывается впечатление, что изображения даны с учетом местных, явно не классических канонов красоты. Причем их создатели не видели знаки царской власти, принятые на Боспоре. Только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что не удалось отобразить даже свободно ниспадающие и развевающиеся ленты диадемы. Все это, заметим, не было свойственно монетному делу Боспорского государства до прихода к власти Фофорса.

Не менее примечательны и надписи. На лицевой стороне изучаемых монет должно было быть отгиснуто «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΟΡΣΟΥ» – «царя Фофорса». Однако на их аверсе различимо «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΟΡΣΟΥ». А на реверсе размещено символическое обозначение даты «ΦΠΒ» с ретроградной «В» (рис. 1–3). Как видим, на монетах не удалось разместить даже надписи. Определенно, к изготовлению штемпелей привлекали недостаточно хорошо подготовленных, неграмотных мастеров, оказавшихся не в состоянии даже распознать и воспроизвести греческие буквы.

Мы находим это обстоятельство также крайне примечательным. Прослеженные ошибки – замены «Ο» и «ω» на «Θ» – крайне грубы и также нетипичны для монетного дела Боспорского государства римского периода, до прихода Фофорса к власти.

Собственно, последнее обстоятельство и позволило ряду исследователей заключить, что эти монеты не могут быть отнесены к царской чеканке. По их мнению, такие выпуски следует читать древними репликами [Голенко, 1959, с. 187–190; Анохин, 1986, с. 127; Анохин, 1999, с. 169]. Однако мы эту точку зрения принять не можем [Чореф, 2014, с. 329, 332]. И дело даже не в том, что ее не разделяла Н.А. Фролова, проведшая их поштемпель-

ный анализ и собравшая статистику их метрологических данных [Фролова, 1992, с. 7–31, табл. I–XIV; Фролова, 1997, с. 76]. В последнее время открылись новые обстоятельства, которые, как мы полагаем, должны быть учтены при принятии решения.

Сравнительно недавно на сайте «Монеты Боспора» были размещены изображения и описания весьма интересных монет⁷ (рис. 1–3). Лишь часть их была известна ранее исследователям [Анохин, 1986, табл. 36, 730] (рис. 1, 1–5). По-видимому, к той же серии следует отнести весьма схожие монеты, отчеканенные штемпелями, изготовленными иным мастером (рис. 1, 6, 7). Изображения правителей на них получились более реалистичными и менее гротескными⁸. Однако легенды аверса и реверса были сохранены. Приходим к выводу, что изображения на штемпелях, использованных для их производства, вырезал новый мастер, а надписи – прежде работавший, изготовивший чеканы для монет на рис. 1, 1–5.

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Получается, что монеты интересующей нас группы выпускал не одиночка-фальшивомонетчик, а группа работников⁹. Так что мы изучаем продукцию мастерской, в которой практиковалось разделение труда. Закключаем, что имеем дело с официальным, причем массовым производством. В ином случае не было оснований привлекать к работе над штемпелями несколько мастеров.

Вернее всего, Фофорс получил группе ремесленников, знакомых с технологией монетной чеканки¹⁰, организовать производство его статеров. Да, они не были профессиональными резчиками штемпелей. Безусловно, они не были и художниками. Но правителя качество их продукции удовлетворило. Вполне возможно, что лучших монет для него в тот период изготовить не могли. Ведь в начале правления он опирался не на города, а на свой клан, кочевавший в Центральном Предкавказье [Чореф, 2014, с. 332]. Есть все основания считать его предводителем группы алан¹¹ [Яценко, 2001, с. 59]. А изначально контролируемая Фофорсом территория была его доменом.

Но перейдем к монетам на рис. 2 и 3. В них, конечно же, также можно видеть реплики. Как уже было сказано выше, при их оформлении не были соблюдены каноны, принятые в монетном деле Боспора. Так, на монете на рис. 2 бюст императора развернут влево. А на статерах на рис. 3 изображения на обеих сторонах отражены горизонтально.

Однако мы все же полагаем, что нет оснований считать и эти монеты репликами. Мало того, допускаем, что их можно объединить в одну группы со статерами на рис. 1. Правда, выделить при этом во вторую (рис. 2) и в третью (рис. 3) серии.

Обратим внимание на фотографию статера на рис. 2. Да, есть основания считать его подражанием. Но, как помним, его аверс оформлен с помощью чекана, использованного при производстве монет первой серии. Это дает нам основания считать его выпущенным на государственном денежном дворе.

⁷ Фотографии и описания монет опубликованы на сайте «Каталог монет Боспора» (Монета: 730-4821. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4821/> (дата обращения: 19.09.2021); Монета: 730-4921. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4921/> (дата обращения: 19.09.2021); Монета: 730-5141. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-5141/> (дата обращения: 19.09.2021).

⁸ Собственно, на монетах античных таврических государств они также вряд ли были безупречно портретными. На монетах выбивали идеализированные портреты правителей [Чореф, 2010, с. 76–120].

⁹ Но, как уже было установлено, они не были монетчиками высокого уровня подготовки.

¹⁰ Они могли ранее изготавливать подражания монетам. Особого умения и наблюдательности для этого не требовалось. Подобного рода изделия изготавливались с учетом вкусов заказчиков.

¹¹ Мы считаем это обстоятельство крайне важным. Последующее признание Фофорса в центральных районах Боспора, прослеживаемое по монетам [Чореф, 2014, рис. 2, 2–15, 3] говорит о том, что он являлся законным претендентом на престол. Так что этот вождь алан определенно был Тиберием Юлием. Как видим, представители этой династии контролировали в конце III в. не только берега Боспора Киммерийского и расположенные близ него районы, но и весьма удаленные регионы. Закключаем, что в результате выявления и атрибуции подобного рода варваризированных выпусков официального чекана удастся уточнить наши представления о величине владений Тибериев Юлиев в разные периоды существования Боспорского государства.

Но вот что интересно. Дата выпуска на статере на рис. 2 приведена в форме «ФВП». Причем «В» в этом обозначении уже традиционно дана ретроградно. Это крайне примечательно. Действительно, нет оснований видеть в этом обозначении иную дату, чем 582 г. б. э. Но такого рода ошибка не может быть проигнорирована. Полагаем, что к оформлению статеров этой группы подключился еще один мастер. Причем он не был знаком с правилами оформления чеканов. Точнее, мастер не знал, что на штемпелях изображения и надписи разворачивают зеркально. Он прорезал бюсты правителей, заметил свою ошибку и попытался правильно разместить хотя бы дату. Но этот мастер не был грамотным. И, как видим, он не был знаком с методикой записи чисел, принятой в античном мире. В результате мастер поменял «В» и «П» местами.

Примечательно, что его ошибка не была замечена. В результате чего в обращение поступили статеры, изображение которого приведено на рис. 3. Приходим к выводу, что на монетном дворе, выпустившим изучаемые монеты, не было и профессиональных контроллеров за производством.

Но куда важнее следующее. Как видим, в мастерской, выпускавшей интересующие нас статеры, работало три резчика штемпелей. И все они участвовали в монетном производстве не одновременно. Так что у нас есть все основания предполагать, что это производство работало достаточно продолжительный период.

Но вернемся к монетам на рис. 3. На их аверсе и реверсе отчеканены бюсты правителей, развернутые влево. Причем, повторимся, вряд ли это новшество было вызвано теми же причинами, которые побудили Савромата I (93–123/124) развернуть свое изображение на сестерциях влево [Чореф, 2019, с. 583–591]. Куда вероятнее то, что аверс для монет этой серии оформил третий мастер, как знаем, не только неграмотный, но и не подготовленный к оформлению чеканов.

Однако традиции он соблюдал. Судим по тому, что на аверсе монет на рис. 3 размещена все та же надпись «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΟΡΣΟΥ». Как видим, эта традиция не была отменена даже после того, как Фофорса признали царем Боспора, и уже в столице он выпустил статеры с легендой без ошибок [Чореф, 2014, рис. 2, 2–15, 3]. Действительно, домен Фофорса жил по собственным правилам и не был готов воспринимать новшества из столицы.

Итак, мы наблюдаем следующую картину. В центре кочевого аланского клана, которым изначально управлял Фофорс, в первый год его правления местными силами было налажено производство статеров [Чореф, 2012, с. 171–200]. Причем вряд ли их эмиссия ограничилась одним годом. Вполне возможно, что она продолжалась 2–3 года. Судим по привлечению к производству мастеров и по смене штемпелей. В первый, 582 г. б. э., были выпущены монеты со стилизованными бюстами правителей, развернутыми вправо (рис. 1, 1–5). Вполне возможно, что к концу года чеканы аверса и реверса были разрушены. Ведь они оставляли отпечатки не на мягких золоте и серебре, а на бронзе [Фролова, 1997, с. 85]. Новые чеканы оформил второй мастер. На его монетах изображения правителей получились несколько реалистичнее (рис. 1, 6, 7). Вполне возможно, что он был лучше подготовлен к своим обязанностям. Но и реверс его работы разрушился. Тогда к работе подключили третьего мастера, оформившего оборотную сторону статера второй серии (рис. 2) и монеты третьей серии (рис. 3).

Причем, как видим, они подчас не только не оказывали друг другу помощи, но и не делились знаниями. Вполне возможно, что они относились к разным бригадам. Причем, вся их продукция попала в обращение, все они реализовывали заказ доверенных лиц правителя, имевших свое представление как о полагающихся легендах, так и о допустимом изображении государя. Допускаем, что по этой причине на монетах Фофорса появился его бюст с неординарно переданными символами царской власти. Вполне возможно, что диадема этого династа не была лентой. Допускаем, что она была изготовлена из твердой кожи. Только этим обстоятельством следует объяснять тот факт, что у нее нет свободно ниспадающих и развевающихся лент.

Примечательно и то, что подобная стилистика изображения Фофорса была характерна не только для монет начала его правления. Дело в том, что этот правитель, разбитый римлянами и херсонеситами, не смог взять под контроль значимые города Таврики, в т. ч. Пантикапей [Молев, 2018, с. 287–295] и Херсонес [Зубарь, 2001–2002, с. 134–142, 153; Костромичев, 2011, с. 119–122; Вус, 2016, с. 357–376]. Так что он наверняка ощущал нехватку мастеров, в т. ч. и монетчиков. В результате он выпустил монеты с не менее гротескными изображениями себя и императора [Чореф, 2014, рис. 4–10]. Ситуация несколько улучшилась при последних правителях Боспорского государства, которым удалось достичь компромисса с Римом и тем самым стабилизировать ситуацию в регионе [Ермолин, Болгов, 2018, с. 296–309; Болгов, Зайцева, 2019, с. 517–526].

Вывод

Учитывая выявленные обстоятельства, настаиваем на том, что изученные нами монеты – официального выпуска. Но, как видим, вряд ли они были выпущены в один год.

В любом случае ошибки в написании слов легенд и символических обозначений дат не могут быть восприняты как отличительные признаки реплик. Допускаем, что следует обращать внимание на широту ареала обращения монет, на их тираж, а также на количество задействованных штемпелей и число мастеров, принявших участие в организации монетной эмиссии. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Список литературы

- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова думка, 184.
Анохин В.А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия, 250.
Болгов Н.Н., Зайцева И.В. 2019. Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 11: 517–526.
Вус О.В. 2016. Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III–V вв. н. э. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 8: 357–376.
Голенко К.В. 1959. О характере выпуска некоторых монет Фофорса. Матеріали з археології північного Причорномор'я, 2: 187–190.
Ермолин С.А., Болгов Н.Н. 2018. Изучение этно-конфессиональной истории позднеантичного Боспора. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 10: 296–309.
Зубарь В.М. 2001–2002. Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus*, 4: 8–179.
Костромичев Д.А. 2011. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus*, 4: 15–164.
Молев Е.А. 2018. О двойном наименовании столицы Боспора. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 10: 287–295.
Монета: 730-4821. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4821/> (дата обращения: 19.09.2021).
Монета: 730-4921. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4921/> (дата обращения: 19.09.2021).
Монета: 730-5141. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-5141/> (дата обращения: 19.09.2021).
Фролова Н.А. 1992. Каталог монет Фофорса (285–308 гг. н.э.). Труды Государственного исторического музея, 80: 7–31, табл. I–XIV.
Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М., Эдиториал УРСС, 535.
Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев – Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 2: 76–120.
Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник. *Stratum plus*, 4: 171–200.
Чореф М.М. 2014. Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным. Российский археологический ежегодник, 4: 323–365.

- Чореф М.М. 2019. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*, 11: 583–591.
- Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus*, 4: 261–268.
- Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., Восточная литература, 190.

References

- Anokhin V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Kyiv, Naukova dumka, 184 (in Russian).
- Anokhin V.A. 1999. *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [History of Cimmerian Bosporus]. Kyiv, Odigitriya, 250 (in Russian).
- Bolgov N.N., Zaytseva I.V. 2019. Tiberiy Yuliy Duptun – posledniy tsar' Bospora i politika imperatora Anastasiya [Tiberius Julius Duptun – The Last King of Bosporus and policy of the emperor Anastasius]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 11: 517–526 (in Russian).
- Vus O.V. 2016. Mobil'naya gruppirovka rimskoy armii v Tavrike v kontse III – V vv. n. e. [The mobile group of the Roman Army in Taurica at the end of 3rd – 5th centuries CE]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 8: 357–376 (in Russian).
- Golenko K.V. 1959. O kharaktere vypuska nekotorykh monet Foforsa [On the nature of the issue of some coins of Theothorses]. In: *Materiali z arkheologii pivnichnogo Prichernomor'ya* [Materials from the archaeology of Northern Black Sea coast]. № 2: 187–190 (in Russian).
- Yermolin S.A., Bolgov N.N. 2018. Izuchenie etno-konfessional'noy istorii pozdneantichnogo Bospora [Study of the Ethno-confessional History of the Late Antique Bosporus]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 10: 296–309 (in Russian).
- Zubar V.M. 2001–2002. Rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike [Roman military presence in Taurica]. In: *Stratum plus*. № 4: 8–179 (in Russian).
- Kostromichev D.A. 2011. Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoy polovine V vv. (po dannym arkheologii) [Roman military presence in Chersonesos at the beginning of the 1st – the first half of the 5th centuries (according to archaeology)]. In: *Stratum plus*. № 4: 15–164 (in Russian).
- Molev Ye.A. 2018. O dvoynom naimenovanii stolitsy Bospora [On the Two Names of the Capital of Bosporus]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 10: 287–295 (in Russian).
- Moneta: 730-4821. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4821/> (date of the application: 19.09.2021).
- Moneta: 730-4921. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-4921/> (date of the application: 19.09.2021).
- Moneta: 730-5141. URL: <https://bosporan-kingdom.com/730-5141/> (date of the application: 19.09.2021).
- Frolova N.A. 1992. Katalog monet Foforsa (285–308 gg. n.e.) [Catalogue of coins of Theothorses (285–308 CE)]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. T. 80: 7–31, tab. I–XIV (in Russian).
- Frolova N.A. 1997. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.) [Bosporan Coinage (middle of 1st century B. C. E. – middle of 4th century C. E.)]. Pt. II. Monetnoe delo Bospora 211–341/342 gg. n. e. [Bosporan Coinage in 49/48 B. C. E. – 210/211 C. E.]. Moscow, Editorial URSS, 535 (in Russian).
- Choref M.M. 2010. Izobrazheniya imperatorov dinastii Yuliev – Klavdiev na zolote, srebri i medi khersonesskogo chekana [Images of Emperors of Julio-Claudian dynasty on gold, silver and copper coins of Chersonesus coinage]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 2: 76–120 (in Russian).

- Choref M.M. 2012. «Non multa, sed multum», ili differenty na monetakh bosporskogo tsarstva perioda «skifskikh voyn», kak istoricheskiy istochnik [«Non multa, sed multum», or Differents on the Coins of the Bosphorus Kingdom during the «Scythian Wars» as a Historical Source]. In: *Stratum plus*. № 4: 171–200 (in Russian).
- Choref M.M. 2014. Bosporskoe tsarstvo pri Foforse: po numizmaticheskim dannym [Bosporan Kingdom under Theothorses (on the basis of numismatic data)]. In: *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. № 4: 323–365 (in Russian).
- Choref M.M. 2019. Bronzovye monety Savromata I s razvernutyim vlevo byustom pravatelya na averse kak istochnik istoricheskoy informatsii [Bronze coins of Sauromates I with the bust of the ruler turned to the left on the obverse as a source of historical information]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. № 11: 583–591 (in Russian).
- Choref M.M. 2020. Migratsionnye protsessy na Bospore pri Foforse: po dannym numizmatiki [Migration Processes on the Bosphorus under Theothorses: by Numismatic Data]. In: *Stratum plus*. № 4: 261–268 (in Russian).
- Yatsenko S.A. 2001. Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya [Tamgha Signs of Iranian-speaking Peoples of Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 190 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2021

Received 20.09.2021

Поступила после рецензирования 01.03.2022

Revised 01.03.2022

Принята к публикации 01.03.2022

Accepted 01.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чорев Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Mikhail M. Choref, candidate of historical sciences, researcher at the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6377-4121](https://orcid.org/0000-0002-6377-4121)

УДК 94(495)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-263-268

Обзорная статья

Причины появления и распространения ересей в Палестине IV–VI вв.

Стржалковская А.Д. , Шевченко Н.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru, morugina@bsu.edu.ru

Аннотация. Палестина – это области сиро-арамейского культурного ареала, которые с IV в. до середины VII в. были в составе Византийской империи. Византийская Газа занимала видное место в религиозной жизни империи. Важными последователями оригенизма на территории Палестины были монастыри Мар-Саба (лавра Саввы Освященного) и Новая Лавра в Фекое близ Вифлеема. В Сирии, Египте и Палестине изучаемого времени появляются различные ереси, и многие религиозные споры начинают требовать государственного вмешательства. Всё больше и больше клириков по-разному начинали относиться ко многим важнейшим вероучительным вопросам. Следующей причиной становится, как можно предположить, этническая принадлежность. Третьей причиной распространения ересей может быть распространившееся в IV в. монашеское движение.

Ключевые слова: оригенизм, монастыри, город, богословские споры, Церковь, христианство

Для цитирования: Стржалковская А.Д., Шевченко Н.Н. 2022 Причины появления и распространения ересей в Палестине IV–VI вв. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 263–268. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-263-268

The reasons for the appearance and spread of heresies in Palestine of the IV–VI centuries A. D.

Anastasia D. Strzhalkovskaya , Natalia N. Shevchenko

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia,

E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru, morugina@bsu.edu.ru

Abstract. Palestine is the area of the Syro-Aramaic cultural area, which from the fourth century to the middle of the seventh century were part of the Byzantine Empire. The city of Gaza is interesting for researchers because it has absorbed the features of various cultural layers, starting from the ancient Semitic tribes, passing through Hellenistic traditions and completing its path of cultural development in Christianity. Byzantine Gaza really occupied a prominent place in the empire. The monasteries of Mar-Saba (the Lavra of Sava the Consecrated) and the New Lavra in Fekoe near Bethlehem were the most violent followers of Origenism in the territory of Ancient Palestine. Various heresies are emerging in Syria, Egypt and Palestine, and many religious disputes are beginning to require state intervention. More and more clerics began to treat many important doctrinal issues differently. The authors assume the next reason is the nationality belonging of different groups of the population. The third reason for this spread of heresies may be the monastic movement that became more intensive in the fourth century.

Keywords: origenism, monasteries, city, theological disputes, Church, Christianity

For citation: Strzhalkovskaya A.D., Shevchenko N.N. 2022. The reasons for the appearance and spread of heresies in Palestine of the IV–VI centuries A. D. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 263–268 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-263-268

Введение

Для Палестины IV–VI вв. исследователи часто применяют термин «византийская Палестина». По словам известного историка и востоковеда К.А. Панченко, этот термин – только условное обозначение областей сиро-арамейского культурного ареала, которые с IV в. до середины VII в. были в составе Византийской империи и являлись частью диоцеза Восток [Панченко, 2004, с. 192].

Нам же предстоит выяснить, что явилось причиной того, что Палестина часто упоминается как область распространения различных ересей [Иванов, 2008].

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования стала определённая часть территории Палестины, а именно Иерусалимская пустыня, в рамках разгорающихся там оригенистских споров в определенный хронологический период, а также о роли в этом процессе палестинских монастырей, информация о которых сохранилась в исторических источниках и подвергается изучению с помощью научных методов. В данном исследовании применялись следующие методы: сравнительно-исторического исследования, который позволил оценить исторические события данного периода с целью создания объяснений, которые действительны для определенного времени и места, а также путем прямого сравнения последующими историческими событиями на данной территории; историко-генетический метод как наиболее распространенный позволил последовательно раскрыть происходящие события в заявленные временные рамки; хронологический метод использован для раскрытия точной хронологии исторических фактов, имевших место в период распространения ересей в Палестине.

Результаты и их обсуждение

Становление христианского Востока начинается в период, называемый тетрархией, или «властью четырёх», когда вся территория Римской империи была фактически разделена между четырьмя императорами. Восточная часть империи включала Палестину и находилась под властью Диоклетиана [Циркин, 2003].

На дальнейшие изменения в жизни Палестины повлияла политика Диоклетиана, который, как известно, отрекся от престола, и Восток отошел во владения Лициния [Грант, 1998]. Далее были войны Константина и Лициния, в которых победу одержал первый, после чего основал на Востоке империи Новый Рим – Константинополь [Грант, 1998, с. 231]. В 330 г. Константинополь официально стал столицей империи Константина, который, как пишет Евсевий Кесарийский, начинает покровительствовать христианам и во избежание раскола христианской Церкви созывает I Вселенский собор в Никее, на котором был принят символ веры, собравший воедино основные положения никейского (православного) христианства [Евсевий, 1993; Марцеллин Комит, 2010].

После смерти Константина Великого в IV в. Римская империя несколько раз то разделялась, то снова объединялась. Но после смерти императора Феодосия империя окончательно разделилась на Западную и Восточную (395 г.). Восточная Римская империя со столицей в Константинополе названа историками Византийской империей, или Византией [Циркин, 2003]. Вместе со всеми восточными провинциями Палестина стала частью Византии.

IV век в церковной истории стал окончанием гонений на христиан и выделением епископов Рима, Александрии, Антиохии, которые получили власть над клириками больших округов [Курбатов, 1991, с. 43]. После основания Константинополя одно из ведущих мест получил его епископ. Далее епископы стали митрополитами [Свенцицкая 1987,

с. 137]. Вместе с этим расширяется церковная иерархия и увеличивается число клириков, начиная с низших чинов Церкви. Появляются новые церковные должности: помощники дьяконов, чтецы, разнообразные служки. Церковь в IV веке превращается в иерархичную многоступенчатую организацию [Тальберг, 2000]. Важным моментом является то, что даже если это и была единая вера, то абсолютного единства в этой организации, как и в первые века, не было [Свенцицкая, 1987, с. 138].

Именно в этих условиях всё больше и больше клириков по-разному начинали относиться ко многим важнейшим вероучительным вопросам. В этом ряду первыми стоят догматы о сущности Иисуса Христа и об его отношении к Богу-отцу, а также вопрос о Богородице и природе Души человека [Свенцицкая, 1987, с. 138]. В этом, как нам кажется, состоит первая из причин появления ересей.

И так как в VI веке христианство стало уже господствующей религией, то все локальные религиозные разнотолки, порождающие споры, приобретали политическое значение. Таким образом, когда в Палестине появляются различные ереси, порождающие религиозные споры, это начинает требовать государственного вмешательства [Курбатов, 1962, 183–193]. Важно здесь снова заметить, что Палестина была очень важна для экономического благополучия империи [Панченко, 2004, с. 192].

По церковному устройству в V в. эти провинции в основном входили в состав Иерусалимского Патриархата (60 епископий) [Панченко, 2004, с. 193]. Церковь тут, как и во всей империи, владела огромной земельной собственностью, архиереи играли важную роль в общественно-политической жизни провинций [Кондаков, 1904]. И поэтому какие-либо церковные проблемы в Палестине могли принести проблемы и всей империи.

Следующей причиной становится этническая принадлежность. К началу VI в. Палестина уже очень долгое время была частью греко-римского мира [Дауни, 2014, с. 35]. Интеллектуальные круги, где классические традиции уже хорошо укоренились, были самыми упорными в противостоянии дарам, предлагаемым христианством, и, хотя некоторые христианские мыслители, такие как Ориген и каппадокийские отцы, показали, что христианство было способно поглощать языческую традицию и превращать ее в собственные формы, там продолжало сохраняться ядро языческих интеллектуалов, которые долго не могли быть побеждены христианством [Дауни, 2014, с. 70]. И именно в этих интеллектуальных кругах, выросших на эллинистической традиции, с большей вероятностью могли появляться еретические учения, проникшие в христианство.

Другую часть населения региона составляли христиане и иудеи, также имелись самаритяне – остатки древнего народа, которые были враждебны к евреям и христианам [Дауни, 2014, с. 36–37], что тоже вполне могло стать благодатной почвой в развитии разного рода разночтений и ересей. Например, в VI в. имперская столица была преимущественно наполнена православными, которые поддерживали никейскую двойственную природу Христа. Но в Сирии, Палестине и Египте – старой обители семитского монотеизма – многие жители полагали, что никейское определение двойственной природы Спасителя приводит к уменьшению Его Божественности и представляет собой угрозу истинному пониманию природы воплощенного божества [Дауни, 2014, с. 51], и такие примеры несоответствия в представлениях о Христе имели место, что нам даёт право считать это одной из причин появления ересей в Палестине.

Третьей причиной появления ересей может быть распространившееся в Палестине IV в. монашеское движение. Кроме многочисленных отшельников, появляются совместные жилища аскетов – киневии. Это были зародыши монастырей [Свенцицкая, 1987, с. 150]. Таким образом, монастыри стали частью церковной организации. К VI в. в Восточной Римской империи было фактически запрещено отшельничество. Аскеты могли жить в отдельных помещениях, но только внутри монастырей [Свенцицкая, 1987, с. 155]. Но при этом монахи жили обособленными группами, и часто монастыри располагались в труднодоступных местах. Единого устава для таких монастырей не было [Сладкопевцев, 1896, с. 11].

В связи с этим обособленность монастырей от общей церковной структуры и дальность их нахождения от центров религиозной жизни также могли привести к появлению еретических взглядов по той простой причине, что монашествующие понимали и толковали Священное Писание как удобно было им, а не так, как было принято в официальной доктрине христианской Церкви. В дальнейшем эти их отличные взгляды укоренялись и превращались в ересь. Это, вероятно, произошло с известной Новой Лаврой – оплотом оригенизма в Палестине [Сладкопечев, 1896, с. 225].

Самыми неистовыми последователями оригенизма на территории Палестины были монастыри Мар-Саба (лавра Саввы Освященного) и Новая Лавра в Фекое близ Вифлеема [Сладкопечев, 1896, с. 167, 224].

В дальнейшем ситуация с распространением ересей стала влиять на государственную стабильность империи, и уже при императоре Юстиниане усилились гонения на них в форме государственного и военного вмешательства [Грацианский, 2016, с. 235]. Юстиниан всегда стремился восстановить прежний блеск и единство Римской империи и наравне с политическими большую роль придавал религиозным аспектам в своей политике и всегда стремился к установлению полного господства истинной православной веры [Геростергиос, 2010]. По его мнению, это должно было обеспечить Божье благословение и Божью поддержку его военным походам [Циркин, 2003]. И, исходя из этой позиции императора, все религиозные разногласия угрожали не только духовной жизни, но и материальному благополучию и политической стабильности государства, и обязанностью императора было проводить в жизнь православную веру силой, если это было необходимо [Дауни, 2014, с. 52].

Сколько причин мы бы ни нашли, логическим итогом всех этих богословских споров и полемики в период с IV по VI вв. стал V Вселенский собор [Карташев, 2002], где были осуждены многие ереси и персонально Платон, Ориген, Евагрий Понтийский, Дидим Слепой, Аполлинарий Лаодикийский, Феодор Мопсуестийский, Несторий, а также их сочинения и т. д. В результате этого на некоторое время ситуация в христианской Церкви стала более стабильной.

Заключение

Таким образом, ранневизантийская Палестина оказалась подверженной ересям в ранневизантийский период в силу целого ряда выявленных факторов [Курэ, 1894; Кондаков, 1904; Кулаковский, 2003]. Арабское завоевание Палестины в 1-й пол. VII в. (как и всего региона от Египта до Сирии) оказалось успешным в немалой степени благодаря фактору наличия ересей и отхода от ортодоксии значительных групп населения региона [Таевский, 2003; Jones, 1964].

Список литературы

- Геростергиос А. 2010. Юстиниан Великий – император и святой. М., Сретенский монастырь, 448.
Грант М. 1998. Римские императоры. М., ТЕРРА-книжный клуб, 400.
Грацианский М.В. 2016. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., МГУ, 391.
Дауни Г. 2014. Газа в начале VI века. Белгород, 112.
Евсевий Кесарийский. 1993. Церковная история. М., Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 492.
Иванов М.С. 2008. Еретик. Православная энциклопедия. Т. 18. М., ПЭ: 607–610.
Карташев А.В. 2002. Вселенские соборы. Клин, Христианская жизнь, 512.
Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3-х томах. Т. 1. СПб., Алетейя, 476.
Кондаков Н.П. 1904. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 512.
Курбатов Г.Л. 1962. Ранневизантийский город. Ленинград, ЛГУ, 286.
Курбатов Г.Л. 1991. Ранневизантийские портреты. Ленинград, ЛГУ, 272.

- Курэ А. 1894. Палестина под властью христианских императоров. СПб., Русский паломник, 635.
Марцеллин Комит. 2010. Хроника. Белгород, БелГУ, 210.
Панченко К.А. 2004. Сирия и Палестина. Православная энциклопедия. Т. 8. М., ПЭ: 192–197.
Свенцицкая И.С. 1987. Раннее христианство: страницы истории. М., Политиздат, 282.
Сладкопевцев П.М. 1896. Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники. СПб., Сибирская Благовонница, 340.
Таевский Д.А. 2003. Христианские ереси и секты I–XXI веков. М., Интрада, 320.
Тальберг Н.Д. 2000. История Церкви. М., Св.-Тихоновский богословский ин-т, 542.
Циркин Ю. 2003. История Библейских стран. М., Астрель, 584.

References

- Gerostergios A. 2010. Justinian Velikij – imperator i svjatoj [Justinian the Great – emperor and saint]. М., Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 448 (in Russian).
Grant M. 1998. Rimskie imperatory [Roman emperors]. М., TERRA-knizhnyj klub, 400 (in Russian).
Gracianskij M.V. 2016. Imperator Justinian Velikij i nasledie Halkidonskogo Sobora [Emperor Justinian the Great and the Legacy of the Council of Chalcedon]. М., MGU, 391 (in Russian).
Dauni G. 2014. Gaza v nachale VI veka [Gaza at the beginning of the 6th century]. Belgorod, 112 (in Russian).
Evsevij Kesarijskij. 1993. Cerkovnaja istorija [Church history]. М., Spaso-Preobrazhenskij Valaamskij monastyr', 492 (in Russian).
Ivanov M.S. 2008. Eretik [Heretic]. Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox Encyclopedia]. Т. 18. М., PJe: 607-610 (in Russian).
Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. Vol.2. Oxford, Basil Blackwell, VI, 545.
Kartashev A.V. 2002. Vselenskie sobory [Ecumenical Councils]. Klin, Hristianskaja zhizn', 512 (in Russian).
Kulakovskij Ju.A. 2003. Istorija Vizantii [History of Byzantium]. V 3-h tomah. Т. 1. SPb., Aletejja, 476 (in Russian).
Kondakov N.P. 1904. Arheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine [Archaeological journey through Syria and Palestine]. SPb., 512 (in Russian).
Kurbatov G.L. 1962. Rannevizantijskij gorod [Early Byzantine city]. Leningrad, LGU, 286 (in Russian).
Kurbatov G.L. 1991. Rannevizantijskie portrety [Early Byzantine portraits]. Leningrad, LGU, 272 (in Russian).
Kurje A. 1894. Palestina pod vlast'ju hristianskih imperatorov [Palestine under the rule of Christian emperors]. SPb., Russkij palomnik, 635 (in Russian).
Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. Vol. 2. Oxford, Basil Blackwell, VI, 545.
Marcellin Komit. 2010. Hronika [Chronicle]. Belgorod, BelGU, 210 (in Russian).
Panchenko K.A. 2004. Sirija i Palestina [Syria and Palestine]. Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox Encyclopedia]. Т. 8. М., PJe: 192–197 (in Russian).
Svencickaja I.S. 1987. Rannee hristianstvo: stranicy istorii [Early Christianity: pages of history]. М., Politizdat, 282 (in Russian).
Sladkopevcev P.M. 1896. Drevnie palestinskie obiteli i proslavivshie ih svjatye podvizhniki [Ancient Palestinian monasteries and the holy ascetics who glorified them]. SPb., Sibirskaja Blagovonnica, 340 (in Russian).
Taevskij D.A. 2003. Hristianskie eresi i sekty I–XXI vekov [Christian heresies and sects of the 1st – 21st centuries]. М., Intrada, 320 (in Russian).
Tal'berg N.D. 2000. Istorija Cerkvi [Church History]. М., Sv.-Tihonovskij bogoslovskij in-t, 542 (in Russian).
Tsirkin Ju. 2003. Istorija Biblejskih stran [History of the Bible Countries]. М., Astrel', 584 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.11.2021

Received 29.11.2021

Поступила после рецензирования 13.03.2022

Revised 13.03.2022

Принята к публикации 13.03.2022

Accepted 13.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стржалковская Анастасия Дмитриевна, доцент кафедры русского языка профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5277-3812](https://orcid.org/0000-0001-5277-3812)

Шевченко Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры русского языка профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2340-7017](https://orcid.org/0000-0003-2340-7017)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia D. Strzhalkovskaya, Associate Professor of the Russian Language Department of Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Natalia N. Shevchenko, Senior Lecturer of the Russian Language Department of Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-269-282

Обзорная статья

Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения

Пашкова А.Ю.

Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,
Россия, 308530, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: kurnancy@yandex.ru

Аннотация. Античный город Антиохия Писидийская был столицей римско-ранневизантийской провинции Писидия, хотя формально находится на самой границе Фригии. Город расположен близ современного города Ялвач (провинция Испарта), в Озерном крае Малой Азии. В статье сделан обзор основных памятников, открытых археологами за более чем столетний период исследований. Выделяется период раскопок У. Рамсея с 1911 по конец 1920-х гг. и современный период, начатый турецкими археологами на рубеже XX–XXI вв. Город раскопан лишь в относительной степени (менее половины площади). Установлено, что Антиохия имела регулярную гипподамову планировку. Открыты значительные части главных улиц (декуманус и кардо). Есть представления об оборонительных стенах и акрополе. Монументальные Западные ворота служили главным входом в город. Изучен комплекс на севере (акведук, Нимфейон, термы, Северная церковь), в центре города (Августейон, Пропилеи, Площадь Тиберия, Великая базилика св. Павла) и иные отдельные объекты (Центральная церковь св. Басса, театр, загородный храм Мена и др.). Также рассматривается процесс изучения Антиохии Писидийской исследователями. Сделан вывод о том, что проблема не имеет никакого освещения в отечественной историографии, а существующие работы относятся исключительно к зарубежной исторической науке. На сегодняшний день имеется лишь одна монография (1998), одна коллективная монография (2011) и сборник материалов международной конференции (2002). Важную часть имеющихся прочих публикаций составляет ввод в оборот материалов археологического изучения города.

Ключевые слова. Антиохия, Писидия, Малая Азия, Рим, Византия, историография, археология, регион

Благодарности: работа выполнена под научным руководством профессора кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», доктора исторических наук Болгова Николая Николаевича.

Для цитирования: Пашкова А.Ю. 2022. Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 269–282. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-269-282

Antioch in Pisidia: on the History of the City and its Study

Anastasia Yu. Pashkova

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin,
1 Vavilova St., Maysky sett. 308530, Belgorod district, Belgorod region, Russia
E-mail: kurnancy@yandex.ru

Annotation. The ancient city of Antioch in Pisidia was the capital of the Roman-Early Byzantine province of Pisidia, although it is formally located on the very border of Phrygia. The city is located near the modern city of Yalvach, a county town in the province of Isparta. It stands on a hill at 1240 m in the Lake District of Asia Minor. The article provides an overview of the main monuments discovered by archaeologists over a period of more than a hundred years of research. The period of excavations by W. Ramsey from 1911 to the end of the 1920s, and the modern period, begun by Turkish archaeologists at the turn of the 20th – 21st centuries, are distinguished. The city has been excavated only to a relative extent (less than half of the area). It is established that Antioch had a regular hippodamic layout. Significant parts of the main streets (decuma-

nus and cardo) have been opened. There are ideas about defensive walls and an acropolis. The monumental Western Gate served as the main entrance to the city. The complex was studied in the north (aqueduct, Nympheion, baths, Northern Church), in the city center (Augusteion, Propylaea, Tiberius Square, Great Basilica of St. Paul) and other individual objects (Central Church of St. Bass, theater, country temple of Mena, etc.). The process of studying Pisidian Antioch by researchers is also considered. It is concluded that the problem is not covered in domestic historiography, and the existing works are related to foreign historical science. To date, there is only one monograph (1998), one collective monograph (2011) and a collection of materials of the international conference (2002). An important part of the available other publications is the introduction into circulation of materials from the archaeological study of the city.

Keywords: Antioch, Pisidia, Asia Minor, Rome, Byzantium, historiography, archeology, region

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of Professor of the Department of General History, Doctor of Historical Sciences Bolgov Nikolay Nikolaevich.

For citation: Pashkova A.Yu. 2022. Antioch in Pisidia: on the History of the City and it's Study. Via in tempore. History and political science. 49 (2): 269–282. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-269-282

Введение

Писидия была одним из важных исторических регионов юго-запада Малой Азии. С одной стороны, эта гористая внутренняя область прикрывала с севера приморскую Памфилию. С другой стороны, Писидию можно рассматривать как преддверие Тавра к западу от Исаврии.

Как историческая область с собственным малоазийским этносом этот регион сложился еще в доантичное время. Однако ни в эпоху эллинизма, ни при римлянах Писидия не была отдельной провинцией. Этот статус она обрела только в позднеантичное время. Номинальной столицей вновь учрежденной провинции стала Антиохия Писидийская, расположенная на северных окраинах области и, по мнению античной традиции, не вполне даже относившаяся к этой области [Ramsay, 1902/03].

История и археологические исследования города представляют немалый интерес в контексте исследования как Писидии, так и всей Малой Азии римско-ранневизантийского времени.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс изучения Антиохии Писидийской, а также освещение истории города. Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии и их хронологией и взаимосвязи), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое). Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

История. Антиохия как город возникла еще до прихода Александра. В эпоху эллинизма при Селевкидах Антиохия считалась городом, расположенным в приграничном районе Фригии (Паройрия). По отношению к Писидии ее называли не Писидийской, а «находящейся в сторону Писидии». На момент прихода римлян в 25 г. до н. э. в Антиохии существовал великий храм малоазийского бога Мена, владевший обширными священными землями, и поэтому город, вероятно, изначально был храмовой деревней, управляемой жрецами этого бога.

Согласно Страбону, Антиохия была объявлена римлянами свободной. Вскоре после 25 г. до н. э. она стала римской колонией, заселенной греками из Магнесии на Меандре (Strabo XII, VIII, 14). Земли храма Мена были секуляризованы римскими уполномоченными, посланными для урегулирования дел недавно присоединенной провинции Галатия, куда первоначально вошел город.

Антиохия сохранила римский облик на многие века, о чем свидетельствует обилие латинских надписей на месте. Население делилось на *vici* с латинскими названиями: *vicus Tuscus*, *Velabrus*, *Germalus*, *Aedilicius*, *Patricius* и т. д. Однако существование гимнасиархов, помимо обычных римских магистратов, демонстрирует уступку греческим идеям, и в городе постепенно проявилась греческая культура, доминировавшая на Востоке римского мира. Храм Мена продолжал существовать, но теперь находился под муниципальным управлением; в надписях упоминается хранитель казны святилища.

Антиохия была самой важной из писидийских колоний Августа; только ей было предоставлено *ius Italicum* [Levick, 1967]. Должно быть, она обладала большой территорией, но ее пределы точно не известны. На севере и востоке она граничила с территорией провинции Галатия.

Антиохия была важным пунктом первого путешествия апостола Павла, который отправился прямо туда из Пафоса на Кипре, где он обратил римского проконсула Сергия Павла – уроженца Писидийской Антиохии, консула 70 г. [Demirer, 2002, p. 106].

При Диоклетиане колония стала метрополией новообразованной провинции Писидия. Один из первых губернаторов, Валерий Диоген, руководил большим количеством новых зданий, построенных в городе в этот период, особенно вокруг театра. В это время в городе была замучена и затем обезглавлена молодая христианка, не отказавшаяся от своей веры, по имени Марина. В 494 г. папой Геласием она была объявлена священномученицей. Активное почитание свмч. Марины началось во время крестовых походов.

Город пережил расцвет как ранневизантийский центр в начале V в., когда была возведена Большая базилика рядом с городской стеной. В храме есть посвящения императорам и губернаторам того периода, а мозаичная надпись упоминает, что ее донатором был епископ Оптим, корреспондент Василия Кесарийского [Jeffers, 1999, p. 63]. Две надписи в стихах подразумевают, что городское водоснабжение было восстановлено, возможно, в V в. [Jeffers, 1999, p. 81].

В ранневизантийский период город сохранял большое значение метрополии. В 1-й половине VII в. здесь родился и первое время творил выдающийся византийский поэт Георгий Писиды.

Топография. Антиохия Писидийская расположена на семи холмах на высоте в среднем 1 200 м (высшая точка – 1 236 м) посреди относительно ровного плато, уходящего к северу. Город окружен с востока глубоким ущельем с рекой Анфий, горами Султан-Даг на северо-востоке. Ущелье и река на востоке обеспечивает городу прекрасную защиту [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 1–18].

Местоположение Антиохии убедительно свидетельствует о том, что военная целесообразность была основным мотивом для основания колонии.

Город также являлся важным пунктом дорожной сети региона [Robinson, 1926, p. 36]. Он расположен несколько к северу от крупных озер Акротир (Эгридир) и Каралис (Бейшехир).

Территория городища составляет примерно 1 400 км². Большая часть города еще не раскопана.

Акрополь окружен внутренними оборонительными стенами, которые появились, скорее всего, в ранневизантийское время, когда площадь города, защищенная стенами, сокращалась. На склонах акрополь плавно поднимается террасами, достигая высоты 60 м над равниной. Под защиту акрополя местные жители отступали во время войны или

вторжений, однако их дома и поля находились за стенами. На западе и востоке на склонах, спускающихся к равнине, обнаружены остатки жилых домов.

Дата строительства *городской стены* не может быть установлена с уверенностью. Большинство сохранившихся стен и оборонительной системы относятся к IV в. [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 91–112]. Неизвестно, продолжают ли бастионы полукруглого плана, которые можно увидеть на западе, в других частях оборонительных стен. Стены включают повторно использованные блоки (сполии) из местного серого известняка. Массивная блочная структура стен более ранних фаз отличается от более грубых и оштукатуренных ранневизантийских стен. Оборонительная система, если рассматривать кладку стен, очень похожа на соседние города Кремна и Сагаласс. Небольшая видимая часть стены расположена на юге городища. Длина стен в целом составляла около 3 км, высота – 1,5–5,5 м.

Западные ворота – монументальный вход в город размером 24×12 м, построены в честь императора Адриана в 129 г., а в 200 г. были перестроены в триумфальную арку. На них присутствует та же самая триумфальная иконография, что и на пропилоне в императорском культовом центре города [Magie, 1950, p. 412]. Обращенные к долине на западе, Западные ворота, скорее всего, являются главным входом в город, поскольку здесь сходятся несколько древних дорог. Как и многие монументальные ворота городов Малой Азии, это Триумфальная арка с тремя сводами. На архитектурную структуру и орнамент ворот повлиял ранее возникший Пропилон (вход в Императорское святилище).

Главные пересекающиеся *улицы* города *Декуманус* (с запада на восток, начало у Западных ворот, длина – 410 м) и *Кардо* (с севера на юг, начало у Нимфейона, длина – 400 м) были построены перпендикулярно друг другу и образуют оси гипподамовой застройки. Пересечение двух улиц расположено в 70 м к югу от Площади Тиберия. Это были торговые улицы с магазинами, которые имели дренажную систему. Датируются I–II вв.

Площадь Тиберия – центральная площадь города размером 30×70 м, построена в 25–50 гг., расположена между улицей Кардо и Центральной церковью. Здесь был найден камень с надписью, что две главные улицы города замостил гражданин Тит Бэбий Азиатик за свой счет. Эта большая площадь была украшена колоннадами и статуями. Ведутся споры о том, следует ли считать Площадью Тиберия весь комплекс расширяющейся улицы или только собственно площадь перед Пропилоном. Архитектурный план лавок за портиками по обеим сторонам большой улицы-площади и связь между площадью и улицей свидетельствуют о том, что весь комплекс до Пропилона можно назвать Площадью Тиберия. Благодаря центральному положению площади и ее непосредственной близости от святилища Августа можно считать это место центром городской жизни. Название площади известно из надписи с указанием о сборе зерна, изданном Л. Антистием Рустиком, правителем Галатии-Каппадокии. Более двухсот частей Monumentum Ancyranum (Res Gestae Divi Augusti), первые фрагменты которого были найдены в 1914 г., были найдены здесь во время раскопок площади в 1924 г.

В 1924 г. на южном углу Площади, в 20 м от Пропилона, были обнаружены архитектурные блоки восьмиколонного круглого здания. Этот небольшой *толос* был построен на квадратном основании со стороной 5,2 м. Ионические составные колонны стояли непосредственно на стилобате. Здание было покрыто конической каменной крышей с имитацией черепицы. Из фрагментов надписи следует, что толос относится к периоду Каракаллы (198–217).

Храм Августа (Августейон) – самый монументальный комплекс в Антиохии Писидийской [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 113–174]. К нему ведут 12 ступеней Пропилона. Строительство храма началось при Августе и было окончено после его смерти. Храм был построен в самой высокой точке города, вырезан в скале, имеет полукруглый подиум и ошеломляет своим декоративным и архитектурным богатством. После вырубки полукруга и выравнивания площади в центре в качестве основания для храма был оставлен огромный блок высотой 14×28 м и 2,5 м. Интерьер этого основания был использован для наоса.

Размер храмовой территории – 100×85 м. Полукруглый портик имел два этажа, нижний – с дорическими колоннами, верхний – с тонкими ионическими колоннами. С южной и северной сторон портика были возведены стои. Боковые стои по бокам были одноэтажными с дорическими колоннами. Во всем здании использовалось всего около 150 колонн. Рифленые барабанные колонны высотой 8,72 м, стоявшие на основаниях, имели коринфские капители. На архитраве был фриз из гирлянд и букраний. Антаблемент был увенчан тимпаном, в середине которого имелось окно для богоявления (через которое бог являлся народу), украшенное листьями лотоса и пальмы. На стенах целлы имелся цветочный фриз.

Пропилон – монументальный проход к храму Августа, был построен в честь победы Октавиана при Акции в 31 г. до н. э. От Пропилона сохранилось 12 ступеней в конце Площади Тиберия. Архитектор раскопок 1924 г. Вудбридж предложил реконструкцию Пропилона [Ossi, 2005]. Он был трехарочным и богато украшен массивным антаблементом, поддерживаемым четырьмя колоннами спереди и четырьмя сзади. Здание было образцом не только для более поздних Западных городских ворот, но и для многих других триумфальных арок в Малой Азии. Многие фрагменты *Res Gestae Divi Augusti* были найдены перед Пропилоном. Ширина центрального входа – 4,5 м, боковых входов – 3,5 м. Обе верхние стороны центральной арки украшены изображением двух обращенных лицом к лицу писидийских пленников, один из которых обнажен, руки связаны сзади. Боковые входы украшены изображениями Эроса и Ники лицом к лицу, несущими гирлянды. На архитраве был фриз, украшенный символами победы, несколькими видами оружия, доспехами и тритонами.

В 50 м на восток по улице Декуманус находится вход в *театр*. Он был построен еще в эллинистический период. От театра сохранилось немного, кроме полукруглых сидений. Многие блоки кавей, диазома (разделяющего коридор зрительного зала), ступени для подъема, входы и орchestra были перенесены отсюда для построек более позднего периода. Во время недавних работ установлено, что ширина здания сцены в задней части театра составляет около 100 м. Это сопоставимо с театром Аспенда с его вместимостью 12 000 чел. Театр Антиохии был намного больше, чем другие важные городские театры Писидии в Сагалассе, Термессе и Сельге. Театр был расширен в 311–313 гг. путем строительства надстройки над Декуманусом, проходившим теперь через туннель шириной 5 м и длиной 55 м. Надпись, стоявшая у входа в туннель, датирует это строительство.

Большой *акведук* шел в город с северной стороны. Источник воды находился в горах Султан-Даг в 11 км от города. На холмах близ города ныне можно увидеть около 200 м сохранившейся части акведука [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 175–200].

Видимо, с акведуком был связан *Нимфейон* – монументальный фонтан, построенный в 1-й пол. I в. н. э., который имел резервуар для сбора воды размером 27×3 м, бассейн 27×7 м и глубиной 1,5 м, декорированный фасад высотой 9 м. Здание имело большую U-образную форму и было построено для распределения воды по городу. Раскопки выявили только фундамент, и трудно интерпретировать орнаменты фасада по нескольким фрагментам прекрасного мрамора, но, несомненно, они были похожи на орнаменты в других римских городах.

На главной оси улицы близ ворот, примерно в 7 м вглубь города, видны остатки полукруглого *бассейна*. Он состоит из ряда резервуаров шириной 2 м и высотой 0,8 м. Они поднимались вверх по холму к Декуманусу, и вода текла вниз по холму из резервуара в резервуар. Это напоминает сходное сооружение в Перге перед акрополем.

В северо-западной части города открыты *термы* римского времени. Семь секций здания были обнаружены недавними раскопками Ташлиалана, но важная часть комплекса размером около 70×55 м все еще не открыта. До сих пор существует некоторая неопределенность, являлось ли здание на самом деле баней или нет. Так, отсутствуют явные следы водопровода и отопления, и в этом случае здание выглядит скорее как нижняя часть огромного здания, несущего наверху на своих мощных сводах некое массивное сооруже-

ние. Также из-за уклона участка, на котором он построен, арки обеспечивают решение, благодаря которому комплекс выглядит как фундамент для здания на склоне. Внешний вид стен здания с северной стороны аналогичен полукруглым укреплениям западных городских стен. Так что, возможно, что массивные внешние стены сооружения также использовались и в плане фортификации, а небольшой вход в северной стене использовался для подачи дров, необходимых для отопления. Каменная кладка здания – самая мощная из известных в Антиохии. Кладка стен показывает приемы разных веков и показывает, что здание использовалось в течение длительного периода и, возможно, также для разных целей. В одной комнате видны остатки гипocaustа, но они не достигают печи центрального отопления здания, которая должна быть на восточной или южной стороне. Начало строительных фаз можно датировать 1-й половиной I в.

Двор размером 38×29 м, похожий на *палестру*, на восточной стороне комплекса терм органично связан со зданием. Двор окружен портиком с колоннадой, но план еще не ясен.

За пределами оборонительных стен на севере и напротив Великой базилики можно различить небольшую долину. Лишь недавно плохо сохранившиеся руины, находящиеся здесь, были определены как *стадион*. Все строительные блоки исчезли, остались только U-образные следы размером 190×30 м.

Великая базилика (церковь св. Павла) – один из важнейших комплексов Антиохии, считается одним из двух наиболее ранних примеров раннехристианских церквей в Восточном Средиземноморье (2-я пол. IV в.) (другой пример – в Антиохии на Оронте). Построена на северо-западе города, вплотную к внешним стенам [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 201–218]. Считается, что церковь построена на месте синагоги, в которой св. Павел проводил свои службы для иноверцев. Церковь была раскопана в 1924 г., а в 2004 г. была проведена шурфовка в апсиде. Здание расположено в направлении восток-запад и имеет размеры 70×27 м. Притвор размером 27×13 м упирается в оборонительные стены. План отражает все характеристики базилики с апсидой, большим нефом посередине и двумя узкими по бокам. Наружная стена апсиды имеет семигранную форму. План базилики менялся с течением времени. Возможно, что в конце IV в. апсида и нефы были засыпаны до уровня видимого ныне пола, а засыпка утрамбована и покрыта мозаикой. На этом этапе к зданию с северной стороны были добавлены три новых входа (средний – шириной 4 м), парадный двор с северной стороны с Г-образным портиком из споллий также относится к этому периоду. Центральная ось базилики отличается от центральной оси мозаичного пола, демонстрируя изменения структуры. Мозаика, обнаруженная в начале XX в. – геометрические растительные мотивы в прямоугольных рамках. В центральном нефе в начале апсиды, где должен быть алтарь, найдена мозаичная надпись с именем епископа Оптима, представлявшего Антиохию на Константинопольском соборе 381 г. Эта дата относится к началу строительства базиликальных церквей в Малой Азии. Апсида имеет диаметр 10,8 м, а центральный неф разделен двумя рядами из 13 колонн. Колонны времен надписи Оптима поставлены позже. В северной части двора к базиличному комплексу был добавлен бассейн для баптистерия, а фундамент вымощенного мозаикой здания рядом с бассейном, возможно, был резиденцией епископов. Алтарь, найденный отдельно, датируется VI в., а грубая надпись читается как «св. Павел».

Центральная церковь (св. Басса) относится к ранневизантийскому времени и занимает центр города напротив храма Августа, создавая для него как бы идеологический противовес, на оси Площади Тиберия и Пропилона. Одна апсида была идентифицирована еще Арунделлом. По раскопкам 1924 г. Вудбридж начертил приблизительный план здания. Раскопки Рамсея (1927) и в настоящее время Ташлиалана показали, что Центральная церковь имеет более крупный и правильный план. Рамсей нашел здесь железную печать с именами трех мучеников периода Диоклетиана: Неона, Никона и Гелиодора. Ташлиалан добавляет к этой находке имя св. Басса Антиохийского, давшего неофициальное имя этому храму. Дату

IV в., предложенную Рамсеем, ныне можно передвинуть примерно на столетие вперед благодаря новым результатам исследований Митчелла и раскопок Ташлиалана.

В северной части городища открыта еще небольшая *Северная церковь* близ терм.

Местонахождение *некрополя* города неизвестно, но фрагменты саркофагов, фригийские дверные надгробия и погребальные надписи на стенах домов в современном квартале Кызылджа (Ялвач) указывают на то, что некрополь следует искать поблизости.

Святилище Мена Аскаэна расположено на холме высотой около 1 600 м в 5–6 км к юго-востоку от центра города [Hardie, 1912; Mitchell, Waelkens, 1998, p. 37–90]. Святилище было основано на высоком холме, чтобы видеть озеро Каралис (Бейшехир) на юго-востоке, озеро Акротири (Эгирдир) на юго-западе и территорию Антиохии на 400 м ниже. Рамсей нашел священную дорогу со стелами с обеих сторон, ведущую к святилищу. И здесь исследователи нашли храм в теменосе, еще один поменьше, стадион, андрон, парадный зал, византийскую церковь и неопознанные постройки, похожие на жилые дома. Надписи свидетельствуют о том, что в святилище долгое время между IV в. до н. э. и IV в. царил мощный местный культ. На стенах теменоса, особенно с юго-юго-западной стороны, обращенной к Антиохии, обнаружено множество надписей на votивных стелах, посвященных Мену. Храм представляет собой периптер, ионический ордерный храм с колоннами. Размеры – 31×17,4 в основании подиума и 25×12,5 на подиуме. С юго-западной и северо-западной стороны подиума – 10 ступеней, а с юго-восточной и северо-восточной стороны подиума – 6 ступеней. Несмотря на то, что храм был обследован, полноценные раскопки еще не проводились.

История исследований. В 1-й пол. XIX в. Антиохия привлекла внимание первых путешественников [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 19–36]. Самый ранний опубликованный отчет, описывающий и идентифицирующий местоположение Писидийской Антиохии близ Ялвача, был написан английским путешественником Фрэнсисом В. Арунделлом, который в течение 12 лет (1822–1834 гг.) проявлял интерес к его классическим и особенно христианским древностям. В 1828 г. он опубликовал отчет о путешествии, совершенном им в 1826 г. по семи церквам Азии. Позже он проделал экспедицию во внутренние районы Малой Азии осенью 1833 г., главной целью которой было определить местоположение Антиохии Писидийской [Arundell, 1834, p. 276]. Результаты этого путешествия были опубликованы в двух томах «Открытия в Малой Азии: включая описание руин нескольких древних городов и особенно Антиохии Писидийской».

Арунделл и его спутники приблизились к своей цели с запада, через древние города Эвмению, Апамею и Аполлонию. В среду 7 ноября 1833 г. он увидел остатки акведука (все еще самые поразительные руины Антиохии) [Arundell, 1834, p. 63]. Там Антиохия Писидийская была открыта для современной науки.

Следующий отчет об Антиохии был написан У. Дж. Гамильтоном, чьи путешествия 1835 г. были описаны в двух томах «Исследований в Малой Азии, Понте и Армении» (1842). Он прибыл в Антиохию с севера, перейдя Султан-Даг из Афьон-Карахисара, и снова акведуки были первыми руинами, которые увидели исследователи. Гамильтон намеренно сделал свое описание руин кратким, чтобы не дублировать работу своего предшественника. Как и Арунделл, он обошел городище с запада, пропустив городские ворота, но осмотрев базилику, которую он принял за храм или церковь. Также на его пути оказалось здание терм с двумя арочными сводами, фундаменты массивных стен, а также акведук [Hamilton, 1842, p. 382]. На городской стороне долины, которую пересекает акведук, он увидел остатки высокой башни, вероятно, принадлежащей цистерне, из которой вода распределялась по городу. Предположительно, это был Нимфейон [Hamilton, 1842, p. 383]. С того места, где акведук входил в город, ученый наблюдал низкий узкий тротуар, простирающийся от него с юго-востока на юг вглубь города.

В 1859 г. О.Ф. фон Риттер смог подвести итоги исследований Арунделла и Гамильтона. В ходе путешествия по Леванту Рихтер пересек Малую Азию из Аланьи через горы

Тавр к озеру Бейшехир и на север в Ялвач. В Ялваче он отметил множество древних фрагментов и скопировал одно из ранних латинских надгробий ветеранов галльского легиона [Larchenko, 2006, p. 126]. Он осмотрел целую часть круглой колонны, карниз, красивый фриз из серого мрамора с цветочным орнаментом. Он оставил дневник, который был опубликован Иоганном Эверсом. Нет никаких сомнений в том, что руины, которые описывает Рихтер, принадлежали императорскому святилищу в Антиохии.

Американец Дж.Р.С. Стерретт совершил поездки в Малую Азию в 1884 и 1885 гг., посетив Антиохию. Результаты его первого путешествия были опубликованы в 1888 г., но он отметил, что «руины Антиохии Писидии были достаточно подробно описаны прежними путешественниками, так что дальнейшее описание их мной излишне» [Sterrett, 1889, p. 7].

Следующие археологические наблюдения, имеющие какое-либо значение, были сделаны Г. Вебером, который опубликовал описание акведука с несколькими заметками о других частях участка. К моменту посещения Вебером количество все еще стоящих арок акведуков сократилось с 21 до 19. Выше точки, где акведук соединялся с предполагаемой линией городской стены, Вебер нашел остатки прямоугольного здания размером 32×13 м, которое было «высокой башней или резервуаром Гамильтона» [Weber, 1888, p. 536]. Его эскизный план не оставляет сомнений в том, что это был Нимфейон.

Далее настает эпоха У.М. Рамсея, чье имя доминирует в истории исследования этого места в течение почти пятидесяти лет. Но удивительно, что в его опубликованной работе 1880-х и 1890-х гг. почти нет упоминаний об Антиохии, ее руинах или даже ее надписях. Рамсей вернулся в регион в 1905 г.: «Положение Антиохии очень хорошее, но местность сейчас пустынна, заброшена и лишена руин, которые обладали бы каким-либо интересом или красотой» [Ramsay, 1908, p. 247]. Он опубликовал хорошую фотографию и признал, что строительство города было «работой лучшего периода» [Ramsay, 1908, p. 250].

Стоит отметить, что Рамсей еще не раз вернется в Антиохию для проведения раскопок и изучения этой местности. В 1911 г. он разбил лагерь в Антиохии, и начались систематические исследования города. Уильям М. Колдер исследовал святилище Мена, которое располагалось на холме Каракую, в 5 км к юго-востоку от Антиохии. В следующем году раскопки проводились под руководством Рамсея при поддержке Принстонского университета. Во время этих раскопок до 1914 г. были раскопаны некоторые важные постройки в городе и его окрестностях.

В 1914 г. было сделано великое археологическое открытие: *Res Gestae Divi Augusti*, которые были политическим завещанием первого римского императора, были найдены в виде фрагментов перед святилищем Августа. Был издан и ряд новых публикаций [Ramsay, 1916 etc.].

У.М. Рамсей возобновил раскопки в 1923 г. В 1924 г. Фрэнсис У. Келси из Мичиганского университета организовал большую экспедицию, в которую входил и Рамсей. Раскопки проходили под руководством Дэвида М. Робинсона и были сосредоточены на Великой базилике, Площади Тиберия, Пропилоне и монументальных воротах. Затем, всего через год раскопок, работа группы Мичиганского университета прекратилась из-за споров между Рамсеем и Робинсоном.

В 1924 г. командой Мичиганского университета были раскопаны Западные ворота. На воротах с обеих сторон были надписи, установленные на архитравах и состоявшие из индивидуально отлитых бронзовых букв с монтажными выступами на обратной стороне. Эти выступы закреплялись свинцом в отверстиях, вырубленных в камне. Робинсон сделал поспешный вывод о том, что надпись относится к Гаю Юлию Аспру, который был проконсулом провинции Азия в 212 г., и в течение многих лет эта дата считалась датой строительства ворот. В течение последних лет Морис Бирн работал над архивами экспедиции 1924 г. и установил, что надпись относится к члену знатной антиохийской семьи Пансианианов, которых известно несколько поколений.

Рамсей снова вернулся на это место в 1925–1927 гг., но без особых результатов. Роль этого ученого в изучении города заслуживает отдельного, более глубокого изучения. В последние годы издаются его материалы [Burne, Ramsay, Labarre, 2006]. Особенно важны фотографии, которые сделал Рамсей во время своих экспедиций (рис. 1, рис. 2).

Рис. 1. Общий вид святилища Мена Аскаэна с вершины небольшого храма
Fig. 1. General view of the Men Askaenos sanctuary from the peak above the small temple

Рис. 2. Раскопки городских ворот Мичиганской экспедицией
Fig. 2. The excavation of the city gate by the Michigan expedition

В последние годы XIX в. и первые три десятилетия XX в. Писидийская Антиохия и в меньшей степени ее сестринские колонии, как отмечает Б. Левик, были предметом многочисленных отдельных статей.

Затем исследования не проводились до 1960-х гг. В течение этого длительного перерыва многие архитектурные блоки основных зданий использовались местными жителями для строительства Ялвача. В этот период огромное количество хорошего строительного камня, обнаруженного в результате раскопок Робинсона, местные жители перенесли в современный город – это почти все прямоугольные плиты лестницы Пропилона и Площади Тиберия (рис. 3, рис. 4). К счастью, другие памятники подвергались менее систематическому разграблению. Четыре фундаментальных блока из палестры в северо-западном углу участка, которые были сфотографированы на месте в 1924 г., исчезли к 1960-м годам. Некоторые камни из городских ворот, в том числе три пилястровые капители, попали в современный город, но большинство известняковых блоков можно увидеть сегодня там, где они были раскопаны.

В 1962 г. М.Х. Балланс и А. Фрейзер провели новое подробное исследование городища. К. Тухельт начал вести работы на городище в 1976 г. и вызвал новые споры об императорском святилище. Стивен Митчелл и Марк Вилькенс провели новое исследование и документирование Антиохии Писидийской в 1982–1983 гг.

Ныне Антиохию изучают Мехмет Ташлиалан, директор музея Ялвача (1979–2002 гг.), и Текин Байрам, мэр Ялвача. Ташлиалан написал докторскую диссертацию об императорском святилище и описал Великую базилику, отождествив ее как церковь св. Павла.

В **историографии** 2-й пол. XX в. и начала XXI в. Антиохия в Писидии нечасто становилась предметом исследований.

Фундаментальная работа Д. Мэджи обобщает материал по всей Малой Азии в римский период [Magie, 1950], частично затрагивая и Антиохию Писидийскую.

История римских колоний на юге Малой Азии исследована в монографии Барбары Левик [Levick, 1967], частично затронута и Антиохия.

Книга Юджина Лейна «Corpus Monumentorum Religionis Dei Menis» [Lane, 1971] обобщает находки в святилище Мена.

В 1974 г. Эрнст Китцингер проанализировал ранневизантийские мозаики из Антиохии Писидийской [Kitzinger, 1974].

В последнее время ежегодные отчеты Мехмета Ташлиалана [Taşlıalan, 1991] в серии Müze Kurtarma Kazılar Semineri вводят в оборот результаты новых открытий.

В настоящее время единственной обобщающей авторской монографией по археологии и истории Антиохии Писидийской является исследование Митчелла и Вилькенса [Mitchell, Waelkens, 1998] с описанием основных памятников.

Большое значение имеет новая коллективная монография о римско-ранневизантийском периоде истории Антиохии Писидийской [Gazda, 2011].

В начале нового столетия была проведена международная научная конференция по Антиохии Писидийской [Drew-Bear, Taşlıalan, Thomas, 2002]. Появляются и иные публикации [Ossi, 2005; Ossi, 2016]. Особенно популярны культ и храм бога Мена [Demirer, 2002; Labarre, 2010], эпиграфика [Ruggieri, Filipovic, 2007].

К сожалению, Антиохия Писидийская практически не привлекала внимания отечественных исследователей (небольшое исключение – участие отечественных специалистов в естественно-научных обследованиях [Taşlıalan, Bagnall, Smekalova, Smekalov, 2003]), как и до недавнего времени Писидия в целом. Изучение римско-византийской Малой Азии должно занять важное место в отечественной исторической регионалистике.

Рис. 3. Ступени Пропилона в 1924 г.
Fig. 3. The steps and the propylon in 1924

Рис. 4. Площадь Тиберия и область Пропилона (1982)
Fig. 4. The Tiberius platea and the area of the propylon (1982)

Заключение

Итак, Писидийская Антиохия привлекает внимание историков и археологов с начала XIX в. Здесь была найдена копия *Res Gestae*, близ города находилось хорошо сохранившееся святилище культа бога Мена, а также одна из крупнейших раннехристианских базилик в Малой Азии.

Памятники Антиохии Писидийской начали исследовать и публиковать с первой половины XIX в. во многом благодаря тому факту, что здесь проповедовал апостол Павел; но систематические раскопки начались только в начале XX в. специалистами из Мичиганского университета и университета Джонса Хопкинса.

Статьи о различных аспектах истории этого места периодически появлялись в течение XX в., но до сих пор не проводилось всестороннего исследования топографии города и сохранившихся зданий. Антиохия Писидийская практически не представлена в отечественной историографии.

Рис. 5. Театр
Fig. 5. Theater

Рис. 6. Улица Кардо
Fig. 6. Cardo street

Рис. 7. Великая базилика св. Павла
Fig. 7. Great Basilica of St. Paul

Рис. 8. Храм Августа
Fig. 8. Temple of Augustus

Рис. 9. Общий план городища в наши дни
Fig. 9. The general plan of the settlement today

References

- Arundell Fr.V.J. 1834. Discoveries in Asia Minor: Including a description of the ruins of several ancient cities, and especially Antioch of Pisidia. Vol. 2. London, Bentley, 439.
- Byrne M.A., Ramsay W.M., Labarre G. 2006. New inscriptions from Antioch of Pisidia: According to the Note-books of W.M. Ramsay. Bonn, R. Habelt, 273.
- Bru H. 2002. Un arc de triomphe à Antioche. Actes du Ier congrès international sur Antioche de Pisidie. Ed. Thomas Drew-Bear, Mehmet Taşlıalan, Christine M. Thomas, Lyon, Université Lumière-Lyon 2, 359–368.
- Cowell I., Hainsworth K., Wolf B., Nikolic M. 2001. Pisidian Antioch City Plan. Provided to the Kelsey Museum Archives by John W. Humphrey, 214.
- Demirer Ü. 2002. Pisidian Antioch: St. Paul, Sanctuary of Men. Ankara, Yalvaç Museum, Dönmez Offset, 174.
- Drew-Bear T., Taşlıalan M., Thomas Ch. (ed.). 2002. Proceedings of the first international congress on Antioch of Pisidia. Lyon, UMR 5649 du CNRS, Paris, 522.
- Gazda E.K. (ed.). 2011. Building a New Rome: The Imperial Colony of Pisidian Antioch (25 B. C. – A. D. 700). Ann Arbor, Kelsey Museum of Archaeology, XVIII + 220, 168 b/w ill.
- Hamilton W.J. 1842. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia: with some account of their antiquities and geology. Vol. 1. L., Murray, 382–383.
- Hardie M.M. 1912. The Shrine of Men Askaenos in Pisidian Antioch. JHS, 32: 111–150.
- Hart L.M. 1997. Decontextualizing the Monuments of the Roman Forum: Archaeological Restoration Drawings by the Architecture Students at the American Academy in Rome. PhD dissertation, University of California. Los Angeles, 269.
- Jeffers J.S. 1999. The Greco-Roman World of the New Testament Era: Exploring the Background of Early Christianity. Inter Varsity Press, 352.
- Kitzinger E. 1974. A Fourth Century Mosaic Floor in Pisidian Antioch. Mansel's Armagan: Mélanges Mansel. Ed. E. Akürgal, U. Bahir Alkim. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 385–395.
- Labarre G. 2010. The God Men and his sanctuary in Antioch of Pisidia. Femelmont, Modulaires Européennes, 210.
- Lane E. 1971. Corpus Monumentorum Religionis Dei Menis (CMRDM). Leiden, Brill, 173.

- Larchenko V.N. 2006. Otto Friedrich von Richter and the Egyptian collection of the Kramskoy Regional Museum of Fine Arts (Voronezh). *Ancient Egypt. Studies on the Occasion of the 150th Birthday Anniversary of V.S. Golenishev. Annual of the Association of Ancient Egypt Studies «МААТ»*. Vol. II. Moscow, 125–135.
- Levick B. 1967. *Roman Colonies in Southern Asia Minor*. Oxford, Clarendon, 205.
- Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor*. V. 1. Princeton, UP, 723.
- Mitchell S., Waelkens M. 1998. *Pisidian Antioch: The Site and Its Monuments*. London, Classical Press of Wales, Duckworth, 249.
- Ossi A. 2005. Architectural Reconstruction Drawings of Pisidian Antioch by Frederick J. Woodbridge. *Bulletin of the University of Michigan*. Vol. 16: 5–28.
- Ossi A. 2016. The Arch of Augustus at Pisidian Antioch: Reconstructing Archaeological Context Through Digital Analysis of an Excavation Archive. *American Journal of Archaeology* Volume 120, Number 3. DOI: 10.3764/ajaonline1203.Ossi.suppl
- Owens E.J. 2009. «Beautiful and Useful»: The Water Supply of Pisidian Antioch and The Development of The Roman Colony. The Nature and Function of Water, Baths, Bathing and Hygiene from Antiquity through the Renaissance. Leiden, Brill: 301–317.
- Ramsay W.M. 1902/03. Pisidia and the Lycaonian Frontier. *The Annual of the British School at Athens*, Vol. 9: 243–273.
- Ramsay W.M. 1908. *Cities of St. Paul: Their influence on his life and thought*. New York: A.C. Armstrong, 506.
- Ramsay W.M. 1916. Colonia Caesarea (Pisidian Antioch) in the Augustan Age. *The Journal of Roman Studies*. Vol. 6: 83–134.
- Robinson D.M. 1926. *Roman Sculptures from Colonia Caesarea (Pisidian Antioch)*. College Art Association of America, 69.
- Ruggieri V., Filipovic A. 2007. Antiochia di Pisidia. Qualche considerazione epigrafica e liturgica Napoli, *La parola del passato* 357, G. Macchiaroli, 412.
- Sterrett J.R. 1889. *Sitlington. Leaflets from the notebook of an archaeological traveler in Asia Minor*. Austin, University of Texas, 28.
- Taşlıalan M. 1991. *Pisidian Antioch: The Journeys of St. Paul to Antioch*. Yalvaç Museum, 94.
- Taşlıalan M., Bagnall R., Smekalova T., Smekalov S. 2003. Magnetic Survey on the Acropolis of Pisidian Antioch. *Archaeologia Polona*. 41: 278–280.
- Weber G. 1888. *Lehrbuch der Weltgeschichte*. Leipzig, W. Engelmann, 1132.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.12.2022

Received 01.12.2022

Поступила после рецензирования 11.03.2022

Revised 11.03.2022

Принята к публикации 11.03.2022

Accepted 11.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пашкова Анастасия Юрьевна, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, г. Белгород, Россия,

Anastasia Yu. Pashkova, lecturer of the Department of General Education Disciplines, Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8556-2162](https://orcid.org/0000-0002-8556-2162)

УДК 94(495)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-283-291

Оригинальное исследование

К истории изучения афинского неоплатонизма в современной историографии

Денисова И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Аннотация. В истории позднеантичной мысли и интеллектуальной традиции особое место занимают Афины как интеллектуальная и образовательная метрополия. Афинские высшие школы и интеллектуалы стали главным оплотом позднеантичной традиции, в том числе с использованием языческих религиозных практик в ямвлиховской версии неоплатонизма. Это сделало Афины оплотом язычества до конца 1-й трети VI века. В современной зарубежной историографии (с 1990-х гг.) наблюдается пристальный интерес к позднеантичным интеллектуалам, в частности к афинским. За последнюю четверть века вышли несколько монографий и ряд аналитических статей. В целом большинство ученых ныне признает важную роль афинских философов ранневизантийского времени в процессе культурного континуитета. С другой стороны, афинский ямвлиховский неоплатонизм ко 2-й пол. VI в. сошел с исторической сцены, уступив место более компромиссному александрийскому.

Ключевые слова: Ранняя Византия, неоплатонизм, Афины, интеллектуалы, философия

Для цитирования: Денисова И.В. 2022. К истории изучения афинского неоплатонизма в современной историографии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 283–291. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-283-291

To the history of the study of athenian neoplatonism in modern historiography

Irina V. Denisova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Abstract. In the history of Late Antique thought and intellectual tradition, Athens occupies a special place as an intellectual and educational capital. The Athenian higher schools and intellectuals became the main stronghold of the Late Antique tradition, including the use of pagan religious practices in the Iamblichus version of Neoplatonism. This made Athens a stronghold of paganism until the end of the first third of the 6th century A. D. In modern foreign historiography, there is a keen interest in Late Antique intellectuals, in particular, in Athenian ones. Over the past quarter of a century, several monographs and a number of analytical articles have been published. In general, most scholars now recognize the important role of the Athenian philosophers of the early Byzantine period in the process of cultural continuity. On the other hand, the Athenian Iamblichus' Neo-Platonism to the second half of 6th century A. D. descended from the historical scene, giving way to a more compromise Alexandrian.

Keywords: Early Byzantium, Neoplatonism, Athens, intellectuals, philosophy

For citation: Denisova I.V. 2022. To the history of the study of athenian neoplatonism in modern historiography. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 283–291 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-283-291

Введение

В последние десятилетия в историографии растет понимание того, что позднеантичная интеллектуальная традиция является одним из важнейших звеньев культурного континуитета между античностью и средневековьем в Восточном Средиземноморье. Особенно пристальное внимание привлекли к себе афинские философы-неоплатоники, активно действовавшие до середины VI в. Несмотря на то, что они были непосредственно связаны с языческими религиозными практиками в контексте деятельности высших философских школ, их обширное наследие завершает многовековое развитие античной мысли и представляет особый интерес для изучения не только философами, но и историками.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является афинский неоплатонизм на основании комплексного анализа различных публикаций в современной историографии в контексте интеллектуальной традиции поздней античности. В процессе научного исследования проблемы использован историко-сравнительный метод. На основе сравнительного анализа мы смогли выявить общее и особенное в тенденциях в изучении афинского неоплатонизма в современных исследованиях. Историко-сравнительный метод позволил доказать, что большинство исследователей отмечают важность афинских философов в ранневизантийский период в процессе культурного континуитета рассматриваемого периода. Кроме того, просопографический подход позволил сконцентрировать внимание на истории изучения идей и деятельности отдельных интеллектуалов позднеантичных Афин или связанных с традицией афинского неоплатонизма.

Результаты и их обсуждение

Современная историография уделяет пристальное внимание афинскому неоплатонизму как одной из главных неоплатонических школ позднеантичного мира, откуда исходила львиная доля новых идей и доктрин, а вершиной стала философия знаменитого философа Прокла Диадоха.

Современные исследователи затрагивают самые различные аспекты истории неоплатонической школы в Афинах, в том числе в фундаментальных исследованиях, представленных в публикациях источников, монографиях и статьях.

Публикации источников. Интерес к Афинской школе в поздней античности подогревается и стимулируется новыми публикациями источников. В 1999 г. вышел новый вариант реконструкции оригинального текста и английский перевод на основе данных византийского словаря «Суда» трактата «Философская история, или Жизнь Исидора» афинского неоплатоника конца V – 1-й трети VI вв. Дамаския, где он подробно описывает как интеллектуальные круги 2-й половины V в., так и состояние Афинской школы на тот период. Этот текст подготовила греческая исследовательница Полимния Афанассиади, заложив фундамент для системного изучения процессов в Афинской школе 2-й половины V в. [Athanasias, 1999].

В 2000 г. английский исследователь Марк Эдвардс подготовил хрестоматийный сборник «Неоплатонические святые: жизни Плотина и Прокла глазами их студентов» [Edwards, 2000], который содержит английские новые комментированные переводы позднеантичных биографий неоплатоников: «Жизнь Плотина» Порфирия, статья о Марине Неаполитанском из византийского словаря «Суда», «Прокл, или О счастье» Марина. В ка-

честве приложения сборник содержит хронологическую таблицу дат жизни Плотина по Порфирию, индексы Порфирия и Марина, а также карты мира неоплатоников и позднеантичных Афин времен Прокла.

Кроме того, в 1997 г. под редакцией финского ученого Э. Сиронена был издан сборник позднеантичных и ранневизантийских надписей Аттики и Афин на языках оригинала, в том числе отражающих культурную и научную жизнь региона, включая неоплатонизм [Sironen, 1997].

Монографии. Важная коллективная монография «Пост-герульские Афины: аспекты жизни и культуры в Афинах, 267–529 гг.» вышла в Финляндии под редакцией П. Кастрена [Castrén, 1994a]. Она содержит 5 эссе различных историков об этом периоде, в том числе об Афинской неоплатонической школе: общие аспекты жизни в позднеантичных Афинах осветил сам П. Кастрен [Castrén, 1994b]; Э. Сиронен исследовал вопросы жизни и управления позднеантичной Аттики в целом [Sironen, 1994]; Ю. Бурман рассмотрела жизнь и биографию императрицы Афинаиды-Евдокии [Burman, 1994], происходившей из семьи афинских философов; А. Каривьери исследовала проблему существования библиотеки Адриана в Афинах в это время [Karivieri, 1994b], а также проблемы местонахождения «дома Прокла» в Афинах [Karivieri, 1994a]; Г. Хэлльстрём рассмотрел закрытие Афинской неоплатонической школы в 529 г. [Hällström, 1994].

Также изучаются отдельные персоналии позднеантичных интеллектуалов Афин. Роберт Дж. Пенелла (Нью-Йорк) подготовил монографию о жизни и деятельности афинских философов и софистов по данным позднеантичного автора IV–V вв. Евнапия Сардского [Penella, 1990]. Монография разделена на 4 большие тематические части, включающие в общей сложности 16 глав. Часть I «Евнапий Сардский – человек и писатель» посвящена реконструкции жизни и деятельности самого Евнапия, а также структуру его трактата «Жизни философов и софистов» (5 глав). Часть II «Философы» изучает упоминаемых у Евнапия философов: Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Сопатра, Евстафия, Сосипатру, Антонина, Эдесия и его учеников (3 главы). Часть III «Софисты» исследует упоминаемых у Евнапия софистов и иатрософистов (философствующих медиков): Юлиана, Прозерсия, Орибасия и других (3 главы). Часть IV «Римский порядок и эллинизм в «Жизнях» выявляет всех упоминаемых Евнапием государственных лиц – как императоров, так и чиновников в Афинах, в том числе философа Фемистия; там же содержится анализ отношений христианства и язычества в контексте классического прошлого в христианской империи (5 глав).

В 1990 г. в Оксфорде вышла книга Энтони Ллойда «Анатомия неоплатонизма» [Lloyd, 1990]. В семи главах этой работы, построенной по проблемному принципу, освещаются отдельные темы, среди которых важное место занимает имя Прокла как ведущего представителя Афинской школы неоплатонизма.

Большой вклад в изучение Афинской школы вносит современный американский исследователь Эдвард Уоттс. В 2006 г. он издал глубокую монографию «Город и школа в позднеантичных Афинах и Александрии» [Watts, 2006], где изучает деятельность двух крупнейших образовательных центров поздней античности в IV–VI вв. в сравнительном контексте. Монография состоит из 10 глав. Афинские школы рассматриваются в первых 4-х главах. Глава 1 посвящена общему очерку академической жизни в Римской империи, глава 2 – афинскому образованию со II по IV вв., в главе 3 рассматривается деятельность афинских риторов Прозерсия и Гимерия, а глава 4 касается философских школ в Афинах в V веке. Э. Уоттс также подготовил ряд важных статей по изучению афинского неоплатонизма, затрагивая проблемы закрытия философской школы в Афинах в VI в. [Watts, 2004], а также эмиграции афинских философов этого времени в Персию [Watts, 2005].

Комплексную монографию по истории Афин от II до VI вв. подготовил в 2006 г. итальянский исследователь Марко Ди Бранко – «Город философов: история Афин от Марка Аврелия до Юстиниана» [Di Branco, 2006]. Эта работа состоит из 5 больших тематических глав: глава 1 «Город софистов: риторика и политика в Афинах со II по IV вв.» охватывает

проблематику афинской интеллектуальной жизни по трактатам авторов этого периода: Филострата, Лукиана, Евнапия, анонимного автора «Полного описания Вселенной и народов». Глава 2 «Между Амфионом и Ахиллом: реальность и мифология об обороне Афин с III по IV вв.» посвящена варварским нападениям на Афины герулов, готов, а также различным языческим практикам и культам, развиваемым в целях защиты города. Глава 3 «Сады Афин: император Юлиан и афинская утопия» затрагивает вопросы развития риторических школ в Афинах в IV в. и императорского покровительства афинским наукам в этот период. Глава 4 «Город философов: философия и политика. Афины от Плутарха до Дамаския», собственно, изучает историю философских школ Афин в V веке; она представляет для нас особый интерес. Глава 5 «Quid ergo Athenis et Hierosolymus?: язычники и христиане в Афинах от св. Павла до Юстиниана» исследует проблемы утверждения христианства в городе и развития христианской Церкви различными политическими деятелями.

Значимые аспекты культуры и религии позднеантичных Афин затрагивает американский исследователь Энтони Калделлис в монографии «Христианский Парфенон. Классицизм и паломничество в византийских Афинах» [Kaldellis, 2009]. Эта монография охватывает период от классической античной эпохи до 1204 г. и подчинения Афин крестоносцам. Позднеантичному периоду Афин посвящены Глава 1 «Обращение Парфенона», которая разделена на 7 подразделов, а также Глава 2 «От студентов к паломникам в средневековых Афинах (532–848 гг.), включающая 4 подраздела. В главе 1 рассматриваются вопросы функционирования Парфенона в древности в качестве языческого храма, а затем его превращение в христианскую церковь в ходе развития христианства в Афинах. В главе 2 дается характеристика упадка римской власти в Афинах и Греции в VI в., проблемы «тёмных веков» и кризиса античной культуры в городе, а также функционирования Парфенона в качестве христианского религиозного центра в это время. В данной монографии затрагиваются важные вопросы образовательной жизни в Афинах, в частности связи неоплатоников с языческими религиозными практиками.

В коллективной монографии под редакцией вышеупомянутого М. Эдвардса и С. Свайна «Приближаясь к поздней античности: трансформация от ранней к поздней империи» исследуются различные аспекты культурной жизни империи, в том числе позднеантичная философия. В частности, афинские софисты и философы затрагиваются в разделах Дж. Диллона [Dillon, 2004] и С. Свайна [Swain, 2004].

Крупнейшим исследователем позднеантичного неоплатонизма является ирландский историк Д. Дж. О'Меара. Существенной для современной историографии является его работа «Платонополис: платоническая политическая философия в поздней античности» [O'Meara, 2003]. Она разделена на Введение и три большие части, включающие 14 глав. Во Введении содержится две главы: 1. «Две функции политической философии», 2. «Философы-неоплатоники во времени, пространстве и социальном контексте». Здесь рассматриваются теоретические проблемы неоплатонизма относительно политического аспекта, а также история философии, в том числе Афинской неоплатонической школы, в контексте развития всех школ неоплатонизма в целом. Часть I «Реконструкция неоплатонической политической теории: обожествление души» содержит главы 3, 4, 5, 6. В третьей главе изучается проблема обожествления в древнегреческих философских школах, в четвертой главе представлена шкала добродетелей по Плотину и Порфирию, пятая глава рассматривает шкалу наук у разных неоплатоников по этому вопросу, а шестая глава посвящена непосредственно куррикулуму, то есть учебной программе, которую изучали в философских школах в данном контексте. Часть II «Реконструкция неоплатонической политической теории: обожествление государства» содержит главы 7, 8, 9, 10, 11. В седьмой главе изучается образ правителя-философа в учениях неоплатоников; восьмая глава рассматривает их отношение к законодательной власти в философском государстве; в девятой главе рассмотрено отношение к судебной ветви власти; десятая глава посвящена политическим функциям религии, в контексте чего представлены религиозные реформы императора

Юлиана, а также отношение к теургии со стороны неоплатоников; в одиннадцатой главе изучаются проблемы ограничения политических действий в неоплатонизме. Часть III «Платонополис в христианстве и исламе» содержит главы 12, 13, 14 и освещает рецепцию платонической мысли в этих авраамических религиях. В 12-й главе затрагивается вопрос о влиянии неоплатонизма на политические взгляды Евсевия Кесарийского и Блаженного Августина; тринадцатая глава посвящена рецепции неоплатонизма в христианских политических сочинениях VI в. – псевдо-Дионисия Ареопагита и анонимного трактата «О политической науке»; в четырнадцатой главе рассматривается рецепция неоплатонических политических идей в арабских сочинениях, в частности в «Идеальном государстве» Аль-Фараби. В целом данная монография даёт системный срез позднеантичного неоплатонизма, в том числе Афинской школы.

Большое значение имеет работа С. Раппе «Читая неоплатонизм: недискурсивное мышление в текстах Плотина, Прокла и Дамаския» [Rappe, 2000], где делается попытка проследить основные тенденции развития неоплатонизма от III до VI в. в непрерывном контексте через основных его представителей, в том числе из Афинской школы. Монография разделена на две большие части: 1. «Язык «Эннеид»», 2. «Текст и традиция в неоплатонизме», содержа в целом 10 глав. Кроме того, есть Введение, посвященное объяснению особенностей неоплатонической традиции в поздней античности (Глава 1). Главы 2–5 первой части посвящены рассмотрению вопросов семантики «Эннеид» – ключевого произведения Плотина. Главы 6–10 второй части затрагивают такие аспекты развития неоплатонизма, как пифагорейская нумерология, орфика, теургия, их влияние на труды Прокла Диадох и Дамаския. Последнее имеет прямое отношение к истории афинского неоплатонизма.

Чешский исследователь Радек Члуп (Хлюп) посвятил отдельную монографию одному из наиболее известных философов-неоплатоников поздней античности, Проклу Диадоху, – «Прокл: введение» [Chlup, 2012]. Данная книга содержит 10 глав, разделенных на подразделы, составленных по различным отраслям философии, характерным для поздней античности. В главе 1 «Исторический фон» (3 подраздела) исследуется общая ситуация развития неоплатонизма, начиная от Плотина и заканчивая Проклом. В главе 2 «Метафизика Прокла» (4 подраздела) рассматриваются вопросы Единого как Блага, а также различных уровней неоплатонического бытия от умопостигаемого до материи. В главе 3 «Политеистическая теология Прокла» (3 подраздела) исследуются генады как некие промежуточные божества между Единым и умопостигаемой материей, а также их уровни и цепочки по Проклу. В главе 4 «Эпистемология» (5 подразделов) изучаются вопросы соотношения интеллекта и души у человека. В главе 5 «Пути объединения» (2 подраздела) рассмотрена проблема взаимосвязи Единого и человеческой души, а также феномен теургии в философии Прокла. В главе 6 «Вдохновенная поэзия и её символы» (2 подраздела) изучается отношение Прокла к мифам, поэзии и философии, через которые выражается божественная воля, и, соответственно, рассматриваются способы её экзегезы. Глава 7 «Зло и теодицея» (7 подразделов) посвящена соотношению добра и зла в мире и человеческой душе, а также исследуются вопросы перехода добра в зло, необходимости существования зла, божественного наказания за зло. В главе 8 «Этика» (2 подраздела) исследуются добродетели у Прокла и его отношение к активной и созерцательной деятельности. Глава 9 «Мировоззрение» (2 подраздела) является концептуальной, где чешский историк философии утверждает, что основой всей позднеантичной философии является мировоззрение того или иного философа, а сама философская доктрина служит лишь его обрамлением. Последняя глава 10 «Эпилог: наследие Прокла» посвящена рецепции взглядов Прокла в дальнейший период и его влияние на современную науку. В целом работа достаточно системно описывает все направления деятельности Прокла, пытаясь на его примере дать полную картину развития неоплатонизма в поздней античности, однако подвергается определенной критике со стороны исследователей за некоторую поверхностность суждений, в частности в описании доктринальных положений неоплатонизма [Месяц, 2015].

Еще одной важной современной работой по истории неоплатонизма является монография американского исследователя Г. Шоу «Теургия и душа: неоплатонизм Ямвлиха» [Shaw, 1995]. Она состоит из 4 больших разделов, которые поделены на 21 отдельную главу, затрагивая различные аспекты отношения души и тела в доктрине Ямвлиха, оказавшего значимое влияние и на афинский неоплатонизм. В разделе 1 «Материя и воплощение» рассматривается сам феномен материи, ее положение в неоплатонической иерархии и связь с телом. Раздел 2 «Природа воплощенной души» стремится выявить основные аспекты сущности души у Ямвлиха, ее бессмертие, восхождение к высшим сферам и нисхождение в тело, связи с Единым. Раздел 3 «Литургия космоса» посвящен космическому мироустройству и божествам, проблемам космической гармонии и связи с космосом путем теургических ритуалов со стороны людей. Раздел 4 «К универсальному платонизму» посвящен вопросу попыток религиозного оформления и популяризации неоплатонизма среди широких слоев населения как культа, а также исследованию того, почему неоплатонизм так и остался «религией элит».

В 2019 г. в Оксфорде вышла глубокая монография Дмитрия Никулина «Неоплатонизм в поздней античности» [Nilulin, 2019]. Она состоит из двух больших частей: 1. Плотин», 2. Прокл, где автор сопоставляет философские концепции основоположника и завершителя неоплатонической традиции в поздней античности по различным аспектам их онтологии: единства и множества, умопостижимого и материи, памяти и припоминания, значения чисел, добра и зла и т. п. У каждого из них автор выделяет свои особенности, которые отражают те изменения, которые происходили в ходе исторического развития неоплатонической мысли в IV–V вв. На данный момент эта книга является последним новейшим исследованием с наиболее глубоким погружением в исторический контекст.

Помимо собственно монографий следует отметить защищенную в 2003 г. диссертацию немецкого ученого А. Брайтенбаха ««Истинно золотые Афины»: противостояние греческих отцов Церкви с метрополией древней языческой культуры», которая посвящена отношению св. Григория Назианзина к Афинам, где он проходил обучение вместе со св. Василием Великим [Breitenbach, 2003]. Частично в работе затронуты аспекты истории неоплатонизма.

Статьи. Помимо монографий отдельные проблемы изучались в аналитических статьях.

Статья историка М. Луца в иерусалимском сборнике «Греция и Рим в Эрец-Исраэль» посвящена деятельности афинского философа-неоплатоника конца V в. Марина Неаполитанского, являвшегося палестинским самаритянином по происхождению [Luz, 1990].

Американский исследователь Уоррен Тредголд рассмотрел деятельность афинских школ в начале V в. глазами историка этой эпохи Олимпиодора Фиванского [Treadgold, 2004].

Датский ученый С. Рубензон посвятил свою статью пребыванию «великих каппадокийцев», Отцов Церкви, св. Григория Богослова и св. Василия Великого в Афинах в IV веке [Rubenson, 2006].

Статья Д. Де Фореста посвящена такому интересному явлению, как насилие в жизни высших (в том числе философских) школ, а также студенческая инициация в Афинах, в том числе в неоплатонической школе. Он сравнивает студенческую инициацию с Элевсинскими мистериями, а также отмечает сходство студенческих драк с борьбой партий цирковых фракций (димов). Интересно, что религиозный контекст инициаций практически уходил из сознания студентов-современников, которые даже не понимали этого значения [De Forest, 2011].

Заключение

Таким образом, тематика истории афинского неоплатонизма интенсивно изучается в современной историографии по самым различным аспектам. Это связано с изданием новых и переизданием уже известных исторических источников, где описывается жизнь и

культура позднеантичных Афин. Соответственно, вырастает и интерес к этой теме, в настоящее время появилось довольно много изданий. Спектр исследований касается как структуры и организации Афинской философской школы, проблем её противостояния с христианством и падения в VI в., так и деятельности отдельных афинских интеллектуалов, изучения сущности неоплатонических доктрин афинских философов.

Особо нужно указать, что динамика исследований в современное время по вышеуказанной проблематике связана не только с традиционной англо-американской историографией, но и с различными другими историографическими школами Европы: вопросы позднеантичного афинского неоплатонизма затрагиваются в работах итальянских, немецких, чешских, финских, датских, греческих, израильских исследователей.

Афинская школа неоплатонизма являлась важнейшей в истории позднеантичной философии, так что данная тема не теряет свою актуальность, а перспективы изучения данной проблемы весьма обширны.

Список литературы

- Месяц С.В. 2015. Метафизика Прокла: между мировоззрением и языковой игрой. Размышления над книгой Радека Члупа. В: Философский журнал, 8 (1): 7–22.
- Athanassiadi P. (ed.). 1999. Damascius. The Philosophical History. Athenai, Apameia, 403.
- Breitenbach A. 2003. Das «wahrhaft goldene Athen»: Die Auseinandersetzung griechischer Kirchenväter mit der Metropole heidnisch-antiker Kultur. Berlin/Vienna, Philo, 352.
- Burman Ju. 1994. The Athenian Empress Eudocia. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 63–87.
- Caldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Clasicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge, UP, 252.
- Castrén P. (ed.). 1994a. Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 228.
- Castrén P. 1994b. General Aspects of Life in Post-Herulian Athens. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 1–14.
- Chlup R. 2012. Proclus: An Introduction. Cambridge, UP, 328.
- De Forest D. 2011. Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens. In: Journal of Late Antiquity. Volume 4, Number 2: 315–342.
- Di Branco M. 2006. La città dei filosofi: storia di Atene da Marco Aurelio a Giustiniano. Firenze, Olschki, 304.
- Dillon J. 2004. Philosophy as a profession in Late Antiquity. In: Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford, OUP: 401–418.
- Edwards M. (ed.). 2000. Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, UP, 152.
- Hällström G. 1994. The Closing of the Neoplatonic School in A. D. 529: An Additional Aspect. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 140–160.
- Karivieri A. 1994a. The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis: A Contribution. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 115–139.
- Karivieri A. 1994b. The So-Called Library of Hadrian and the Tetraconch Church in Athens. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 88–114.
- Lloyd A.C. 1990. The Anatomy of Neoplatonism. Oxford, Clarendon Press, 200.
- Luz M. 1990. Marinus: An Eretz-Israel Neoplatonist in Athens. In: Greece and Rome in Eretz-Israel. Jerusalem, Yad Izhak Ben-Zvi: 92–104.
- Nikulin D. 2019. Neoplatonism in Late Antiquity. Oxford, UP, 272.
- O'Meara D.J. 2003. Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 250.

- Penella R.J. 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Francis Cairns, 165.
- Rappe S. 2000. *Reading Neoplatonism. Non-discursive Thinking in the Texts of Plotinus, Proclus, and Damascius*. Oxford, UP, 266.
- Rubenson S. 2006. *The Cappadocians on the Areopagus*. In: *Gregory of Nazianzus: Images and Reflections*. Copenhagen, Museum Tusculanum Press: 113–132.
- Shaw G. 1995. *Theurgy and the soul: the neoplatonism of Iamblichus*. Pennsylvania, Pennsylvania University Park, 268.
- Sironen E. (ed.). 1997. *The Late Roman and Early Byzantine Inscriptions of Athens and Attica*. Helsinki, Hakapaino, 463.
- Sironen E. 1994. *Life and Administration of Late Roman Attica in the Light of Public Inscriptions*. In: *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 15–62.
- Swain S. 2004. *Sophists and Emperors: the Case of Libanius*. In: *Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire*. Oxford, OUP: 355–400.
- Treadgold W. 2004. *The Diplomatic Career and Historical Work of Olympiodorus of Thebes*. In: *The International History Review*. 26 (4): 709–733.
- Watts E.J. 2004. *Justinian, Malalas and the End of Athenian Philosophical Teaching in A. D. 529*. In: *Journal of Roman Studies*, 94: 168–182.
- Watts E.J. 2005. *Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia*. In: *Greek Roman and Byzantine Studies*. 45–3: 285–315.
- Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley – Los Angeles, University of California Press, 304.

References

- Mesyac S.V. 2015. *Metafizika Prokla: mezhdru mirovozzreniem i yazykovoj igroj. Razmyshleniya nad knigoy Radeka Chlupa [Proclus's metaphysics: between worldview and language game. Reflections on Radek Chlup's book]*. In: *Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal]*, 8 (1): 7–22 (in Russian).
- Athanassiadi P. (ed.). 1999. *Damascius. The Philosophical History*. Athenai, Apameia, 403.
- Breitenbach A. 2003. *Das «wahrhaft goldene Athen»: Die Auseinandersetzung griechischer Kirchenväter mit der Metropole heidnisch-antiker Kultur*. Berlin/Vienna, Philo, 352.
- Burman Ju. 1994. *The Athenian Empress Eudocia*. In: *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 63–87.
- Caldellis A. 2009. *The Christian Parthenon. Clasicism and Pilgrimage in Byzantine Athens*. Cambridge, UP, 252.
- Castrén P. (ed.). 1994a. *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 228.
- Castrén P. 1994b. *General Aspects of Life in Post-Herulian Athens*. In: *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 1–14.
- Chlup R. 2012. *Proclus: An Introduction*. Cambridge, UP, 328.
- De Forest D. 2011. *Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens*. In: *Journal of Late Antiquity*. Volume 4, Number 2: 315–342.
- Di Branco M. 2006. *La città dei filosofi: storia di Atene da Marco Aurelio a Giustiniano*. Firenze, Olschki, 304.
- Dillon J. 2004. *Philosophy as a profession in Late Antiquity*. In: *Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire*. Oxford, OUP: 401–418.
- Edwards M. (ed.). 2000. *Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students*. Liverpool, UP, 152.
- Hällström G. 1994. *The Closing of the Neoplatonic School in A. D. 529: An Additional Aspect*. In: *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 140–160.
- Karivieri A. 1994a. *The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis: A Contribution*. In: *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 115–139.

- Karivieri A. 1994b. The So-Called Library of Hadrian and the Tetraconch Church in Athens. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 88–114.
- Lloyd A.C. 1990. The Anatomy of Neoplatonism. Oxford, Clarendon Press, 200.
- Luz M. 1990. Marinus: An Eretz-Israel Neoplatonist in Athens. In: Greece and Rome in Eretz-Israel. Jerusalem, Yad Izhak Ben-Zvi: 92–104.
- Nikulin D. 2019. Neoplatonism in Late Antiquity. Oxford, UP, 272.
- O’Meara D.J. 2003. Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 250.
- Penella R.J. 1990. Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD: Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, Francis Cairns, 165.
- Rappe S. 2000. Reading Neoplatonism. Non-discursive Thinking in the Texts of Plotinus, Proclus, and Damascius. Oxford, UP, 266.
- Rubenson S. 2006. The Cappadocians on the Areopagus. In: Gregory of Nazianzus: Images and Reflections. Copenhagen, Museum Tusulanum Press: 113–132.
- Shaw G. 1995. Theurgy and the soul: the neoplatonism of Iamblichus. Pennsylvania, Pennsylvania University Park, 268.
- Sironen E. (ed.). 1997. The Late Roman and Early Byzantine Inscriptions of Athens and Attica. Helsinki, Hakapaino, 463.
- Sironen E. 1994. Life and Administration of Late Roman Attica in the Light of Public Inscriptions. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai: 15–62.
- Swain S. 2004. Sophists and Emperors: the Case of Libanius. In: Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford, OUP: 355–400.
- Treadgold W. 2004. The Diplomatic Career and Historical Work of Olympiodorus of Thebes. In: The International History Review. 26 (4): 709–733.
- Watts E.J. 2004. Justinian, Malalas and the End of Athenian Philosophical Teaching in A. D. 529. In: Journal of Roman Studies, 94: 168–182.
- Watts E.J. 2005. Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia. In: Greek Roman and Byzantine Studies. 45–3: 285–315.
- Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley – Los Angeles, University of California Press, 304.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.12.2021

Received 21.12.2022

Поступила после рецензирования 28.02.2022

Revised 28.02.2022

Принята к публикации 28.02.2022

Accepted 28.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, директор музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Director of History Museum of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6612-4191](https://orcid.org/0000-0002-6612-4191)

УДК 94(569.4)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-292-301
Обзорная статья

Родиаполь и внутренняя Ликия в римско-ранневизантийское время

Веретенникова Е.П.

ОГБОУ «Алексеевская СОШ» Белгородской обл.,
309850, Белгородская область, г. Алексеевка, ул. Л. Толстого, д. 10
E-mail: 1336443@bsu.edu.ru

Аннотация. Город Родиаполь расположен во внутренних районах юго-восточной части Ликии. Его археологический комплекс хорошо сохранился и в значительной мере исследован, что позволяет сделать выводы о его состоянии и развитии в римско-ранневизантийское время (от образования римской провинции Ликия в I в. до массовых миграций и арабских набегов в VII в.). Как и повсеместно в империи, период великого благоденствия (II – начало III вв.) привел к расцвету города и строительству его основного археологического комплекса. В римское время здесь и в остальной Ликии действовал Опрамоас (Опрамой) – один из крупнейших частных благотворителей (эвергетов) Римской империи. В ранневизантийское время начинается византинизация города, изменения в его топографии, связанные с глобальными историческими процессами. Город просуществовал без катастрофических потрясений до арабских набегов VII в. В настоящее время Родиаполь привлекает внимание современных археологов и историков. На памятнике ведутся активные археологические исследования. Издана надпись Опрамоаса – один из крупнейших памятников римской эпиграфики.

Ключевые слова: Рим, Ранняя Византия, Ликия, Родиаполь, Опрамоас, археология

Благодарности: работа выполнена под научным руководством профессора кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», доктора исторических наук Болгова Николая Николаевича.

Для цитирования: Веретенникова Е.П. 2022. Родиаполь и внутренняя Ликия в римско-ранневизантийское время. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 292–301. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-292-301

Rodiapolis and internal Lycia in Roman – Early Byzantine time

Ekaterina P. Veretennikova

OGBOU «Alekseevskaya secondary school», Belgorod region,
10 L. Tolstoy St., Alekseevka 309850, Belgorod region
E-mail: 1336443@bsu.edu.ru

Annotation. The town of Rodiapolis is located in the hinterland of the southeastern part of Lycia. Its archaeological complex has been well preserved and largely studied, which allows us to draw conclusions about its state and development in the Roman – Early Byzantine period (from the formation of the Roman province of Lycia in the 1st century to mass migrations and Arab raids in the 7th century). As elsewhere in the empire, the period of great prosperity (second – early third centuries) led to the flourishing of the city and the construction of its main archaeological complex. In Roman times, Opramoas (Opramo) acted here and in the rest of Lycia – one of the largest private benefactors (evergetes) of the Roman Empire. In the early Byzantine period, Byzantinization of the city began, changes in its topography associated with global historical processes. The city existed without catastrophic upheavals until the Arab raids of the 7th century. Currently, Rhodiapolis has attracted the attention of modern archaeologists and historians. Active archaeological research is being carried out at the monument. The inscription of Opramoas was published – one of the largest monuments of Roman epigraphy.

Key words: Rome, Early Byzantium, Lycia, Rhodiapolis, Opramoas, archeology

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of Professor of the Department of General History, Doctor of Historical Sciences Bolgov Nikolay Nikolaevich.

For citation: Veretennikova E.P. 2022. Rodiapolis and internal Lycia in Roman – Early Byzantian time. History and political science. 49 (2): 292–301. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-292-301

Введение

Родинополь (Ροδιόπολις), также известный как Родия (Ροδιά) и Родинополь (Ροδιόπολις), был важным городом в древней Внутренней Ликии на юго-востоке региона близ равнины Финике [Brandt, Kolb, 2005]. Сегодня это место находится на холме к северо-западу от современного города Кумлуджа в провинции Анталия (Турция).

Город имеет название Родия у Птолея (V, 3) и Стефана Византийского (s.v. Rodia); на монетах и надписях – Родинополь; Родинополь у Плиния Старшего, который помещает его в горах к северу от Коридаллы.

Неплохая сохранность памятников города и недавнее начало систематических археологических раскопок в нем позволяют сделать определенные наблюдения и выводы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс изучения Родиополя и внутренней Ликии в римско-ранневизантийское время.

Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии и их хронологией и взаимосвязи), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое).

Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Об истории Родиополя известно немного, так как он очень лаконично присутствует в письменной традиции, а систематические раскопки начались недавно.

В традиции считалось, что город был основан колонистами с Родоса, поэтому название Родинополь означает «Родосский город». Феопомп утверждает, что Амфилох, руководивший переселением в Киликию, по пути основал Родинополь, назвав его в честь своей дочери Родии. Несколько ликийских городов имели греческие названия, и некоторые из этих городов имели легенды об основании, которые связывали их с фигурами из греческой мифологии [Courtils, Cavelier, 2001].

Древнегреческие историки в целом не сделали очевидного вывода из названия Родиополя и не пришли к однозначному выводу, что это была колония Родоса. Они знали, что это был малоазийский город, и, чтобы сделать его греческое происхождение более правдоподобным, датировали его героической эпохой.

Данные, полученные при раскопках, обнаруженные фрагменты амфор позднего геометрического периода указывают на то, что поселение было основано в VIII в. до н. э. или даже раньше, то есть до известной родосской колонизации VII в. до н. э. В Гагах, расположенных на мысе Гелидония к юго-востоку от Родиополя, была найдена керамика ранне-

го бронзового века, и это ясно показывает, что эта территория действительно была заселена намного раньше.

В ахеменидский период город был лидийским. В 2011 г. был обнаружен комплекс ликийских гробниц, датируемый рубежом IV–III вв. до н. э.

В почетной надписи эллинистического периода (II–I вв. до н. э.) упомянуто награждение гражданина золотой короной и освобождение от уплаты налогов, выданное народным собранием [Huber, 2006]. Ликийский союз, сформировавшийся в эллинистический период, и демократическая социальная структура, сложившаяся в связи с этим, нашли свое отражение в истории городов. Города, которыми когда-то управляли местные князья, теперь начали преобразовываться в полисы, управляемые народным собранием. Местные князья при этом сами начали учреждать полисные структуры в городах.

От эпохи эллинизма никаких архитектурных остатков не обнаружено, кроме кавей театра, датируемой поздним эллинистическим периодом, и цистерны с белой штукатуркой. Некоторые кладки указывают на наличие террас перед театром в этот период.

Родиаполь был относительно небольшим городом Ликийского союза [Jones, 1971] с одним голосом, но имел право чеканить монеты [Foss, 1994]. Было найдено значительное количество местных серебряных монет.

Согласно надписям, уже в эллинистический период город был центром культа Афины Полиады, сохранявшимся и в римское время [Huber, 2006].

В римский период, начавшийся в полной мере с образованием провинции в 43 г. [Magie, 1950; Levick, 1967], город наиболее прославился тем, что был родиной миллионера-филантропа Опрамоаса (Опрамоя), важнейшего и наиболее известного гражданского частного благотворителя (эвергета) II в. В его честь был построен мавзолей рядом с городским театром [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003]. Его деятельность описана в обширной греческой надписи на стенах его мавзолея (гробницы) в Родиаполе. Это самая длинная надпись в Ликии, ознаменовывающая благодеяния и многочисленные почести, оказанные Опрамоасу [Kokkinia, 2000; Kokkinia, 2001]. Опрамоас пожертвовал около 500 000 динариев 28 городам Ликии на восстановление ущерба, нанесенного землетрясением между 140 и 143 гг. Он также профинансировал строительство двух храмов в Родиаполе [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003]. Одним из главных его проектов стало восстановление театра в Ксанфе. «... Помимо его подарков в виде игр и множества общественных зданий, ... он оплатил начальное обучение всех детей-граждан Ксанфа, мальчиков и девочек ...; он дал средства для погребения нуждающихся и выплаты приданого дочерям из бедных семей» [Courtils, Cavelier, 2001].

Еще одним известным жителем Родиаполя, известным своим ораторским искусством и познаниями в медицине, был Гераклит.

Ранневизантийский Родиаполь находился по-прежнему в провинции Ликии, епископский престол которой был расположен в Мире, столичной кафедре этой провинции. Известен по имени только один епископ Родиапольский, Николай, присутствовавший в 518 г. на Константинопольском соборе.

Список городов Ликии, составленный Иероклом в VI в., явно неполон. Он опускает Родиаполь, который был представлен на церковных соборах в V и VI вв. и записан в епископальных notiциях.

Примерно в начале VI в. город, должно быть, достиг самого высокого уровня населения в своей истории. Чума 546 г. и последовавший за ней голод привели к резкому сокращению населения Ликии и его обеднению. В сочетании с арабскими набегами это создало кризисную ситуацию глобального масштаба и обозначило конец римско-ранневизантийского периода [Jacobs, Elton, 2019].

Исследования. Родиаполь впервые вошел в академическую литературу в 1842 г. Его первые исследователи – Т. Дэниел, Т.А.Б. Спратт и Э. Форбс.

Ликийю в полной мере открыли австрийские ученые. О. Бенндорф, основатель Австрийской академии наук, проводил исследования вместе с Г. Ниманом, Ф. фон Лушаном и К. Ланцкоронским в 1881 и 1882 гг. Результаты были опубликованы (*Reisen im südwestlichen Kleinasien*. 1884, 1889). Таким образом, Родиаполь вошел в научный оборот.

В 1892–1894 гг. Э. Калинка, Р. Хеберди и Э. Хула изучали надпись Опрамоаса, и исследования в основном ею и ограничивались. Первый том *Tituli Asiae Minoris* (ТАМ I – *Tituli Lyciae*) был опубликован в 1901 г. Э. Калинкой и охватывал находки в Ликии от Термесса до Родиаполя.

Один из последующих томов ТАМ (II. 3), опубликованный в 1944 г., также включал надписи из Родиаполя. Э. Крикл внес большой вклад в эти работы своими картами и фотографиями – первые фотографии памятников Родиаполя находятся в этом томе.

Дж. Бин начал исследования в Ликии в 1946 г., и составленный им том до сих пор является основным справочным материалом по состоянию памятников на дневной поверхности Родиаполя на тот момент.

В последние годы эпиграфические исследования, проведенные Б. Ипликчоглу и Х.С. Озтюркком, выявили надписи, которые не привлекли внимания других ученых. Помимо наблюдений на поверхности театра Б. Ферреро и Х.Я. Озбека, терм А. Фаррингтона, общих наблюдений за поселением Ч. Байбуртлуоглу, исследований Г. Хубера и Д. Мерфи и общих поверхностных наблюдений руин, выполненных Н. Чевиком, впервые были начаты комплексные раскопки и исследовательский проект по археологии поселения. Раскопки, проводимые Университетом Акдениз с 2006 г., представляют собой комплексный проект, направленный на раскрытие всего поселения [evik, Kızgut, Bulut, 2010].

Родиаполь – одна из пилотных площадок проекта Европейского Союза FIRESENSE. В 2010 г. Билькентский университет Анкары установил на объекте и в его окрестностях несколько камер и сеть беспроводных датчиков с целью защиты памятника от стихийных бедствий. Также есть возможность удаленно контролировать объект, предотвращая грабеж и незаконные раскопки. Полностью объект еще не музеефицирован и не оборудован для массового посещения туристами.

Город и его памятники. Родиаполь расположен на холме высотой в 300 м над уровнем моря за деревней Сарыкасу к северу от городка Кумлуджа [evik, Kızgut, Bulut, 2008]. Верхняя 50-метровая часть холма составляет городище. Помимо акрополя, северные и восточные склоны, обращенные к равнине Кумлуджа и морю, содержат остатки городских построек.

Городище простирается на 625 м от жилых домов до скальных гробниц классического периода на севере и на 415 м от самых западных гробниц до самых восточных жилых домов общей площадью 260 тыс. кв. м. (26 га). Общественный центр занимает площадь около 40 тыс. кв. м. (4 га). Остальная территория заполнена некрополями и жилыми домами. Внешняя оборонительная стена пока не исследована [Foss, Winfield, 1985].

Родиаполь выделяется среди прочих античных городов своим особым урбанизмом – это очень компактный город, удачно спланированный на ограниченной и сложной местности. Ни в одном другом римском поселении в этом регионе нет такой сложной, органичной и насыщенной планировки построек, как в Родиаполе. Человек, сидящий в верхних рядах театра, может увидеть все общественные сооружения в центре города. Эта модель урбанизма с эллинистическо-римским характером встречается только в Малой Азии.

Здания расположены органично близко друг к другу, не оставляя пустого пространства. На пологой местности террасы, необходимые для городской ткани, образовывались в основном цистернами. Это умное решение не только удовлетворяло потребность в воде, но и создавало плоские участки для строительства. В таких поселениях, как Родиаполь, где недостаточно плоской земли, рельеф формирует город [evik, Kızgut, Bulut, 2010, p. 20].

Город развивался от вершины холма вниз по склонам; это дополнительно подтверждается городской дорожной сетью. II век – самый блестящий период урбанизма в Родиаполе.

Большинство построек, образующих город, являются типичными зданиями – театр, термы, стоя и др. Вместе с тем есть и уникальные здания, впервые засвидетельствованные в Ликийи. Себастейон уникален в Малой Азии [Price, 1986]. Мавзолей Опрамоаса, построенный рядом с восточной стороной Себастейона как часть того же комплекса, является уникальным зданием в регионе, посвященным местной ведущей семье. Асклепион был построен благодаря врачу Гераклиту из Родиаполя, который установил этот культ в регионе.

Функции общественных зданий и их функциональные отношения друг с другом определили их расположение в городе. Например, Асклепион, библиотека и Себастейон составляют религиозный локус, а театр, стоя и агора составляют общественный центр. Между этими двумя локусами проходит главная сквозная улица. Территория между двумя основными локусами, расположенная к западу от общественного центра, сосредотачивает хозяйственные функции (раскопки 2009 г.). Здания на этом месте активно эксплуатировались и в более поздние периоды. Примерно на 70 м простираются лавки вдоль северной стороны главной улицы, начиная с угла главного перекрестка и до западных ворот.

Очень плотная застройка приводит к тому, что стены и функции многих зданий оказываются совмещенными. Например, стоя Опрамоаса и театр соседствуют с западной стороны, создавая беспрецедентный пример организации входа-выхода и движения посетителей за пределами театра. Южная стена Себастейона совмещена с двух- или трехэтажными зданиями. Второй этаж двухэтажного здания в центре города создает дополнительную площадь ок. 500 кв. м.; эта зона с плотной городской застройкой разрежена верхним этажом стои длиной 60 м и шириной 9 м, что снижает плотность.

Важнейший элемент городского пространства – цистерны в центре города, которые занимают в целом 1 600 кв. м, внося свой вклад в городскую архитектуру как дворы или общественные площади. Их плоские крыши служат основанием для новых построек. Очень мало цистерн использовались только для хранения воды и не служили для создания плоских участков для нового строительства. Одним из таких примеров является цилиндрическая цистерна на ровной площадке за ранневизантийской башней на Акрополе.

Единственная ровная площадка без цистерны в этом холмистом городе – это терраса, на которой стоит монументальная гробница-мавзолей Опрамоаса. Предполагается, что эта терраса театра, существовавшая с эллинистического периода, была повторно использована в римский период.

Центр города разделен на две части *главной улицей*, идущей с востока на запад (декуманус). Общественная площадь находится к северу от главной улицы и образует террасу театра и террасу агоры, в то время как другие общественные сооружения (Себастейон, библиотека, Асклепион, храм) находятся бок о бок вдоль южной стороны улицы.

Таким образом, группа построек к югу от декумануса связана с культурами и богослужением; постройки к северу, включая театр и стои, составляют общественный центр. Здания на северо-западном островке между ними, по-видимому, носят коммерческий и хозяйственный характер. Общая планировка напоминает город среднего размера в провинциальной сельской местности в римский период.

Комплекс зданий в центре города дополняется зданиями на вершине *акрополя*. Термин «акрополь» используется условно, потому что в городе нет настоящего акрополя. Здания на верхнем уровне – это просто продолжение зданий на склоне прямо под вершиной холма. Однако термин «акрополь» может относиться к византийскому периоду, потому что церковь и резиденция епископа в центре были окружены стенами, образующими кастрон.

Южная половина акрополя имеет форму квадрата, использовавшегося для административных целей и созданного цистернами римского периода. Современный вид этого

места отличается из-за византийского кастрона и большой церкви. Максимальная разница в уровнях между верхним рядом театра и плоскостью акрополя составляет всего 5 м.

Храм, когда-то возвышавшийся на юго-восточном углу акрополя, нависал над городом почти прямо за театром. Ступенчатый подъём по улице Опрамоаса к театру фактически простирался до акрополя.

И из-за наклона местности многие участки улиц имеют ступени, причем с наклонной поверхностью.

Главная улица переходит в выездную внешнюю дорогу у монументальных *Западных ворот*. Красивый западный фасад этих ворот встречал тех, кто прибывал в город с запада. Ступенчатые участки говорят о том, что эта улица никогда не обслуживалась колесным транспортом.

Двухэтажная стоя является самым центральным общественным зданием и простирается вдоль западной стороны *агоры* (форума). Это был центр общественной и деловой жизни, экономических функций. Пол этого здания длиной 59 м вымощен мозаикой. Ширина всего участка варьируется от 30 м на юге до 19,2 м на севере. К востоку от нее находится ровный участок агоры, сужающийся с юга (20,7 м) к северу (10 м). Здесь четыре большие цистерны составляют основу террасы. Двухэтажная стоя была построена примерно в середине II в., что дополнительно подтверждается архитектурным декором в стиле Антонинов. Наиболее существенный аспект стоя, который отличает ее от других, – это отсутствие лавок и хозяйственных зон.

Здание, отделенное от агоры узкой аллеей и находящееся на одну террасу ниже по уровню, считается *пританеом*. Его двор украшен нишами и большой апсидой на востоке; у северной стены двора две комнаты. Хотя планировка с апсидированным внутренним двором не соответствует известным пританеям, эта функция кажется правдоподобной.

Большие термы соединяются с центром города по ступенчатой улице и с жилым районом на востоке. Они занимали видное место в городской жизни римского периода, выполняя функции места общественных встреч, культурно-спортивных мероприятий и санитарно-гигиенического учреждения. В ранневизантийский период им был придан новый облик как рабочая зона и жилые дома. Кроме того, недавно найденная надпись упоминает бальнеологию, построенную филантропом по имени Энтейм, но ее местонахождение пока неизвестно [evik, Kızgut, Bulut, 2009].

Монументальная гробница и стоя Опрамоаса расположены в самом привилегированном месте в центре. Хотя монументальная гробница нарушает городскую ткань и сужает площадь театра, эта привилегия была предоставлена Опрамоасу за особые заслуги [Coulton, 1987]. Мавзолей представляет собой небольшой храм подиумного типа. Гробница и ионическая стоя, окружающая ее с двух сторон, занимают всю площадь перед театром. На этом памятнике находится самая длинная древнегреческая надпись в Малой Азии, описывающая самый яркий пример частного эвергетизма [Kokkinia, 2000; Kokkinia, 2001]. Построенный в самом неудобном, но ярком месте в центре города, этот памятник символизирует безграничный авторитет местной городской знати [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003].

Театр стоит на склоне холма рядом с постройкой Опрамоаса. Он был полностью раскопан в 2006–2009 гг. [evik, 2008]. Театр тесно и органично связан со стоями и агорой. Западный парод театра и стоя Опрамоаса находятся в полной органической связи, как если бы они были спланированы вместе. Выходящие из парода оказывались перед стоей. Узкое и неудобное пространство у восточного конца сценического здания было выбрано для небольшого зала на 70 чел., построенного после III в. Очень любопытны постройки, обнаруженные в 2009 г. у восточной стены театра. Они датируются II веком и принадлежат лавкам и тавернам.

Храмы расположены в разных точках центра города: в восточном углу акрополя, возвышающемся над театром и доминирующим над панорамой, на центральной перекрестке. За исключением храма Асклепия и Гигиэи, каким божествам были посвящены

эти храмы, не известно. Надписи, обнаруженные в Родиополе [Huber, 2006], говорят о том, что в городе были храмы, посвященные Асклепию, Гигиэе, Немезиде и Фортуне.

Себастейон (Августейон) выделяется своим привилегированным местоположением и архитектурой. Это отдельное монументальное здание императорского культа [Burrell, 2004] с уникальной планировкой, назначение которого подтверждается надписями на постаментах статуй. Культовый мемориальный комплекс семьи Опрамоаса органично примыкает к императорскому храму и имеет ту же планировку. Пространство перед Себастейоном на западе и прилегающим к нему зданием культа предков Опрамоаса на востоке обустроено вместе. Оба выходят на общую площадь и идеально гармонируют с общественным центром.

Асклепион – единственный образец храма культа Асклепия. Он расположен на участке храмов, который составляет южную часть центра города и примыкает к Себастейону с запада. Единственный круглый храм региона находится в центре этого комплекса с двором. Это здание является лечебно-оздоровительным комплексом города, а также содержит библиотеку, которая является единственным известным примером в Ликии. Все эти здания представляют собой группу внушительных религиозных построек, обращенных в том же направлении, что и Себастейон на главной оси восток – запад. Близкое совмещение Асклепиона и Себастейона отражает возвышение двух частных лиц высокого статуса, а именно Опрамоаса и Гераклита, совместимое с императорским культом. Семьи Опрамоаса и Гераклита символизируют блестящую эпоху города во II в. [D'Hautcourt, 2003]. Большинство зданий, возведенных в Родиополе, были построены по заказу этих людей.

Жилые дома, построенные в римский период и по большей части продолжавшие существовать в ранневизантийский период, можно рассматривать двояко: это виллы в избранных местах, занимающие просторные территории и выходящие на панораму и горы; во-вторых, это дома простых людей, составлявших большинство. Дома, принадлежащие простым людям, стоят вместе одной застройкой, а виллы богатых находятся в разных частях города. На гребне, простирающемся к северу от центра города, находится центральный жилой район, где можно различить несколько улиц и несколько домов (некоторые с дворами), но, поскольку здесь еще не проводились раскопки, говорить что-либо о типах домов пока рано. Можно утверждать лишь, что жилых домов не строили среди общественных зданий, компактно раскинувшихся на акрополе и его подножии.

Внешняя дорога, огибающая город, тянется от западных ворот на север параллельно подножию акрополя и поворачивает на северо-восток в сторону жилого района. Ее продолжение, спускающееся к югу от домов, проходит через некрополь к востоку от терм и встречается с главной улицей, проходящей к центру города. Таким образом, помимо главной оси, проходящей через центр, образуется «окружная дорога», огибающая город.

В целом можно предположить, что в городе были заранее спланированы не отдельные здания, а сам город в одном комплексе [evik, Kizgut, Bulut, 2010]. Эта гармония была нарушена постройками ранневизантийского периода, вставленными насильственным образом вне прежнего плана.

Родиополь обладает всеми признаками эстетических общественных пространств, свойственных римскому периоду. Стремление сохранить римские стандарты определялись как доминирующими городскими и архитектурными традициями того периода, так и желанием местных деятелей, таких как Опрамоас, воспользоваться благами власти Рима [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003]. Процесс формирования и развития римских городов во многом зависел от городских элит.

В *ранневизантийский период* город не был полностью перестроен, а скорее возникло новое и меньшее поселение на вершине римского города (акрополе) с изменениями, внесенными христианством, с использованием прежних римских построек.

Самым характерным местом для города ранневизантийского периода является кастрон, включающий церковь и окружающие постройки [Foss, 1996]. Стены кастрона со-

держат споллии из римских построек. Базилика была построена в самой высокой центральной части на вершине акрополя. Церковь в центре кастроны сопровождается резиденциями духовенства, пристроенными вдоль ее северной стороны. Это трехнефный храм образует центральные постройки кастроны. Таким образом, центр города поднялся с центральной агоры на акрополь и базилику. Сохранившееся римское здание в западном углу кастроны оставалось в эксплуатации.

Ранневизантийский город сосредоточен вокруг церкви (базилики VI в.), и в нем отсутствуют в прежнем объеме общественные здания, которые выполняли бы прежние функции. Большинство сохранившихся римских построек теперь служили источником печей для обжига извести. Эти печи находятся в центре городской зоны, где когда-то находились общественные здания с мраморными деталями. Известковые ямы есть почти в каждом районе, где в зданиях было много мрамора. Многие скульптуры и колонны, элементы декора были пережжены в известь из-за необходимости интенсивного усиления фортификации. Стоя Опрамоаса – участок с наиболее интенсивным производством извести, содержащий самые большие печи для обжига извести.

В целом в ранневизантийское время сохранили в неизменности свои функции лишь жилые дома, остальные постройки претерпели изменение функций, за исключением, возможно, лишь небольших терм.

Итак, родиополитанский урбанизм демонстрирует уникальную компактную планировку города на наклонной местности [evik, Kızıgut, Bulut, 2010]. Цистерны-террасы решали общую для Малой Азии проблему хранения воды, а их плоские крыши образовывали плоские пространства для совмещенных новых построек. Компактная тесная застройка имела место не только из-за оптимизации пространства, но и из желания защититься от очень высоких летних температур. Улицы и переулки между соседними домами были лучше затенены в летнюю жару, придавая немного свежести. Стои образовывали полукрытую площадь около 1 000 кв. м в общественном центре, где присутствие людей было самым высоким. Возможно, поэтому бани, которые всегда нуждались в большом количестве дневного света, – единственное общественное сооружение, расположенное в стороне, за пределами компактного центра города [evik, Kızıgut, Bulut, 2009]. Город, построенный на наклонной местности, имеет и еще один несомненный плюс – хороший сток вод через дренажные или водораспределительные системы.

Выводы

Родиополь является примером среднего римского города Малой Азии с уникальной застройкой по единому плану, с оптимальным учетом возможностей окружающей среды. Удивительно, что он смог все же вырасти в условиях ограниченных возможностей округи и нехватки источников воды. Компактное поселение было построено с очень удачной моделью цистерн-террас и органически тесно связанными зданиями.

Фактическое развитие города в большой мере основывалось на политических и экономических возможностях местных аристократических семей. Самый яркий период истории и материальной культуры города пришелся на II век, что связано с общим состоянием империи и конкретной деятельностью филантропа Опрамоаса [Coulton, 1987; D'Hautcourt, 2003].

Византинизация города с VI в. была достаточно типичной и предполагала появление кастроны и базилики [Jacobs, Elton, 2019].

Таким образом, Родиополь является важным городом римско-ранневизантийской Ликии и перспективным археологическим объектом юго-восточной части Внутренней Ликии. Его исследования, несомненно, дадут немало нового материала для понимания истории региона.

Рис. 1. Родинополь. Общий план
Fig. 1. Rhodiopolis. Overall plan

Referenses

- Brandt H., Kolb F. 2005. Lycia et Pamphylia. Eine römische Provinz im Südwesten Kleinasiens (Orbis Provinciarum), 146.
- Burrell B. 2004. Neokoroi: Greek cities and Roman emperors. Leiden, Brill, XVIII, 422 [37].
- evik N. 2008. A first report following the excavation of the Rhodiapolis Theater. In: Hierapolis International Symposium. Methodologies of restoration and enhancement of ancient theatres in Turkey: Methods, Activities, Results. 07–08 Eylül 2007, Pamukkale. Proceedings.
- evik N., Kızgut ., Bulut S. 2008. Rhodiapolis ve Kumluca Sınırları içindeki Di er Antik Yerleşimler. In: Arkeolojisi, Tarihi, Do ası ve Tarımıyla Kumluca – Rhodiapolis. Kumluca Municipality Publications: 1–75.
- evik N., Kızgut ., Bulut S. 2009. Rhodiapolis Baths: The First Evaluation Following the Excavations and Its Contribution to the Knowledge on Lycian Baths Architecture and Technique. In: Adalya. XII: 231–260.
- evik N., Kızgut ., Bulut S. 2010. Rhodiapolis, as a Unique Example of Lycian Urbanism. In: Adalya. 13: 29–64.
- Coulton J.J. 1987. Opramoas and the Anonymous Benefactor. In: Journal of Hellenic Studies. 107: 171–178.
- Courtils J. des, Cavelier D. 2001. The city of Xanthos from Archaic to Byzantine times. In: Parrish D. (ed.). Urbanism in Western Asia Minor. JRA Supp. 45: 148–171.
- D'Hautcourt A. 2003. Public finances and private generosity. The example of Opramoas in Roman Lycia. In: Journal of economics, business and law. 5: 39–62.
- Foss C. 1994. The Lycian Coast in the Byzantine Age. In: Dumbarton Oaks Papers, 48: 1–52.
- Foss C. 1996. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Norfolk, 394.
- Foss C., Winfield D. 1985. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, University of SA, 298.
- Huber G. 2006. Rhodiapolis. Beziehungen zwischen Bauforschung und Epigrafik. In: Anzeiger. 1: 5–24.
- Jacobs I., Elton H. (ed.). 2019. Asia Minor in the Long Sixth Century. Current Research and Future Directions. Oxford, Philadelphia, 254.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 564.

- Kokkinia C. 2000. Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn, Habelt, 274.
- Kokkinia C. 2001. Verdiente Ehren. Zu den Inschriften für Opramoas von Rhodiapolis und Iason von Kyaneai. In: Antike Welt, 32: 17–23.
- Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, Clarendon. 205.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. V. 1. Princeton, UP, 723.
- Price S.R.F. 1986. Rituals and Power. The Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge, UP, 320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.10.2021

Received 30.10.2021

Поступила после рецензирования 01.03.2022

Revised 01.03.2022

Принята к публикации 01.03.2022

Accepted 01.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Веретенникова Екатерина Павловна, учитель, Алексеевская СОШ Белгородской обл., Россия

Ekaterina P. Veretennikova, teacher, Alekseevka secondary educational school, Belgorod region, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5688-7056](https://orcid.org/0000-0002-5688-7056)

УДК 94(495)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-302-310
оригинальное исследование

Общественные волнения в ранневизантийских городах: от Константина до Феодосия I (по данным «Церковных историй»)

Руднева М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли общественных волнений в ранневизантийское время. Города являлись ключевыми центрами политической, социально-экономической и культурной жизни империи. Авторы произведений в жанре церковной истории довольно подробно описали городские конфликты в контексте религиозно-политических реалий. Произведения в этом жанре представляют обширный материал для разностороннего анализа причин, хода и последствий нестабильности в городах Восточной Римской империи. В ранневизантийское время волнения и конфликты стали происходить чаще, чем ранее. Это было связано как с внутренними процессами – неравномерностью социально-экономического развития, борьбой за гегемонию между разными религиозно-политическими объединениями и этно-конфессиональными сообществами, так и с внешними факторами – напряженностью в отношении с соседними государствами, военными столкновениями и т. д. Волнения и конфликты в восточных городах являются ярким проявлением противоречий ранневизантийского времени

Ключевые слова: Поздняя античность, город, волнения, конфликты

Для цитирования: Руднева М.А. 2022. Общественные волнения в ранневизантийских городах: от Константина до Феодосия I (По данным «Церковных историй»). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 302–310. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-302-310

Social unrest in Early Byzantine Cities: from Konstantine to Feodosius I (According to «The Ecclesiastical History»)

Maria A. Rudneva

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of social unrest in the Early Byzantine period. Cities were the key centers of the political, socio-economic and cultural life of the empire. The authors of works in the genre of the Ecclesiastical History described urban conflicts in some detail in the context of religious and political realities. Works in this genre provide extensive material for a comprehensive analysis of the causes, course and consequences of instability in the cities of the Eastern Roman Empire. In early Byzantine times, unrest and conflicts began to occur more often. This was due both to internal processes – the uneven socio-economic development, the struggle for hegemony between different religious and political associations and ethno-confessional communities, and external factors – tensions with neighboring states, military clashes, etc. Unrest and conflicts in the eastern cities are a vivid manifestation of the contradictions of the Early Byzantine period.

Keywords: Late Antiquity, city, unrest, conflict

For citation: Rudneva M.A. 2022. Social unrest in Early Byzantine Cities: from Konstantine to Feodosius I (According to «The Ecclesiastical History»). *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 302–310 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-302-310

Введение

Ранневизантийское время было сопряжено со значительными изменениями в развитии государства и общества. Противоречия процесса трансформации Восточной Римской империи влекли за собой нарастание напряжения в обществе и приводили к возникновению общественных волнений. В восточных городах империи довольно часто происходили подобные конфликты, сопряженные с насилием и разрушениями. Детальное исследование общественных волнений в городах Восточной Римской империи на основе источников в жанре «Церковная история» позволит приблизиться к пониманию специфики развития ранневизантийских городов в условиях глобальных изменений.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступают общественные волнения в ранневизантийских городах, начиная от времени правления императора Константина (306–337 гг.), включая время правления императора Феодосия I (379–395 гг.). В работе над темой наибольшим образом применялся историко-сравнительный метод, что обусловлено спецификой работы с многочисленными источниками в жанре «Церковная история». Необходимость выявления ценностных установок и мотивов интерпретации авторами церковно-исторических сочинений конкретных эпизодов определила применение историко-биографического метода.

Результаты и их обсуждение

Вопросы изучения общественных волнений в ранневизантийских городах получили значительное внимание в отечественных и зарубежных исследованиях. Однако к настоящему времени вопрос отражения волнений в городах по данным «Церковных историй» в отечественной историографии еще не был представлен в качестве специального исследования.

Ранее И.Ю. Ващевой было отмечено, что в общем понимании «Церковных историй» IV – пер. пол. VII вв. долгое время наблюдалась тенденция к их определению в качестве ортодоксального и греческого феномена. С данной позиции к числу классических авторов относили: Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Кирского, Евагрия Схоластика [Ващева, 2012 а]. Однако работы исследователя помогают расширить представление о сложности и многообразии жанра «Церковной истории» и отнести к нему труды других греческих и латинских авторов. Например, в работах И.Ю. Ващевой с позиций изучения церковно-исторических произведений рассматриваются труды Павла Орозия, Геласия Кесарийского, Руфина Аквилейского и т. д. [Ващева, 2013]. Данная позиция была принята в качестве исходной при работе над изучаемой темой.

В настоящем исследовании важна роль отведена трудам Евсевия Кесарийского (ок. 260/265–339/340 гг.), Руфина Аквилейского (ок. 345–410 гг.), Сократа Схоластика (ок. 380–439 гг.), Эрмия Созомена Саламинского (ок. 400–450 гг.), Филосторгия (ок. 368–439 гг.), Феодорита Кирского (ок. 386–457 гг.) и др. Большинство текстов в настоящее время имеют переводы на европейские языки, а также на русский язык.

Эпизоды народного возмущения (Sozom. HE VI, 19) и массовых беспорядков в восточных городах достаточно широко представлены в жанре «Церковной истории». Эти события требовали активного вмешательства со стороны государственной власти (Sozom. HE VI, 13; Socr. HE II, 23, et al). Характерной чертой общественных волнений в восточных городах можно считать их религиозно-политический характер, который они приобре-

ли в связи с христианизацией империи. В свою очередь, опасность возникновения подобных волнений служила важным фактором в принятии определённых решений в области религиозной политики (Sozom. HE VI, 12, 14, 20, 21, 24; Socr. HE II, 16; IV, 15). Стоит отметить влияние характера источников на выделение этой характеристики в описании общественных волнений, поскольку труды церковных историков отличаются определенной тенденциозностью [Болгов, 2009; Ващева, 2012 б].

Важное место в повествовании церковных историков занимают эпизоды городских волнений в период арианских споров. Арианство получило быстрое распространение в городах империи, что привело к раздору между его сторонниками и противниками. Возмущение зрело не только в среде церковных иерархов. Сократ Схоластик отметил, что «какая-то неопределенная распря и смута происходила даже в простом народе» (Socr. HE I, 8).

После осуждения учения Ария в качестве ереси на Первом Вселенском Соборе (325 г.) проблема разногласий не была решена. Значительную деятельность по противодействию арианству проводил архиепископ Александр Александрийский (Socr. HE I, 5–8; Ruf. HE I, 1–2). В то же время Сократ Схоластик отметил, что послание Александра против Ария лишь усугубило ситуацию, и «зло ещё более увеличилось» (Socr. HE I, 6).

Преемник Александра на архиепископском престоле Афанасий Александрийский продолжал деятельность своего предшественника и был непримирим в отношении к арианскому вероучению [Зайцева, 2015]. Процесс интронизации Афанасия сопровождался волнениями, связанными с мелитианами (Sozom. HE II, 21, 22). Мелитиане продолжали свою деятельность по поддержке арианства. Эту позицию они заняли ещё во время служения Александра [Сидоров, 2013]. Не вдаваясь в подробное описание весьма насыщенного жизненного пути Афанасия, заметим, что он неоднократно изгонялся из Александрии и возвращался вновь, подвергался преследованиям. Этим событиям сопутствовали волнения в Александрии.

Вскоре после Никейского собора на почве арианских разногласий произошли волнения в Антиохии. На Антиохийском соборе (330 г.) был низложен и отправлен в ссылку антиохийский архиепископ Евстафий. Сократ Схоластик написал, что произошло «сильное возмущение», вражда периодически вспыхивала даже после избрания нового епископа (Socr. HE I, 24). Описывая силу этого конфликта, он отметил, что «народ, разделившись на две стороны, едва не разрушил всего города» (Ibid.). В конфликте участвовали не только сторонники Евстафия и его противники, к этим сторонам «присоединилась и городская община» (Ibid.). В город были введены войска, но до открытого столкновения с военными не дошло, поскольку послание императора и отказ Евстафия от претензий на архиепископский престол остановили конфликт.

Созомен указал на «смятения», начавшиеся в Александрии после возвращения туда Ария из ссылки (Socr. HE I, 37). Беспорядки происходили и в Константинополе, куда префект прибыл по указанию императора Константина (Ibid.). Сократ Схоластик продемонстрировал довольно однозначное отношение к Арию, связав эпизод его смерти с чудесным следствием молитвы Александра Константинопольского, в которой он просил, чтобы Арий получил по заслугам «за своё нечестие» (Socr. HE I, 37–38). Созомен в аналогичном эпизоде не отметил смятение в Александрии, а указал, что Александрийская церковь не приняла Ария; в случае с Константинополем он написал о разделении среди епископов (Sozom. HE II, 29). Косвенное подтверждение наличия беспорядков в Александрии можно получить из последующего фрагмента труда Созомена, в котором александрийцы обратились к императору Константину, и он в ответном послании не склонился на их сторону и обвинил их в «безумии и беспорядках» (Sozom. HE II, 31). Руфин Аквилейский применительно к данному времени не упомянул о волнениях ни в Александрии, ни в Константинополе (Ruf. HE X, 11–13).

Сократ Схоластик обличил ариан – приверженцев никомедийского епископа Евсевия, которые после смерти императора Константина склоняли его сына Констанция II и

его двор к арианству и разжигали смуту и беспорядки (Socr. HE II, 2). Согласно Сократу, возмущения происходили только в восточных городах, в то время как западные оставались на стороне решений Никейского собора (Ibid.). Среди мотивов, которыми руководствовали сторонники арианства в разжигании догматических споров, Сократ указывает стремление возвести своего сторонника в качестве епископа Александрии, что было предупреждено возвращением Афанасия Александрийского в 337 г., получившего грамоту от Константина Младшего (Socr. HE II, 3; Sozom. HE III, 2; Theodoret. HE II, 2). Созомен указал, что ариане были недовольны возвращением Афанасия, и «отсюда происходили частые возмущения» (Sozom. HE III, 2). У арианского писателя Филосторгия этот эпизод возвращения Афанасия в Александрию помещен после смерти Георгия Александрийского с нарушением хронологической последовательности (Philostorg. HE II, 18) и не содержит упоминаний о волнениях.

После смерти Евсевия Никомедийского (341 г.), в период правления императора Констанция II в столице возникли смятения, связанные с противостоянием сторонников Никейского Собора и арианами (Socr. HE II, 12–13). Смерть Евсевия возобновила конфликт между противоборствующими сторонами. Арианами на престол Константинопольской церкви был избран Македоний, в то время как сторонники православия избрали Павла. Проариански настроенный император Констанций поручил военачальнику Гермогену изгнать Павла. Тот прибыл в Константинополь и стремился исполнить поручение, пытаясь задействовать военную силу, что привело к общественным волнениям. «Разгневанная чернь» сожгла дом Гермогена и убила военачальника. Император был вынужден прибыть в Константинополь, после чего он изгнал Павла. Для жителей города последовало наказание в виде ограничения хлебных раздач с 80 тыс. мер до 40 тыс. Этот хлеб поступал из Александрии (Socr. HE II, 13). Подобные зерновые раздачи имели большую важность, например, в источниках присутствует информация о том, что Афанасий угрожал задержкой поставок зерна в Константинополь из Александрии. Эта информация изменила отношение императора к Афанасию и привела к последующей ссылке архиепископа (Socr. HE III, 35) [Haas, 1997].

Согласно Сократу Схоластику, в период церковного предстоятельства Македония в Константинополе им при содействии императора были инициированы гонения на людей, исповедовавших единосущие. Они были изгоняемы Македонием «не только из церкви, но и из городов (Socr. HE II, 27). Сократ осудил Македония за то, что он «приводил в смятение епархии и города вокруг Константинополя» и за гонения на всех сторонников единосущия, в том числе на новациан (Socr. HE II, 38).

В 351–352 гг. в Диокесарии Палестинской (Сепфорисе) произошло восстание против императора Констанция Галла [Гоголев, 2020]. Сократ сообщил, что это восстание подняли иудеи. Филосторгий так написал об этом эпизоде: «Иудеи Диокесарии (Сепфориса) также взяли в руки оружие и вторглись в Палестину и на соседние территории с намерением сбросить римское иго» (Philostorg. HE IV, 7). Император послал в город войска, которыми восстание было подавлено, а город был разрушен до основания (Socr. HE II, 33). У Созомена также присутствует информация о восстании иудеев, об их поражении от войск Цезаря Галла и разрушении Диокесарии (Sozom. HE IV, 7) [Григорюк, 2009]. Позднее город пострадал от землетрясения 363 г., но вскоре после этого был восстановлен и сохранил свое значение в регионе [Sivan, 2008, p. 317–328].

Обширная информация в «Церковных историях» содержится о волнениях периода правления императора Юлиана Отступника, связанных с его религиозной политикой. Стремление Юлиана вновь возвысить язычество провоцировало нарушение порядка в восточных городах. Феодорит Кирский написал, что, когда «нечестие» Юлиана стало явным, «города наполнились смятениями» (Theodoret. HE III, 6). Автором описаны страшные зверства, которые творили язычники (Theodoret. HE III, 7). Созомен обширно описал репрессивные меры со стороны императорской власти по отношению к христианам (Sozom.

HE V, 3–5). Труд Сократа содержит обвинения язычников, в том числе философов из Афин и Александрии и других городов, в притеснении и мучениях христиан (Socr. HE III, 13, 15). Как отметил И.В. Кривушин, Сократ Схоластик в описании эпохи Юлиана вышел за рамки традиционных для большинства церковных историков изображения императора как гонителя христиан [Кривушин, 1996].

Отдельное место в повествовании церковных авторов отводится убийству александрийцами епископа Георгия (361 г.). Анонимный автор труда «История Афанасия без начала» связывал это событие с вестью о восшествии на престол императора Юлиана (Hist. Aserph., VI, 8). В описании Созомена, причина ненависти язычников к Георгию была сопряжена с христианским преобразованием в Александрии храма Митры по указу императора Констанция. Язычники набросились на христиан, смеющихся над их реликвиями (Sozom. HE V, 7). Подобная информация содержится и у Сократа Схоластика (Socr. HE III, 2). Он приводит послание Юлиана к александрийцам, в котором император обвинил в инциденте весь народ, а не только христиан (Socr. HE III, 3). Сократ добавил информацию о процессе разрастания конфликта: «во время возмущений ненавистники обыкновенно присоединяются к возмутителям» (Socr. HE III, 3). Автор характеризует это событие как стихийно возникшее в результате нарастания недовольства Георгием. Созомен вину за убийство Георгия возложил на представителей языческой черни (Sozom. HE V, 7). В «Церковной истории» Филосторгия указано, что язычников, убивших Георгия, подстрекали к этому поступку сторонники Афанасия (Philostorg. HE VII, 2). Таким образом, у отдельных авторов в описании аналогичного эпизода в описании церковных историков присутствуют принципиальные разночтения.

При императоре Валенте II упомянуты гонения на христиан, исповедовавших единосушие в восточных городах (Socr. HE IV, 17). Интересен эпизод с префектом Эдессы, который ходатайствовал перед императором в пользу христиан и возымел в этом деле успех (Socr. HE IV, 18). В период правления Валента II отмечено и возмущение в Константинополе, причиной которого послужило варварское вторжение, представлявшее опасность для столицы (Socr. HE IV, 38). Народное возмущение, согласно Сократу Схоластику, послужило поводом к ускорению военной кампании против готов, в ходе которой в битве при Адрианополе (378 г.) император Валент II был убит.

После смерти Афанасия в 373 г. в Александрии произошли волнения, связанные с народным недовольством новым архиепископом Александрии, сторонником арианства Лукием (Sozom. HE VI, 19). Арианский иерарх был окончательно изгнан в 379 г. (Socr. HE IV, 37). Созомен обозначает, что в изгнании Лукия и возведении на престол Петра II основную роль сыграло население Александрии (Sozom. HE VI, 39).

В правление императора Грациана в Антиохии возникло противостояние между арианами и сторонниками приверженца никейской веры – Мелетия (Socr. HE IV, 18). Согласно Созомену, этот конфликт был решен договоренностью между претендентами при участии народа (Sozom. HE VII, 3).

Феодосий I искал пути к преодолению религиозных разногласий путём объединения разных сторон. Решения Второго Вселенского собора (381 г.) способствовали утверждению христианства в качестве государственной религии. Вместе с этим ко времени правления этого императора относится Антиохийское восстание 387 г. – одно из крупнейших народных выступлений, в историографии известное как «восстание статуй». Причиной волнений стало инициированное императором повышение налогов (Theodoret. HE V, 20). Волнения в Антиохии были жестоко подавлены, как и последовавшие за ними волнения в Константинополе (388 г.), Александрии (389 г.) и Фессалониках (390 г.) [Курбатов, 1962]. В церковно-исторических сочинениях оно освещено не столь подробно, как, например, в речах ритора Либания и проповедях Иоанна Златоуста. У Феодорита Кирского изложение данных событий производится с нарушением хронологической последовательности, поскольку он сначала описал события в Фессалониках (Theodoret. HE V, 17), а после – события Антио-

хийского восстания (387 г.) (Theodoret. HE V, 20). Феодорит отметил, что чернь протащи-ла по городу статую Элии Плациллы – первой жены Феодосия. Восстание прекратилось только после карательных мер со стороны городских властей и императора (Ibid.).

Согласно Сократу Схоластику, религиозная политика императора Феодосия привела к изгнанию ариан из Константинополя (Socr. HE V, 5), и именно этот процесс вызвал смятения в других городах (Socr. HE V, 10). Под влиянием недовольства ариан в июне 388 г. в Константинополе возник мятеж. Интересен анализ процесса разрастания этого конфликта, описанный церковным историком. Он выразил мысль, что люди любят распускать слухи о том, чего не знают, поскольку «всегда жадны до новостей» (Socr. HE V, 13). В условиях военного времени подобные слухи разрастаются. Они начинают множиться, и «сами сочинители» принимают желаемое за действительное, начиная верить в правдивость выдуманной информации. Что касается характера слухов, то автор труда свидетельствует, что они касались смены политической власти, например, «тиран одержал победу» над действующим правителем. Вместе с этим он отмечает и основную причину конкретного мятежа: недовольство ариан тем, что их противники владеют церквями Константинополя. Таким образом, Сократ описывает механизм развития конфликта и перехода его в открытую фазу, когда недовольство выливается в насильственные действия: ариане «отважились на безумное дело – подожгли и истребили дом епископа Нектария» (Ibid.).

В Александрии в правление императора Феодосия I архиепископом был Феофил Александрийский. Решения Второго Вселенского Собора повлияли на усиление позиций сторонников единосущия и укреплению позиций христианства в империи. Это позволило Феофилу предпринять антиязыческие меры и в 391 г. [Ведешкин, 2015]. Тогда были разрушены храм Диониса и театр, пострадала значительная часть античных статуй, но главное, христиане произвели наступление на грандиозный языческий храм – Серапеум. Падение главного языческого храма Александрии получило широкий отклик в источниках (Socr. HE V, 16; Sozom. HE VII, 15; Ruf. HE XI, 23; Theodoret. HE V, 22 et al.). Церковные историки упоминают участие александрийцев в столкновениях, описывая жестокость как христиан, так и язычников (Sozom. HE VII, 15; Ruf. HE XI, 22). Событие являет собой кульминационный момент в ослаблении язычества в ранневизантийском Египте [Наас, 1997]. Согласно выводам И.В. Зайцевой, разрушение Серапеума способствовало нивелированию роли Александрии как интеллектуального центра [Зайцева, 2018].

Заключение

Таким образом, даже этот, далеко не полный анализ церковно-исторических сочинений, позволяет сделать вывод о том, что трансформационные процессы ранневизантийского времени провоцировали общественные волнения, основными центрами которых являлись наиболее крупные города Восточной Римской империи. В результате конфликтов менялся баланс сил в религиозной политике, который зависел в том числе от позиции имперских властей. Угроза нарушения порядка была важной проблемой, которая требовала от властей оперативного вмешательства с применением разных методов влияния, в том числе указов, ограничений и привлечения к подавлению общественных волнений военных сил. Противоречия, приводившие к общественным волнениям в восточных городах, не получили разрешения в исследуемый период.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, БелГУ, 88.
- Ващева И.Ю. 2012а. «Церковные истории» IV–VII вв.: динамика развития жанра. В: Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (36): 129–154.
- Ващева И.Ю. 2012б. «Церковные истории» IV–VII вв. в контексте изучения межкультурных коммуникаций. В: Вестник ННГУ. № 6–3: 228–235.

- Ващева И.Ю. 2013. Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности. Дисс. ... д-р. ист. наук. Нижний Новгород, 789.
- Ведешкин М.А. 2015. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 316.
- Гоголев Д.А. 2020. Поселения, названные городами, в «церковной истории» Феодорита Кирского. В: *Via in tempore. История. Политология*. Т. 47. № 1: 47–53.
- Григорюк Т.В. 2009. Цезарь Галл в античной историографии. В: *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. № 7 (62): 10–15.
- Зайцева И.В. 2015. Понятие о долге в трудах Афанасия Александрийского. В: *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. № 13 (210): 39–42.
- Зайцева И.В. 2018. Особенности исторической топографии Александрии Египетской. В: *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. Т. 45. № 2: 222–226.
- Кривушин И.В. 1996. Загадка Сократа Схоластика: Юлиан и его время. В: *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. № 1: 47–56.
- Курбатов Г.Л. 1962. К вопросу о «хулящих бога» (βλασφημοῦντες) и восстании 387 г. в Антиохии. В: *Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве*. М., Издательство восточной литературы: 572–578.
- Лебедев П.Н. 2013. Города как место манифестации императорской власти (в сочинениях римских историков III–IV вв. н. э.). В: *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. № 13 (114): 25–37.
- Сидоров А.И. 2013. Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 3. М., Сибирская Благовонница, 732.
- Тюленев В.М. 2001. Павел Орозий и его «История против язычников». В: *Павел Орозий. История против язычников*. Кн. I–III. СПб., Алетейя, 5–20.
- Феодорит Кирский. 1993. Церковная история. М., Российская политическая энциклопедия, Православное товарищество «Колокол», 239.
- Bardy G. (éd.). 1952. Eusèbe de Césarée. Histoire Ecclésiastique. Livres I–IV. Paris, Cerf, 215.
- Barnes T.D. 2012. Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. *The Transformation of the Classical Heritage*, 46. *The Catholic Historical Review*. 98: 86–87.
- Bidez J. (ed.). 1964. Evagrius. The Ecclesiastical History. Amsterdam, 644.
- Browning R. 1952. The Riot of A. D. 387 in Antioch: The Role of the Theatrical Claques in the Later Empire. In: *The Journal of Roman Studies*. Vol. 42: 13–20.
- Fromen H. 1914. (ed.). Athanasii historia acephala. Münster, 100.
- Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore, London, Johns Hopkins University press, 494.
- Migne J.-P. (ed.). 1859. Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica. In: *Patrologia Graeca*. Т. 67. Paris: 30–842.
- Migne J.-P. (ed.). 1864. Philostorgius. Historia Ecclesiastica. In: *Patrologia Graeca*. Т. 65. Paris: 459–638.
- Migne J.-P. (ed.). 1866. Rufini Aquileiensis Presbyteri Historiae Ecclesiasticae libri duo. In: *Patrologia Latina*. Т. 21. Paris: 465–540.
- Migne J.-P. (ed.). Sozomenus. Historia ecclesiastica 1859. In: *Patrologia Graeca*. Т. 67. Paris: 843–1130.
- Sivan H. 2008. Palestine in Late Antiquity. Oxford – New York, 430.

References

- Bolgov N.N. 2009. Pozdnjaja antichnost': istorija i kul'tura [Late Antiquity: History and Culture]. Belgorod, BelGU, 88 (in Russian).
- Vashheva I.Ju. 2012 a. «Cerkovnye istorii» IV–VII vv.: dinamika razvitija zhanra [The Ecclesiastical History of the 4th – 7th centuries A. D.: genre evolution]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. № 2 (36): 129–154 (in Russian).
- Vashheva I.Ju. 2012 b. «Cerkovnye istorii» IV–VII vv. v kontekste izuchenija mezhkul'turnyh kommunikacij [«Church Histories» of the 4th – 7th centuries in the context of cross-cultural communication research]. In: *Vestnik NNGU*. № 6–3: 228–235 (in Russian).

- Vashheva I.Ju. 2013. Fenomen «Cerkovnyh istorij» v jepohu pozdnej antichnosti [The Phenomenon of the «Church Histories» in Late Antiquity]. Diss. ... d-r ist. nauk. Nizhniy Novgorod, 789 (in Russian).
- Vedeshkin M.A. 2015. Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii (IV–VI vv.) [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (IV–VI centuries A. D.)]. Diss. ... kand. ist. nauk. M., 316 (in Russian).
- Gogolev D.A. 2020. Poseleniya, nazvannyye gorodami, v «cerkovnoj istorii» Feodorita Kirskogo [The Settlements called the cities in «Church History» by Theodoret of Cyrus]. In: Via in tempore. Istorija. Politologija. T. 47. № 1: 47–53 (in Russian).
- Grigoruk T.V. 2009. Cesar Gall v antichnoy istoriografii [Caesar Gallus in ancient historiography]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. № 7 (62): 10–15 (in Russian).
- Zajceva I.V. 2015. Ponjatie o dolge v trudah Afanasija Aleksandrijskogo [Concept of works debt in Athanasius of Alexandria]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. № 13 (210): 39–42 (in Russian).
- Zajceva I.V. 2018. Osobennosti istoricheskoy topografii Aleksandrii Egipetskoj [Features of the historical topography of Egyptian Alexandria]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. T. 45. № 2: 222–226 (in Russian).
- Krivushin I.V. 1996. Zagadka Sokrata Sholastika: Julian i ego vremya [Secret of Socrates Scholasticus: Julian and his time]. Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni. № 1: 47–56 (in Russian).
- Kurbatov G.L. 1962. K voprosu o «huljashhih boga» (βλασφημοῦντες) i vosstanii 387 g. v Antiohii [Question of «Blasphemers of God» and the uprising of 387 in Antioch]. In: Drevnij mir: sbornik statej v chest' akademika V.V. Struve. M., Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 572–578 (in Russian).
- Lebedev P.N. 2013. Goroda kak mesto manifestacii imperatorskoj vlasti (v sochinenijah rimskih istorikov III–IV vv. n. je.) [Cities as place of manifestation of the emperor's power (on the base of the works of roman historians of the III–IV A. D.)]. In: Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. № 13 (114): 25–37 (in Russian).
- Sidorov A.I. 2013. Svjatootecheskoe nasledie i cerkovnye drevnosti [Patristic heritage and church antiquities]. T. 3. M., Sibirskaja Blagozvonnica, 732 (in Russian).
- Tyulenev, V.M. 2004. Pavel Oroziy i ego «Istorija protiv yazychnikov» [Paul Orosius and his «History against the pagans»]. In: Paul Orosius. Istorija protiv yazychnikov [History against the pagans]. Kn. I–III. SPb., Aletejja: 5–20 (in Russian).
- Feodorit Kirskiy. 1993. Tserkovnaya istoriya [Church history]. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya; Pravoslavnoe tovarishchestvo «Kolokol», 239 (in Russian).
- Bardy G. (éd.). 1952. Eusèbe de Césarée. Histoire Ecclésiastique. Livres I–IV. Paris, Cerf, 215.
- Barnes T.D. 2012. Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. The Transformation of the Classical Heritage, 46. The Catholic Historical Review. 98: 86–87.
- Bidez J. (ed.). 1964. Evagrius. The Ecclesiastical History. Amsterdam, 644.
- Browning R. 1952. The Riot of A. D. 387 in Antioch: The Role of the Theatrical Claques in the Later Empire. In: The Journal of Roman Studies. Vol. 42: 13–20.
- Fromen H. 1914. (ed.). Athanasii historia acephala. Münster, 100.
- Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore, London, Johns Hopkins University press, 494.
- Migne J.-P. (ed.). 1859. Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica. In: Patrologia Graeca. T. 67. Paris: 30–842.
- Migne J.-P. (ed.). 1864. Philostorgius. Historia Ecclesiastica. In: Patrologia Graeca. T. 65. Paris: 459–638.
- Migne J.-P. (ed.). 1866. Rufini Aquileiensis Presbyteri Historiae Ecclesiasticae libri duo. In: Patrologia Latina. T. 21. Paris: 465–540.
- Migne J.-P. (ed.). Sozomenus. Historia ecclesiastica 1859. In: Patrologia Graeca. T. 67. Paris: 843–1130.
- Sivan H. 2008. Palestine in Late Antiquity. Oxford – New York, 430.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.01.2022
Поступила после рецензирования 25.03.2022
Принята к публикации 25.03.2022

Received 15.01.2022
Revised 25.03.2022
Accepted 25.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руднева Мария Александровна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Rudneva, Candidate of Historical Sciences, assistant of the Department of General History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-0113-5084](https://orcid.org/0000-0002-0113-5084)

УДК 94 (4+7)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

Оригинальное исследование

Крестины Елизаветы Тюдор: один день королевского церемониала

Меднис С.С.

Государственный Эрмитаж,

Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34

E-mail: svetlanamednis@gmail.com

Аннотация. Королевские крестины Елизаветы Тюдор – сложный церемониальный комплекс символов и ритуалов. Первая церемония благословения и приобщения к христианской церкви стала важным событием в жизни и легитимации принцессы. Она определяла ее королевский статус, династическую роль и привилегии. Церемония крестин Елизаветы Тюдор основывалась на традиционной католической форме литургических обрядов. Ей соответствовал сложный символический светский спектакль, который служил репрезентацией принцессы и королевской семьи. Атрибуты власти и инсигнии как символы священного таинства сопутствовали королевским крестинам. Среди них – фамильная серебряная купель, позолоченные кувшины, крестильная свеча и солонка. Наконец, королевские крестины Елизаветы Тюдор – это отражение династических и церемониальных статусов при английском дворе второй половины XVI в.

Ключевые слова: Елизавета Тюдор, английский двор, королевские крестины, придворный церемониал, ритуалы власти

Для цитирования: Меднис С.С. 2022. Крестины Елизаветы Тюдор: один день королевского церемониала. *Via in tempore. История. Политология* 49 (2): 311–321. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

The christening of Elizabeth Tudor: one day of the royal ceremony

Svetlana S. Mednis

The State Hermitage museum,

34 Palace Emb., Saint-Petersburg 191186, Russia

E-mail: svetlanamednis@gmail.com

Abstract. The royal christening of Elizabeth Tudor is comprehensive ceremonial spectacle with the complex of the symbols and rites. This ceremony based on the Blessing and Christian Church inclusion as an important feature in the life and legitimation of the royal child. The ritual destines the Elizabeth Tudor's royal status, dynastic role and privileges. The christening ceremony comprises the traditional Catholic forms. The Sarum Rite demonstrates the ecclesiastical and administrative patters of the sacramental ritual. The royal baptism involves the symbolic secular performance and represents the princess and her crowned family. The richest royal attributes and insignias complete the baptismal spectacle: family silver font, silver-gilt basins, baptismal candle and saltcellar. The rites and rituals of the royal christening have similar elements with coronation order such as the unction, receiving the sacramental gown and oblation. In addition, we can say about the grand public processions enhance this royal ceremony. Finally, the rituals of the christening of Elizabeth Tudor emphasize the private aspects and genealogy of the dynastic ceremonial roles at the English court of the second half of the XVI century.

Keywords: Elizabeth Tudor, English Court, the royal christening, the court ceremonies, ritual of power, baptism

For citation: Mednis S.S. 2022. The christening of Elizabeth Tudor: one day of the royal ceremony. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 311–321 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

Введение

Крестины Елизаветы Тюдор – это праздничное и торжественное событие, а их организация и репрезентация представляют интерес с точки зрения реализации церемоний английского двора. Во-первых, королевские крестины обладали ритуалами, подчеркивающими преемственность и легитимацию королевской наследницы и, во-вторых, оставались литургическим обрядом, что подразумевало выявление особых церемониальных переходов, выраженных в едином непрерывном сценарии.

Следует отметить, что в источниках обряды крестин Елизаветы Тюдор представлены как отдельные фрагменты, указывающие на основные процессы церемонии и упоминающие небольшую часть представителей знатных родов. По этой причине в контексте исследования первостепенное значение приобретает реконструкция королевских крестин процессы как целостной и непрерывной идеи – от первых ритуалов и обрядов до заключительных этапов праздничного дня.

Для понимания общей структуры и последовательности крестильного обряда необходимо остановиться на источниках, в которых представлены общие литургические положения и порядок проведения церемонии в XV–XVI вв.

Во-первых, королевские крестины Елизаветы Тюдор проходили в соответствии с Сарумским обрядом (*Sarum missal*). Этот католический порядок был принят в Раннее Средневековье [Spinks, 2006, p. 91–102] и представлял собой традиционный литургический сборник молитв и церковных служб. В нем включен порядок английского церковного крещения, а наиболее важные обряды были связаны с благословлением младенца и ритуалами защиты от злых духов, а также представлением у купели, которое включало омовение и миропомазание. Крестильная церемония сопровождалась гимнами и молитвами.

Во второй половине XV в. Уильям Сей – декан Английской королевской капеллы – описал крестины как королевский ритуал, в котором отразил синтез светского и церковного сценария. Глава, посвященная королевским крестинам сыновей и дочерей английских монархов, была включена в большой сборник *Liber Regie Capelle*, который был издан в 50-е гг. XVI в. [Ulmann, 1961, p. 67–72].

Сценарий содержит три основных этапа. Первый – это преамбула, в которой рассказывается о процессе оформления и украшения церкви, в которой должны были состояться крестины королевского дитя. Уточняется торжественное облачение новокрещенного и описывается ритуал прибытия крестных матерей и знати в королевский замок. Кроме этого, затрагивается торжественная процессия из резиденции в церковь.

Второй этап подразумевал обряды, связанные с благословлением младенца у входа в храм, а также ключевые ритуалы у крестильной купели, которые были центральным сюжетом в таинстве крещения.

Третий и завершающий этап сосредотачивался на преподнесении даров, благодарственных словах и заключительной процессии, когда священники, знать и крестные матери возвращались с младенцем в королевский замок.

При реконструкции крестин Елизаветы I использовались описания церемоний Марии Тюдор [Letters and Papers, 1864, p. 431–435] и Эдуарда VI [Letters and Papers, 1862, p. 318–320] из писем периода правления Генриха VIII. В них упоминались последовательность основных событий и указывались имена персон с церемониальными должностями. Не менее важным являлся фрагмент крестин принцессы Елизаветы с сопутствующими ри-

туалами и частными аспектами церемонии из сборника Дж. Николсона [Nichols, 1823, p. 1–2].

В отечественной историографии аспекты церемониальных пространств рассматривались С.Е. Федоровым [Королевская знать, 2018, с. 178], Н.А. Хачатурян [Концепт-явление «собственность», 2020, с. 5–14], А.Ю. Серegiной [Серегина, 2007, с. 3–7], О.В. Дмитриевой [Дмитриева, 2021, с. 113]. В западноевропейской историографии интерпретация ритуалов крестильного обряда династии Тюдоров затрагивалась Д. Старки [Starkey, 2007, p. 86–122] и Б. Спинксом [Spinks, 2006, p. 98].

Объект и методы исследования

В исследовании использовались два метода, которые позволили проследить индивидуальные качества церемонии, ее символические и атрибутивные элементы: историко-генетический и структурный методы. Историко-генетический отражает континуитет традиций церемонии королевских крестин от Раннего Средневековья до Раннего Нового Времени. Структурный метод позволил упорядочить обряды и ритуалы королевских крестин Елизаветы Тюдор, а также просмотреть принципы и особенности светских и литургических переходов между сюжетами.

Результаты и их обсуждение

Реконструкция общих правил и порядка церемониала королевских крестин XV–XVI вв. позволила выявить основные тенденции и ключевые моменты, которые сопутствовали торжественному представлению.

Подготовка к церемонии королевских крестин начиналась в день, когда объявляли о рождении наследного принца или принцессы. Церковь, в которой должно было состояться таинство крещения, украшалась шпалерами из аррасского сукна, олицетворяющими символ принадлежности королевскому роду. Богатый декор расшивался золотыми нитями, а в его основе были заложены библейские и мифологические сюжеты [Hard, 1930, p. 162]. Из аррасского сукна изготавливались шелковые с цветочными элементами ковровые дорожки, которые расстилали от выхода из церкви до алтаря.

Пространство церкви разделялось на три области, каждая из которых украшалась голубыми или алыми гобеленами. Выбор цвета крестильных знамен зависел от пола королевского дитя.

Первое пространство выстраивалось у главных церковных дверей до центрального нефа и ассоциировалось с этапом, когда крестные родители вместе с королевским наследником в окружении знати входили в храм. Второе – это центральный неф между алтарем и хорами, где устанавливалась серебряная купель или крестильная чаша. Она драпировалась покрывалами, расшитыми драгоценностями, а поверх украшалась маргаритками в знак чистоты и невинности королевского дитя. Внутри купели выкладывались батистовые ткани, расшитые золотыми нитями [Ulmann, 1959, p. 68]. Высокий балдахин устанавливался над крестильной чашей, а две шпалеры – рубинового цвета с изображением ключа, то есть символа источника власти, и из дамасского сатина с золотой каймой и цветочными орнаментами – завершали композицию.

Третье – это «крестильный траверс», сооруженная деревянная ширма с балдахином, которая устанавливалась рядом с купелью и драпировалась коврами и шелковыми тканями. В отделенном от публики пространстве устанавливался накрытый алым сукном стол. На нем подготавливали золотые подсвечники, серебряные тазы и кувшины, а также раскладывали расшитые узорами ткани и салфетки из хлопка. Вокруг для поддержания тепла устанавливали жаровни с разожженным огнем. На протяжении церемонии дамы находились за специальной ширмой и при необходимости ухаживали за новорожденным дитя. Маргарет Бофорт, которая в конце XV – начале XVI вв. восстановила порядок крестин ко-

ролевских детей для внука Артура Уэльского, подчеркнула необходимость устанавливать специальную ширму, за которой ребенка можно было омыть, используя воду с шафраном [Robinson, 1817, p. 122–123].

В день крестин знать собиралась в королевском замке. Перед церемонией крестные матери и камеристки подготавливали младенца, которого пеленали в одеяло, а затем – в расшитый золотом и пропитанный благовониями покров, оплетенный нитями из драгоценных камней [Liber Regie Capelle, 1959, p. 68–69].

После этого дитя передавали крестной матери. Она складывала и придерживала шлейф крестильного одеяла в руках так, чтобы оно не спадало на пол [Liber Regie Capelle, 1959, p. 68–69]. За ней следовали две придворные дамы. Одна из них держала анаволий – белоснежную рубаху, в которую передевали королевское дитя после таинства крещения. Вторая при необходимости помогала придерживать шлейф крестильного одеяла. После этого крестная мать выходила из комнаты. Она должна была проследовать с новорожденным на руках среди придворных, а затем получить благословление короля, чтобы отправиться в церковь. Далее крестная мать выходила в окружении знати во внутренний двор замка, где четыре рыцаря держали золотой балдахин. Под ним она несла королевское дитя во время процессии в церковь. В шествии участвовали не только придворные, но и капелланы, которые без нот по памяти распевали литургические гимны [Liber Regie Capelle, 1959, p. 69].

Архиепископ, епископы и священники встречали процессию у церкви и по сарумскому порядку в притворе благословляли новорожденного. Архиепископ совершал знак креста над головой и грудью королевского дитя. Зачитывал *The sign of our Saviour* (Знак нашего Спасителя) и затем произносил молитву *Almighty and everlasting God* (Всемогущий и вечный Бог) и совершал экзорцизм – изгнание злого духа, для которого использовалась соль – символ очищения. Архиепископ произносил: *I exorcize you, creature of salt* (Я изгоняю тебя, призывая соль). Он зачитывал строки из Евангелия от Матфея (МФ. 19: 13–15), где говорится о благословении детей. Далее он восклицал «еффафа» (отверзись) и пальцами, обмакнутыми в крупички соли, дотрагивался до ушей, носа и губ младенца, что символизировало беспрепятственную возможность слышать Господа.

В качестве завершения благословления совершался знак креста, и архиепископ произносил формулу *Our Father... Hail Mary, I believe* (Отче наш... «Радуйся, Мария», я верю), которую повторяли священники и знать.

После этого крестная мать с королевским ребенком, знатью и священниками входила в церковь. Они следовали по шелковой дорожке к украшенной цветами и богатыми тканями купели, которая располагалась в центральном нефе. Шествие сопровождалось торжественным гимном *Enter into the Temple* (Вступление в Храм) [Spinks, 2006, p. 100]. Следует отметить, что этот гимн исполнялся не только при крестинах королевского наследника, но и на коронации, когда в окружении прелатов монарх входил в церковь св. Петра.

После того как крестная мать с младенцем на руках проходила в центральный неф, начиналось благословление купели. Ритуал состоял из нескольких этапов. Сначала крестильная чаша наполнялась водой и освещалась знаком креста. После этого архиепископ дул на воду, изгоняя злых духов, а затем окунал свечу-пасхал, от которой после таинства крещения зажигалась детская свеча. После благословления купели архиепископ читал наставление крестным родителям, и начиналась литания – молитва из часто повторяющихся воззваний.

После освящения крестильной чаши следовал ключевой обряд церемонии – погружение или окропление водой младенца. Архиепископ произносил формулу *Receive a white garment* (Получи белоснежное одеяние), и королевское дитя относили за крестильный траверс, где передевали в анаволий – крестильную рубаху.

Завершалась церемония миропомазанием и преподнесением даров крестным родителям, один из которых – гипокрас – сладкое вино с добавлением королевских пряностей [Меднис, 2020, с. 204]. Церемониальный напиток как королевский символ являлся неотъемлемым элементом праздничных пиров, придворных торжеств, процессий и коронаций.

В конце церемонии крестная мать с ребенком в окружении знати возвращалась в резиденцию. Перед процессией следовали капелланы, которые распевали респонсорий – чередующиеся реплики солиста и хора, а зажженные факелы освещали им дорогу.

После возвращения во дворец крестная мать в окружении родных королевской семьи и клира поднималась в покои королевы. В опочивальне она возвращала младенца матери или передавала королю, если он присутствовал в этот торжественный момент, и архиепископ зачитывал молитву о Троице [Liber Regie Capelle, 1959, p. 69–70]. В завершение к королеве подходили с благопожеланиями и дарами, которые гости по очереди преподносили в честь новорожденного дитя.

Таким образом, последование позволяет проследить общепринятую практику церемонии XV века. Описанный порядок становится базисом, позволяющим просмотреть церемонию крестин Елизаветы Тюдор как единый непрерывный сюжет.

Крестины Елизаветы Тюдор. Елизавета Тюдор родилась 7 сентября 1533 г. в Гринвичской резиденции, в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, и в соответствии с традицией крестины принцессы были назначены на третий день после дня ее рождения – 10 сентября 1533 г. Незадолго до рождения дочери Анна Болейн переехала в резиденцию, где ей были отведены отдельные покои, украшенные большой шпалерой о принятии христианства святой мученицей Урсулой и одиннадцатью девами [Worham, 2010, p. 13], богатыми коврами, гобеленам и утварью. В ожидании рождения дитя для предстоящей церемонии крестин новорожденного была сшита новая мантия. Она была выполнена для мальчика [Nichols, 1823, p. 464]. Мантия, в отличие от белоснежных одеяний, была пурпурного цвета с горностаевым мехом – символом королевской власти.

Праздничным утром лорд-мэр и сорок глав городских корпораций, одетые в пурпурные мантии, прибыли в королевскую резиденцию. Они приплыли в Гринвич на лодках, украшенных цветочными гирляндами и геральдическими знаменами. Сэр Стефан Пикок – представитель галантерейной компании королевских тканей – возглавлял церемониальный кортеж. По закону о выборах кандидатов из ливрейных компаний лорд-мэр не мог занимать эту должность больше одного года [Stow, 2010, p. 77], однако в этом статусе на протяжении 1533 г. он принял участие не только в церемонии крестин принцессы, но и несколькими месяцами ранее – в коронации Анны Болейн [Nichols, 1823, p. 37].

Одновременно с прибытием гостей в Гринвич в церкви Францисканцев проводились последние приготовления к торжеству в честь новорожденной принцессы. Согласно традиции Тюдоров, в монастыре проводились праздничные церемонии королевской семьи. Эдуард IV получил от папы Сикста IV право на строительство монастыря на земле, которое в дальнейшем было передано францисканскому ордену [Page, 1926, p. 194–198]. В этой обители в 1491 г. состоялись крестины Генриха VIII, а в 1509 г. – заключение брака молодого короля с Екатериной Арагонской [Page, 1926, p. 195].

Согласно традициям проведения церемонии, в день крестин Елизаветы Тюдор дорога в церковь Францисканцев была украшена arrasскими и дамасскими шпалерами, а путь от Гринвичского замка до францисканской обители был выстелен зеленым ковром [Nichols, 1823, p. 464]. Ткани для торжественных гобеленов были изготовлены в текстильных корпорациях Линкольна, который заимствовал технологию изготовления французского гаруса – шерстяной пряжи для королевского церемониального убранства. В самой церкви, в соответствии с традициями, в центральном нефе на постаменте была установлена серебряная купель, которая находилась на специальном возвышении. Считается, что эта купель использовалась при крестинах принца Артура Уэльского, первенца Генриха VII [Robinson,

1817, p. 126–127]. Она была одной из самых старых и использовалась специально для крестин королевских детей династии Тюдоров.

Начальный этап церемонии подчеркивает состав и представителей придворной знати, а также церемониальные роли городской администрации и представителей английских корпораций. Отдельно выделяется приоритет и региональная принадлежность Гринвича как королевской резиденции, на территории которой располагался архитектурный комплекс, где традиционно проводились семейные торжества династии Тюдоров. Он становится особым пространством – церемониальной сценой праздничной процессии и таинства крещения в церкви Францисканцев.

Символы крестильной процессии. Торжественная процессия, в которую входили крестные матери, высшая знать государства и представители административных должностей, начиналась из королевской резиденции. Сначала следовала колонна по два представителя от городских корпораций. За ними – джентльмены, эсквайры и королевские певчие, а далее – олдермены, лорд-мэр и представители тайного совета. Завершали шествие королевский духовник, бароны и епископы.

Вторая группа выстраивалась в соответствии с иерархией от старших к младшим представителям знатных английских родов [Королевская семья, 2018, с. 74]. Придворные выносили символические атрибуты, которые использовались во время церемонии крестин Елизаветы Тюдор. Предметы отвечали идее репрезентации королевского дома [Дмитриева, 2021, с. 223]. Кроме этого, во время процессии прослеживалась взаимосвязь с семейными узами, что придавало предметам особое церемониальное значение.

Генрих Бушер, граф Эссекса, который считался потомком Плантагенетов, открывал процессию. Его участие демонстрировало взаимосвязь новорожденной принцессы Елизаветы с предшественниками династии Тюдоров. Генриху Бушеру отводилась роль вынесения серебряного крестильного кувшина с закрытой крышкой. Из этого сосуда купель наполняли водой во время благословления перед крестинами, что обладало отсылками к символам и значениям святого источника. Генрих Бушер выступал в качестве посредника: с одной стороны, он был одним из самых почитаемых представителей королевской семьи, и с другой – персоной, которая отвечала за начало церемонии. Кроме этого, подобные кувшины прежде использовались на церемонии Артура Уэльского – брата Генриха VIII, что также подчеркивало легитимацию принцессы Елизаветы.

За графом Эссекским следовал Генрих Кортни, который обладал политическим влиянием при дворе Генриха VIII, а его происхождение позволяло ему претендовать на английский престол, так как он был потомком Эдуарда IV. Как один из важных представителей рода, во время процессии он нес крестильную детскую свечу, которая являлась символом духовного света и зажигалась от свечи-пасхала [Letters and Papers, 1882, p. 449–466]. Символ обладал как церковным, так и светским значением. Зажженная свеча олицетворяла не только приобщение королевского дитя к христианской церкви, но и его начало церемониального пути как наследника английского трона.

За маркизом Эссетера следовал представитель древнего рода Генрих Грей, отец леди Джейн Грей [Lisle, 2009, p. 352]. Он выносил золотую солонку, в которой была насыпана измельченная соль – христианский символ источника жизни и богатства, которая расценивалась и как знак очищения. Раннее упоминание использования соли как церемониального элемента относится к римским обрядам [Latham, 1982, p. 164–165]. Символ связан с благословлением катехуменов – лиц, которые готовились принять таинство крещения и вступить в церковь. Во время крестин архиепископ обмокал щепоткой соли губы королевского дитя, что являлось символом защиты от злых духов.

Последней представительницей древних английских родов была Леди Мэри Фицрой [Southall, 1994, p. 316]. Она несла анаволий – крестильную сорочку из тонкого хлопка с жемчугом и драгоценными камнями.

Так, можно проследить, что выстраивается церемониальная взаимосвязь между представителями родов и сакральными предметами, которые играли ключевую роль при крещении в церкви новорожденного королевского дитя.

К третьей группе относились те, кто сопровождал принцессу Елизавету – крестные матери, близкие родственники и фавориты, приближенные к королевской семье. Среди придворных при Генрихе VIII приоритетное положение оставалось у Говардов, по этой причине на роль крестной матери принцессы Елизаветы Тюдор была выбрана представительница из этого рода – Агнесс Норфолк. Во время процессии герцогиня несла девочку на руках, а сопровождал ее граф-маршал Томас Говард, который в знак своего статуса и положения держал маршальский жезл.

Агнесс Норфолк вместе с новорожденной следовала в церковь под пурпурным балахином, который держали четыре рыцаря: Уильям Говард, Томас Говард, Джордж Болейн и барон Джон Хасси. Чарльз Брэндон, герцог Саффолк, сопровождал герцогиню. Среди приближенных королевской семьи в процессии принимали представители других родов, участие которых соответствовало домениальным интересам короны. Анна Бланнерхассет – представительница старинного англо-ирландского рода [Montgomery, 1976, 135–136], графиня Кентская, следовала за герцогиней Норфолк и придерживала длинный шлейф пурпурной мантии принцессы. Манориальный сюжет усиливался при участии Эдуарда Стенли, графа Дерби, который являлся главой острова Мэн – государства, расположенного между Англией и Ирландией. Кроме этого, церемониальное участие графини Кентской расценивалось как символ покровительства графства, из которого происходили родственники Елизаветы Тюдор по материнской линии. Томас Болейн, который родился в замке Хифер – резиденции Болейн в Кенте, следовал в процессии и помогал Анне Бланнерхассет держать шлейф крестильной мантии своей внучки.

Процессия в церковь Францисканцев обладала значением, при котором символические атрибуты фигурировали в соответствии с их появлением при крещении – от кувшина со святой водой до анаволия. Кроме этого, символы предвосхищали сценарий таинства, а представители знатных родов становились неотъемлемыми участниками частной королевской церемонии.

Крещение. На протяжении этапа благословения и вступления в церковь Агнесс Говард находилась рядом с принцессой. Однако не только она одна выступала в качестве крестной матери Елизаветы Тюдор. На королевской церемонии крестин их насчитывалось до четырех персон. По традиции двое крестных родителя – одноименного пола, а один – противоположного – принимали участие в сопровождении королевского дитя [Fisher, 2007, p. 157]. По этой причине, помимо Агнесс Говард, крестными родителями Елизаветы Тюдор были выбраны маркиза Маргарет Уоттон и архиепископ Томас Кранмер. Они находились с принцессой на протяжении процессии и были свидетелями таинства крещения. Крестный родитель одного пола участвовал в миропомазании новокрещенного и являлся восприемником от купели Крещения. Его роль заключалась в том, что он принимал младенца у купели, чтобы перенести его за крестильный траверс, где затем присутствовал при переодевании новокрещенного в священный анаволий. Эта церемониальная должность при крестинах Елизаветы Тюдор принадлежала Гертруде Кортни, что вновь обладало отсылками к идее происхождения и приобщения к знатному старому роду новорожденной принцессы.

Помимо положения крестных родителей в церемонии Елизаветы Тюдор немаловажный интерес представляет ключевой этап таинства крещения, которое сопровождалось богатым символическим и литургическим наполнением.

После того как крестные родители с принцессой на руках проходили в центральный неф, они останавливались у серебряной купели, а вокруг постамента по четырем сторонам стояли рыцари. На них были завязаны запоны – церемониальные фартуки треугольной или трацепивидной формы белого цвета как символ чистоты и невинности. Еще одним

атрибутом являлись символизирующие святую воду полотенца, которые были перекинуты через их шеи. В соответствии с церемониальной должностью, что прослеживалось в элементах одежды, оруженосцы охраняли купель, следили за порядком и наблюдали, чтобы во время совершения крещения только епископ и крестные родители с младенцем находились под балдахином. По всей видимости, их роль рыцарей обладала, в том числе, мифологической символикой, так как прообразы защитников источника или родника можно проследить в средневековом литературном жанре. Одно из упоминаний прослеживается в артуровском цикле, где одним из сюжетов было существование посредников между водной стихией, например, озерной Девой или хранителями родников, и придворным миром. Согласно одной из легенд, король Артур сломал свой меч в битве с воином Пелинором, который считался рыцарем источника [Kaufman, 2007, p. 56–58].

После того как в окружении оруженосцев перед крестными родителями с младенцем Джон Стокли освятил купель и провел ритуалы благословения, совершалось первое помазание принцессы, за которым следовало погружение или окропление водой из купели. При Тюдорах существовало два способа проведения ритуала. Первый – погружательное крещение, при котором происходило однократное или трехкратное окунание новокрещенного с головой. Второй – обливательное, которое наиболее часто использовалось при младенческих крестинах. Согласно упоминанию антиквара Уильяма Дагдейла [Паламарчук, 2015, с. 292], в истории Британских островов полное погружение младенца как наследие римских традиций присутствовало в церемониях XI в. Однако после крестин принца Этельреда был совершен окончательный переход к обливательному крещению, так как кратковременное трехкратное погружение не соответствовало торжественности церемонии [Robinson, 1817, p. 409–410].

После крещения следовала церемония помазания. Это был важный церемониальный обычай, так как он обладал взаимосвязью с будущей коронацией, которая по смыслу означала перерождение и переход королевской наследницы в новый статус. Этот момент при крестинах усиливался переодеванием в священный анаволий, что также обладало аналогиями с коронационным миропомазанием, до которого королева переодевалась в светлые одежды [Nichols, 1823, p. 1–2]. После прочтения главы из Евангелия архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер использовал миро – состав масел, в состав которого входил елей. Оно придавало торжественности и царственности ритуалу крещения. По отношению к королевским детям, предполагаемым наследникам, миропомазание называлось первым, так как второе совершалось на церемонии коронации. По этой причине именно Томас Кранмер участвовал в обряде конфирмации, а не Джон Стокли, епископ Лондона. Именно архиепископ Кентерберийский совершал обряд помазания английских королей. Во время миропомазания рядом с принцессой находилась восприемница – Гертруда Корни, которая выступала свидетельницей обряда, а кроме этого, олицетворяла, в противоположность церковному обычаю, секулярный мир и представляла королевский род Елизаветы Тюдор.

В завершении церемонии зажигалась детская крестильная свеча и на алтарь возлагали церемониальные дары. Сначала крестные родители преподнесли чаши, которые символизировали изобилие и здоровье, – золотые и серебряные кубки, а также чаши, украшенные жемчугом. Затем придворные по очереди дарили конфеты и вафли, и на возвращении в королевскую резиденцию и благопожеланиях Анне Болейн в честь новокрещенной дочери заканчивалась торжественная церемония крестин принцессы Елизаветы.

Заключение

Реконструкция королевских крестин Елизаветы Тюдор позволила изучить традиции и форму церемонии, ознакомиться с ее символическими и сакральными этапами, а также

стала важной ступенью для рассмотрения в перспективе семиотических и мифологических заимствований и взаимосвязей в придворных ритуалах и процессиях королевы.

Закрепление определенных символических и литургических сюжетов в церемонии крестин Елизаветы Тюдор позволяет провести аналогии с ее коронацией, что определяет таинство крещения не как отдельный обряд приобщения к христианской церкви и королевской семье, а как один из связующих элементов на церемониальном пути наследницы престола.

Существенным моментом является статус и роль титулованной знати в церемонии крестин. С одной стороны, происходит обновление придворного окружения, на что указывает процесс инкорпорирования молодых придворных из знатных семей в состав именитых родов. С другой, церемония отражает постоянство и стабильность в отношении ключевых представителей из окружения династии Тюдоров.

Королевские крестины Елизаветы Тюдор – это церемониальный комплекс обрядов и символов, которые служили репрезентацией английского двора. В некотором смысле, это был способ демонстрации и закрепления принадлежности королевской семьи как группы, которая отличалась по привилегиям и правовому положению. Несмотря на то, что королевские крестины Елизаветы Тюдор по сравнению с другими ритуалами обладали большей камерностью и затрагивали аспекты частной жизни двора, они были важным звеном в церемониальном сценарии на протяжении будущего становления, правления и легитимации английской королевы.

Список литературы

- Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья. 2020. Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., Алетейя, 412.
- Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. 2018. Под ред. С.Е. Федорова. СПб, Алетейя, 488.
- Меднис С.С. 2020. Музыка сфер: Коронационный пир Елизаветы Тюдор. В: Известия Саратовского ун-та. Серия История. Международные отношения, 20 (2): 199–208.
- Паламарчук А.А. 2015. Цивильное право в Раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., Алетейя, 326.
- Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. 2021. Под ред. О.В. Дмитриевой. М., Квадрига, 1112.
- Серегина А.Ю. 2007. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 год). В: Средние века, 68 (2): 5–33.
- Borman T. 2009. Elizabeth's Women. The Hidden Story of the Virgen Queen. L., Vintage of London, 450.
- Burke's Irish Family Records. Genealogical Histories of Notable Irish Families. 2007. Ed. by Hugh Montgomery-Massingberd. L., Burkes Peerage Ltd, 376.
- Fisher J. 2007. Christian Initiation: Baptism in the Medieval West. Chicago, Hillenbrand Books, 240.
- Hard F. 1930. Spencer's «Clothes of Arras and of Tour». Studies in Philology, 27 (2): 162–185.
- Kaufman A. The Law of the Lake: Malory's Sovereign Lady. Arthuriana. 17 (3): 56–73.
- Latham J. 1982. The Religious Symbolism of Salt. Théologie historique, 64: 164–165.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1864. Ed. by J. Gairdner. Vol. 2. Pt. 1. L., Cambridge University Press, 512.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1882. Ed. by J. Gairdner. Vol. 6. L., Cambridge University Press, 610.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1862. Ed. by J. Gairdner. Vol. 12. Pt. 2. L., Cambridge University Press, 533.
- Liber Regie Capelle. A Manuscript in the Biblioteca publica. 1959. Ed. by W. Ullmann. L., Henry Bradshaw Society Publication, 312.
- Lisle L. 2009. The Sisters who would be Queen: Mary, Katherine, and Lady Jane Grey. A Tudor Tragedy. L., Harper Collins UK, 419.
- Nichols J. 1823. The Progresses and Public Procession of Queen Elizabeth: Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 554.

- Page W. 1926. *The History of the County of Kent*. L., St. Catherine Press, 521.
Robinson R. 1817. *History of Baptism*. Boston, Lincoln & Edmunds, 653.
Southall R. 1994. Mary Fitzroy and 'O Happy Dames' in the Devonshire Manuscript. *The Review of English Studies*. 45 (179): 316–317.
Spinks B. 2006 *Early and Medieval Rituals and Theologies of Baptism*. Oxford, Ashgate Publishing Limited, 204.
Starkey D. 2007. *The Struggle of the Throne*. San Francisco, Harper Collins, 298.
Stow J. 2010. *A survey of the cities of London and Westminster*. London, Galle Ecco, 912.

References

- Koncept-javdenie «sobstvennost'» v obshhestvennoj strukture zapadnoevropejskogo Srednevekov'ja [Concept-phenomenon «property» in the social structure of the Western European Middle Ages]. 2020. Pod red. N.A. Hachaturjan. SPb, Aletejja, 412 (in Russian).
Korolevskaja sem'ja i ceremonial'nye prostranstvo rannestjuartovskoj monarhii. Pod red. S.E. Fedorova [The Royal Family and the Ceremonial Spaces of the Early Stuart Monarchy]. 2018. SPb, Aletejja, 488 (in Russian).
Mednis S. S. 2020. Muzyka sfer: Koronacionnyj pir Elizavety Tjudor [Music of the Spheres: Elizabeth Tudor's Coronation Feast]. In: *Izv. Sarat. un-ta. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Proceedings of the Saratov University. Series History. International relationships], 20 (2): 199–208 (in Russian).
Palamarchuk A.A. 2015. Civil'noe pravo v Rannestjuartovskoj Anglii: instituty i idei [Civil Law in Early Stuart England: Institutions and Ideas]. SPb, Aletejja, 326 (in Russian).
Parlament i politicheskaya kul'tura Anglii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. 2021. Pod red. O.V. Dmitrievoj. M., Kvadriga, 1112.
Seregina A.Ju. 2007. Vernost' koroleve i dolg katolika: kreshhenie Mjeri Braun (1594 god) [Loyalty to the Queen and the Duty of a Catholic: Mary Brown's Baptism (1594)]. In: *Srednie veka* [Middle Ages], 68 (2): 5–33 (in Russian).
Borman T. 2009. *Elizabeth's Women. The Hidden Story of the Virgen Queen*. L., Vintage of London, 450.
Burke's Irish Family Records. Genealogical Histories of Notable Irish Families. 2007. Ed. by Hugh Montgomery-Massingberd. L., Burkes Peerage Ltd, 376.
Fisher J. 2007. *Christian Initiation: Baptism in the Medieval West*. Chicago, Hillenbrand Books, 240.
Hard F. 1930. Spencer's «Clothes of Arras and of Tour». *Studies in Philology*, 27 (2): 162–185.
Kaufman A. *The Law of the Lake: Malory's Sovereign Lady*. *Arthuriana*. 17 (3): 56–73.
Latham J. 1982. *The Religious Symbolism of Salt*. *Théologie historique*, 64: 164–165.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1864. Ed. by J. Gairdner. Vol. 2. Pt. 1. L., Cambridge University Press, 512.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1882. Ed. by J. Gairdner. Vol. 6. L., Cambridge University Press, 610.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1862. Ed. by J. Gairdner. Vol. 12. Pt. 2. L., Cambridge University Press, 533.
Liber Regie Capelle. A Manuscript in the Biblioteca publica. 1959. Ed. by W. Ullmann. L., Henry Bradshaw Society Publication, 312.
Lisle L. 2009. *The Sisters who would be Queen: Mary, Katherine, and Lady Jane Grey. A Tudor Tragedy*. L., Harper Collins UK, 419.
Nichols J. 1823. *The Progresses and Public Procession of Queen Elizabeth: Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press, 554.
Page W. 1926. *The History of the County of Kent*. L., St. Catherine Press, 521.
Robinson R. 1817. *History of Baptism*. Boston, Lincoln & Edmunds, 653.
Southall R. 1994. Mary Fitzroy and 'O Happy Dames' in the Devonshire Manuscript. *The Review of English Studies*. 45 (179): 316–317.
Spinks B. 2006 *Early and Medieval Rituals and Theologies of Baptism*. Oxford, Ashgate Publishing Limited, 204.
Starkey D. 2007. *The Struggle of the Throne*. San Francisco, Harper Collins, 298.
Stow J. 2010. *A survey of the cities of London and Westminster*. London, Galle Ecco, 912.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.10.2021

Received 03.10.2021

Поступила после рецензирования 28.02.2022

Revised 28.02.2022

Принята к публикации 01.03.2022

Accepted 03.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Меднис Светлана Сергеевна, младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Svetlana S. Mednis, research assistant, The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7575-9607](https://orcid.org/0000-0002-7575-9607)

УДК 94(450).07 + 94(44).028
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-322-330
Оригинальное исследование

Венецианский посол Джакомо Соранцо о парламентах Франции 50-х гг. XVI в.

Третьякова М.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал,
Россия, 607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется итоговый отчет (Relazione) венецианского посла Джакомо Соранцо, аккредитованного при дворе французского короля Генриха II в 1554–1558 гг. В центре внимания автора находится сюжет итогового отчета, посвященный парламентам Франции. Особое внимание в отчетах венецианских послов и, в частности, Джакомо Соранцо занимало освещение осуществления правосудия в тех странах, где они были аккредитованы. Донося своему правительству о ситуации во Франции в 1554–1558 гг., Джакомо Соранцо затронул и такой институт политической системы этой страны, как парламенты – высшие суды во Франции XV–XVIII вв. По его сведениям, их десять, среди них главным является Парижский парламент. Венецианец характеризует структуру парламента, его состав, полномочия, функции. Эта информация, приводимая послом, можно полагать, помогала венецианскому правительству быть в курсе специфики политического развития французского государства.

Ключевые слова: Франция, XVI век, Парижский парламент, парламентские чиновники, венецианский посол, Джакомо Соранцо

Для цитирования: Третьякова М.В. 2022. Венецианский посол Джакомо Соранцо о парламентах Франции 50-х гг. XVI в. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 322–330. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-322-330

Venetian Ambassador Giacomo Soranzo on the parliaments of France in the 50s of the XVI century

Marina V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod after N.I. Lobachevsky, Arzamas branch,
36 K. Marx Street, Arzamas 606220, N. Novgorod region, Russia
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the final report (Relazione) of the Venetian ambassador Giacomo Soranzo, accredited to the court of the French King Henry II in 1554–1558. The author focuses on the plot of the final report on the parliaments of France. Special attention was paid in the reports of the Venetian ambassadors, and in particular Giacomo Soranzo, to the coverage of the implementation of justice in those countries where they were accredited. Informing his government about the situation in France in 1554–1558, Giacomo Soranzo also touched on such an institution of the political system of this country as parliaments – the highest courts in France of the XV–XVIII centuries. According to him, there are ten of them; among them, the main one is the Paris Parliament. The Venetian characterizes the structure of the parliament, its composition, powers, and functions. This information, given by the ambassador, can be assumed to have helped the Venetian government to be aware of the specifics of the political development of the French state.

Keywords: France, XVI century, Parisian Parliament, parliamentary officials, Venetian Ambassador, Giacomo Soranzo

For citation: Tretyakova M.V. 2022. Venetian Ambassador Giacomo Soranzo on the parliaments of France in the 50s of the XVI century. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 322–330 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-322-330

Введение

Несмотря на то, что существовала четкая структура содержания отчетов (*Relazione*) венецианских послов своему правительству по итогам своих дипломатических миссий, каждый посол мог сделать акцент на тех сторонах жизни/функционирования государства, где он был аккредитован, которые его особенно интересовали. Так, например, в своих отчетах сенату венецианские послы при дворе французской короны в 50 – начале 60-х гг. XVI в. как обязательную приводили информацию, которая касалась особенностей географического положения французского государства, его административного деления, социальной структуры, основных направлений экономического развития, а также давали характеристику главным персонам французского двора, включая и королевскую семью. Но каждый из них обязательно включал в отчет сведения о наиболее значимых на момент его миссии событиях во Франции. Это могли быть и сведения о военных кампаниях, поскольку шли Итальянские войны, и религиозные проблемы, поскольку Франция вступила в период религиозных войн, либо конфликты между влиятельными персонами французского двора, но могла быть включена и информация, которая по каким-то причинам привлекла внимание венецианского посла, и он счел необходимым поставить в известность свое правительство.

Объект и методы исследования

Объектом нашего исследования является дипломатия Венеции в XVI в., а также отчеты венецианских послов сенату. В ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, системный метод. Принципы диалектического познания, историзма с опорой на критический анализ источников, которые были использованы в этом исследовании, позволяют изучать явления в их постоянной изменчивости, развитии и взаимосвязи. В связи с этим мы использовали как основной историко-генетический метод исследования, а также методы классификации, типологизации и текстового анализа. Объект исследования обусловил широкое применение биографического метода, который позволил нам выявить и рассмотреть основные направления деятельности венецианского посла Джакомо Соранцо.

Результаты и их обсуждение

Одной из особенностей отчетов венецианского посла Джакомо Соранцо (1518–1599), что по окончании его миссии в Англии [*Relazione d' Inghilterra di Giacomo Soranzo*], что по завершении миссии во Франции [*Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo*], что по итогам миссии в Священной Римской империи [*Relazione di Giacomo Soranzo tornato da Ferdinando I nel 1562*], было то, что он всегда обращал внимание на судебную систему этих государств. В 1554–1558 гг. Джакомо Соранцо был послом при дворе Генриха II.

Его интерес к тому, как осуществлялось правосудие в странах за Альпами, вероятнее всего, объяснялся его личными пристрастиями и, возможно, тем, что, зная, как строится общественно-политическая карьера нобилia в Венеции, Джакомо Соранцо мог предположить, что ему между исполнением дипломатических поручений придется замещать магистратуры, связанные с административно-судебными функциями. Фактически эти сведения о судебной системе Франции могли быть и способом расширения своего кругозора в этой

области, и информацией, которая должна была принести некую практическую пользу правительству у него на родине. Ибо должности, которые имели в своем содержании некую судебно-административную составляющую, Джакомо Соранцо занимал уже после своих посольств в Англию, Францию и Священную Римскую империю [Cadorin, 1847, p. 57; Albéri, 1857, p. 123–125; Hazzlit, 1902, p. 435, 462].

Отметим, что сведений о судебных учреждениях/институтах Франции нет в отчетах венецианских послов, аккредитованных при дворе французской короны в период с 1551 по 1561 г., при дворах Генриха II (1547–1559), Франциска II (1559–1560) и Карла IX (1560–1574). Об этом не писали ни Джованни Капелло (1497–1559) [Relazione di Francia di messer Giovanni Capello], посол при дворе Генриха II в 1551–1554 гг., ни Джованни Микель (1516–1596) [Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561], посол Венеции при дворах Франциска II и Карла IX в 1559–1561 гг.

В XVI в., как утверждают исследователи, «во Франции существовала разветвленная система королевских судов, на вершине которых стояли парламенты, важнейшим среди них являлся Парижский парламент – высшая инстанция королевского суда» [Хачатурян, 1989, с. 46; Эльфонд, 2011, с. 77, 110; Mousnier, 1979, p. 255]. Парижский парламент возник в 1307 г. (иногда называют датой его образования конец XIII в. (1260 г.) или 1302 г.), выделившись, как и Королевский совет, и суд пэров, из королевской курии [Сказкин, 1972, с. 170–171; Хачатурян, 1989, с. 47; Стукалова, 2011, с. 49]. Со времени Людовика IX он был расположен на острове Сите, недалеко от королевского дворца и часовни Сен-Шапель, ныне там находится Апелляционный суд Парижа, называемый Дворцом правосудия [Стукалова, 2011, с. 52].

Структура Парижского парламента менялась. В XIV–XV вв. он состоял из четырех Палат: Большой палаты (Grand'Chambre), или Судебной палаты (Camera placitorum; Chambre des plaids), Палаты расследований (Camera inquestarum; Chambre des enquetes), Палаты прошений (Camera requestarum; Chambre des requetes), Уголовной палаты, или Турнель (La Tournelle или Chambre Criminelle) [Хачатурян, 1989, с. 47; Стукалова, 2011, с. 53; Эльфонд, 2011, с. 83]. Позднее появились и другие палаты. Например, в 1548 г. была создана Chambre ardente – особая палата для суда над еретиками (Трибунал при парламенте для суда над протестантами). Аналогичные палаты в 1559 г. были созданы при всех парламентах.

Иерархия палат была следующей: сначала шла по значимости Большая палата; потом Палата/палаты расследований, в Парижском парламенте было 5 таких палат, в каждой 3 президента, 32 советников, 16 мирян и 16 клириков [Mousnier, 1979, p. 304]; потом шла по рангу Палата прошений, в Парижском парламенте таких палат было 2, в каждой по 3 президента и от 10 до 13 советников [Mousnier, 1979, p. 305], в других парламентах было по одной такой палате; потом Палата уголовных дел (La Tournelle, или Chambre Criminelle), в ее составе было 4 présidents à mortier, 6 советников из Большой палаты и по 2 советника от каждой Chambre des Enquêtes, или всего 20 магистратов; в каждом парламенте была Chambre des Vacations. У нее был президент и 12 советников из Большой Палаты и Chambre des Enquêtes. Заседала Палата от дня Воздвижение Креста Господня (14 сентября) до следующего дня после праздника св. Мартина (12 ноября) [Mousnier, 1979, p. 305].

Компетенция Парижского парламента также менялась во времени. К XVI в. Парижский парламент – это высший апелляционный суд [Эльфонд, 2011, с. 81], обладавший правами регистрации государственных актов и ремонстрации [Сказкин, 1972, с. 171; Стукалова, 2011, с. 54; Эльфонд, 2011, с. 82; Mousnier, 1979, p. 259].

Помимо центрального Парижского парламента существовали и парламента в провинциях. Сначала было семь парламентских судов. Они были созданы в XV в. Это – Тулузский Парламент (для Лангедока) в 1443 г., Гренобльский (для Дофине) в 1453 г., Парламент в Бордо (для Аквитании) в 1453 г./1462 г., затем в Дижоне (для Бургундии) в 1477 г., в Руане (для Нормандии) в 1499 г. и Эксе (для Прованса) в 1501 г. В период ан-

некции Савойи и Пьемонта был создан Парламент в Шамбери (с 1536 по 1559 г.) [Mousnier, 1979, p. 256–257]. Восьмой был создан указом Генриха II (1553/1554) в Ренне для Бретани [Хачатурян, 1989, с. 46; Эльфонд, 2011, с. 82]. Все парламенты Франции строились по образцу Парижского парламента [Mousnier, 1979, p. 259].

Во всяком случае Джакомо Соранцо пишет, что во Франции существует десять парламентов, что они находятся в десяти главных городах провинций, но некоторые провинции – такие, как Пикардия, Шампань, Бурбонне, Лионне, – не имеют парламентов, но должны за правосудием обращаться в Парижский парламент [Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo, p. 442].

В числе парламентов Соранцо ошибся, насчитав их десять. Но это объясняется тем, что он в своем отчете указывает, что Франция была поделена на 14 провинций, и в каждой он отмечает главный город этой провинции: Нормандия (Руан), Бретань (Нант), Гасконь (Бордо), Лангедок (Тулуза), Прованс (Экс), Дофине (Гренобль), Савойя (Шамбери), Пьемонт (Турин), Лионне (Лион), Бурбонне (Мулен), Бургундия (Дижон), Шампань (Реймс), Пикардия (Амьен), Иль-де-Франс (Париж) [Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo, p. 404–405]. Судя по его тексту, он полагает, что отдельные парламенты были в Савойе и Пьемонте.

Палаты Парижского парламента включали в себя президентов, советников и секретарей. Число чиновников было строго регламентировано [Mousnier, 1979, p. 308].

Во главе Палаты стоял президент (*premier président du Parlement de Paris*), а если его не было, то *présidents à mortier*, или президент *La Tournelle*, или декан советников [Mousnier, 1979, p. 302]. Существовала иерархия парламентских магистратур: *premier président du Parlement de Paris*, *président à mortier*, принцы крови, 6 духовных пэров, 6 светских пэров, члены Частного совета, если они входили в Совет в течение 20 лет/служили в парламенте в течение 10 лет, почетные по рождению советники, почетные рыцари, почетные советники, *maîtres des requêtes*¹², члены Большой палаты, советники Палаты Расследований, советники Палаты Прошений, почетные президенты, советники и другие [Mousnier, 1979, p. 308–309].

По словам Джакомо Соранцо, в Парижский парламент «входят 160 советников, 6 президентов, 12 пэров Франции, епископ Парижа, аббат Сен-Дени» [Relazione di Francia..., p. 442].

Описывает он и структуру парламента, но, правда, несколько своеобразно именуя его палаты. Он пишет, что «Президенты и советники делятся на две части, и служат по 6 месяцев, и заседают по 4 палатам. Первая называется Большой (*la grande*), в нее входят 40 советников и 4 президента, они рассматривают важные дела/случаи, которые до этого обсуждали адвокаты других палат. Следующая палата называется первой (*la prima*), в нее входят 2 президента, они рассматривают дела вместе с входящими в нее 20 советниками, столько же во второй (*seconda*), но здесь рассматриваются дела в письменном виде, ... в четвертой палате (*la tornella*) рассматриваются дела как криминальные, так и гражданские» [Relazione di Francia..., p. 442–443]. Как видим, Соранцо не приводит названия ни Палаты Расследований, ни Палаты Прошений, ограничиваясь их обозначением как первая и вторая палата. Хотя все-таки он пытается объяснить специфику деятельности последней.

Члены Парламента были несменяемы, с начала XVI в. парламентские должности становятся наследственными. Эти должности занимали представители третьего сословия, которые с течением временем аноблировались, превращаясь во «дворянство мантии» [Эльфонд, 2011, с. 110]. Эту тенденцию тоже заметил венецианский посол. В своем отчете в части, где он дает характеристику социальным стратам Франции, Джакомо Соранцо от-

¹² *Maitres des requetes* – помощники канцлера назывались докладчиками. Они являлись членами парламентов, заседали в Большой палате, их статус находился между президентами и советниками [Эльфонд, 2011, с. 113].

метил, что к благородным относятся и составляют вторую часть социальной структуры Франции «люди длинной мантии» (*di roba lunga*) (робены). По словам Джакомо Соранцо, «они делятся на две категории». Первые служат судьями, занимают должности при дворе, управляют деньгами и счетами короля, берут откупы у короля, могут покупать свои должности и имеют такие же привилегии, как и знать, и могут передавать их по наследству. Вторые – это купцы (*mercanti*), которые, с одной стороны, не имеют таких привилегий, как первые, но, с другой стороны, они могут их получить, если их потомство станет заниматься тем же, чем занимаются представители первой категории этой социальной страты. Тем не менее они являются самыми богатыми людьми Франции [*Relazione di Francia...*, p. 407–408].

И.Я. Эльфонд в качестве примера таких парламентских фамилий, которые играли важную роль в парламенте, приводит семью Сегье, «которая предоставила короне помимо знаменитого канцлера Франции Пьера Сегье¹³ пятерых председателей Парижского парламента, 13 парламентских советников, двух генеральных адвокатов и т. д.» [Эльфонд, 2011, с. 98]. Во время посольства Джакомо Соранцо дед Пьера Сегье – тоже Пьер Сегье (*Pierre Séguier* (1504–1580)), занимавший должность *avocat général au parlement de Paris*, в 1554 г. стал *président à mortier au parlement de Paris*. С Парижским парламентом были связаны и другие известные семейства: *Harlay*, *Maureou*, *Lefèvre d'Ormesson*, *les Selve*, *Gaudart*, *Le Peletier*, *Lamoignon*.

Что пишет Джакомо Соранцо о парламентах Франции? С одной стороны, немного, в основном останавливаясь на том, как работает система, весьма кратко обращая внимание на ее структуру и состав и называя местоположения парламентов. С другой стороны, информация должна была вызвать определенный интерес у правительства Венеции, поскольку здесь существовала несколько иная в структурном отношении система правосудия.

Вопросами юридического характера в Венеции занималась Кварантия (*Consiglio dei Quaranta*, *Supremo Tribunale della Quarantia*, *Quarantia*), или Совет Сорока – судебная коллегия из 40 человек – исполнительный и судебный орган [Hazzlit, 1902, p. 435, 456, 468; Бек, 2002, с. 73]. Возникла она в 1179 г. В ее ведении были экономические и финансовые вопросы, уголовное и гражданское судопроизводства. Кроме того, к ней относилась и деятельность венецианского Монетного двора (*Zecca*). В 1441 г. Кварантия была разделена на две части: *Quarantia Criminale* и *Quarantia Civil*. В 1491/1492 г. прошла дальнейшая ее реорганизация: *Quarantia Civil* была поделена на *Quarantia Civil Vecchia* и *Quarantia Civil Nuova*, занимавшихся делами в сфере соответственно гражданского и уголовного права [Юсупов, 2011, с. 370]. Первоначально в состав Совета Сорока входило 40 человек, что и было отражено в ее названии. Но после того как во время избрания дожа в 1229 г. голоса Совета сорока разделились поровну и избрание Джакомо Тьеполо решил жребий, Совет сорока был увеличен на одного человека.

В компетенцию *Quarantia Civil Vecchia* входили вопросы гражданского права, в ее юрисдикции находилось население собственно Венеции, Догадо (*Dogado*)¹⁴ и заморских владений Республики св. Марка¹⁵ (*Stato da Màr*, *Domini da Mar*).

Компетенцию *La Quarantia Civil Nuova* также составляли вопросы гражданского права, но за разрешением своих проблем к ней обращалось население Террафермы (*Domini de teraferma*)¹⁶. Решения по менее важным гражданским искам принимались в двух коллегии-

¹³ Пьер Сегье (1588–1672), герцог де Вильмор – канцлер Франции в 1650–1651 и 1652–1656 гг.

¹⁴ Владениями Республики св. Марка были Догадо, или собственно Венеция, Терраферма и *Stato da Mar*. Догадо (*Dogado*), или Венецианское герцогство, которое состояло из города Венеция и узкой прибрежной полосы от Лорео до Градо. Кроме Венеции администрация Догадо была поделена на девять районов: Градо, Каорле, Торчелло, Мурано, Маламокко, Кьоджа, Лорео, Кавардзере, Гамбараре.

¹⁵ *Stato da Màr* – заморские владения Венеции. В их число входили часть земель Истрии, Далмации, Албании, Негропонт, Морея, островов Эгейского моря, Крит, Кипр.

¹⁶ Терраферма (*Domini di Terraferma*) – материковые владения Венеции в северной Италии.

ях – Collegio de'venti Savj, она состояла из 25 человек, и Collegio de'dodici Savj, состоявшей из 15 человек.

В Совет Сорока входили нобили, выбранные Большим советом. Для того чтобы быть избранным в состав Кварантии, нужно было быть в возрасте старше 30 лет. Существовала квота – в Совете Сорока одного созыва не должно быть более двух членов одной фамилии. Во главе Совета Сорока стояли три главы (*capì*) и 2 вице-главы (*vice-capì*), которые менялись каждые два месяца. Три главы Совета Сорока входили в состав Синьории. После избрания в состав Совета Сорока каждый судья должен был в течение 8 месяцев прослужить в четырех отделах Совета Сорока: сначала в Коллегиях, потом в *Quarantia Civil Nuova*, потом в *Quarantia Civil Vecchia* и, наконец, в *Quarantia Criminale*. Должность судьи Совета Сорока была желанной из-за влияния, которое было связано с ее замещением, но она не была высокооплачиваемой [Cadorin, 1847, p. 50–51].

Еще одним органом, связанным с решением судебных вопросов, был Совет Десяти (*Consiglio dei Dieci*, *Consejo de i Diexe Il*, *Consiglio dei Dieci*, *Consiglio dei X*, *i Dieci*) [Бек, 2002, с. 74; Hazzlit, 1902, p. 435, 440, 441]. Этот совет был создан как временный в июне 1310 г. после заговора Марко Кверини – Байманте Тьеполо. В 1335 г. он превратился в постоянный орган [Юсупов, 2011, с. 374–375]. Вначале Совет десяти осуществлял надзор за сосланными заговорщиками. Затем в его ведении находились шпионаж, допросы и тюрьмы, рассмотрение информации от анонимных авторов, которые опускали свои сообщения в «уста льва». Совет десяти имел право принимать решения, равносильные решениям Большого Совета. В его состав входило десять советников, но они могли принимать решения лишь вместе с дожем и шестью его советниками, т. е. Совет фактически состоял из семнадцати человек. На его заседания всегда приглашался «адвокат коммуны» (*Avvogatori di comun*) [Hazzlit, 1902, p. 435], имевший совещательный голос. Члены Совета десяти занимали свою магистратуру в течение года, но им запрещалось избираться на следующий год, в течение которого проверялись возможные злоупотребления этих советников. И в этом совете тоже существовала квота – нельзя было в один год избирать в Совет десяти двух представителей одной семьи. Однако эти правила иногда нарушались. Во главе Совета десяти стояли три главы – *capì dei dieci*. Совет заседал ежедневно, работа в совете не оплачивалась. Совет десяти обладал огромным влиянием. Членами Совета десяти становились обычно представители самых богатых и знатных венецианских родов [Cadorin, 1847, p. 49–50; Hazzlit, 1902, p. 456, 468].

Итак, вернемся к тому, что писал Джакомо Соранцо о судебной системе Франции. Свое сообщение о ней он начинает с того, что отмечает, что во Франции сначала гражданские дела рассматриваются на местах «у подеста»; если исход дела не удовлетворяет истца, то он обращается к бальи; если и в этом случае нет удовлетворения от того, как было разрешено дело, то существует два пути: первый – если «дело стоит в тысячу флоринов, можно обращаться в парламенты»; второй – «если дело не превышает тысячи флоринов, то идут в суды *presidiali*, недавно созданные, где есть 12 советников и 2 президента для каждого» [Relazione di Francia..., p. 442].

Президиальные суды (*présidiaux*) действительно были созданы недавно, а именно по указу короля Генриха II 15 февраля 1552 г. / по старому стилю 1551 г., в каждом бальяже [Mousnier, 1979, p. 263]. В них должны были рассматриваться гражданские дела с ценой иска в 250 турецких ливров; случаи с ценой иска в 500 турецких ливров тоже могли рассматриваться в президиальных судах, но можно обращаться с апелляцией в парламент. Предполагалось, что эти созданные президиальные суды по гражданским и уголовным делам должны были освободить парламенты от мелких дел. Вначале таких президиальных судов было 60 [Эльфонд, 2011, с. 80–81; Mousnier, 1979, p. 264]. Целью этого нововведения кроме разгрузки провинциальных парламентов было повышение доступности правосудия для населения [Эльфонд, 2011, с. 80–81; Mousnier, 1979, p. 264].

Содержание парламентов дорого обходилось короне. По данным Н. Томмазо, по сведениям о финансах 1552 г., на Парижский парламент шло 88 000 ливров; на парламент Руана – 41 000 ливров; на парламент и счетную палату Бургундии – 30 000 ливров; на парламент Тулузы – 40 000 ливров; на парламент Бордо – 35 000 ливров» [Relations des ambassadeurs..., p. 401–403]. Как видим, даже в расходах Парижский парламент занимал главенствующее место среди парламентов Франции.

Выводы

К сожалению, Джакомо Соранцо не высказывает своего мнения об эффективности французской судебной системы, хотя полагает, что покупка судебных должностей не может быть расценена как показатель честности и беспристрастности судей. Надо полагать, что скудность сведений о парламенте в отчете Джакомо Соранцо объясняется тем, что венецианское правительство интересовала несколько другая информация, которую сообщил в своем отчете посол, например, о военных кампаниях 50-х гг. XVI в., о персонах, игравших важную роль при дворе. Сюжет же о Парижском парламенте и провинциальных парламентах не относился к значимой информации, но во многом был познавательным, но не более того... Кроме того, Джакомо Соранцо по происхождению был нобилем и к тем, кто не являлся знатным, особого пиетета не испытывал. Следовательно, парламент как учреждение, где в большинстве были представлены представители третьего сословия, не был объектом пристального его внимания. Поскольку, по мысли венецианского нобилея, большая политика все-таки вершилась при дворе короля...

Подведем итоги. Как видим, венецианский посол Джакомо Соранцо в своем отчете некоторое внимание уделил Парижскому парламенту и провинциальным парламентам, полагая, что изучение этого института судебной системы Франции является весьма познавательным для венецианских нобилей как возможность сравнить их с аналогичными институтами Венеции [Оке, 2006; Гарретт, 2007; Норвич, 2010]. Его свидетельства показали, что парламенты Франции имеют древнюю историю, обладают структурой, в них служат представители третьего сословия и они требуют денег для своего содержания.

Список литературы

- Бек К. 2002. История Венеции. М., Весь мир, 192.
Гарретт М. 2007. Венеция: история города. М., Эксмо, 352.
Норвич Дж. 2010. История Венецианской республики. М., Аст, 862.
Оке Ж.-К. 2006. Средневековая Венеция. М., Вече, 400.
Сказкин С.Д. 1972. Франция первой половины XVI века. В: История Франции. В 3 т. Т. 1. М., Наука, 360: 151–180.
Стукалова Т.Ю. 2011. Институты власти и должности во французском королевстве в XI–XIII вв. В: Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., КДУ, 572: 44–75.
Хачатурян Н.А. 1989. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., Высш. шк., 271.
Эльфонд И. Я. 2011. Потестарные институты во Франции в позднее средневековье и раннее новое время. В: Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., КДУ, 572: 76–120.
Юсупов А. Ю. 2011. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. В: Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., КДУ, 572: 356–386.
Albéri E. (ed.). 1857. Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo. In: Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, Società Editrice Fiorentina, 506: 123–125.
Cadorin G. 1847. Magistrature Venete. In: Venezia e le sue lagune. Venezia, Antonelli, Voll. 2. Vol. 1: 47–77.

- Hazzlit W. 1902. *The Venetian Republic, Its Rise, Its Growth and Its Fall*. Voll. 2. Vol. 2. London, Adam and Charles Black, 1902. 819.
- Mousnier R. 1979. *The institutions of France under the absolute monarchy, 1598–1789*. 2 voll. v. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 783.
- Rapport de Jean Cappello ambassadeur en France en 1554. In: *Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle*. 1838. Recueillies et trad. par M.N. Tommaseo. Paris, Imprimerie royale, 565.
- Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561. (Relazione dell'Eccellentissimo Giovanni Michiel, ambassador, che ritornò dalla sua legazione l'anno 1561). In: *Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle*. 1838. Recueillies et trad. par M.N. Tommaseo. Paris, Imprimerie royale, 565.
- Relazione d'Inghilterra di Giacomo Soranzo, tornato ambasciatore da quella corte il 19 agosto 1554. In: *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto*. 1853. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume III. Firenze, Società editrice fiorentina, 472.
- Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quella corte nel 1558. In: *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*. 1840. Raccolte, annotate ed edite Eugenio Albèri. Serie I. Vol. II. Firenze, Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 471.
- Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561. In: *Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto*. 1853. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume III. Firenze, Società Editrice Fiorentina, 472.
- Relazione di Francia di messer Giovanni Capello, tornato ambasciatore da quella corte, l'anno 1554. In: *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*. 1840. Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Serie I. Vol. II. Firenze, Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 471.
- Relazione di Giacomo Soranzo tornato da Ferdinando I nel 1562. In: *Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto*. 1862. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Vol. VI. Firenze, A spese dell'Editore, Tipografia Grazzini, Giannini E C., 480.

References

- Bek K. 2002. *Istoriya Venecii [History of Venice]*. M.: Ves' mir, 192.
- Garrett M. 2007. *Venecija: istorija goroda [Venice: the history of the city]*. M., Jeksmo, 352.
- Norvich Dzh. 2010. *Istoriya Venecianskoj respubliki [History of the Republic of Venice]*. M., Ast, 862.
- Oke Zh.-K. 2006. *Srednevekovaja Venecija [Medieval Venice]*. M., Veche, 400.
- Skazkin S.D. 1972. *Franciya pervoj poloviny XVI veka [France, first half of the 16th century]*. V: *Istoriya Francii [History of France]*. V 3 тт. Т. 1. M., Nauka: 151–180.
- Stukalova T.Yu. 2011. *Instituty vlasti i dolzhnosti vo francuzskom korolevstve v XI–XIII vv. [Institutions of power and position in the French kingdom in the 11th – 13th centuries.]*. V: *Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Power institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early modern times]*. M., KDU: 44–75.
- Hachaturyan N.A. 1989. *Soslovnaya monarhiya vo Francii XIII–XV vv. [Estate monarchy in France XIII–XV centuries]*. M., Vyssh. shk., 271.
- El'fond I. Ya. 2011. *Potestarnye instituty vo Francii v pozdnee srednevekov'e i rannee novoe vremya [Potestary institutions in France in the late Middle Ages and early modern times]*. V: *Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Power institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early modern times]*. M., KDU: 76–120.
- Yusupov A.Yu. 2011. *Sistema upravleniya Venecianskoj respubliki v VII–XV vv. [The system of government of the Venetian Republic in the 7th–15th centuries]*. V: *Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Power institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early modern times]*. M., KDU: 356–386.
- Albèri E. (ed.). 1857. *Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo*. In: *Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto*. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, Società Editrice Fiorentina, 506: 123–125.
- Cadorin G. 1847. *Magistrature Venete*. In: *Venezia e le sue lagune*. Venezia, Antonelli, Voll. 2. Vol. 1: 47–77.
- Hazzlit W. 1902. *The Venetian Republic, Its Rise, Its Growth and Its Fall*. Voll. 2. Vol. 2. London, Adam and Charles Black, 1902. 819.

- Mousnier R. 1979. The institutions of France under the absolute monarchy, 1598–1789. 2 voll. v. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 783.
- Rapport de Jean Cappello ambassadeur en France en 1554. In: Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle. 1838. Recueillies et trad. par M.N. Tommaseo. Paris, Imprimerie royale, 565.
- Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561. (Relazione dell'Eccellentissimo Giovanni Michiel, ambassador, che ritornò dalla sua legazione l'anno 1561). In: Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle. 1838. Recueillies et trad. par M.N. Tommaseo. Paris, Imprimerie royale, 565.
- Relazione d' Inghilterra di Giacomo Soranzo, tornato ambasciatore da quella corte il 19 agosto 1554. In: Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto. 1853. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume III. Firenze, Società editrice fiorentina, 472.
- Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quella corte nel 1558. In: Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. 1840. Raccolte, annotate ed edite Eugenio Albèri. Serie I. Vol. II. Firenze, Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 471.
- Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561. In: Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto. 1853. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume III. Firenze, Società Editrice Fiorentina, 472.
- Relazione di Francia di messer Giovanni Capello, tornato ambasciatore da quella corte, l'anno 1554. In: Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. 1840. Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Serie I. Vol. II. Firenze, Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 471.
- Relazione di Giacomo Soranzo tornato da Ferdinando I nel 1562. In: Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto. 1862. Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Vol. VI. Firenze, A spese dell'Editore, Tipografia Grazzini, Giannini E C., 480.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.12.2021

Received 29.12.2021

Поступила после рецензирования 25.03.2022

Revised 25.03.2022

Принята к публикации 25.03.2022

Accepted 25.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета, г. Арзамас, Россия

Marina V. Tretyakova, Candidate of Historical sciences, docent of the Department of History, Social Science and Law, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6158-8800](https://orcid.org/0000-0002-6158-8800)

УДК 94(540)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-331-338

Оригинальное исследование

Индийский национальный конгресс в годы правления лорда Элгина (1894–1898)

Никитин Д.С.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: nikitds33@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы развития и деятельности Индийского национального конгресса (ИНК) в годы правления в Британской Индии вице-короля лорда Элгина. На основе отчетов о ежегодных сессиях ИНК реконструируются позиция Конгресса в отношении политики Элгина, особенности взаимоотношений ИНК и власти в конце XIX в., основные направления деятельности ИНК в Великобритании (нашедшие свое выражение в работе Британского комитета ИНК и Индийского парламентского комитета) и Индии. Сделаны выводы о неудовлетворенности Конгресса политикой Элгина, нарастании противоречий между разными течениями внутри индийского национального движения.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс, лорд Элгин, Британская Индия, Индийский парламентский комитет, национальное движение

Для цитирования: Никитин Д.С. 2022. Индийский национальный конгресс в годы правления лорда Элгина (1894–1898). *Via in tempore. История. политология.* 49 (2): 331–338. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-331-338

Indian National Congress in the years of Elgin's government (1894–1898)

Dmitry S. Nikitin

Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk 634050, Russia
E-mail: nikitds33@gmail.com

Abstract. The paper reveals the key problems of development and activities of the Indian National Congress in the years of viceroy Elgin's government. It describes Congress' attitude towards Elgin's Indian policy, relationships between Congress and Indian authorities in the context of the dominance of the conservators in Cabinet and Parliament. Elgin faced with many unresolved problems as famine, plague, currency question. These problems led to outrages in India, adoption of repressive measures by Elgin's government and, as result, critics of Elgin by Congress. In Britain, where British Committee of Congress and Indian parliamentary committee worked, activities of Congress complicated by conservative domination in the House of Commons. Lack of effective results led to growing contradictions inside Congress, which was manifested in controversion on Congress' constitution question. This question showed the development of radical tendencies among the rank and file of Congress, which had led to split in Congress at the beginning of 20th century.

Keywords: Indian National Congress, lord Elgin, British India, Indian parliamentary committee, national movement

For citation: Nikitin D.S. 2022. Indian National Congress in the years of the Elgin's government (1894–1898). Via in tempore. History and political science. 49 (2): 331–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-331-338

Введение

Индийский национальный конгресс (ИНК) в конце XIX в. превращался в ведущую организацию в национальном движении. Годы правления вице-короля и генерал-губернатора Индии Лэнсдауна (1888–1894) стали для ИНК временем относительно спокойного развития, когда Конгресс добился определенных успехов в решении поставленных перед ним задач: создании Британского комитета ИНК (БК ИНК) в Лондоне и неформального комитета по индийским делам в парламенте, куда вошли стоявшие у истоков Конгресса У. Уэддерберн и Дадабхай Наороджи; активном участии в обсуждении закона об индийских советах 1892 г., который хотя и был далек от предложенной ИНК схемы, воспринимался лидерами Конгресса как свидетельство правильно выбранного курса; увеличении числа сторонников организации. Достижению этих локальных успехов в значительной степени способствовала позиция, занятая вице-королем в отношении Конгресса. В отличие от своего предшественника, лорда Дафферина, который в последние годы правления резко критиковал деятельность ИНК, Лэнсдаун стремился поощрять его усилия в наиболее «безопасных» для британского правления в Индии областях. Поэтому смена вице-короля осенью 1894 г. означала для Конгресса необходимость приспособления к изменившимся условиям, поскольку его деятельность с момента основания вызывала противоречивую реакцию правительства Индии, несмотря на умеренность политических воззрений лидеров ИНК и их стремление к поддержке и сохранению британского правления в стране, характерное для Конгресса в конце XIX – начале XX в.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является национально-освободительное движение в Британской Индии на этапе его становления – в конце XIX – начале XX в. В рамках этого этапа правление лорда Элгина стало для ИНК периодом относительной стагнации, вызванной причинами внешнего и внутреннего характера. В статье на основе принципа историзма, историко-генетического метода и анализа исторических источников выявляются эти причины, а также особенности в развитии Индийского национального конгресса, ими обусловленные.

Результаты и их обсуждение

Весной 1894 г. генеральный секретарь ИНК, «отец Конгресса» А.О. Юм навсегда покинул Индию. Хотя на ежегодных сессиях Конгресса Юма регулярно переизбирали генеральным секретарем вплоть до 1906 г., его отъезд был важной вехой в истории организации – преодолев под руководством Юма трудный период становления, Конгресс вступил в новую фазу развития. Свообразным напутствием Юма единомышленникам стало его «Прощание с Индией» [Юм, 2019, с. 322–343] – речь на митинге в Бомбее перед отплытием в Англию. В ней он попытался наметить пути грядущего развития Индии и задачи национального движения. Юм полагал, что либеральное правительство графа Розбери не сможет стабильно находиться у власти долгое время, а длительное господство консерваторов в правительстве приведет к краху «самых заветных устремлений» сторонников Конгресса. Юм считал, что «когда дела идут довольно гладко, либеральные лидеры не имеют никакого стимула к тому, чтобы активно выступать против наших справедливых требований» [Юм, 2019, с. 326], но готовил соратников к тому, что в годы правления консерваторов прогресс в деле национального движения будет приостановлен [Юм, 2019,

с. 329]. Тем не менее прогнозы Юма оправдались не в полной мере: хотя летом 1895 г. власть перешла к консервативному кабинету маркиза Солсбери, несколькими месяцами ранее (в октябре 1894 г.) вице-королем Индии был назначен либерал Виктор Александр Брюс, девятый граф Элгин.

В Индии Элгин столкнулся с многочисленными трудностями, которых избежали его предшественники. Главной из них была финансовая реформа, начатая Лэнсдауном. В июне 1893 г. для введения золотого стандарта были закрыты монетные дворы, занимавшиеся свободной чеканкой серебряной монеты. Индийская рупия, таким образом, лишилась серебряного обеспечения, ее курс был завышен по отношению к серебру, что вело к увеличению налогового бремени [Новая история Индии, 1961, с. 499]. Лидеры ИНК, среди которых было множество известных экономистов, подвергли этот шаг жестокой критике. Дадабхай Наороджи называл валютную реформу «бесчестной» [Naoroji, 1901, p. 532], генеральный секретарь Конгресса Д.Э. Вача полагал, что реформа представляет собой «обременительное и бессрочное по характеру косвенное налогообложение»; в подобном же духе высказывалась индийская пресса [Malhotra, 1966, p. 33]. В декабре 1894 г. на ежегодной сессии ИНК была принята резолюция, содержащая просьбу к правительству о назначении парламентского комитета для рассмотрения «финансовых отношений между Индией и Соединенным Королевством» [Report of the 10th INC, 1895, p. 2]. Комитету, по мнению Конгресса, следовало рассмотреть, «в состоянии ли индийский народ нести существующее финансовое бремя» [Report of the 10th INC, 1895, p. 2]. В апреле 1898 г. комитет по рассмотрению валютного вопроса (комитет Фаулера) был создан, однако его работа вызывала нарекания со стороны Конгресса, считавшего необходимым увеличение числа «компетентных и квалифицированных» индийских представителей, свидетельствующих перед комитетом [Report of the 14th INC, 1899, p. 3]. Индийское правительство во главе с Элгином и государственный секретарь по делам Индии Дж. Гамильтон, в свою очередь, стремились не допустить в число свидетелей противников реформы. Гамильтон в особенности выступал против включения в работу членов ИНК, в частности Дадабхая Наороджи [Malhotra, 1966, p. 62]. В конечном счете комитет рекомендовал британскому правительству ввести в Индии золотой стандарт; рекомендации легли в основу принятого годом позже закона [Unrepealed Central Acts, 1904, p. 111].

Другими серьезными проблемами второй половины 1890-х гг. стали голод 1896–1897 гг. и эпидемия чумы, разразившаяся в Бомбейском президентстве в 1896 г. Эти события вкупе с военными экспедициями на северо-западные границы Индии обусловили критику Элгина на сессиях Конгресса [Report of the 11th INC, 1896, p. 28; Report of the 12th INC, 1897, p. 132]. Сам же вице-король, подобно своим предшественникам, занимал двойственную позицию. Он полагал, что деятели ИНК, выражая свое недовольство по многим вопросам, не являются при этом нелояльными и не стремятся к замене британской власти индийским или иным иностранным правительством. Лидеры Конгресса, по его мнению, были интеллектуалами, достойными места в законодательных советах, где они могли способствовать выработке разумного решения возникающих проблем [Mehrotra, 1995, p. 137]. Смена кабинета в 1895 г. привела к тому, что большую часть срока своих вице-королевских полномочий Элгин должен был координировать свои действия с консервативным Дж. Гамильтоном. Вице-король не последовал совету своих советников запретить деятельность ИНК и успешно противостоял давлению из Лондона, направленному на ограничение свободы прессы в Индии, однако в 1898 г. утвердил поправки в Уголовный кодекс, ведущие к ужесточению закона о подстрекательстве к мятежу [Mehrotra, 1995, p. 138]. В целом однако правление Элгина не привело ни к улучшению отношений ИНК с колониальной администрацией, ни к их заметному осложнению. Конгресс в это время еще не был серьезным раздражителем для индийского правительства, и такое положение способствовало тому, что организация продолжала планомерную работу по направлениям, намеченным его основателями [Юм, 2019, с. 199–202].

Одним из наиболее важных среди них в конце XIX в. оставалась деятельность ИНК в Великобритании. В Лондоне с 1889 г. действовал БК ИНК, а в 1893 г. в Палате общин был создан неформальный комитет по индийским вопросам, который возглавил У. Уэддерберн. В первые годы существования организации лидеры Конгресса уделяли особенное внимание «британскому» направлению работы, полагая, что требуемых реформ можно добиться только в Палате общин [Kaushik, 1972, p. 38]. Этому должна была способствовать агитация в прессе (с 1890 г. БК ИНК издавал журнал «Индия»), обсуждение индийских вопросов в английских либеральных клубах, выступления с лекциями по всей стране. В 1890-е гг. Конгресс обсуждал вопрос о проведении своей ежегодной сессии в Лондоне [Kaushik, 1972, p. 42–44], а отправка делегаций ИНК в Англию стала важным элементом агитационной деятельности Конгресса в метрополии [Shankar, 2011, p. 89].

В целях укрепления связей с членами парламента БК ИНК в преддверии сессии 1894 г. предложил в качестве кандидатуры на пост президента Конгресса ирландского парламентария А. Уэбба. Уэбб стал третьим – после Дж. Юла и У. Уэддерберна – британцем, председательствовавшим на сессиях ИНК. Хотя он входил в Индийский парламентский комитет, он никогда не жил в Индии и не являлся признанным авторитетом в индийских вопросах, в силу чего его кандидатура вызывала определенные возражения в конгрессиистских кругах [Mehrotra, 1995, p. 75]. Тем не менее появление члена парламента на сессии в качестве формального лидера Конгресса произвело благоприятное впечатление на общественность – секретарь ИНК Д.Э. Вача отмечал, что речь Уэбба получила «золотые отклики со всех сторон» [Webb, 1999, p. 9].

С 1895 г. представители Индийского парламентского комитета принимали участие в работе королевской комиссии по управлению расходами Индии (комиссия Уэлби). Индийские интересы в комиссии представляли У.С. Кейн, У. Уэддерберн и Д. Наороджи, а в качестве свидетелей перед ней в 1897 г. выступали известные лидеры Конгресса – Д.Э. Вача, С. Банерджи, Г. Субраманья Айяр, Г.К. Гокхале [Banerjea, 1925, p. 410]. Работа комиссии широко освещалась в индийской прессе [Report on native papers, 1897a, p. 7; Report on native papers, 1897b, p. 17; Report on native papers, 1898, p. 7], однако ее результаты не были вполне удовлетворительными [Report on native papers, 1901, p. 150; Report on English papers, 1902, p. 144]. В 1900 г. комиссия завершила работу, выявив несколько случаев неправомерных расходов; Уэддерберн и Наороджи опубликовали отчет меньшинства, который «шел дальше в своих рекомендациях» [Minority Report, 1906, p. 3]; часть из них была впоследствии реализована в реформах Морли – Минто и Монтегю – Челмсфорда [Ratcliffe, 1923, p. 80–81].

В целом деятельность Индийского парламентского комитета в 1890-х гг. осложнялась сокрушительным поражением либералов на парламентских выборах 1895 г. [Readman, 1999], в ходе которых своему оппоненту-консерватору уступил Дадабхай Наороджи. В Палате общин, где сформировалось консервативное большинство, либералы, поддерживавшие ИНК, не могли эффективно отстаивать интересы Конгресса [Mehrotra, 1966, p. 342].

Вероятно, к числу наиболее значимых достижений комитета следует отнести привлечение внимания к проблеме голода и эпидемий чумы в Индии. На протяжении 1897–1898 гг. У. Уэддерберн неоднократно выступал в Палате общин по этим вопросам [Hansard, 1897a, c. 1431; Hansard, 1897b, c. 156], предлагая проводить расследование проблем сельского хозяйства на местах, в каждой отдельной деревне в пределах строго определенной территории [Ratcliffe, 1923, p. 84]. Скорейшее разрешение этих проблем было необходимо, поскольку они имели серьезные социальные последствия. Так, в Пуне (Бомбейское президентство) действия комитета по борьбе с чумой, возглавляемого комиссаром Индийской гражданской службы У. Рэндом, вызвали массовое недовольство и беспорядки, в результате которых Рэнд и его помощник Ч. Айерст были убиты [The Pioneer, 29 June 1897, p. 7].

Для Конгресса непосредственным следствием пунских событий стал судебный процесс над редактором газеты «Кесари» Б.Г. Тилаком – популярным лидером ИНК из Махараштры. Тилак был приговорен к восемнадцати месяцам заключения за подстрекательство к мятежу, что привело к обвинениям Конгресса в нелояльности. В частности, муниципальный комиссар и коллектор Бомбея А.Т. Кроуфорд, исследуя причины беспорядков в Пуне, отмечал, что ИНК несет ответственность за появление множества печатных изданий, выступающих против правительства [Crawford, 1897, p. 78–79]. Конгресс, в свою очередь, выступал против судебной дискриминации в отношении Тилака. На сессии 1897 г. президент ИНК Ч. Шанкаран Наир заявил, что европейцы имеют право на суд присяжных, наполовину состоящий из европейцев, тогда как индеец «не может требовать справедливого судебного разбирательства со стороны своих соотечественников» [Report of the 13th INC, 1898, p. 22]. Репрессивные меры, примененные правительством в Пуне, по мнению Шанкарана Наира, напоминали «худшие дни безответственного деспотизма» [Report of the 13th INC, 1898, p. 22]. Изрядная доля критики выпала и на долю вице-короля Элгина. А.Ч. Мазумдар, один из бенгальских делегатов на сессии, заявлял: «Лорд Литтон заткнул рот индийской прессе, но даже он не заткнул рот индийскому народу. Вашему радикальному вице-королю было уготовано выковать кандалы как для индийской прессы, так и для индийской общественности одним росчерком пера» [Report of the 13th INC, 1898, p. 87]. В результате сессии ИНК принял несколько резолюций, осуждавших применение репрессивных положений уголовного законодательства [Report of the 13th INC, 1898, p. 6–7].

Среди нерешенных «внутренних» вопросов деятельности ИНК в годы правления Элгина важнейшей оставалась проблема отсутствия устава, который определял бы состав, структуру и порядок работы Конгресса. ИНК имел несколько постоянных комитетов в крупных городах Индии; в городах, выбранных для проведения следующей сессии Конгресса (проходившей в конце декабря), создавался специальный приемный комитет, занимавшийся вопросами организации, поиска и обсуждения кандидатуры президента, публикации отчета о работе сессии; в Лондоне автономно функционировал Британский комитет, получавший финансирование из средств ИНК, но формально не зависевший от Конгресса. Во многом такая ситуация объяснялась «временным» характером Конгресса, собиравшегося единожды в год на несколько дней; кроме того, в первые годы ИНК находился под сильным влиянием генерального секретаря А.О. Юма, решавшего многие вопросы организации единовластно. В 1887 г. был создан особый комитет, разработавший проект устава [Report of the 3rd INC, 1888, p. 63], однако в последующие годы вопрос о его принятии на сессиях практически не обсуждался. Ситуация начала меняться в середине 1890-х гг., когда под давлением ряда провинциальных комитетов руководство ИНК вновь обратилось к данной проблеме. Сессия 1895 г. в Пуне приняла решение отправить на рассмотрение провинциальных комитетов проект устава [Report of the 11th INC, 1896, p. 1], но, хотя проект активно обсуждался в прессе и конгрессистских кругах [Mehrotra, 1995, p. 155–157], он не был принят вплоть до 1899 г. Проблема устава стала признаком серьезной борьбы внутри Конгресса и стремления провинциальных комитетов ограничить власть умеренного руководства ИНК, пересмотреть финансовую политику организации и принятия действенных мер, необходимых для выполнения выдвигаемых Конгрессом требований. Эти внутренние противоречия особенно обостряются в начале XX в. и найдут свое выражение в расколе Конгресса в декабре 1907 г.

Выводы

В целом период правления вице-короля Элгина не привел ИНК к каким-либо существенным достижениям. Официальная печать Конгресса возлагала вину на вице-короля, «ставленника Гладстона» и «сторонника гомруля» [Report of the 14th INC, 1899, p. 1], не оправдав надежд, которые связывались с его назначением. В свою очередь,

в 1895–1898 гг. лорд Элгин был вынужден осуществлять свои вице-королевские полномочия в условиях правления консервативного кабинета лорда Солсбери, что существенным образом влияло на его возможности в области либеральных преобразований в Индии. Отсутствие заметного прогресса в деятельности ИНК вело к тому, что рядовые деятели Конгресса все больше разочаровывались в либеральных принципах, заложенных основателями ИНК, и требовали более активных действий. Нерешенность вопросов, фиксируемых в резолюциях Конгресса, инертность Британского комитета и неспособность сторонников ИНК в парламенте существенным образом поспособствовать выполнению его требований, вела к медленной и постепенной радикализации конгрессиистских кругов, которая проявлялась в борьбе за принятие устава ИНК и окончательному оформлению двух течений внутри Конгресса – умеренного и радикального, имевших разное видение путей развития национального движения в Индии.

Список литературы

- Юм А.О. 2019. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, Сибпринт, 375.
- Новая история Индии. 1961. Под ред. К.А. Антоновой и др. М., Издательство восточной литературы, 412.
- Banerjea S.N. 1925. A nation in making. London, H. Milford, 435.
- Crawford A. 1897. Our troubles in Poona and the Deccan. Westminster, Archibald Constable & Co, 273.
- Hansard. Vol. 45. 1897. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/4/45> (accessed 20 October 2021).
- Hansard. Vol. 46. 1897. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/4/46> (accessed 20 October 2021).
- Kaushik H.P. 1972. The Indian National Congress in England (1885–1920). Delhi, Research Publications in Social Sciences, 204.
- Malhotra P.L. 1966. The internal administration of lord Elgin in India, 1894–1898. Thesis... Doctor of Philosophy. London, 373.
- Mehrotra S.R. 1966. The early organisation of the Indian National Congress, 1885–1920. India Quarterly. 22 (4): 329–352.
- Mehrotra S.R. 1995. A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1918. New Delhi, Vikas Publishing House, 465.
- Minority Report of the Royal Commission on Indian Expenditure. London, The British Committee of the Indian National Congress, 1906.
- Naoroji D. 1901. Poverty and un-British rule in India. London, Swan Sonnenschein & Co., 675.
- Ratcliffe S.K. 1923. Sir William Wedderburn and the Indian Reform Movement. London, G. Allen & Unwin, 192.
- Readman P.A. 1999. The 1895 General Election and Political Change in Late Victorian Britain. The Historical Journal. 42 (2): 467–493.
- Report of the 3rd Indian National Congress. London, Talbot brothers, 1888.
- Report of the 10th Indian National Congress. Madras, Lawrence asylum press, 1895.
- Report of the 11th Indian National Congress. Poona, Arya Bhushan press, 1896.
- Report of the 12th Indian National Congress. Calcutta, Star press, 1897.
- Report of the 13th Indian National Congress. Bombay, Bombay Gazette steam printing works, 1898.
- Report of 14th Indian National Congress. Madras, G. A. Natesan & Co., 1899.
- Report on English papers owned by natives examined by the assistant with the Government of Madras, and on vernacular papers examined by translators to the Government of Madras for the week ending 19th April 1902. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.30353544> (accessed 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 4th June 1898. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636233> (accessed 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 9th March, 1901. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636273> (accessed 20 October 2021).

- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 13th March 1897. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636169> (accessed 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 18th September 1897. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636196> (accessed 20 October 2021).
- Shankar P.R. 2011. *The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921*. New Delhi, Promilla & Co, 322.
- The Pioneer. Allahabad, 1897. 29 June.
- Unrepealed Central Acts of the Governor General in Council. Vol. 7. Calcutta, Office of the superintendent of Government Printing, India, 1904.
- Webb A. 1999. *The Autobiography of the Quaker nationalist*. Cork, Cork university press, 106.

References

- Hume A. O. 2019. *Izbrannye proizvedeniya ob indijskom natsional'nom dvizhenii (1886–1894)* [Selected writings on Indian national movement (1886–1894)]. Novosibirsk, Sibprint, 375 (in Russian).
- Novaya istoriya Indii [Modern History of India]. 1961. Pod red. K.A. Antonovoy et al. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 412 (in Russian).
- Banerjea S.N. 1925. *A nation in making*. London, H. Milford, 435.
- Crawford A. 1897. *Our troubles in Poona and the Deccan*. Westminster, Archibald Constable & Co, 273.
- Hansard. Vol. 45. 1897. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/4/45> (accessed 20 October 2021).
- Hansard. Vol. 46. 1897. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/4/46> (accessed 20 October 2021).
- Kaushik H.P. 1972. *The Indian National Congress in England (1885–1920)*. Delhi, Research Publications in Social Sciences, 204.
- Malhotra P.L. 1966. *The internal administration of lord Elgin in India, 1894–1898*. Thesis... Doctor of Philosophy. London, 373.
- Mehrotra S.R. 1966. *The early organisation of the Indian National Congress, 1885–1920*. *India Quarterly*. 22 (4): 329–352.
- Mehrotra S.R. 1995. *A History of the Indian National Congress*. Vol. 1: 1885–1918. New Delhi, Vikas Publishing House, 465.
- Minority Report of the Royal Commission on Indian Expenditure. London, The British Committee of the Indian National Congress, 1906.
- Naoroji D. 1901. *Poverty and un-British rule in India*. London, Swan Sonnenschein & Co., 675.
- Ratcliffe S.K. 1923. *Sir William Wedderburn and the Indian Reform Movement*. London, G. Allen & Unwin, 192.
- Readman P.A. 1999. *The 1895 General Election and Political Change in Late Victorian Britain*. *The Historical Journal*. 42 (2): 467–493.
- Report of the 3rd Indian National Congress. London, Talbot brothers, 1888.
- Report of the 10th Indian National Congress. Madras, Lawrence asylum press, 1895.
- Report of the 11th Indian National Congress. Poona, Arya Bhushan press, 1896.
- Report of the 12th Indian National Congress. Calcutta, Star press, 1897.
- Report of the 13th Indian National Congress. Bombay, Bombay Gazette steam printing works, 1898.
- Report of 14th Indian National Congress. Madras, G. A. Natesan & Co., 1899.
- Report on English papers owned by natives examined by the assistant with the Government of Madras, and on vernacular papers examined by translators to the Government of Madras for the week ending 19th April 1902. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.30353544> (accessed: 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 4th June 1898. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636233> (accessed: 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 9th March, 1901. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636273> (accessed: 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 13th March 1897. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636169> (accessed: 20 October 2021).
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 18th September 1897. Available at: <https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25636196> (accessed: 20 October 2021).

- Shankar P.R. 2011. The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921. New Delhi, Promilla & Co, 322.
The Pioneer. Allahabad, 1897. 29 June.
Unrepealed Central Acts of the Governor General in Council. Vol. 7. Calcutta, Office of the superintendent of Government Printing, India, 1904.
Webb A. 1999. The Autobiography of the Quaker nationalist. Cork, Cork university press, 106.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Received 20.10.2021

Поступила после рецензирования 14.03.2022

Revised 14.03.2022

Принята к публикации 14.03.2022

Accepted 14.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никитин Дмитрий Сергеевич, старший преподаватель кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Dmitry S. Nikitin, senior lecturer, Department of Oriental Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8621-8072](https://orcid.org/0000-0002-8621-8072)

УДК 94(95)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-339-350

Оригинальное исследование

Малоизвестный памятник средневекового энциклопедизма анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*»

Грозов С.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: gpryanik@outlook.com

Аннотация. Статья посвящена изучению ранее неизученного и неопубликованного источника – анонимной морализаторской энциклопедии «*De proprietatibus rerum*», принадлежащей к большому корпусу неизученной средневековой литературы. Исследуется структура и содержание текста, строение глав, набор источников. Энциклопедия представляет из себя важный памятник средневекового энциклопедизма. Она состоит из 221 (225) главы, которые расположены в алфавитном порядке, и представляет широкий набор естественных сведений и их нравоучительных трактовок (морализаций). На основе анализа рукописей автор предполагает наличие нескольких версий текста энциклопедии. Также выдвигаются предположения о том, что текст мог быть создан после 1331 г., а его читателями могли быть проповедники.

Ключевые слова: средневековые энциклопедии, морализации, проповедники, энциклопедизм

Для цитирования: Грозов С.С. 2022. Малоизвестный памятник средневекового энциклопедизма анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*». *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 339–350. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-339-350

A little-known monument of medieval encyclopedism Anonymous moralised encyclopedia «*De proprietatibus rerum*»

Stepan S. Grozov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: gpryanik@outlook.com

Abstract. The article is devoted to the study of a previously unstudied and unpublished source – the anonymous moralised encyclopedia «*De proprietatibus rerum*», belonging to the large corpus of unexplored medieval literature. The structure and content of the text, the structure of chapters, a set of sources are investigated. The encyclopedia is an important monument of medieval encyclopedism. It consists of 221 (225) chapters arranged in alphabetical order, and presents a wide range of natural information and their moral interpretations (moralizations). Based on the analysis of the manuscripts, the author assumes that there are several versions of the text of the encyclopedia. The text is also interesting with mentions of a wide range of categories of the medieval population. The encyclopedist has a very negative attitude towards the secular authorities and the rich, but is benevolent towards the clergy and the poor. It is also suggested that the text could have been created after 1331, and its readers could have been preachers.

Keywords: medieval encyclopedias, moralizations, preachers, encyclopedism

For citation: Grozov S.S. 2022. A little-known monument of medieval encyclopedism anonymous moralised encyclopedia «De proprietatibus rerum». Via in tempore. History and political science. 49 (2): 339–350 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-339-350

Введение

Анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*», представляемая в рамках настоящей работы, является важным памятником средневекового энциклопедизма и интересным примером усвоения естественных знаний в период Позднего Средневековья.

Переводы трудов Аристотеля в середине XIII в. и развитие схоластики привели к появлению таких энциклопедий, как «*Liber de natura rerum*» Фомы Кантемпрейского, «*Speculum Naturale*» Винсента из Бове, «*Liber de proprietatibus rerum*» Бартоломея Английского, многотомных трудов Альберта Великого и многих других. В свою очередь, это ознаменовало новый поворот в средневековой натурфилософии и энциклопедизме от «плинианской» традиции (в трудах Исидора Севильского, Рабана Мавра, Гонория Августодунского и других) к качественно новой интеллектуальной «аристотелевской» вехе.

В свою очередь, масштаб распространения энциклопедических произведений и их влияние до сих пор не изучено. Более того, многие малоизвестные энциклопедические тексты ещё не введены в научный оборот. К таким текстам и принадлежит ранее не исследованная и не опубликованная анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*», расширяющая поле средневекового энциклопедизма. Именно поэтому цель нашей статьи – охарактеризовать источник путем текстологического и структурного анализа.

Объект и методы исследования

Основным объектом исследования выступает текст анонимной морализаторской энциклопедии «*De proprietatibus rerum*», сохранившийся в рукописях: Merton College MS.68, Lincoln Cathedral library MS. 40; MS. Bodleian Library, 571. В связи с этим основным методом нашего исследования является текстология, предназначенная для изучения литературных памятников. Исследуется структура текста, нравоучительные комментарии к зоологическим, минералогическим, ботаническим и другим главам энциклопедии.

Результаты и их обсуждение

Текст энциклопедии действительно не изучался и не публиковался, однако неоднократно был описан в каталогах рукописей и уже на этом этапе вызвал ряд вопросов.

Его первое упоминание обнаруживается в статье Говарда Фрэнка «*English manuscripts in the Vatican library*» 1925 г. Автор охарактеризовал его как «сообщения из многих авторов на тему различных обитателей животного мира, организованного ориентировочно в алфавитном порядке» [Frank, 1925, p. 102]. Фрэнк отметил, что энциклопедия помечена в рукописи как «*liber secundus*» и расположена между двумя другими текстами – собранием проповедей и сокращенной версией «*Virtutum Vitiorumque Exempla*» Николая из Хананписа (Nicolaus de Hanapis)¹⁷. Фрэнк поставил под сомнение единое авторство трех текстов, а также саму атрибуцию энциклопедии Николаю из Хананписа.

Позднее Томас Каппели в своем многотомном издании «*Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi*» [Käppeli, 1975, p. 105], основываясь на рукописи из Модены, описал текст энциклопедии как первую часть «*Summa praedicatorum*» Вильяма Иорданско-

¹⁷ Доминиканский монах XIII в., автор «Библии бедных», ошибочно приписываемой Бонавентуре.

го (William Jordan)¹⁸ – эту информацию повторяют последующие каталоги [Thomson, 2009, p. 70–72]. Точка зрения Каппели оспаривалась Ричардом Шарпом [Sharpe, 1997, p. 779], однако установление авторства энциклопедии все ещё остается темой будущих исследований. В этой связи мы полагаем, что характеристика источника облегчит дальнейшее его изучение.

Сегодня известно о существовании пяти рукописей, содержащих текст анонимной морализаторской энциклопедии: Oxford, Merton College Library, MS.68 (ff. 6^v–16^r; сер. XV в.); Lincoln, Lincoln Cathedral Library, Ms.40 (ff. 248^v–256^v; XIV в.); Oxford, Bodleian Library, Ms. Bodl. 571 (ff. 257^r–269^r; сер. XV в.); Modena, Bibl. Estense γ. O. 5, 2 (сер. XIV в., ff. 66^v–150^v); Ottob. Lat. 626.

Непосредственно в рамках статьи нами были изучены первые три рукописи, отобранные в соответствии с рядом критериев (сохранность и полнота текста, возможность построения текстуальных параллелей между разными рукописями и т. д.). Среди рукописей особенно выделяется Merton College Ms.68 (далее – **M**). Она была написана одним писцом, почерк может быть определен как комбинация англиканы и секретарского [Thomson, 2009, p. 70–72].

Сам кодекс озаглавлен как «*Theologica*», что отражает широкий набор разножанровых текстов под одним переплетом. Помимо самой энциклопедии, озаглавленной в каталоге Родни Томпсона как «*Liber de natura rerum*», представлены гомилии, несколько *Questiones*, мистические сочинения («*Centiloquium*» псевдо-Бонавентуры, «*De Adoratione Imaginum*» Уолтера Хилтона), трактат о ядах псевдо-Роберта Гроссетеста и «*De Iudiciis Astrorum*» Фомы Аквинского и другие тексты. Энциклопедия располагается между трактатом псевдо-Бонавентуры и анонимным «*De Vita Apostolica*».

Рассмотрим организацию текста в рукописи. Во-первых, каждый алфавитный раздел обозначен соответствующим его букве инициалом: «В» – *basiliscus*; «С» – *camelus* и т. д. Присутствуют также исключения: «I» – *Iulius Silinus* [*Solinus*] (начало текста); «O» – *Origenes* (начиная блок на букву R). Во-вторых, присутствуют маргинальные глоссы рядом с каждой главой. Помимо этого, красными чернилами в тексте выделяются авторы, библейские цитаты, энциклопедические объекты (животные, камни, растения и т. д.); отдельные абзацы.

Подобная организация текста была удобна для его чтения и поиска материала в нем. Всё это позволяет нам предположить, что энциклопедией пользовались и как справочником.

За текстом энциклопедии следует аналитический индекс, также выстроенный в алфавитном порядке и распределяющий все объекты энциклопедии по моралистическим темам.

Обратимся к следующей рукописи. Lincoln MS. 40 (далее – **L**) – старейшая из тех, к которым мы получили доступ. В манускрипте прослеживается до шести разных почерков, тем не менее большая их часть датируется XIV в. и типологизируется как англикана формата [Thomson, 1989, p. 28–29].

Кодекс озаглавлен как «*M.S. tabula Boraston. Prior sti eligii...*», что отражает только первые два фрагмента из всего содержания – это таблица и текст Симона Борастона «*Distinctiones Theologiae*». Текст энциклопедии в данной рукописи располагается между алфавитным индексом к Иоанну Златоусту и незавершенной таблицей.

Помимо энциклопедии и уже упомянутых текстов в рукописи имеется ряд индексов к богословским трудам, морализаторская энциклопедия «*Redictorium Morale*» Пьера Берсюира (Pier Bersuire), выдержки из писем Иеронима и т. п. Таким образом, кодекс также содержит тематически близкие тексты.

Заглавие текста отсутствует, поэтому энциклопедия начинается непосредственно с «*Iulius Solinus dicit, quod aquila quasi acuti...*» и крупного инициала. Инициалы меньшего

¹⁸ Также доминиканский монах XIV в., автор ряда трактатов («О ясном видении Бога»; «О свободном выборе перед смертью» и т. д.).

размера используются совместно с рубрикацией для разделения текста на алфавитные разделы, отдельные главы и абзацы.

Текст энциклопедии не полон и обрывается на главе про коршуна – это связано с тем, что часть листов в рукописи утеряны. Несмотря на это, мы можем заключить, что текст и структура Lincoln Cathedral MS.40 отличны от Merton MS.68. Так, в линкольновской рукописи присутствуют главы про мальву¹⁹, филина и низуса. Содержание же самих глав в рукописи отлично от основного списка как в описаниях, так и в морализациях.

Третья рукопись – MS. Bodl. 571 (далее – В), находящаяся в составе коллекции Бодлианской библиотеки, состоит из двух частей [Hunt, 1922, p. 166]. Почерк в них можно типологизировать как англикана формата. Все произведения, вошедшие в состав, в той или иной степени касаются проповедования.

Текст энциклопедии, озаглавленный в данной рукописи «*Solinus de mirabilibus mundi moralizatus*», является вступительным во второй части рукописи, где также присутствует краткий отрывок из «*Soliloquia*» Августина. Допустимо предположить, что атрибуция текста Солину объясняется первыми строками энциклопедии «*Julius Solinus dicit...*». Остальной текст сохранился в составе рукописи достаточно хорошо, однако листы ff. 267^r–268^v склеились и не могут быть прочитаны, поэтому затруднительно говорить что-либо о главах на букву S.

Порядок глав в манускрипте не идентичен ни мертоновской, ни линкольновской рукописи (см. приложение), хотя и имеет большие пересечения с последней. Основное отличие – в главе про мальву (*apotumalisin*), которая идет по порядку после лука (*allium*), а не ели (*abies*). В остальном рукопись также содержит главы о филине и низусе (отсутствующие в мертоновской рукописи); имеет текстуальные сходства с линкольновской рукописью.

Рассмотренные нами рукописи содержали глоссы и рубрики. Их целью было облегчение работы с текстом и быстрый поиск нужных глав, что указывает нам на методику работы с текстом энциклопедии подобно тому, как работают со справочниками. Нет причин сомневаться, что и утерянный архетип содержал эти элементы, способствовавшие быстрому нахождению материалов в тексте.

Структура энциклопедии и содержание

Каждая средневековая энциклопедия – это книга, стремящаяся передать множество универсальных сведений, обобщить и систематизировать знания²⁰. Между тем энциклопедии не одинаковы по целям своего создания, аудитории и тем обстоятельствам, в которых они создаются, – социокультурной среде. Эти факторы определяют структуру и содержание энциклопедии.

Энциклопедия состоит из 221 (225)²¹ главы (см. приложение), идущих по алфавиту. Таким образом, в энциклопедии представлены 19 разделов по буквам. Самый объемный – вступительный раздел «А» (36 глав), следом по объему за ним – «С» (31 глава). Количество глав в других разделах неоднородно и может варьироваться от 3–4 глав (соответственно «Т» и «R») до 13–15.

Изучаемый текст не уникален алфавитным принципом организации текста. Таким же образом выстроены «*De proprietatibus rerum*» Бартоломея Английского, «*Liber de natura rerum*» Фомы Кантемпрейского, «*Reductorium Morale*» Пьера Берсюира и другие энциклопедии.

¹⁹ Несмотря на то, что глава про мальву пропущена, в индексе она упоминается неоднократно. Мы можем предполагать, что глава была случайно пропущена писцом.

²⁰ Отметим, что исследователи неоднократно обращают внимание на размытость жанровых рамок средневековой энциклопедии. Подробнее см.: [König, 2013, p. 1].

²¹ М. содержит 222 главы, однако рукописи L. и В. позволяют увеличить число глав в архетипе до 225.

Согласно типологии Кристиан Майер, алфавит как основной структурный принцип характерен для т. н. *проповеднических энциклопедий* [Meier, 1997, p. 118–199]. Такие энциклопедии могли использоваться в качестве источников для проповедей.

Между тем алфавитный порядок – основной, но не единственный принцип выстраивания последовательности глав. Во вступительном разделе на букву «А» заметна тенденция к группировке птиц (1–8 главы; *aquila – anser*); зверей (13–15; *agnus – aper*), камней (16–28; *adamans – astrion*); растений и деревьев (29–35; *abies – amigdalus*). В остальной энциклопедии такие длинные ряды с тематически близкими объектами не встречаются, хотя периодически присутствуют последовательности из двух-трех глав, сведения для которых зачастую заимствованы из одного источника²².

Мы можем предположить, что во вступительном разделе энциклопедии отмечается стремление автора систематизировать природу по отдельным природным царствам.

Во многих энциклопедиях, имевших хождение в средневековой Европе, присутствовало разделение на царства. Так устроена энциклопедия «*De proprietatibus rerum*» Бартоломея Английского и «*De naturis rerum*» псевдо-Джона Фольшема. В нашем же случае энциклопедия имеет всего 221 (225) главу. В этой связи организовать повествование по блокам, сохраняя алфавитный порядок, было бы невозможно, особенно учитывая неравномерное количество разнородных объектов.

Возможно, автор энциклопедии на начальном этапе её подготовки действительно стремился к сравнительно последовательному описанию всех аспектов природы, но с учетом трудоемкости процесса отказался от такого подхода, продолжив лишь выстраивание глав по алфавиту и в исключительных случаях оставляя возможность встроить последовательность из животных, птиц, минералов и т. д.

Структура и объем энциклопедии позволяют нам предполагать, что удобство пользования и скорость нахождения материала были чрезвычайно важны для автора энциклопедии. Если допустить, что архетип энциклопедии сопровождался подобным мертоновскому аналитическим индексом, то читатель не только быстро мог бы отыскать нужную ему главу, а через неё выйти на нравоучение, но и наоборот – исходя из интересующей его моралистической темы подобрать целый ряд наглядных примеров среди животных, камней и растений.

Важно обратить внимание, что главы неравномерно распределяются по темам: зоологические – 116; минералогические – 60; ботанические – 39. Особняком стоят лишь три главы, не попадающие в эту классификацию: о сладости, о свете, о масле.

Обратим внимание на специфику глав каждой темы (царства):

– *Зоология*. Внимание к животным неудивительно для средневековья. Их образы играли важную роль в средневековой символической и дидактике. Особое место в этой категории занимают птицы (50 гл.). Следующими по численности идут звери (40 гл.), затем рыбы (10 гл.), змеи (10 гл.), насекомые, черви и членистоногие (6 гл.). Многие из представленных животных (мантикора, кроккота, единорог, дракон, феникс и т. п.) в современном понимании могут быть охарактеризованы как «фантастические». Стоит также отметить, что зоологические главы не только самые многочисленные, но и самые объемные. Особенно по размеру выделяются три главы: о слоне, о пчелах, об орле.

– *Минералогия и ботаника*. Информация о камнях, равно как и о всевозможных растениях, также могла быть весьма интересной для аудитории с точки зрения её «квази-практичности». В обоих случаях описание физических характеристик дополнялось информацией о полезных и магических свойствах. К примеру, в описании аметиста упоминается его способность к *отрезвлению*, агний «помогает» обнаружить *прелюбодеяние* одного из супругов, а алебастр способствует *длительному хранению* мазей в сосудах и т. д.

²² Особенное значение для таких небольших групп приобретает трактат Альберта Великого «*De mineralibus*», где главы уже выстроены в алфавитном порядке, что заметно облегчало работу автору энциклопедии. См: [Jolliffe, 1967].

Полынь же, если сварить её в масле, может помочь при *головной боли* и *похмелье*; а мирт – против *рвоты и тревоги*.

– *Некатегоризированные главы* («*De dulcedine*»; «*De luce*»; «*De oleo*») не имеют общей темы и рассматриваются нами только в контексте их исключительности среди прочих глав. До конца не ясно, по какому принципу автор добавил эти сведения. Однако мы можем предположить, что в случае главы о масле автор энциклопедии намеревался дополнить ею главы о дикой маслине и оливе для полноты повествования. Что касается двух других глав, то мы затрудняемся с уверенностью указать причину их добавления.

«Естественные» сведения, на основании которых мы выделили эти категории, составляют наиболее объемную часть текста внутри энциклопедии, но не единственную. Практически в каждой главе присутствует морализация, зачастую дополненная цитатами из Библии. В тексте это выражается следующим образом: «*Et signat...*» или «*Et potest... significare*».

Фактически главы энциклопедии строятся на соотношении вещей (*res*) и их значений (*significationes*)²³, что, возможно, отсылает нас к традиции Физиолога²⁴. К примеру:

«*De alauda*»: *Aristoteles et etiam Julius Silinus dicunt, quod alauda a laude diei nomen sortita <est>. Nunquam ipsam orto [ortus] aurore fallit. Quin tunc giris proportionalibus ascendat in aero cantans.*

Et sic potest uirum contemplationem significare. Unde Ecclesiastico 45: «Alacritas [alacritate] animae suae placuit Deo» (М., fol. 6^v).

Важно, что в случае более объемных глав (о пчелах; о слоне и т. д.), текст дробится по следующей схеме: *res – significantio – res – significantio... etc.* Таким образом, на каждые два-три «естественно-научных» предложения приводится одна морализация, позволяя в рамках одной главы осветить несколько моралистических тем.

В остальном нормой для энциклопедии является единственная морализация на каждую главу, однозначно интерпретирующая «естественные» сведения. Тем не менее присутствуют и главы с амбивалентными морализациями, интерпретирующие сведения *in bonam in malam partem*:

«*De platano: Et signat uno modo beatam Virginem uel animam, quae sed esse alta per uite scientatem, ampla per misericordiam et pietatem. Alio modo signat superbos uel mulieres, quae publice peccant*» (М., fol. 13^r).

«*De oleo: Et signat uno modo patientiam, alio modo iracundiam*» (М., fol. 13^v).

Морализации обращаются к различным вещам (фактически их полный список указан в аналитическом индексе после текста энциклопедии), однако мы можем говорить о наиболее распространенных темах. Неудивительно, что самые частые параллели (более 20 раз) проводятся с Христом, его жизнью, страданиями, крестной жертвой и т. д. При всем этом упоминается в различных контекстах он более 50 раз. С дьяволом же ассоциируется значительно меньшее количество животных, растений, птиц и минералов, хотя количество его упоминаний немного больше 20 раз. Другая частая тема – грех и, соответственно, наставления или порицания грешников (*peccatores*), среди которых порицаются по отдельности: воры (*raptores*), льстецы (*adulatores*), алчные (*cupidi*), златоимцы (*aurosi*), гневливые (*iracundes*), высокомерные (*superbi*), праздные (*otiosi*), корыстные (*ambitiosi*), лицемеры (*ipocritae*) и т. д.

В морализациях нередко упоминаются различные социальных категорий: мирян (*mundani, homines mundiales*); духовенства (*uiri religiosi, deuoti, ecclesiastici, praedicatores*), к ним также примыкает не очень определенная категория *uiri perfecti*. Не обходит энциклопедия и наделенных властью – светских правителей (*tirrani*²⁵, *mundi potentes*); прелатов (*praelati*), судей (*iudices*). Присутствуют и другие категории: бедные (*pauperes*), «близкие» (*proximi*). Интересно отметить, что ряд морализаций посвящен женщинам (*mulieres*).

²³ К. Мейер обращается к этому принципу, используя термины *significantia u significata* [Meier, 1997, p. 118].

²⁴ О Физиологе и его наследии см: [Карнеев, 1890]; [McCulloch, 1962].

²⁵ Слово тиран (*tyrannus*) в Средние века было лишено уничижительной коннотации [Niermeyer, 1975, 1048].

Разбирая категории отдельно, мы должны отметить, что под мирянами (*mundani*), вероятно, понимается не широкий круг людей «в миру», а весьма условная категория зажиточных людей. В морализациях они идут бок о бок с т. н. «близкими» и правителями (тиранами). Логично предположить, что под ними подразумевается купечество, поскольку в самих морализациях они стоят рядом с жадными и скупыми, а порицаются, преимущественно, за мирскую суету.

Более положительно энциклопедия настроена к бедным. Она призывает к сочувствию и помощи им, порицает притеснения со стороны правителей.

Образ светских же владык (тиранов) в большинстве случаев имеет негативную коннотацию: морализация в главе о птице низусе объединяет правителей вместе с ворами и убийцами, а в главе о коршуне встраивает их в «иерархию грешников»:

«*De uulture: Et sic, quam, ad primum, signat superbos et elatos. Quam, ad secundum, tirannos et raptores <signat>, quam, ad tertiam, cupidos et auaros <signat>, qui in fine amatum perdunt et male moriuntur*» (M., fol. 15^r).

Также, как мы отмечали, к ним в морализациях примыкают судьи и прелаты. И если судьи подаются зачастую негативно²⁶, то образ прелатов неоднозначен. В большинстве случаев они упоминаются вместе с другими категориями духовенства (*praedicatores, perfecti, religiosi* и т. д.) и подаются, как и все духовенство, с положительной стороны, однако мы можем говорить и о ряде морализаций, где их образ наделен негативными коннотациями, – в таких случаях они прописываются как *mali praelati* (злые прелаты) и порицаются.

Исходя из всего вышесказанного, нам важно сделать следующие выводы. Как и любая другая энциклопедия, анонимная «*De proprietatibus rerum*» должна была содержать полезную информацию и служить в качестве библиотеки. Алфавитный порядок был в этом существенной помощью, позволяя быстро найти нужную главу. Мы предполагаем, что её читателями в первую очередь были священнослужители, проповедники и др.

Близкие по типу, но более крупные энциклопедии, как например, одноименная «*De proprietatibus rerum*» Бартоломея Английского, действительно могли быть использованы для подготовки проповедей перед клиром [Mejer, 1990, p. 290–291], однако наша энциклопедия отличается от них. Количество и объем глав, отказ от сложной структуры, преимущественное наличие лишь одной трактовки объектов, а также обращение к доступным и понятным широким массам темам позволяет предположить нам, что в конечном итоге знания энциклопедии и их моралистические трактовки доходили и до более широкой публики.

Структура энциклопедии создана с учетом её предположительного использования подобно справочнику. Вместе с небольшим объемом, но сравнительно широким охватом природы (и моралистических тем) такая энциклопедия могла быть хорошим подспорьем для проповедников. И именно поэтому целью автора была не столько систематизация знаний, сколько создание именно такого «лаконичного» компендиума со сравнительно небольшим количеством глав и кратким текстом, ориентированным исключительно на иллюстрацию моралистических комментариев.

Такая энциклопедия могла существовать изначально в формате *Vademecum* [D'Avray, 1980] (небольших по размеру книг), в которых нуждались монахи нищенствующих орденов – францисканцы и доминиканцы. В свою очередь, это может объяснять идеи морализаций, сочетающих уважение и заботу по отношению к бедным, презрение богатств и мирской суеты, критику пороков высшего духовенства. В конечном итоге востребованность таких энциклопедий прослеживается с сер. XIII в., что позволяет нам предположить близкую к этому времени датировку текста, однако для точной датировки текста, как и определения его автора, требуются дальнейшие кодикологические исследования и привлечение новых списков энциклопедии.

²⁶ Исключение есть в главе о камне орите («*De orite*»), где отмечается, что судьи и прелаты должны быть наделены строгостью и справедливостью, смешанных с милосердием и благочестием.

Источники энциклопедии

Анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*», как и другие средневековые энциклопедии, – это компилятивный труд, где количество авторского текста сведено к минимуму, а основную часть составляют парафразы и цитаты из различных источников, количество которых даже при небольшом размере энциклопедии сопоставимо с другими – Арнольда Саксонского, Фомы Кантемпрейского, Бартоломея Английского, псевдо-Джона Фольшема.

Указания на многие источники присутствуют и в самом тексте энциклопедии. Однако необходимо отметить, что нередко энциклопедист атрибутирует сведения неверно. К примеру, первая глава об орле, сведения в которой приписываются Солину, состоит из парафразов «*De naturis rerum*» Александра Неккама, глоссы к Библии Ансельма Лаонского и «*Ethimologiae*» Исидора Севильского. Аналогичным образом сведения из ряда глав ошибочно приписываются Аристотелю, Альберту Великому и многим другим. Именно поэтому очень важно провести различие между теми источниками, которые называет сам энциклопедист, и теми, которые можно определить только путем анализа текста. Непосредственно в самой энциклопедии, помимо широкого набора библейских книг и глосс к ним, называются следующие авторы и источники (по частоте упоминаний в тексте): *Isidorus* (128); *Albertus* (56); *Aristoteles* (17); *Rabanus* (14); *Ambrosius* (14); *Philosophus* (9); *Iulius Silinus [Solinus]* (9); *Historia Israelitana* (6); *Platearius* (5); *Augustinus* (4); *Physiologus* (4); *Michael Scotus* (4); *Galienus* (4); *Basilus* (3); *Ieronimus* (2); *Virgilius* (2); *Plinius* (2); *Lucan* (1); *Gamaliel* (1); *Liber de natura rerum* (1); *Auicenna* (1); *Alexander* (1); *Brito* (1); *Isaac medicus* (1); *Origenes* (1); *Epistola ad Octouianum Augustum Aesculapii Philosophi* (1).

Часть этих авторов и произведений (Гамалиел, Исаак, Вергилий т. д.) упоминается энциклопедистом вследствие того, что они были включены в текст того или иного труда, использованного для создания энциклопедии. К примеру, на письмо к Октавиану ссылается Альберт Великий, текст которого был использован для главы «*De pirisilo*».

Рассматривая же прямые источники энциклопедии, нам необходимо отметить количество парафразов в главах. Абсолютное большинство фрагментов (более 138) восходят к Исидору Севильскому, более 50 – к Александру Неккаму, около 28 – к Альберту, около 20 – к Аристотелю. Заметно меньшее количество сведений позаимствовано у Рабана Мавра (17 фрагментов), Жака де Витри (15), Амвросия Медиоланского (14), из трактата «*Circa instans*», приписываемого Платеарию (9), из латинского Физиолога (4). Библейских цитат в энциклопедии сравнительно немного – 28. Они дополняют морализации к главам зоологического, ботанического и минералогического характера. Вероятнее всего, энциклопедист пользовался Библией с глоссами Ансельма Ланского, Гийома Бретонского и Николая из Лиры. Исходя из этого факта, мы можем сделать предположение о том, что *terminus post quem* энциклопедии – 1331 г., когда Николай завершил работу над комментариями к Священным текстам [Крей, 2000, р. 1].

Из многих установленных нами источников энциклопедист брал сведения для всех типов глав. Абсолютным фаворитом в этом отношении были «Этимологии», лидирующие по количеству ссылающихся на них глав. Тем не менее мы можем говорить об определенной выборке источников для глав того или иного царства, а потому рассмотрим их обособленно:

– Зоология. Большая часть глав о животных в энциклопедии опирается на XII книгу «Этимологий» Исидора Севильского²⁷ и «*De naturis rerum*» Александра Неккама. Важно отметить, что сам Неккам упомянут в источнике лишь однократно (в главе «*De gerafalco*»), а главы «зоологического» характера, основанные на его сведениях, атрибутируются Альберту Великому.

Важным источником для анималистических глав является труд Аристотеля, называемого в тексте также Философом, «*Historia animalium*». Мы предполагаем, что для напи-

²⁷ См. [Andre, 1986]. Перевод «Этимологий» на английский см: [Barney, 2006].

сания энциклопедии автор использовал именно версию Михаила Скота, также упомянутого в энциклопедии. Отметим, что ряд глав, атрибутированных Аристотелю, восходит к энциклопедии Неккама.

Менее популярным для «зоологических» сведений была «Восточная история» Жака де Витри – всего 4 главы («*De centufica*», «*De ceto*», «*De elephante*», «*De scorpio*» – атрибутировано Солину). Важно отметить, что глава «*De centufica*» представляет особый интерес с точки зрения формирования образа отдельных существ. Энциклопедист, опираясь на текст «Восточной истории», совместил описания двух животных (йеля и левкроты), тем самым получив описание «нового» животного. Также некоторые «зоологические» главы основываются на сведениях из «*Hexameron*» Амвросия Медиоланского (10) и «*De uniuerso*» Рабана Мавра (3). Самыми редкими источниками для анималистических глав стали: фрагмент из гомилий Оригена (единожды в главе «*De rana*»), труды Василия Великого (дважды в главах «*De apibus*» и «*De asino*») и «Канон» Авиценны (однократно в главе «*De apibus*»), хотя его текст атрибутируется Солину.

Традиция латинского Физиолога также представлена в Энциклопедии в главах «*De antapolone*», «*De caladrio*», «*De pantera*», «*De yrco*» (и также ещё одной главой о камне виноне). Тем не менее текст в энциклопедии трудно соотносится с известными редакциями Физиолога, хотя и близок к версии В. Текстуальные расхождения, вероятнее всего, объясняются тем фактом, что самого Физиолога энциклопедист не видел, а позаимствовал сведения из промежуточного источника.

– Ботаника. Большая часть глав также основана на «Этимологиях», XVII книге, где содержатся многочисленные описания трав, деревьев и т. п. и повторяющей сведения Исидора «*De uniuerso*» Рабана Мавра. Приводятся сведения из уже упомянутого «*Hexameron*» Амвросия и «Восточной истории» Жака де Витри.

Ряд «ботанических» глав основан на сведениях из трактата «*Circa instans*» или «*De simplici medicina*», приписываемого Матеусу Платеарию. Энциклопедия атрибутирует все сведения из него Галену, что, вероятно, связано с авторитетом античного медика. Платеарий (как *Platearius Medicus*) упомянут четырежды. В оригинале трактат содержит сумму медико-ботанических знаний, что и нашло своё отражение в энциклопедии, где представлены как физические описания растений, так и способы их использования.

Отдельного упоминания достойна глава «*De plantis*», приписываемая Аристотелю. Сведения оттуда восходят к труду «*De uegetabilibus*» Николая Дамасского, переведенного на латинский в XIII в. вместе с корпусом аристотелевских произведений. Текст главы дополнен краткой выдержкой из «Метеорологии» Аристотеля. Помимо всего прочего, к «ботаническим» относятся главы «*De oliua*» и «*De cucurbita*», источники которых найти не удалось, однако в тексте они приписываются Михаилу Скоту.

– Минералогия. Как и в других категориях, большая часть сведений о камнях и минералах взяты из «Этимологий», XVI книги. К ним также примыкают сведения из трудов Рабана Мавра и Александра Неккама. Для 27 минералогических глав (из 60) источником послужил трактат Альберта Великого «*De mineralibus*», написанный после 1248 г. Кроме него существенную роль в этих главах играют сведения, взятые из «Иерусалимской истории» Жака де Витри, откуда аналогично «*Circa instans*» были заимствованы сведения о «применении» и «пользе» камней. Важно отметить, что ими сопровождаются не только описания самого Жака де Витри, но и других авторов, к примеру Исидора («*De ametisto*», «*De adamante*»). Среди глав о камнях присутствуют две, предположительно основанные на тексте Физиолога («*De terebolene*», «*De uinone*»).

– Некатегоризированные главы («*De dulcedine*», «*De luce*», «*De oleo*»). Мы уже отмечали их неординарность в контексте энциклопедии, не менее интересны и их источники. «*De dulcedine*» ссылается на Галена и Исаака. При этом фрагмент, атрибутированный первому автору, не удалось идентифицировать. Сведения же, приписываемые Исааку, действительно были заимствованы из его сочинения «*De diaetis universalibus et particularibus*».

Стоит заметить, что это единственный раз, когда источник упоминается и цитируется. Глава «*De luce*» состоит из парафразов Амвросия, Августина и Философа. Под последним в остальном тексте понимается Аристотель, однако в данной главе сведения следует атрибутировать Аль-Хазену, труд которого был переведен на латинский в XII в.

Нам необходимо отметить, что ряд парафразов (ок. 26) остаются неидентифицированными и приписываются в тексте известным авторам (*Philosophus, Albertus, Aristoteles, Ambrosium*) и произведению («*Liber de natura rerum*»).

В общей сложности нами были установлены более 25 источников и более 20 авторов парафразов. Стоит поставить вопрос о количестве источников, с которыми автор был знаком напрямую. Учитывая количество упоминаний и текстуальное сходство, мы можем говорить с уверенностью лишь о том, что автор имел копию «*Ethimologiae*», «*Circa instans*» с дополнениями из других медико-ботанических сочинений; возможно, компендиум аристотелевских сочинений, а также сборник святоотеческих текстов (Амвросия, Василия, Августина). Кроме того, мы полагаем, что автор пользовался энциклопедией Неккама, хотя и атрибутировал сведения из неё другим авторам.

Стоит отметить, что все источники дали энциклопедии большое количество именно «естественных» знаний о разных частях природы, их трактовки (морализации) заимствованы не были и представляют собой непосредственно авторские нравоучения в духе библейской экзегезы. Тем не менее многие морализации сопровождаются цитатами из Библии, глоссами к ней или сочинений Августина.

Подводя итог, энциклопедист не стремился в равной степени представить информацию об одном и том же объекте из всех доступных ему источников. В большинстве случаев ему было достаточно сведений из «Этимологий» Исидора Севильского, Александра Неккама и других источников, исключениями для этого были либо важные с точки зрения символики главы («*De apibus*», «*De leone*», «*De elephante*»), либо преимущественно ботанические и минералогические главы, где было уместно к физическому описанию растений и камней добавить информацию об их воздействии (лечебном или магическом). Подобное стремление, скорее всего, представляет намерение автора создать относительно лаконичный и ориентированный на широкий круг читателей текст.

Заключение

Анонимная морализаторская энциклопедия «*De proprietatibus rerum*» – интересный со многих точек зрения памятник средневекового энциклопедизма. Она состоит из сравнительно малого 221 (225) количества глав, но представляет широкий набор естественных сведений и их морализаторских трактовок. Энциклопедия освещает внешний вид и свойства растений и минералов, повадки животных и т. д., а также приводит на основе «естественных» сведений нравоучительные примеры, обращенные к разным категориям средневекового общества.

Потребность в подобных энциклопедиях начиная с XIII в. испытывали проповедники-монахи нищенствующих орденов (францисканцев и доминиканцев), к числу которых мог принадлежать и сам автор текста. Такая потребность объясняется образом жизни проповедника и самой практикой проповеди, ищущей *similitudines* для иллюстрации духовных идей. В свою очередь, образ жизни странствующих монахов мог предопределить «краткую» форму энциклопедии, позволяющую использовать её в пути.

Цель текста отличалась от той, которую преследовали другие энциклопедии – собиранье и систематизация всех доступных знаний о природе. Вместо этого энциклопедист стремился создать широкий по охвату, но не подробный текст, освещающий природу лишь на достаточном для морализаторского комментария уровне.

Сейчас мы затрудняемся с точностью датировать текст и локализовать место его создания – для этого нужно кодикологическое исследование известных и ещё не найденных

рукописей. Тем не менее мы полагаем, что текст был написан не ранее 1331 г., на что указывает глосса Николая из Лиры, включенная в энциклопедию. Что касается места создания, то прямых указаний на это в тексте нет, однако 4 из 5 известных нам рукописей были созданы в Англии, а источники энциклопедии сопоставимы с другими энциклопедиями, созданными на территории Англии, Франции, Фландрии и Германии, что может указывать на весьма приблизительный регион, где текст мог быть создан. В свою очередь, именно это направление исследований – установление времени и места появления текста – представляется наиболее актуальным и перспективным для будущих исследований.

Список литературы

- Карнеев А.Д. 1890. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Санкт-Петербург, 463.
- Abramov D. 2003. 'Liber de naturis rerum' von Pseudo-John Folsham – eine moralisierende lateinische Enzyklopädie aus dem 13. Jahrhundert. PhD diss. Universität Hamburg, 479.
- André J. (ed.) 1986. Etymologies, livre XII: Des animaux (Auteurs Latins du Moyen Age). Paris, 311.
- Barney S.A., Hall M. 2006. (transl.) The Etymologies of Isidore of Seville. Cambridge, 475.
- Clark W.B. 2006. A medieval book of beasts: the second-family bestiary: commentary, art, text and translation. Woodbridge, 280.
- D'Avray D.L. 1980. Portable *Vademecum* books containing Franciscan and Dominican texts. In: Manuscripts at Oxford: an exhibition in memory of Richard William Hunt (1908–1979) ... on themes selected and described by some of his friends. Oxford: 61–64.
- Frank G. 1925. English manuscripts in the Vatican library. Publications of the Modern Language Association of America. Vol., 40: 98–102.
- Hunt R.W. (ed.) 1922. A summary catalogue of Western manuscripts in the Bodleian Library at Oxford which have not hitherto been catalogued in the quarto series with references to the Oriental and other manuscripts. Vol. II. Part I: Collections received before 1660 and miscellaneous MSS. acquired during the first half of the 17th century. Oxford, 970.
- James M.R. 1931. The bestiary. History: The Quarterly Journal of the Historical Association, 61: 1–11.
- Jolliffe A.W. (ed.) 1967. Albertus Magnus. The book of minerals. Oxford, 309.
- Käppeli Th.O.P. (ed.) 1975. Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi. Vol. II. Roma, 530.
- König J., Woolf G. (ed.) 2013. Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance. Cambridge, 601.
- Krey P.D.W., Smith L. (ed.) 2000. Nicholas of Lyra. The Senses of Scripture. Leiden, Brill, 344.
- McCulloch F. 1960. Mediaeval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill, 214.
- Meier C. 1997. Organisation of Knowledge and Encyclopedic Ordo: Function and Purposes of a Universal Literary Genre. In: Pre-Modern Encyclopaedic Texts. Proceedings of the Second Comers Congress. Leiden – New York – Köln: 103–126.
- Meyer H. 1990. Zum Verhältnis von Enzyklopädie und Allegorese im Mittelalter. Frühmittelalterliche Studien, 24: 290–313.
- Niermeyer J.F. 1976. Mediae Latinitatis lexicon minus: lexique latin médiéval-français/anglais. Leiden, 1138.
- Sharpe R. 1997. A Handlist of the Latin Writers of Great Britain and Ireland Before 1540. In: Publications of the Journal of Medieval Latin. Vol. 1. Turnhout, 912.
- Thomas de Cantimprato. 1973. Liber de natura rerum: editio princeps secundum codices manuscriptos. Berlin; New York, de Gruyter, 431.
- Thomson R.M. 2009. A descriptive catalogue of the medieval manuscripts of Merton College. Oxford, 330.
- Thomson R.M. 1989. Catalogue of the manuscripts of Lincoln Cathedral Chapter Library. Lincoln, 380.

References

- Karneev A.D. 1890. Materialy i zametki po literaturnoj istorii Fiziologa [Materials and notes on the literary history of the Physiologist]. Sankt-Peterburg, 463 (in Russian).
- Abramov D. 2003. 'Liber de naturis rerum' von Pseudo-John Folsham – eine moralisierende lateinische Enzyklopädie aus dem 13. Jahrhundert. PhD diss. Universität Hamburg, 479.
- André J. (ed.) 1986. Etymologies, livre XII: Des animaux (Auteurs Latins du Moyen Age). Paris, 311.
- Barney S.A., Hall M. 2006. (transl.) The Etymologies of Isidore of Seville. Cambridge, 475.

- Clark W.B. 2006. A medieval book of beasts: the second-family bestiary : commentary, art, text and translation. Woodbridge, 280.
- D'Avray D.L. 1980. Portable *Vademecum* books containing Franciscan and Dominican texts. In: Manuscripts at Oxford: an exhibition in memory of Richard William Hunt (1908–1979) ... on themes selected and described by some of his friends. Oxford: 61–64.
- Frank G. 1925. English manuscripts in the Vatican library. Publications of the Modern Language Association of America. Vol., 40: 98–102.
- Hunt R.W. (ed.) 1922. A summary catalogue of Western manuscripts in the Bodleian Library at Oxford which have not hitherto been catalogued in the quarto series with references to the Oriental and other manuscripts. Vol. II. Part I: Collections received before 1660 and miscellaneous MSS. acquired during the first half of the 17th century. Oxford, 970.
- James M.R. 1931. The bestiary. History: The Quarterly Journal of the Historical Association, 61: 1–11.
- Jolliffe A.W. (ed.) 1967. Albertus Magnus. The book of minerals. Oxford, 309.
- Käppeli Th.O.P. (ed.). 1975. *Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi*. Vol. II. Roma, 530.
- König J., Woolf G. (ed.). 2013. Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance. Cambridge, 601.
- Krey P.D.W., Smith L. (ed.). 2000. Nicholas of Lyra. The Senses of Scripture. Leiden, Brill, 344.
- McCulloch F. 1960. Mediaeval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill, 214.
- Meier C. 1997. Organisation of Knowledge and Encyclopedic Ordo: Function and Purposes of a Universal Literary Genre. In: Pre-Modern Encyclopaedic Texts. Proceedings of the Second Comers Congress. Leiden – New York – Köln: 103–126.
- Meyer H. 1990. Zum Verhältnis von Enzyklopädie und Allegorese im Mittelalter. Frühmittelalterliche Studien, 24: 290–313.
- Niermeyer J.F. 1976. *Mediae Latinitatis lexicon minus: lexique latin médiéval-français/anglais*. Leiden, 1138.
- Sharpe R. 1997. A Handlist of the Latin Writers of Great Britain and Ireland Before 1540. In: Publications of the Journal of Medieval Latin. Vol. 1. Turnhout, 912.
- Thomas de Cantimprato. 1973. *Liber de natura rerum: editio princeps secundum codices manuscriptos*. Berlin; New York, de Gruyter, 431.
- Thomson R.M. 2009. A descriptive catalogue of the medieval manuscripts of Merton College. Oxford, 330.
- Thomson R.M. 1989. Catalogue of the manuscripts of Lincoln Cathedral Chapter Library. Lincoln, 380.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.02.2022

Received 14.02.2022

Поступила после рецензирования 21.03.2022

Revised 21.03.2022

Принята к публикации 25.03.2022

Accepted 25.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грозов Степан Сергеевич, магистр истории, лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории социальной антропологии, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет, г. Нижний Новгород, Россия

Stepan S. Grozov, Master of History, Research Assistant in Research Laboratory of Social Anthropology of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-7072-1856](https://orcid.org/0000-0001-7072-1856)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-351-360

Оригинальное исследование

Легенда об основании Киева и «История Тарона»: обратная связь?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь,

Москва 119313, РФ

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Летописная легенда об основании Киева тремя братьями демонстрирует большое сходство с аналогичным армянским преданием из Тарона. Однако предположение о заимствовании в «Историю Тарона» полянского сюжета сталкивается с рядом исторических, лингвистических и других трудностей. Возникает гипотеза об обратном заимствовании, которая могла быть связана с походом русов 943/944 в Закавказье. Она подтверждается свидетельством «Картлис Цховреба» и археологическими находками в Киеве, позволяющими сопоставить генезис оронима Щекавица из киевской легенды с выходцами из закавказского города/области Шеки. Сведения восточных авторов о походе русов дают основания предположить, что главный персонаж киевского предания князь Кий (Кый) на самом деле являлся родственником, возможно, соправителем князя Игоря Старого и предводителем похода 943/944. Предположение о заимствовании таронской легенды приводит датировку основания Киева в соответствие с археологическими и историко-нарративными свидетельствами.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, Тарон, Щекавица, Игорь Старый, антропонимия

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2022. Легенда об основании Киева и «История Тарона»: обратная связь? *Via in tempore. История. политология.* 49 (2): 351–360. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-351-360

The legend of the founding of Kyiv and the «History of Taron»: feedback?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow 119313, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The chronicle legend about the founding of Kiev by three brothers shows a great similarity with a similar Armenian legend from Taron. It became the basis for early official dates for the founding of the city. However, the assumption about borrowing the East Slavic plot into the «History of Taron» faces a number of historical, linguistic and other difficulties. A hypothesis arises about reverse borrowing, which could be carried out with prisoners taken by the Rus during the 943/944 campaign in Transcaucasia. It is confirmed by the testimony of «Kartlis Tskhovreba» and archaeological finds in Kiev, which allow us to compare the genesis of the oronym Shchekavitsa from the Kiev legend with people from the Transcaucasian city/region of Sheki. Information from Eastern authors about the campaign of

the Rus suggests that the main character of the Kiev legend, Prince Kyi (Kiy), was actually a relative, possibly a co-ruler of Prince Igor the Old and the leader of the 943/944 campaign. The assumption of borrowing the Taronian legend brings the dating of the founding of Kiev in line with archaeological and historical-narrative evidence.

Keywords: Ancient Russia, Kiev, Taron, Shchekavitsa, Igor Kiev (Igor the Old), anthroponymy

For citation: Vinogradov A.E. 2022. The legend of the founding of Kyiv and the «History of Taron»: feedback? Via in tempore. History and political science. 49 (2): 351–360 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-351-360

Введение

Один из старейших и наиболее трудных вопросов восточнославянской истории связан с летописной легендой об основании Киева. Согласно Повести временных лет, три брата, Кый, Щек и Хорив, княжившие у полян, основывают на новом благоприятном месте «град во имя брата своего старейшего». Кроме того, что у них была еще сестра Лыбедь, а Кый ходил к Константинополю и там принял от царя «велику честь», основал городок Киевец на Дунае и затем умер на берегах Днепра, основная летописная версия больше не дает сведений по поводу этой истории [ПСРЛ, 1846, с. 4].

Значительность этой легенды для истории Древней Руси, а с другой стороны, ее сравнительная лаконичность дали пищу для множества трактовок времени основания днепровского «града». В частности, Б.А. Рыбаков отнес это событие к концу V в., исходя из пересмотренных археологических данных, а также близкого предания о братьях Куаре, Мелтее и Хореане, которая была вписана в историю древней армянской области Тарон [Рыбаков, 1980, с. 31], [Рыбаков, 1982].

Однако археологические данные по первым жилым комплексам славянских поселений указывают на менее древние датировки [Franklin S., Shepard J., p. 94–95], а слияние этих поселений в город относилось скорее к IX или даже X веку [Котышев, с. 10].

Основная часть списков ПВЛ прямо не датирует княжение Кия и основание братьями «града во имя брата своего старейшего», однако анализ их содержания заставляет отнести соответствующие события к значительно более позднему, чем V в., времени [Шайкин, 2011, с. 57]. Сообщение Никоновской летописи, что Кый ходил «с силою ратью» на дунайских и волжских болгар [ПСРЛ, 1862, с. 64] тоже указывает не на самую раннюю этногеографическую и историческую картину.

Содержащие даты источники при наличии и нескольких ранних датировок в основном указывают на поздние даты, середины – второй половины IX в. и даже правления Игоря [Гиляров, с. 140]. Относить все эти свидетельства к разряду домыслов, как делали и зачастую делают ревнители «древности», едва ли представляется корректным.

Объекты и методы исследования

По сути, единственным аргументом в пользу относительной древности возникновения легенды могла бы являться именно параллель с «Историей Тарона», если бы было доказано заимствование ее сюжета из полянского источника. «История» была скомпилирована, по данным большинства арменоведов, не ранее VIII, а в окончательном виде – в X в. [Арутюнова-Фиданян, 2007, с. 85–86, 91–92; Greenwood, p. 208]. Под вопросом остается возможный путь такого заимствования. Б.А. Рыбаков предположил, что оно могло осуществиться во время похода 737 г. арабского полководца Марвана ибн-Мухаммада, дошедшего до «Славянской реки» (в версии Рыбакова – Дона) и переселившегося оттуда в Закавказье большое количество славян [Рыбаков, 1982, с. 181]. Однако от берегов Среднего Днепра даже до Дона большое расстояние, и предположение, что локальная легенда о трех «градообразующих» братьях и их сестре распространилась к VIII в. в столь широком во-

сточнославянском ареале, само по себе требует подтверждений. К тому же не факт, что имелся ввиду Дон, а не нижняя Волга, перевод «славянская река» спорен, гидроним мог быть образован от имен угро-финских и тюркских народов [Смокотина, 2009].

Другой проблемой является тот факт, что кавказоведы видели в «Истории Тарона» лишь типично местный сюжет, может быть, с отзвуками неких восточных легенд о мамиях – выходцах с далекого Востока [Абегян, 1948, с. 347–348], имевший сходство с восточнославянским преданием из-за параллельного развития в общих исторических условиях [Марр, 1935, с. 56], но не имевший никаких заимствований из этого предания.

Тем не менее исследователям было трудно игнорировать тот факт, что содержание «Истории Тарона» «чрезвычайно приближено» к рассказу ПВЛ об основании Киева [Былинин, 1992, с. 20]. Между двумя сказаниями, помимо некоторого сходства антропонимов, устанавливается сразу четыре совпадающих мотива [Арутюнова-Фиданян, Щавелев, 2013, с. 27–28].

В этой связи требовалось иное объяснение, чем заимствование полянского рассказа в Закавказье. Между тем при сравнении обоих преданий трудно сказать, «кто у кого заимствовал» детали и сюжетную нить [Загорульский, 2012, с. 220]. Подобную мысль развивал В.П. Яйленко, согласно которому уже армянское предание попало в Киев около XI в. вместе с колонистами или купцами из Закавказья и, будучи изменено и дополнено киевскими летописцами, стало основой местного ответа на новгородское сказание о трех братьях-варягах [Яйленко, 1988]. По мнению ряда других исследователей, данная гипотеза «продуктивна», но скорее речь шла о заимствовании в устное полянское предание о Кие и Лыбеди вероятного аланского прототипа армянской легенды [Арутюнова-Фиданян, Щавелев, 2013, с. 26, 29–30].

«Продуктивность» этой гипотезы, по нашему мнению, косвенно подтверждается многочисленными заимствованиями в фольклор, рукописные и первопечатные восточнославянские памятники сюжетов из иноэтнической среды [Веселовский, 1916, с. 2; Чернецов, 1991].

Что касается аланского посредничества, то, на наш взгляд, в данном случае оно не требовалось, если обратить внимание на еще одну легенду, также записанную в Закавказье. Грузинский исторический свод «Картлис Цховреба» сообщал, что в эпоху Арчила Мученика (погиб в 786 г.) из-за участвовавшего натиска арабов к этому эриставу-властителю бежали трое не названных по именам братьев из области Тарон. Последним был пожалован Шаких (Шеки, Шаки), город к северу от области Арран, владения которого мигранты вскоре значительно расширили [Картлис Цховреба, 2008, с. 112].

В данном контексте интересен не только исход такого же числа братьев из того же Тарона, поселение их в городе, расширение его владений (что также пересекается уже с рассказом об основании Киева, а затем где-то далеко и Киевца), но и созвучие его названия с Щеком ПВЛ. Кроме того, «шекинские» братья приходились близкими родственниками Адарнасе Слепому, в котором видят армянского царя Ашота Слепого, а значит, родней и принцессе Латаври, которая в своде фигурирует как «дочь Адарнасе» [Картлис Цховреба, 2008, с. 140]. Из-за полумифологичности сюжета и в этом и других источниках, совмещения его героев с историческими персонажами с аналогичными именами (Адарнасе-старший, направленный Арчилом на юг, Адарнасе-племянник или сын [Назарян, 2016, с. 97], Адарнасе – один из шекинских братьев [Шагинян, 2008, с. 130]) трудно определить точно степень этого родства. Но в известном ныне не полностью легендарном аспекте (может, и далеко от нарративного, где у Латаври был брат Ашот) это может означать, что у трех братьев существовала и сестра – двоюродная или даже родная, что еще сближает этот сюжет с древнерусским.

В любом случае грузинско-армянское повествование имеет четкие временные рамки, переселение в Шаких произошло в 782–784 г. [Шагинян, 2008, с. 128]. Но каким образом

армянская легенда, записанная неясно кем и когда в Тароне, обретшая новое звучание во владениях Арчила, могла достичь Поднепровья?

О связи Закавказья с Восточной Европой можно проследить начиная с X в., судя по упомянутым в трактате Константина Багрянородного топонимам, в частности названию киевской крепости Самбатас, параллели для которой находились в Армении [Март, 1936, с. 284], и острова, вероятно, названного в честь просветителя Армении Святого Григория в районе днепровских порогов.

О том, каким образом могли быть установлены подобные связи, можно проследить по известиям ряда арабских, а также армянских источников о юго-восточных набегах Руси IX–X вв. Но если, например, поход 912/913 г. затронул в основном побережье Каспийского моря, то в 943/944 русский отряд углубился вглубь Аррана и попытался утвердиться в его столице – Бердаа (Партаве). Указанная территория находится в смежной с Шеки историко-культурной зоне, армянский князь Сахл Смбалян в конце IX – начале X в. владел и Шеки, и Бердаа. Согласно некоторым источникам, и постоянный военный лагерь русов во время похода находился в пограничье Шеки [Якубовский, 1926, с. 91]. Уходя из Аррана, русы угнали с собой множество пленных [Якубовский, 1926, с. 69], среди которых, надо полагать, было немало и местных армян, знакомых с легендарной традицией.

Не случайно В.Н. Зоценко прямо связывал некоторые киевские археологические находки, например, бусы, соответствующие ближневосточным и закавказскими типам X в., обращавшиеся в юго-западном Прикаспии дирхамы с арранским походом русов. С вернувшимися из похода он же связывал строительство/обновление некоторых киевских укреплений [Зоценко, 2010, с. 474]. Но если дирхамы вряд ли можно было бы приписать пленникам, то строительство почти наверняка было поручено им.

Все эти обстоятельства позволяют выстроить гипотезу, согласно которой армяне могли дать и название одному из местных поселений, Самбатас, например, в честь царя Смбаата I, который в начале X в. владел частью Аррана. Сам по себе принцип именования городов в честь правителя являлся типичным для древней Армении (Тигранакерт, Арташат и др.). Эти же пленники перенесли на новые места обитания и «градообразующую» легенду о трех братьях (и, возможно, сестре), воспоминания о Шеки, которые, смешавшись с местными преданиями и топонимами, и стала основой сказаний об основании Киева.

Результаты и их обсуждение

Однако есть ли какие-то основания считать инкорпорированными, пусть и в измененном виде, в ткань киевского повествования и имена закавказских героев?

Еще первые исследователи вопроса не видели в именах первых киевских князей ничего славянского, да и в XX в. предполагалась их принадлежность дославянскому населению Среднего Поднепровья [Артамонов, 1960, с. 294], хазарам [Голб, Прицак, 1997, с. 77]. С другой стороны, многие следуют мнению Н.М. Карамзина, допуская, что имена основателей Киева сугубо легендарны и произведены от топонимов [Карамзин, 1818, с. 37–38; Петрухин, 2014, с. 24–25].

Но сопоставление формы Кий/Киев с топонимами, а также антропонимами из западнославянского ареала типа Kijevo с изъяснением из кий, куј «палка, дубинка» [ЭССЯ, 1987, с. 257–258], равно как и гипотеза о связи топонима (с последующим перенесением на антропоним) с терминами, означающими «вихрь» или «песчаный холм» [Роспанд, 1968], наталкиваются как минимум на одно важное препятствие. В древнерусских источниках, в том числе берестяных грамотах, антропоним/топоним неизменно представал как Кый/Кыев, а появление формы Киевь впервые отмечается лишь в новгородской грамоте середины XIII в. [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 115]. Даже если это было частью общего процесса т. н. палатализации заднеязычных в древнерусском, это не опровергает

мысль о том, что связи Кый/Кыекъвъ с упомянутыми терминами и топонимами относятся скорее к разряду народной этимологии, обеспечившей переход *Кыев* в *Киевъ*.

Притяжательность формы жителей города кыяне, т. е. «люди Кыя», заставляет не отвергать летописный рассказ о первичности антропонима. При этом специфика такого личного имени с фонемой *ы* предполагает довольно узкий круг этимологий, причем не-славянских. Следует отметить замечание, что в ПВЛ есть два «намёка» на неполянское происхождение Кыя [Былинин, 1992, с. 14].

Вместе с тем источники о закавказском походе русов дают некоторый материал, возможно, подтверждающий историческое существование легендарного князя. У большинства авторов упоминается лишь неназванный предводитель русов, который, согласно Ибн-Мискавейху, погиб в одной из финальных битв [Якубовский, 1926, 68]. Вследствие чего есть множество предположений о командующем походом, среди которых называются «царь русов» X-л-гу т. н. Кембриджского документа. Однако детали этого документа, указывающие на гибель отряда [Голб, Прицак, 1997, с. 142], противоречат сведениям восточных авторов и едва ли могут быть вставлены в контекст арранских событий.

При этом в «Искандер-наме» Низами Гянджеви, пусть в контексте поэтического повествования, имя вождя напавших на Закавказье названо: Кинтал-Рус (Кинтал). Достаточно очевидна этимологизация имени от средневековой арабо-латинской меры веса, которая в данном случае, судя по форме названия, была багдадской, где местный *kintall* мог превышать 320 кг [Hinz, Marcinkowski, 2003, p. 37–38]. Вероятно, поэт так хотел подчеркнуть физические параметры русского богатыря. Однако все возможные скрытые этимологизацией формы выглядят загадочно.

В этой связи перспективным, на наш взгляд, является сопоставление двух фактов. С одной стороны, это попытка русов в Бердаа заключить с местным населением, по определению А.С. Королева, «что-то вроде договора» [Королев, 2010, с. 117]. Некоторые ученые справедливо проводят аналогии этого договора с русско-византийскими соглашениями, с которыми совпадают, в частности, некоторые статьи [Колесов, 2005, с. 13].

С другой стороны, русско-византийские договора предварялись формулой «Мы от рода Рускаго», после которой следовало перечисление имен. Но если во взаимоотношениях с империей сторону русов представляла чуть ли не вся их элита, то в случае закавказского похода размер такого представительства определенно сужался, возможно, до лишь предводителя. Иными словами, загадочное *Кинтал-Рус* могло представлять собой попавшее к Низами из какого-то текста, сохранившего договор Русь-Бердаа, определение «от рода Рускаго» в сочетании с местоимением или, скорее всего, с личным именем.

Мы полагаем, что этим именем и было *Кый* в сочетании с *нтал-Рус*, которое на самом деле было определением «от рода Рускаго», только на латыни, *natalis Russorum*. Латинская этимология в данном случае, на наш взгляд, отвечает ряду имен первых русских князей, корни которых находятся в романских наречиях [Виноградов, 2020]. Если данная расшифровка верна, то и антропоним Кый может иметь соответствующее прочтение. Например, по сообщению специалиста по румынскому языку Е.А. Семеновой, в его лексике, и в том числе в антропонимах, звук *a* достаточно свободно варьируется с *ы* (отражаемым на письме как *â* и *î*). Следовательно, для популярного имени *Caïus* в его проторумынском варианте можно предполагать вариант **Câïus*, который после обычного для восточнославянской речи отпадения латинского окончания приобрел форму *Кый*.

Мало того, на наш взгляд, романские этимологии способны решить и спор между киевским летописцем и живучей легендой о том, что Кый был не князь, а «перевозчик» через Днепр [ПСРЛ, 1846, с. 4]. Этот спор, возможно, возник из-за совмещения в легенде Кыя с его современником князем Игорем Старым. Антропоним Игорь (*IγγorIγγor*, *Inger* иностранных источников) являлся, по нашему предположению, балканской, придунайской формой имени *Angarius* [Виноградов, 2020, с. 311–312]. Однако *angarius* в средневе-

ковой латыни и ее производных означало и «гонец», и вообще все, отождествляемое с *перевозками* [Martinez Lopez, 1862, p. 55–56].

Что касается разницы между сравнительно точной датировкой княжения Игоря Старого и предполагаемого из ПВЛ правления Кья, то она выглядит в летописных рассказах искусственной. «Древний» князь был нужен составителям ПВЛ лишь для легитимизации правления более поздних князей [Петрухин, 2014, с. 76]. По мнению А.С. Щавелева, лишь после рубежа 945–946 гг. «уровень достоверности» летописных рассказов на порядок повышается [Щавелев, 2015, с. 102].

Между тем огромные временные лакуны в описании правления Игоря, факт первого самостоятельного внешнеполитического действия князя (по ПВЛ) лишь в 941 г. внушали исследователям мысль, что самостоятельное правление Игоря длилось недолго. К. Цукерман сократил этот срок до 941–945 гг., характеризуя предыдущий отрезок как период двоевластия Игоря и Олега [Цукерман, 1996, с. 77]. По мнению А.А. Шайкина, в начальных редакциях летописей присутствовал этот дуумвират, но позднейшие летописцы, «исходя из идеи единовластия», исказили реальные исторические факты [Szaikin, 2013, 62].

Однако идея дуумвирата с Олегом имеет ряд противоречий с нарративом. В частности, если Олег, по ПВЛ, еще в 882 г. возглавил поход на Аскольда и Дира, причем одолел их совсем не юношеским коварством, а, по Цукерману, погиб только в 944 г., то его активная военная карьера длилась более шестидесяти лет. Такая биография выглядит практически нереальной в условиях X в.

На наш взгляд, более реалистичным явилось бы предположение, что дуумвират с Игорем составлял не Олег, а другое лицо. Согласно тексту русско-византийского договора 944/945 гг., у Игоря был *нетий* – племянник [ПСРЛ, 1846, с. 20], а значит, и сестра или брат, имя которого не приводится. Возможно, что это был Кый, а разница с полулегендарной хронологией его княжения и основания Киева может быть объяснима. Не случайно, когда Олег провозгласил город «матерью городов русских», то в передаче ПВЛ он вместо *Киев* употребил *се* [ПСРЛ, 1846, с. 10], что может указывать на отсутствие топонима в 882 г.

Тем не менее, на наш взгляд, именно топонимический материал может дать ключ к разгадке «дуумвирата», показав, что ключевые киевские топонимы появились синхронно, но не в период, к которому их возвел академик Рыбаков.

В этой связи интерес представляет название Хоревца (Хоривица). Производство его от *Хорив*, как и (если предполагать прямое заимствование из армянской легенды) от *Хореан*, противоречит другим парным названиям Кый/Кыевец, Щек/Щекавица, предполагающим для данного случая имя, похожее на *Хор* или *Хорь*. При этом Хоревца отождествляется с Юрковицей, которая, в свою очередь, в документах еще XVI в. характеризуется как опоясанная «валком старожитним», который идет от «Юркового ставка» [Зоценко, 2010, с. 455]. Это может означать место древней укрепленной княжеской резиденции, названной, вероятно, именем князя. Юрко – украинско-южнорусская форма имени Юрий-Георгий. При отсутствии «старожитних» свидетельств о связи горы с носителями этого имени остается вспомнить, что в народном сознании имя Юрий-Георгий фактически ассоциировалось с антропонимом Игорь. И сейчас эти имена образуют общие диминутивы, а в домонгольскую эпоху большинство известных Игорей при крещении становились Юриями-Георгиями [Литвина, Успенский, 2006, с. 561–563]. Предполагаем, что по мере христианизации фольклора и название горы, связанной с Игорем, было соответствующим образом изменено. Летописцы же XI–XII вв., записывая устные предания пока еще о горе *Игоревца* (с оглушенной по-южнорусски первой согласной), связать ее с древнерусским князем не смогли или не захотели ввиду более интересной им параллели с библейской горой Хорив.

Заключение

Анализ нарративных, археологических источников, а также лингвистических данных показывает, что взаимоотношения легенды об основании Киева и сюжета «Истории Тарона» могут быть иными, чем это представлялось большинству исследователей. Соответственно, иными могут быть датировки правления первых киевских князей, как и их этническая принадлежность. Отнесение появления названия *Кыев* к первой половине X в. соотносится с археологическими данными о слиянии среднеднепровских поселений в один городской конгломерат, а также с первыми надежными иностранными свидетельствами, зафиксировавшими соответствующий топоним.

Несмотря на то, что армянское влияние на ранний Киев было поверхностным, его топонимические и легендарные следы исчезли или ослабились до неузнаваемости, тем не менее сам его факт является показательным примером средневекового межкультурного обмена.

Список источников

- Картлис Цховреба. 2008. История Грузии. Под ред. Р. Метревели. Тбилиси, Артанунджи, 456 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 1846. Т. I. СПб, Тип. Э. Праца, XX, II, 269 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 1862. т. 9. СПб, Тип. Э. Праца, XXIII, 256 с.

Список литературы

- Абебян М. 1948. История древнеармянской литературы. Т. 1. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 503 с.
Артамонов М.И. 1960. История хазар. Л, Изд. Гос. Эрмитажа, 523 с.
Арутюнова-Фиданян В.А. 2007. Загадка «Истории Тарона». Вспомогательные исторические дисциплины. СПб, СПб Институт истории РАН, т. XXX: 85–92.
Арутюнова-Фиданян В.А. и Щавелев А.С. 2013. Очерк истории изучения легенд об основаниях городов в древнерусской «Повести временных лет» и армянской «Истории Тарона», Кий и Куар. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год, Устная традиция в письменном тексте. Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., Русский Фонд содействия Образованию и Науке: 7–33.
Былинин В.К. 1992. К вопросу о генезисе и историческом контексте летописного «Сказания об основании Киева». Герменевтика русской литературы, 3: 14–43.
Веселовский А. 1916. Западное влияние в новой русской литературе. М., Тип. И.Н. Кушнерев и Ко., 259 с.
Виноградов А.Е. 2020. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. Via in tempore, История и политология, 47 (3): 309–317.
Гиляров Ф. 1878. Предания русской начальной летописи (по 969 г.). М., Тип. Современных Известий, 326 с.
Голб Н. Прицак О. 1997. Хазарско-еврейские документы X в. М.-Иерусалим, Гешарим, 240 с.
Загорульский Э.М. 2012. Славяне, происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск, БГУ, 367 с.
Зоценко В.Н. 2010. Киевский некрополь – II, место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология. Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб, Нестор-История: 455–477.
Карамзин Н.М. 1818. История государства Российского. Т. I. СПб, Тип. Н. Греча, XXXVI, 156 с.
Колесов В.А. 2005. Русско-византийские межгосударственные договоры IX–XI вв. Ученые записки СПб им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1 (23): 5–20.
Королев А.С. 2010. «Род русский» и славяне Среднего Поднепровья в X веке. Наука и школа 6: 113–118.
Котышев Д.М. 2005. Начальный этап истории Киева (IX–X вв.). Вестник Челябинского ГУ 2 (18): 5–17.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. 2006. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., Индрик, 904 с.
Марр Н.Я. 1936. Избранные работы. Т. 2. М.-Л., ГСОЭИ, 549 с.
Марр Н.Я. 1935. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избранные работы. Т. 5. М.-Л., ГСОЭИ: 44–66.

- Назарян Л.С. 2016. Основание грузинской ветви Багратидов. Античная древность и средние века. Вып.44: 87–103.
- Петрухин В.Я. 2014. Русь в IX–X веках. М., Форум, Неолит, 464 с.
- Роспонд С. 1968. Значение древнерусской ономастики для истории (к этимологии топонима Киев). Вопросы языкознания. 1: 103–110.
- Рыбаков Б. 1982. Колыбель отечественной государственности. Коммунист. 7: 178–189.
- Рыбаков Б.А. 1980. Город Кия. Вопросы истории. 5: 31–47.
- Смокотина Д.В. 2009. Поход Марвана 757 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов. Вестник Томского ГУ. История. 1 (5): 110–122.
- Цукерман К. 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X в., проблемы хронологии. Славяне и их соседи. Вып. 6. М., Индрик: 68–80.
- Чернецов А.В. 1991. Еруслан Лазаревич. Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., Советская энциклопедия: 211.
- Шагинян А.К. 2008. Формирование автономных Багратидских княжеств арабской провинции Арминийа в первой половине IX в. Вестник СПб Университета. Сер.2. История. Вып. 2: 127–140.
- Шайкин (Szaikin) А. 2013. История и нарратив в летописном повествовании. *Slavia orientalis*. Т. LXII. 21: 45–67.
- Шайкин А.А. 2011. Повесть временных лет. История и поэтика. М., Русская панорама, 616 с.
- Щавелев А.С. 2015. Славянские племена Восточной Европы X – первой половины XI века, аутентификация, локализация и хронология. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2: 99–133.
- Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ) 1987. Т. 13. М., Наука, 287 с.
- Яйленко В.П. 1988. Киевская легенда о Кие, Щеке и Хориве как результат полемики летописания Киева и Новгорода и влияние на него таронского предания о Куаре, Мелтее и Хореане. Историко-филологический журнал АН Армении, 4: 167–180.
- Якубовский А.Ю. 1926. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/944 г. Византийский временник. Т. XXIV: 63–92.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. 2015. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.) М., ЯСК, 288 с.
- Franklin S. Shepard J. 2013. *The Emergence of Russia 750–1200*. London – New York, Routledge, 449 p.
- Greenwood T. 2020. *Social Change in Eleventh-Century of Armenia, The evidence from Taron*. *Social Change in Town and Country Byzantium*. ed. J. Howard-Johnston. Oxford, Oxford Un. Press: 196–219.
- Hinz W., Marcinkowski M.I. 2003. *Measures and weights in the Islamic World*. Kuala-Lumpur, ISTAC-IIUM, XXII+98 p.
- Martinez Lopez M.D.P. 1862. *Diccionario latino-español*. Madrid, A. Jubera, 235 p.

References

- Abegyan M. 1948. *Istoriya drevnearmyanskoj literatury*. [History of ancient Armenian literature] Т. 1. Erevan, Izd. AN Arm. SSR, 503 p.
- Artamonov M.I. 1960. *Istoriya hazar* [History of the Khazars] Leningrad, Izd. Gos. Ermitazha, 523 p. (in Russian).
- Arutyunova-Fidanyan V.A. 2007. *Zagadka «Istorii Taron»* [The Mystery of the «History of Taron»] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. St. Petersburg, SPb Institut istorii RAN, vol. XXX: 85–92 (in Russian).
- Arutyunova-Fidanyan V.A. and Shchhavelev A.S. 2013. *Oчерк istorii izucheniya legend ob osnovaniyah gorodov v drevnerusskoj «povesti vremennyh let» i armyanskoj «Istorii Taron»*, Kij i Kuar [Essay on the history of the study of legends about the founding of cities in the Old Russian «Tale of Bygone Years» and the Armenian «History of Taron», Kyi and Kuar]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2011 god, Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste. Otv. red. G.V. Glazyrina. М., Russkij Fond sodejstvija Obrazovaniyu i Nauke: 7–33 (in Russian).
- Bylinin V.K. 1992. *K voprosu o genezise i istoricheskom kotnekste letopisnogo «Skazaniya ob osnovanii Kiev»* [On the question of the genesis and historical context of the chronicle «Tale of the Foundation of Kiev»]. *Germenevtika russkoj literatury*, 3: 14–43 (in Russian).
- Veselovsky A. 1916. *Zapadnoe vliyanie v novoj russkoj literature* [Western influence in the new Russian literature] Moscow, I.N. Kushnerev & Co., 259 p. (in Russian).

- Vinogradov A.E. 2020. Antroponimiya pervyh russkikh knyazej i proiskhozhdenie dinastii Ryurikovichej [Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty]. *Via in tempore, Istorija i politologija*, 47 (3): 309–317 (in Russian).
- Gilyarov F. 1878. *Predaniya russkoj nachal'noj letopisi (po 969 g.)* [Traditions of the Russian Primary Chronicle (until 969)]. Moscow, Tip. Sovremennyh Izvestij, 326 p. (in Russian).
- Golb N. Pritsak O. 1997. *Hazarsko-evrejskie dokumenty X v.* [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Moscow – Jerusalem, Gesharim, 240 p. (in Russian).
- Zagorulsky E.M. 2012. *Slavyane, proiskhozhdenie i rasselenie na territorii Belarusi* [Slavs, origin and resettlement on the territory of Belarus]. Minsk, BGU, 367 p. (in Russian).
- Zotsenko V.N. 2010. *Kievskij nekropol' – II, mesto v istoricheskoj topografii goroda, tipologiya pogrebal'nogo inventarya, hronologiya* [Kiev necropolis – II, place in the historical topography of the city, typology of grave goods, chronology]. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki*. St. Petersburg, Nestor-History: 455–477 (in Russian).
- Karamzin N.M. 1818. *Istorija gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Vol. I. St. Petersburg, N. Grech, XXXVI, 156 p. (in Russian).
- Kolesov V.A. 2005. *Russko-vizantijskie mezghosudarstvennye dogovory IX–XI vv.* [Russian-Byzantine interstate agreements of the IX–XI centuries]. *Uchenye zapiski SPb im. V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhenoj akademii*. 1 (23): 5–20 (in Russian).
- Korolev A.S. 2010. «Rod russkij» i slavyane Srednego Podneprov'ya v X veke [«Russian Clan» and the Slavs of the Middle Dnieper in the 10th century]. *Nauka i shkola*, 6: 113–118 (in Russian).
- Kotyshev D.M. 2005. *Nachal'nyj etap istorii Kieva (IX–X vv.)* [The initial stage of the history of Kiev (IX–X centuries)]. *Vestnik Chelyabinskogo GU*. 2 (18): 5–17 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspensky F.B. 2006. *Vybor imeni u russkikh knyazej v X–XVI vv.* [The choice of a name among Russian princes in the X–XVI centuries]. Moscow, Indrik, 904 p. (in Russian).
- Marr N.Ya. 1936. *Izbrannye raboty* [Selected works]. T. 2. Moscow – Leningrad, GSOEI, 549 p. (in Russian).
- Marr N.Ya. 1935. *Knizhnye legendy ob osnovanii Kuara v Armenii i Kieva na Rusi* [Book legends about the founding of Kuar in Armenia and Kiev in Russia]. *Izbrannye raboty*. T. 5. Moscow – Leningrad, GSOEI: 44–66 (in Russian).
- Nazaryan L.S. 2016. *Osnovanie gruzinskoj vetvi Bagratidov* [The foundation of the Georgian branch of the Bagratids]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Vyp. 44: 87–103 (in Russian).
- Petrukhin V.Ya. 2014. *Rus' v IX–X vekah* [Russia in the IX–X centuries]. Moscow, Forum, Neolit, 464 p. (in Russian).
- Rospond S. 1968. *Znachenie drevnerusskoj onomastiki dlya istorii (k etimologii toponima Kiev)* [The significance of Old Russian onomastics for history]. *Voprosy yazykoznanija*. 1: 103–110.
- Rybakov B. 1982. *Kolybel' otechestvennoj gosudarstvennosti* [The cradle of national statehood]. *Kommunist*. 7: 178–189 (in Russian).
- Rybakov B.A. 1980. *Gorod Kiya* [City of Kiya]. *Voprosy istorii*. 5: 31–47 (in Russian).
- Smokotina D.V. 2009. *Pohod Marvana 757 g. i problema lokalizacii Slavyanskoj reki vostochnyh avtorov* [Campaign of Marwan in 757 and the problem of localization of the Slavic River by Eastern authors] // *Vestnik Tomskogo GU. History*. 1 (5): 110–122 (in Russian).
- Zuckerman K. 1996. *Rus', Vizantiya i Hazariya v seredine X v., problemy hronologii* [Russia, Byzantium and Khazaria in the middle of the 10th century, problems of chronology]. *Slavyane i ih sosedi*. Vyp. 6. Moscow, Indrik: 68–80 (in Russian).
- Chernetsov A.V. 1991. *Eruslan Lazarevich* [Yerusalem Lazarevich]. *Mifologicheskij slovar'*. Gl. red. E.M. Meletinskij. Moscow, Sovetskaya enciklopediya: 211 (in Russian).
- Shaginyan A.K. 2008. *Formirovanie avtonomnyh Bagratidskikh knyazhestv arabskoj provincii Arminiya v pervoj polovine IX v.* [Formation of the autonomous Bagratid principalities of the Arab province of Arminiya in the first half of the IX century]. *Vestnik SPB Universiteta. Ser. 2. Istorija*. Vyp. 2: 127–140 (in Russian).
- Shaikin A.A. 2011. *Povest' vremennyh let. Istorija i poetika*. [The Tale of Bygone Years. History and poetics]. Moscow, Russkaya panorama, 616 p. (in Russian).
- Shaikin (Szaikin) A. 2013. *Istorija i narrativ v letopisnom povestvovanii* [History and narrative in chronicle narrative]. *Slavia orientalis*. T. LXII. 21: 45–67.

- Shchavelev A.S. 2015. Slavyanskije plemena Vostochnoj Evropy X – pervoj poloviny XI veka, autentifikaciya, lokalizaciya i hronologiya [Slavic tribes of Eastern Europe of the X-first half of the XI century, authentication, localization and chronology]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2: 99–133 (in Russian).
- Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov [Etymological Dictionary of Slavic Languages (ESSL)] 1987. V. 13. Moscow, Nauka, 287 p. (in Russian).
- Yaylenko V.P. 1988. Kievskaya legenda o Kie, Shcheke i Horive kak rezul'tat polemiki letopisaniya Kieva i Novgoroda i vliyanie na nego taronskogo predaniya o Kuare, Meltee i Horeane [The Kievan legend about Kiy, Shchek and Khoriv as a result of the controversy between the annals of Kiev and Novgorod and the influence of the Taronian legend about Kuar, Meltey and Chorean]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal AN Armenii*, 4: 167–180.
- Yakubovsky A.Yu. 1926. Ibn-Miskavejh o pohode Rusov v Berdaa v 332 g.= 943/944 g. [Ibn-Miskaveikh about the campaign of the Ruses in Berdaa in 332 = 943/944]. *Vizantijskij vremennik*. V. XXIV: 63–92.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. 2015. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.) [Novgorod letters on birch bark (from excavations in 2001–2014)]. Moscow, JASK, 288 p.
- Franklin S. Shepard J. 2013. *The Emergence of Russia 750–1200*. London – New York, Routledge, 449 p.
- Greenwood T. 2020. Social Change in Eleventh-Century of Armenia, The evidence from Taron. *Social Change in Town and Country Byzantium*. ed. J. Howard-Johnston. Oxford, Oxford Un. Press: 196–219.
- Hinz W., Marcinkowski M.I. 2003. *Measures and weights in the Islamic World*. Kuala-Lumpur, ISTAC-IUM, XXII+98 p.
- Martinez Lopez M.D.P. 1862. *Diccionario latino-español*. Madrid, A. Jubera, 235 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.02.2022

Received 11.02.2022

Поступила после рецензирования 07.05.2022

Revised 07.05.2022

Принята к публикации 07.05.2022

Accepted 07.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, independent researcher, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)

УДК 94(47)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-361-374

Оригинальное исследование

Дворянские выборы в Санкт-Петербургской губернии в последней трети XVIII века

Морозан В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. С.-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: v_moga@mail.ru

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка исследовать практику проведения первых дворянских выборов в С.-Петербургской губернии в последней трети XVIII в. Впервые проведенные в 1867 г., дворянские выборы со временем обрели для этого сословия чрезвычайное значение. В отмеченные годы оттачивалась практика их проведения, которая прошла определенную эволюцию от выборов лишь уездных предводителей дворянства и депутатов Уложенной комиссии до избрания целого ряда должностей судебно-полицейских органов С.-Петербургской губернии. В эти годы формируются органы дворянского самоуправления, институты общественного призрения, складываются регулярность и время проведения сословных выборов, а также основные прерогативы дворянских собраний. Многие традиции последней трети XVIII в. в избирательной практике дворян сохранялись долгие годы, а некоторые и вовсе не были утрачены за весь период созыва дворянских собраний. В частности, традиция слушать литургию в храме Казанской иконы Божией Матери сохранилась до начала XX в. Там же дворяне приносили присягу перед открытием собрания. В эти же годы сложилась традиция приглашать дворян к праздничному столу, который устраивался за счет Двора. Наконец, к концу XVIII в. дворянство воспринимало возможность регулярно собираться для обсуждения жизненно важных проблем своего сословия и выбирать из своей среды кандидатов на ряд должностей как естественное и неотъемлемое его право. Не случайно правовые акты Павла I, в частности указ 14 октября 1799 г. об упразднении губернских выборов, были восприняты дворянством как попытка принизить роль и значение дворянства до уровня рядовых подданных императора.

Ключевые слова: дворянские выборы, предводитель дворянства, дворянское общество, сословное самоуправление

Для цитирования: Морозан В.В. 2022. Дворянские выборы в Санкт-Петербургской губернии в последней трети XVIII века. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 361–374. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-361-374

Elections of the nobility in the St. Petersburg province in the last third of the 18th century

Vladimir V. Morozan

Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya line, Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: v_moga@mail.ru

Abstract. This article attempts to investigate the practice of holding the first noble elections in the St. Petersburg province in the last third of the 18th century. First held in 1867, the noble elections over time acquired enormous importance for this class. In the years noted, the practice of their conduct was perfected, which underwent a certain evolution from the election of only the district leaders of the nobility and deputies of the Legislative Commission, to the election of a number of positions of judicial and police

bodies of the St. Petersburg provinces. During these years, bodies of noble self-government, institutions of public charity were formed, the regularity and timing of class elections, as well as the main prerogatives of noble assemblies, were formed. Many traditions of the last third of the 18th century in the electoral practice of the nobles persisted for many years, and some were not lost at all during the entire period of the convocation of noble assemblies. In particular, the tradition of listening to the liturgy in the church of the Kazan Icon of the Mother of God survived until the beginning of the 20th century. There, the nobles took the oath before the opening of the meeting. In the same years, a tradition has developed to invite noblemen to the festive table, which was arranged at the expense of the Court.

Key words: noble elections, leader of the nobility, noble society, estate self-government

For citation: Morozan V.V. 2022. Elections of the nobility in the St. Petersburg province in the last third of the 18th century. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 361–374 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-361-374

Введение

История российского дворянства – одна из самых востребованных тем в отечественной историографии. Трудно даже определить количество работ по данной тематике. Интерес к ней давний и постоянный. В связи с этим можно вспомнить замечательные работы С.А. Корфа, Г.А. Евреинова, А.В. Романович-Славатинского, А.П. Корелина, Ю.Б. Соловьева и многих других [Романович-Славатинский 1870; Евреинов 1893; Корф 1906; Соловьев 1973; Корелин 1979]. Существенным образом пополнилась и современная отечественная историография о дворянстве Российской империи, в особенности ее отдельных губерний [Куприянов 2012; Узенева 2015; Чигирева 2016; Сильвестрова 2017; Федосеев 2017, 2019; Гончарова 2019; Борисов 2020]. Вместе с тем история дворян многих губерний России все еще остается слабо изученной либо вовсе не разработанной. К таким частям Империи относится и С.-Петербургская губерния, о дворянстве которой написано лишь несколько работ частного характера [Никулин 2005; Смирнова 2006; Краско 2014; Салищев 2017]. Впрочем, весьма обстоятельно исследована история дворянских усадеб С.-Петербургской губернии. В начале текущего столетия Л.В. Мурашовой и Н.В. Мыслиной была издана замечательная серия книг на эту тему [Мурашова, Мыслина 2001, 2003, 2008, 2009, 2010, 2015].

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются процессы формирования дворянского общества в С.-Петербургской губернии, которые протекали в последней трети XVIII в. Существенную роль в объединении дворян в сословную корпорацию сыграли дворянские выборы. При написании данной работы использовались традиционные методы исторического исследования: поиск и системный анализ необходимых источников, сравнительный анализ добытого материала и его историческое описание.

Результаты и их обсуждение

Между тем отложившиеся архивные материалы позволяют исследовать эту тему весьма обстоятельно. Лишь с событиями конца XVIII – начала XIX в. исследователь может испытать недостаток в материалах из-за погибших в пожаре середины 1840-х гг. множества документов столичного дворянского депутатского собрания. Эти обстоятельства в значительной степени также помешали автору настоящей статьи более подробно исследовать выбранную тему. Таким образом, в основу представленной работы главным образом легли статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей», которые одно время с охотой освещали мероприятия по дворянским выборам. Кроме того, использовались документы Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга.

Придя к власти в 1762 г., Екатерина II не стала менять дворянскую политику своего предшественника, хотя «при ней концепция отношений власти и дворянства обогатилась рядом важнейших составляющей философии власти императрицы» [Власть и реформы 1996, 176]. Очевидно, что к этому моменту назрела необходимость принять ряд правовых актов, которые должны были четче определить как отношения между сословиями страны, так и круг прав и обязанностей каждого из них перед государством. Важно отметить, что эти нормы не только шли навстречу требованиям привилегированной части российского общества, но и отражали интересы самих властей. Пользуясь своим исключительным положением, дворянство настойчиво добивалось от правительства различных экономических и социальных уступок. Впрочем, даруя те или иные сословные права россиянам, императрица была в большей степени заинтересована в укреплении собственной власти. Установившееся в России самодержавие давно уже требовало полного и твердого оформления. Такие же цели преследовала она и при подписании Манифеста 14 декабря 1766 г. Хотя Екатерина II объявляла, что создаваемая Уложенная комиссия будет учреждена «дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа» [Полное собрание законов 1830, 1093], нет сомнения, что она в первую очередь преследовала свои интересы.

Вместе с тем объявленный царскими властями Манифест 14 декабря 1766 г. давал различным сословиям, за исключением крепостных крестьян, возможность сформулировать свои требования и нужды к верховной власти, которая готова была прислушаться к ним. Для участия в составлении нового Уложения различным социальным группам было предоставлено право выбирать своих депутатов и составлять наказания для своих избранников. Отметим, что Манифест был составлен так, что дворянство получило наиболее широкие возможности для участия в разработке Уложения. Оно могло выдвигать своих депутатов не только от каждого уезда, где имелись помещичьи имения, но фактически и от городов и различных учреждений. Таким образом, дворянское сообщество оказалось среди наиболее многочисленной части депутатов Уложенной комиссии.

С.-Петербургская губерния получила право по числу имевшихся тогда уездов избирать четырех депутатов от дворянства. Однако, опираясь на Манифест 14 декабря 1766 г., дворяне С.-Петербургского уезда по малочисленности выборов не стали проводить, ограничившись городскими выборами. Благодаря этому несколько представителей высшего сословия вошли в состав Комиссии как депутаты от горожан и ряда учреждений. В частности, жители С.-Петербурга выбрали в качестве своего депутата графа Алексея Григорьевича Орлова. Процедура избрания дворянских депутатов от С.-Петербургской губернии началась в конце января 1767 г. Учитывая, что помещиков в этой части империи было мало, то и группа участников избирательной кампании была немногочисленной. Первыми организовали свои выборы дворяне Копорского уезда, впоследствии ставшего частью других уездов.

Однако прежде чем приступить к выбору депутатов Уложенной комиссии, помещикам С.-Петербургской губернии предстояло избрать своих первых уездных предводителей. «Января 22 дня 1767 году, – писали «Санкт-Петербургские ведомости», – по силе состоявшегося за подписанием собственными ее императорского величества руки указа и Манифеста, полученного в Санкт-Петербургской губернской канцелярии минувшего 1766 года декабря 30 числа, и обнародованного из оной канцелярии во всех уездах здешней губернии через нарочно посланных, о учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения, для выбора из копорского дворянства предводителя, отправился из Санкт-Петербурга в село Красное, начальником тайный советник, Санкт-Петербургский губернатор и кавалер Степан Федорович Ушаков; куда того же числа и прибыл» [Санкт-Петербургские ведомости. 1767 г. 9 февраля. № 12].

Выборы предстояло провести во «Дворце ее императорского величества» в специально подготовленном для этого помещении. Весь процесс приготовления и проведения

выборов был подконтролен непосредственно тайному советнику С.Ф. Ушакову и производился строго по установленным Манифестом 14 декабря 1766 г. правилам. Такая практика надзора за дворянскими выборами со стороны губернских властей сохранилась и в последующие десятилетия. Контролю подвергалась не только повестка дня созываемых собраний, но и состав их участников. Так, каждый приезжавший 23 января 1767 г. дворянин обязан был представиться лично Ушакову для записи в особо приготовленную тетрадь. В нее записывались день, час и номер записи о прибытии помещиков Копорского уезда. Таким образом, первый приехавший на выборы дворянин получал первый избирательный номер. Большинство участников выборов прибыло 23 января, однако несколько человек смогли доехать только утром 24 января в день проведения мероприятия. В 10 часов С.Ф. Ушаков пригласил всех прибывших дворян в указанное выше помещение. Вошедшие увидели на стене портрет императрицы Екатерины II, под ним стоял большой стол, накрытый шелковой материей, сверх которой было постелено красное сукно. На столе стояли два ящика, покрытые светло-зеленым сукном, обшитым золотым галуном, а на ящиках располагались серебряные тарелки с шарами для баллотировки. Рядом с ящиками находились два серебряных блюда, куда предполагалось бросать шары за или против кандидатов. Там же располагались и канцелярские принадлежности, состоявшие из большой серебряной чернильницы и перьев. Не забыли организаторы выборов положить на стол переплетенный в зеленую тафту Манифест 14 декабря 1766 г. Избиратели должны были расположиться на стульях из красного дерева, стоявших в три ряда непосредственно перед столом председательствующего. Каждому было отведено свое место согласно записанному номеру прибытия, без учета чина и должности. Таким образом, лица без чина могли оказаться в первых рядах, а высокопоставленные чиновники и аристократы – в задних рядах. Всего на выборы прибыли 22 дворянина Копорского уезда, к которым присоединился по доверенности от генерал-фельдмаршала графа А.Б. Бутурлина генерал-фельдцейхмейстер граф Г.Г. Орлов. Примечательно, что «смотрителей» за проведением выборов было примерно такое же количество.

Расположившись по своим местам, избиратели вскоре встали, услышав приказ С.Ф. Ушакова секретарю собрания читать вслух высочайший Манифест, как это было установлено законом. После завершения чтения все поклонились портрету императрицы и сели на свои места. Вслед за этим Ушаковым было объявлено о начале выборов предводителя дворянства непосредственно из числа присутствующих в зале. Его полномочия, согласно Манифесту, сохранялись в течение двух лет. Правда, в статье 17 Манифеста не содержались каких-либо точные указания о его прерогативах, а лишь говорилось, что власти при необходимости сами определяют их в будущем [Полное собрание законов 1830, 1098]. При этом губернатор попросил дворян соблюдать законодательные нормы и выбирать предводителя без учета чина и звания. Он напомнил, что настоящая служба будущего предводителя не имела значения, то есть он мог быть и неслужилым дворянином. Главное, чтобы он владел в уезде недвижимым имением и имел возраст не менее 30 лет.

Выборы проводились по списку прибывших. Первым баллотировался тот, кто прибыл первым. Таким образом, голоса были поданы за всех участников избирательной процедуры. Секретарь лишь записывал против каждого в отмеченной тетради число поданных «белых и черных» шаров. После подведения итогов оказалось, что выбор предводителя дворянства от Копорского уезда пал на графа Г.Г. Орлова. Поблагодарив присутствовавших за честь состоять их предводителем, граф предложил провести выборы депутата Уложенной комиссии в С.-Петербурге, на что все дали свое согласие.

Вслед за тем всем присутствующим было предложено по повелению императрицы пройти к обеденному столу, который был накрыт на 50 персон. Застольем, начавшимся в 12 часов 30 минут, руководил действительный статский советник И.П. Елагин. После окончания обеда каждый избиратель был приглашен для подписания составленного накануне списка полномочий для предводителя. Отмеченный документ был передан вместе со

списком прибывших дворян на хранение С.Ф. Ушакову. Лишь после этого все уехали, как можно предположить, в С.-Петербург, где 28 января предстояло выбрать депутата Уложенной комиссии от Копорского уезда.

В указанный день к 9 часам начали съезжаться дворяне в бывший дом торговца тканями Г.Х. Штегельмана по набережной Мойки недалеко от Невского пр. В нем граф Г.Г. Орлов прожил несколько лет. Еще в 1763 г. вдова Штегельмана выставила этот дом на продажу, о чем поместила в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление: «Бывшего придворного фактора Штегельмана жена вдова продает каменный дом, состоящий на Мье (Мойке) реке со всеми принадлежащими к нему службами и с садом, в коем каменные оранжереи с разными фруктами и притом пруд с рыбой; желающие оный дом купить, о цене договориться могут с оною госпожой Штегельманшою» [Санкт-Петербургские ведомости. 1763 г. 25 ноября. № 94].

После покупки его Екатериной II в казну в 1764 г. он был передан для жительства графу Г.Г. Орлову. Очевидно, фаворит вел весьма активный образ жизни в этом доме, давая частые балы. Об этом неоднократно упоминает С.А. Порошин, один из воспитателей цесаревича Павла Петровича. В частности, в своей записи от 27 декабря 1765 г. он писал: «Вчера ввечеру Ее Величество изволила быть у гр. Григория Григорьевича Орлова в штегельманском доме, что на Мойке; там, как сказывают, компания была человек около шестидесяти. Ее Величество возвратиться изволила в час по полуночи. Ужин там был, танцы, песни, пляска и святошные игры. Гости часа в четыре по полуночи разъехались» [Порошин 1844, 550]. Дом был удобно расположен, находясь недалеко от Зеленого моста по Невскому проспекту.

К моменту схода дворян в доме Штегельмана все уже было приготовлено для проведения выбора депутата Уложенной комиссии. Г.Г. Орлов обставил комнату для предстоящего мероприятия точно таким же образом, как это было во Дворце в Красном Селе. По тому же образу велась запись прибывавших избирателей, как на то требовал Манифест. После сбора всех дворян граф Г.Г. Орлов повел их в церковь «Пресвятые Богоматери Казанские», где их ожидал губернатор С.Ф. Ушаков. Там они «слушали божественную литургию и молебен с водоосвящением, причем и прежде помянутый Манифест с приложениями по повелению начальника был чтен и все собравшиеся к выбору депутата дворяне приведены были к присяге» [Санкт-Петербургские ведомости. 1767 г. 9 февраля. № 12]. По окончании литургии и получении от Ушакова нужных указаний Г.Г. Орлов повел дворян обратно в свой дом для проведения выборов. Перед началом баллотировки граф вновь сам начал читать Манифест, подключив затем других губернских чиновников. Лишь после этого стали бросать избирательные шары. Первым баллотировался генерал-майор Ларион Матвеевич Голенищев-Кутузов. В ходе подсчета поданных голосов выяснилось, что равное число шаров имели два кандидата. Пришлось вновь повторить выборы для этих двоих. Наконец, с завершением всех процедур был объявлен победитель, которым вновь оказался граф Г.Г. Орлов.

В 16 часов все были приглашены к обеденному столу, за которым в основном пили за здоровье императрицы и предводителя дворянства. После обеда Г.Г. Орлов попросил всех вернуться в зал для продолжения заседания. На нем он объявил, что ввиду его избрания депутатом он отказывается исполнять две должности, предложив вновь избрать нового предводителя. «Что до меня касается, – заявил граф Г. Г. Орлов, – то я за счастье себе почитаю, видя такую вашу ко мне доверенность. Что и при первом выборе вы меня предводителем, а теперь избрали депутатом. Я вам пребуду на всегда обязан благодарностью. Но как мне сих двух званий вместе отправлять не можно, то предложено было вам от меня выбрать другого предводителя, что вы уже и учинили. Теперь при сложении мною первопорученные от вас должности, за долг себе считаю предложить всему собранию следующее. Известно вам какой благодарностью к освещенной ее императорского величества особе сердце всех верных подданных должны быть преисполнены за императорские милости и щедроты столь

изобильно на них изливаемые. Я вижу на лице всех в собрании нашем изображенную радость и душевную чувствительность о ее к нам щедротах, когда я в речи моей об оных упоминаю» [Санкт-Петербургские ведомости. 1767 г. 9 февраля. № 12].

Закончил он свою речь предложением пожертвовать всем присутствующим «сколько каждый посчитает сумму» для постройки в Красном Селе «народного здания» во имя прославления императрицы.

Г.Г. Орлов первым объявил о пожертвовании денег, пригласив всех последовать его примеру. Его поддержали все, даже С.Ф. Ушаков внес свою денежную лепту, хотя не был помещиком этого уезда. Тут же был выбран смотритель для сооружения этого здания в лице генерал-майора Л.М. Голенищева-Кутузова. Очевидно, выбор этот был не случайным, учитывая репутацию Лариона Матвеевича как инженера. Завершив подписку на строительство «народного здания», дворяне приступили к выбору нового предводителя Копорского уезда. Им оказался обер-гофмаршал двора ее величества граф Карл Ефимович Сиверс. Придворная карьера генерал-аншефа Сиверса уже клонилась к закату, так что избрание его предводителем было делом весьма своевременным. Возглавлял он копорское дворянство с 1767 по 1774 г. Примечательно, что в течение январской трети 1774 г. он состоял президентом имп. Вольного экономического общества. Был женат на сестре тайного советника и лейб-медика Крузе – Елизавете. Ушел из жизни 30 декабря 1774 г., оставив после себя огромное богатство²⁸.

После своего избрания граф Сиверс предложил дворянам выбрать пять человек к нему в помощь для составления наказа. Избрали Л.М. Голенищева-Кутузова, генерал-казначей Алексея Наумовича Сенявина, полковника Л. Альбрехта, подполковника артиллерии И.А. Ганибала, майора барона Вольфа. Затем генерал-рекетмейстер Иван Иванович Козлов и некоторые дворяне прочли свои представления о нуждах высшего сословия Копорского уезда. Наконец, К.Е. Сиверс определил день сбора помощников для составления наказа, после чего все разъехались. Так завершились первые дворянские выборы в С.-Петербургской губернии.

В марте 1867 г. были проведены выборы в Ямбургском и Шлиссельбургском уездах. В частности, 20 и 23 марта 1767 г. прошла избирательная кампания в Шлиссельбургском уезде, где предводителем дворянства выбрали премьер-майора Тенгинского пехотного полка Александра Дементьевича Арцыбашева, а депутатом стал граф Роман Илларионович Воронцов. В Ямбургском уезде дворянство возглавил барон Иван Иванович Черкасов, а депутатом стал барон Федор (Фридрих) Семенович фон Вольф.

О Ф.С. Вольфе сохранились крайне скудные сведения. Чтобы восполнить их недостаток, граф А.А. Бобринский как председатель имп. Археологической комиссии обратился к родным барона с просьбой помочь составить хотя бы небольшую биографическую справку о нем. В ответном письме автор писал, что Фридрих Сигизмундович (Федор Семенович) был четвертым сыном вице-президента Юстиц-коллегии барона Сигизмунда Адама фон Вольфа и Марии Вероники, урожденной фон Вольффельдт. Родился он 19 мая 1720 г. в С.-Петербурге, где и получил домашнее воспитание. Службу свою он проходил в армии, дослужившись до чина премьер-майора. Долгие годы был членом имп. Вольного экономического общества, а в 1767–1774 гг. состоял депутатом от дворянства Ямбургского уезда. Вольф владел в Лифляндии имением Куриста, в Эстляндии – Метанэ, а в Ямбургском уезде – помещьем Лисина. Был женат с 25 ноября 1753 г. на Елене Енат фон Гринвольд, а умер в 1778 г.²⁹

Примечательно, что некоторые из перечисленных выше лиц принимали участие и в выборах депутатов не только от своего уезда, но и от города С.-Петербурга. Так, барон

²⁸ Справка о графе К.Е. Сиверсе // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 26. Д. 298. Л. 1.

²⁹ Барон фон Вольф – А.А. Бобринскому. 1 декабря 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 57. Л. 1.

И.И. Черкасов, помимо выборов в Ямбургском уезде, «в числе многих знатных лиц принимал участие в избрании городского головы и депутата от г. С.-Петербурга в Уложенную комиссию»³⁰. При баллотировке в депутаты от столицы он получил минимальное число голосов – 59 [Санкт-Петербургские Ведомости. 1767 г. 19 января. № 6]. Капитан л.-гв. Преображенского полка Иван Иванович Черкасов был одним из составителей двух наказов, от Ямбургского уезда и от г. С.-Петербурга. Барон жил в столице, имея в 10 верстах по Шлиссельбургской дороге каменный дом с оранжереей в виде дачи. Однако в этом доме он, очевидно, не жил, а сдавал в наем, помещая об этом объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» [Санкт-Петербургские ведомости. 1767 г. 9 января. № 3]. Уйдя в 1783 г. в отставку в чине вице-адмирала, он вновь на одно трехлетие был избран предводителем ямбургского дворянства.

Среди первых избранных уездных предводителей дворянства С.-Петербургской губернии наиболее продолжительное время занимал такую должность А.Д. Арцыбашев. Он возглавлял высшее сословие Шлиссельбургского уезда 8 лет. Впервые он был избран 20 марта 1767 г., затем – 10 марта 1769 г. и 9 апреля 1771 г., и в последний раз – 13 апреля 1773 г. Для проведения очередных выборов он помещал объявления в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В частности, в 1769 г. он призывал дворян уезда прибыть 10 марта в дом графа Романа Илларионовича Воронцова: «От предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии Шлиссельбургского уезда премьер-майора Александра Арцыбашева, через сие сообщается всему благородному шлиссельбургскому дворянству и помещикам, что по высочайшему ее императорского высочества, состоявшемуся прошедшего 768 года, мая 21 дня указа, всемиловитейше повелено в каждом уезде дворянам по истечению первого двухгодичного срока по точному обряду выбора избрать снова на два года дворянского предводителя и дать ему по напечатанному образцу полномочие. Если же дворяне без выбора согласятся иметь предводителя того же, то переменять только его полномочие, дав ему новое на два года, и для сего нового выбора предводителем в уездах собрать дворянство...» [Санкт-Петербургские Ведомости. 1769 г. 24 февраля № 16].

Подобное же объявление уже подполковник А. Арцыбашев разместил в городской газете в 1771 г. [Санкт-Петербургские Ведомости. 1771 г. 1 апреля. № 26]. К такой же практике прибегал и предводитель дворянства Копорского уезда сенатор и камергер высочайшего Двора Алексей Григорьевич Жеребцов: «По силе высочайших ее императорского величества повелений, о выборе по прошествии двух лет на оснований о сочинении проекта нового уложения обряда в новь дворянских предводителей Копорскому благородному дворянству действительный тайный советник и кавалер Алексей Жеребцов чрез сие почтенно объявляет, что как с избрания его в оные предводители срок сего 1777 года мая 13 число; то дабы во исполнение изображенных постановлений господи почтенные Копорские помещики для выбора на предыдущие два года другого предводителя, благоволили собраться означенного 13 числа по полудни в 4 часу в квартиру его в Семеновском полку в 7 роте; а если же кто из почтенного дворянства в собрании быть не могут и положатся в выборе на своих собратий, о том имеют прислать к нему письменные отзывы» [Санкт-Петербургские Ведомости. 1777 г. 18 апреля № 31].

Практика проведения выборов через каждые два года уездных предводителей дворянства в С.-Петербургской губернии сохранилась до 1780 г., когда было принято решение реорганизовать ее административно-территориальное деление. Указом Пр. Сенату от 1 января 1780 г. Екатерина II «повелела генерал-фельдмаршалу, сенатору, генерал-адъютанту и кавалеру князю Голицыну в последних числах мая означенного года исполнить по Учреждениям, для управления губерний Всероссийской империи изданным, равномерно и в Санкт-Петербургской губернии, составя оную из семи уездов, а именно: Санкт-Петербургского, Шлиссельбургского, Софийского, Рождественского, Ораниембаум-

³⁰ Справка о И.И. Черкасове // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 374. Л. 2.

ского, Ямбургского и Нарвского» [Санкт-Петербургские Ведомости. 1780 г. 7 июля. № 54]. Впрочем, гражданский губернатор Дмитрий Васильевич Волков еще до Указа императрицы получил от нее поручение приступить к подготовке намеченных мероприятий. Вслед за учреждением новых уездов возникла необходимость в расширении штата чиновников и служащих. В связи с этим гражданский губернатор пригласил 17 мая 1780 г. к себе в дом дворян для обсуждения процедуры выбора лиц из состава этого сословия для определения на разные должности во вновь создаваемые судебные учреждения. Всего к нему явилось 108 человек, с которыми была проведена короткая беседа. В частности, Д.В. Волков предложил присутствовавшим прибыть на следующий день в Летний императорский двор, где предполагалась встреча с князем Голицыным. Отметим, что в это время сама Екатерина II отсутствовала в С.-Петербурге, предоставив в полное распоряжение главноуправляющему столицей князю А.М. Голицыну Летний императорский двор с разрешением проводить в нем дворянские собрания и намеченные выборы из числа этих лиц на общественные должности. 18 мая 1780 г. в 11 часов представители этого сословия во главе с Д.В. Волковым и прикрепленными к ним чиновниками предстали перед князем Голицыным, который, получив от них списки уездных дворян, объявил им о предстоящей избирательной кампании.

Выборы были назначены на 19 мая, а сбор дворян – в доме Д.В. Волкова к 9 часам утра. Начиная с 7 часов в городе началась суeta и шум. После пушечного выстрела со стен Петропавловской крепости к Летнему дворцу направились воинские команды из гвардейских и обычных армейских частей под торжественную музыку. Они сформировали длинный коридор из двух шеренг от церкви Рождества Богоматери до Летнего дворца на р. Фонтанке. Позднее на его месте был построен Михайловский замок. Дворянство собралось в тронном зале, где князь А.М. Голицын в парадном мундире, произнес краткую речь, предложил присутствующим для принятия присяги следовать в церковь. Во главе шествующих через коридор военных шел генерал-фельдмаршал с группой чиновников, а за ними – уездные предводители и дворянство. Замыкали же колонну представители городских сословий и крестьяне. Последним двум группам также предстояли свои выборы. Таким же последовательным образом расположились они и в храме, где два «греческих митрополита» провели литургию. Затем выступил архиепископ Петербургский Гавриил (П.П. Петров-Шапошников). Когда же началось «благодарственное молебствование с коленапреклонением», в городе прозвучала канонада из 101 пушки и троекратного беглого огня из ружей. Лишь после этого присутствовавшие приступили к присяге. Для дворян присягу прочел в присутствии князя А.М. Голицына губернский прокурор, который затем пригласил избирателей из числа высшего сословия подписать присяжные листы. Окончив процедуру, дворянство было приглашено генерал-фельдмаршалом в Летний дворец, где был накрыт праздничный стол на 180 кувертов. Обед проходил под инструментальную музыку, а во время тостов в честь императрицы производилась «пушечная пальба». Затем в 18 часов было театральное представление в Зимнем Дворце, а в 22 часа «весь город был иллюминирован».

На следующий день, 20 мая, уездные предводители дворянства и приданные им чиновники приступили к организации предстоящих выборов. Были вновь сверены и заново переписаны списки дворян, согласно новому административно-территориальному делению губернии. Из четырех предыдущих надлежало создать 7 новых уездов, что требовало и перераспределения дворян по месту жительства. Впрочем, последующая работа была приостановлена из-за празднования 21 мая тезоименитства великого князя Константина Павловича. Таким образом процедура избрания дворянами необходимых чинов для вновь создаваемых судебно-административных органов была продолжена 22 мая. Она была открыта краткой речью князя А.М. Голицына, который затем поручил прокурорам и высшим чиновникам губернии читать вслух законодательный акт от 1 января 1780 г. В частности, указанный закон начал зачитывать губернский прокурор, а главу о Совестьном суде

прочел гражданский губернатор Д.В. Волков. Начавшись в 10 часов, чтение длилось 4 часа. Утомленных дворян князь А.М. Голицын пригласил на обед, сообщив при этом, что продолжение будет на следующий день. По газетным сообщениям, стол был накрыт на то же количество лиц, что и 19 мая, с тем же музыкальным сопровождением и пальбой [Санкт-Петербургские Ведомости. 1780 г. 14 июля. № 56].

Непосредственно выборам дворяне уделили два дня, 23 и 25 мая 1780 г. «Между дворянством, – писали «Санкт-Петербургские ведомости», – избраны, во-первых, уездные предводители; из оных избран под начальством генерал-фельдмаршала губернский предводитель; а по избрании оного, под его уже начальством избраны заседатели в Совестью и Верхний земский суды, уездные суды, земские исправники и заседатели уездных и нижних земских судах» [Там же].

Первым губернским маршалом стал представитель Софийского уезда князь Александр Борисович Куракин. После оглашения результатов баллотировки князь Куракин обратился к присутствовавшим с небольшой речью, в которой не стал говорить о каких-либо намерениях при исполнении новой должности. Однако он не упустил случая выказать свои верноподданнические чувства, отметив «мудрость и милосердие» императрицы. Впрочем, эти заверения не оградили его от царской немилости, вынудив его покинуть С.-Петербургскую губернию до окончания срока его предводительства.

29 мая 1780 г. дворяне и городские жители собрали более 50 тыс. руб. на сооружение «достойнейшего монумента» императрице в честь нового образования С.-Петербургской губернии. Однако сама Екатерина II выказала желание «определить сию сумму на дела богоугодные» [Санкт-Петербургские Ведомости. 1780 г. 17 июля. № 57].

Кроме того, дворяне попросили архиепископа С.-Петербургского Гавриила провести в канун дня открытия новых учреждений во всех церквях города молебствие с всенощным бдением. Наиболее ярким и торжественным было открытие 31 мая Приказа общественного призрения. Перед собравшейся публикой выступил с пространной речью гражданский губернатор Д.В. Волков, отметив значение этого учреждения в деле оказания помощи сиротам, больным и увечным. Объективно для жителей столичной губернии учреждение этого института было наиболее важным событием, так как впервые в империи создавалось сеть народных школ, госпиталей, приютов и богаделен под управлением Приказов общественного призрения. На эти нужды Екатерина II выделила Приказу 15 тыс. руб., распорядившись прибавить к этой сумме и 52 659 руб., которые были собраны петербуржцами на ее памятник. Еще 15 417 руб. поступили в кассу Приказа из Коллегии экономии. Несколько тысяч рублей были также собраны по подписки от разных лиц [Санкт-Петербургские Ведомости. 1780 г. 28 июля. № 60].

Вновь избранными уездными предводителями дворянства стали вице президент Коммерц-коллегии Сергей Васильевич Беклемишев (петербургским), тайный советник и сенатор Николай Иванович Неклюев (шлиссельбургским), генерал-аншеф и сенатор Николай Иванович Чичерин (софийским), действительный тайный советник и сенатор князь Петр Никитич Трубецкой (ораненбаумским), коллежский советник Иван Петрович Железной (рождественским), обер-шенк и сенатор Александр Александрович Нарышкин (ямбургским), бригадир и л.-гв. Измайловского полка майор Федор Яковлевич Олсуфьев (нарвским). Были также избраны заседатели в различные судебные инстанции, в частности Совестью суд возглавил граф Александр Романович Воронцов.

Примечательно, что дворяне давно просили верховные власти об образовании земских судебных органов с их участием. В частности, в наказе депутату Уложенной комиссии от ябургского дворянства в ст. 5 они писали: «за нужное почитаем учредить внутреннее в уезде земское правление, которое б зависело от учреждении самих дворян по собственному выбору; а выбирать в земские суды ежегодно по большинству голосов» [Сборник 1875, 249].

Очевидно, что выборы дворянами исправников также перекликаются с вышеотмеченными пожеланиями. Таким образом, сложившийся в 1767 г. институт дворянских выборов приобрел в мае 1780 г. совершенно иные задачи, главная из которых усиливала роль этого сословия в деле местного судебно-административного управления. Несомненно, предоставленное право выбирать своих представителей в судебные и полицейские органы способствовало более четкой организации губернского дворянского общества, его консолидации. Полученная дворянами в 1780 г. возможность избирать на трехлетие и своих губернских лидеров в лице предводителей дворянства имела для отмеченного процесса также немаловажное значение. До указанного года дворяне собирались по уездам, что ослабевало их возможность эффективно вырабатывать общие губернские требования, осознавать общие корпоративные интересы и отстаивать их.

Впрочем, процесс формирования полноценного дворянского общества потребовал еще некоторого времени и усилий. Ключевую роль в этом деле сыграла «Жалованная грамота дворянству», вырванная высшим сословием у верховных властей 21 апреля 1785 г. Она существенно ускорила отмеченный выше процесс, определив надолго место и роль дворянства в социально-политической и экономической жизни Империи. По меткому выражению С.А. Корфа, именно выборы депутатов в Комиссию 1767 г. «явились прототипом санкционированных в 1785 г. дворянских собраний» [Корф 1906, 138], на которых они могли обсуждать свои нужды, коллективно формулировать свои обращения к монарху, делегировать своих представителей в органы местной власти. Однако осознание этих возможностей приходило к дворянству крайне медленно, растянувшись на несколько десятилетий. Во всяком случае, в последней четверти XVIII в. на собраниях дворян не было отмечено ни одного случая каких-либо требований в адрес царских властей.

Вместе с тем избирательное право дворян претерпело определенные изменения вследствие ужесточения правил допуска к избирательным урнам. Если по Манифесту 14 декабря 1766 г. выбирать депутатов и предводителей дворянства могли все владельцы имений с чинами и без чинов, то к 1785 г. из дворянского электората были выведены те лица, которые имели доход менее 100 руб. в год и не обрели обер-офицерских чинов. Эти нормы исключили из дворянского электорального круга существенную его часть. Первые ограничения были введены при реализации губернской реформы 1775 г. и опробованы в С.-Петербургской губернии в 1780 г. Для столичного района эти ограничения имели болезненный характер, учитывая и без того узкий круг имущей части дворянства. К примеру, в 1782 г. в Ямбургском уезде было всего 54 помещика, во владении которых состояло 10 081 крестьян мужского пола³¹. Таких же дворян в Ораниенбаумском уезде было всего 37 хозяев³². Ужесточив избирательные права дворян, власти допустили к выборам 1786 г. в С.-Петербургской губернии чуть более 100 человек, большинство из которых уже принимало участие в избирательных кампаниях прошлых лет.

К моменту «дарования» дворянству Жалованной грамоты сословные выборы стали для него уже привычной и неотделимой частью его привилегированного положения в обществе. За долгое царствование императрицы Екатерины II, как отмечал барон С.А. Корф, дворянство уже успело свыкнуться со своими привилегиями, со своим политически выдающимся положением. По его мнению, функционирование институтов сословного управления начало давать свои плоды. Сословные интересы благодаря последнему кристаллизовались, определялись, сформировались. Дворянство к тому же съезжалось на губернские собрания и выборы, как на большое торжество, с коем были связаны балы, вечеринки, обеды, приемы и прочее [Корф 1913, 12].

³¹ Справка о количестве крестьян мужского пола в Ямбургском уезде // ЦГИА СПб. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.

³² Ведомость обо всех состоящих в Ораниенбаумском уезде господ дворян из фамилий и детях с показанием мужского пола крестьян // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 1735. Л. 51–61.

О том, что к закату XVIII в. дворянские собрания стали для петербургской публики уже привычным явлением, можно судить по публикациям в местной периодической печати. Если раньше статьи о дворянских выборах были подробны, то с середины 1780-х гг. они стали предельно лаконичны. При этом с годами пресса и вовсе стала игнорировать эти события, особенно индифферентна к дворянским выборам она стала в первой трети XIX в. Эта явление наблюдалось даже в условиях постепенного роста числа новых газет. Они часто даже не упоминали самого факта их проведения. Впрочем, в конце XVIII в. «Санкт-Петербургские ведомости» еще размещали на своих страницах крайне лаконичные публикации о дворянских собраниях, в особенности о провинциальных мероприятиях такого рода. Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 30 января 1786 г. лишь сообщалось, что 22 января в Шлиссельбург прибыл Л.А. Нарышкин для проведения возобновленных губернских выборов дворян [Санкт-Петербургские Ведомости. 1786 г. 30 января. № 9]. О том, как они проходили, газета умалчивала. Они же прошли привычным уже образом, без той помпезности, как это было в 1780 г. Обыденной стала и делопроизводственная переписка по случаю проведения тех или иных дворянских выборов:

«Письмом меня его превосходительство господин генерал-майор Санкт-Петербургский губернатор и кавалер Никита Иванович Рылеев известил, что трехгодичные по здешней губернии выборы судьей уже истекают. А высочайшим ее императорского величества указом, данным бывшему здесь губернатору и кавалеру Петру Петровичу Коновницину в 12-го дня мая прошлого 1785 г., повелено для облегчения дворянства и прочих производить оные в зимнее время начиная с января месяца. То, что я мог иметь заблаговременно сведение о числе дворянства рождественской округи за нужное почитаю сим вас известить, дабы вы к 4-му числу января наступающего 1795 года доставили ко мне список всей вашей округи господам дворянам с показанием, кто из них присутствовать при выборах будет и кто за какими причинами будет при оных не может. А к 9-му числу особые и о действительно уже прибывших в Санкт-Петербург для возобновления»³³.

Заключение

И все же выборы для дворян оставались чрезвычайно важными и востребованными как в С.-Петербургской губернии, так и в провинции. На них можно было не только обменяться новостями, поделиться хозяйственным опытом и прочее. На дворянских собраниях формировалась общая позиция не только по тем или иным вопросам дворянской жизни, но и по социально-экономическим вопросам страны. Возрастал интерес дворян к общественной деятельности, что способствовало увеличению числа желавших служить по выбору дворянства. Рост числа таких лиц способствовал обострению борьбы за те или иные должности. Таким образом, выборы органично вошли в текущую жизнь дворянского общества, играя важнейшую роль в росте их самосознания, а также определяли во многом его значение в социально-экономических и политических процессах страны.

Список литературы

- Борисов Б.А. 2020. Правоохранительная деятельность дворянских выборных в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской и Симбирской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Саранск. 210 с.
- Власть и реформы. 1996. От самодержавия к светской России. Санкт-Петербург. 800 с.
- Гончарова Е.В. 2019. Псковское дворянство в XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск. 255 с.
- Евреинов Г.А. 1893. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. Санкт-Петербург. 103 с.
- Корелин А.П. 1979. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. Москва. 304 с.

³³ А.С. Строганов – П.В. Скворцову. 13 ноября 1794 г. // ЦГИА. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

- Корф С.А. 1906. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. Санкт-Петербург. 720 с.
- Корф С.А. 1913. Павел I и дворянство. Голос минувшего. 7: 5–18.
- Краско А.В. 2014. История дворянства Санкт-Петербургской губернии: Краткий библиографический обзор. Балтийский край: историко-краеведческий альманах. Санкт-Петербург, Вып. 1: 226–233
- Куприянов А.И. 2012. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX века: от сословной корпорации к институту гражданского общества? Российская история. 1: 30–43.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2001. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб.: Изд. «Петербургский писатель». 397 с.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2003. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисеппский район. СПб.: Информационный центр. 280 с.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2008. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Всеволожский район. СПб.: Алаберг. 320 с.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2009. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Южное Приладожье: Волховский и Кировский районы. СПб.: Алаберг. 368 с.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2010. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Тоснинский район. СПб.: Алаберг. 320 с.
- Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. 2015. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Ломоносовский район. СПб.: ТО «Балтийская звезда», РИА «Алаберг». 480 с.
- Никулин В. Н. 2005. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. 340 с.
- Порошин С. 1844. Записки, служащие к истории его императорского величества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола российского. Санкт-Петербург. 636 с.
- Полное собрание законов Российской империи. 1830. Сбор. 1. Санкт-Петербург, Т. 17. 925 с.
- Романович-Славатинский А.В. 1870. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Санкт-Петербург. 564 с.
- Сборник Императорского Российского исторического общества. 1875. Санкт-Петербург, Т. 14. 249 с.
- Салищев М.А. 2017. Участие потомственного дворянства Санкт-Петербурга в предпринимательской деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург. 324 с.
- Сильвестрова Н.М. 2017. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70-х годов XIX в.: состав, положение, деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Москва. 373 с.
- Смирнова К.К. 2006. Дворянские чиновники в уездных и земских судах Санкт-Петербургской губернии (первая четверть XIX в.). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 4 (22): 124–129.
- Соловьев Ю.Б. 1973. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Ленинград. 383 с.
- Узенева Ю.Н. 2015. Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Псков. 203 с.
- Федосеев Р.В. 2017. Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... док. ист. наук. Саранск. 471.
- Федосеев Р.В. 2019. Должности, замещаемые посредством дворянских выборов по законодательству второй половины XVIII–XIX века. Гуманитарные и политико-правовые исследования. 3 (6): 39–49.
- Чигирева Е.М. 2016. Дворянство Воронежской губернии в пореформенную эпоху: социально-экономические и общественно-политические аспекты жизни сословия. 1861–1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 425 с.

References

- Borisov B.A. 2020. Pravoohranitel'naja dejatel'nost' dvorjanskikh vybornykh v pervoj polovine XIX v. (po materialam Penzenskoj i Simbirskoj gubernij [Law enforcement activities of noblemen elected in the first half of the nineteenth century (Based on the materials of the Penza and Simbirsk provinces)]. Dis... kand. ist. nauk. Saransk. 210 p. (in Russian).
- Vlast' i reformy. 1996. Ot samoderzhavija k svetskoj Rossii [Power and reforms. 1996. From autocracy to secular Russia]. Sankt-Peterburg. 800 p. (in Russian).

- Goncharova E.V. 2019. Pskovskoe dvorjanstvo v XVIII v. [Pskov nobility in the 18th century]. Dis... kand. ist. nauk. Brjansk. 255 p. (in Russian).
- Evreinov G.A. 1893. Proshloe i nastojashhee znachenie russkogo dvorjanstva [The Past and Present Significance of the Russian Nobility]. Sankt-Peterburg. 103 p. (in Russian).
- Korelin A.P. 1979. Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904 gg.: Sostav, chislennost', korporativnaja organizacija [The nobility in post-reform Russia. 1861–1904: Composition, size, corporate organization]. Moskva. 304 p. (in Russian).
- Korf S.A. 1906. Dvorjanstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov [The nobility and its estate management for the century 1762–1855]. Sankt-Peterburg. 720 p. (in Russian).
- Korf S.A. 1913. Pavel I i dvorjanstvo [Pavel I and the nobility]. In: Golos minuvshogo. № 7. P. 5–18 (in Russian).
- Krasko A.V. 2014. Istorija dvorjanstva Sankt-Peterburgskoj gubernii: Kratkij bibliograficheskij obzor [History of the nobility of the St. Petersburg province: A brief bibliographic review]. In: Baltijskij kraj: istoriko-kraevedcheskij al'manah. Sankt-Peterburg, Vyp. 1. P. 226–233 (in Russian).
- Kuprijanov A.I. 2012. Dvorjanskije vybory v poslednej chetverti XVIII – pervoj treti XIX veka: ot soslovnoj korporacii k institutu grazhdanskogo obshhestva? [Elections of the nobility in the last quarter of the 18th – the first third of the 19th century: from a class corporation to an institution of civil society?]. In: Rossijskaja istorija. 1: 30–43 (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2001. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Luzhskij rajon. [Noble estates of the St. Petersburg province. Luzhsky district]. St. Petersburg: Izd. «Peterburgskij pisatel'». 397 p. (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2003. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Kingisepskij rajon [Noble estates of the St. Petersburg province. Kingisep district]. St. Petersburg: Informacionnyj centr. 280 p. (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2008. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Vsevolzhskij rajon [Noble estates of the St. Petersburg province. Vsevolzhsky district]. St. Petersburg: Alaberg. 320 p. (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2009. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Juzhnoe Priladozh'e: Volhovskij i Kirovskij rajony [Noble estates of the St. Petersburg province. Southern Ladoga: Volkhovsky and Kirovsky districts]. St. Petersburg: Alaberg. 368 p. (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2010. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Tosninskij rajon [Noble estates of the St. Petersburg province. Tosninsky district]. St. Petersburg: Alaberg. 320 p. (in Russian).
- Murashova N.V., Myslina L.P. 2015. Dvorjanskije usad'by Sankt-Peterburgskoj gubernii. Lomonosovskij rajon [Noble estates of the St. Petersburg province. Lomonosovsky district]. St. Petersburg: TO «Baltijskaja zvezda», RIA «Alaberg». 480 p. (in Russian).
- Nikul'in V.N. 2005. Pomeschhiki Severo-Zapada Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. [Landlords of the North-West of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta. 340 p. (in Russian).
- Poroshin S. 1844. Zapiski, sluzhashhie k istorii ego imperatorskogo velichestva blagovernogo gosudarja cesarevicha i velikogo knjazja Pavla Petrovicha naslednika prestolu rossijskogo [Notes for the History of His Imperial Majesty the Blessed Sovereign Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich, Heir to the Throne of Russia]. Sankt-Peterburg. 636 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1830 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sbor. 1. Sankt-Peterburg, T. 17. 925 p. (in Russian).
- Romanovich-Slavatinskij A.V. 1870. Dvorjanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava [The nobility in Russia from the beginning of the 18th century to the abolition of serfdom]. Sankt-Peterburg. 564 p. (in Russian).
- Sbornik Imperatorskogo Rossijskogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. 1875. Sankt-Peterburg, T. 14. 249 p. (in Russian).
- Salishhev M.A. 2017. Uchastie potomstvennogo dvorjanstva Sankt-Peterburga v predprinimatel'skoj dejatel'nosti [Participation of the hereditary nobility of St. Petersburg in business activities]. Dis... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg. 324 p. (in Russian).
- Sil'vestrova N.M. 2017. Rossijskoe dvorjanstvo nakanune i v period reform 60–70-h godov XIX v.: sostav, polozhenie, dejatel'nost' [The Russian nobility on the eve and during the reforms of the

- 60–70s of the nineteenth century: composition, position, activities]. Dis... kand. ist. nauk. Moskva. 373 p. (in Russian).
- Smirnova K.K. 2006. Dvorjanskije chinovniki v uezdnyh i zemskih sudah Sankt-Peterburgskoj gubernii (pervaja chetvert' XIX v.) [Noble officials in the district and zemstvo courts of the St. Petersburg province (the first quarter of the 19th century)]. In: Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena. 4 (22): 124–129 (in Russian).
- Solov'ev Ju.B. 1973. Samoderzhavie i dvorjanstvo v konce XIX v. [Autocracy and the nobility at the end of the XIX century]. Leningrad. 383 p. (in Russian).
- Uzeneva Ju.N. 2015. Povsednevnaia zhizn' pskovskogo dvorjanstva v pervoj polovine XIX v. [Daily life of the Pskov nobility in the first half of the 19th century]. Dis... kand. ist. nauk. Pskov. 203 p. (in Russian).
- Fedoseev R.V. 2017. Dvorjanskoe hozjajstvo Srednego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Noble economy of the Middle Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Dis... dok. ist. nauk. Saransk. 471 p. (in Russian).
- Fedoseev R.V. 2019. Dolzhnosti, zameshhaemye posredstvom dvorjanskikh vyborov po zakonodatel'stvu vtoroj poloviny XVIII–XIX veka. [Positions filled through noble elections under the legislation of the second half of the 18th – 19th centuries]. In: Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniia. 3 (6): 39–49 (in Russian).
- Chigireva E.M. 2016. Dvorjanstvo Voronezhskoj gubernii v poreformennuju jepohu: social'no-jeekonomicheskie i obshhestvenno-politicheskie aspekty zhizni soslovija. 1861–1905 gg. [The nobility of the Voronezh province in the post-reform era: socio-economic and socio-political aspects of the life of the class. 1861–1905]. Dis... kand. ist. nauk. Voronezh. 425 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.03.2022

Received 25.03.2022

Поступила после рецензирования 30.04.2022

Revised 30.04.2022

Принята к публикации 30.04.2022

Accepted 30.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Морозан Владимир Васильевич, профессор кафедры истории народов Стран Независимых Государств, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Vladimir V. Morozan, Professor of the Department of History of the Peoples of the Countries of Independent States, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4312-0566](https://orcid.org/0000-0003-4312-0566)

УДК 94+353.2

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-375-384

Оригинальное исследование

Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры

Шатохин И.Т.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

Аннотация. В исследовании предпринята попытка представить опыт реконструкции служебной карьеры курских вице-губернаторов, получивших назначение в Курскую губернию после 1837 года, когда эта должность стала замещаться исключительно по ведомству Министерства внутренних дел. Отмечено, что заявленная тема слабо разработана в научной литературе, а справочные и биографические издания не всегда содержат в полном объеме даже самые общие биографические сведения об указанных чиновниках имперского периода. На основе имеющихся справочных и биографических изданий собрана и проанализирована информация о возрасте назначения, классном чине, продолжительности службы курских вице-губернаторов. Установлены предшествующие этим назначениям должности, последующие карьерные достижения. Выявлена тенденция к некоторому омоложению чиновников, назначавшихся на вице-губернаторскую должность в Курск, а также заметное снижение к началу XX века средней продолжительности службы чиновников в этой должности.

Ключевые слова: Курская губерния, губернская администрация, бюрократия, чиновничество, историко-биографический метод, просопографический метод

Для цитирования: Шатохин И.Т. 2022. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры. *Via in tempore. История. политология.* 49 (2): 375–384. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-375-384

Kursk vice-governors: experience of reconstruction of service career

Ivan T. Shatokhin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

Abstract. The study attempts to present the experience of reconstructing the official career of Kursk vice-governors who were appointed to the Kursk province after 1837, when this position began to be filled exclusively by the department of the Ministry of Internal Affairs. It is noted that the stated topic is poorly developed in the scientific literature, and reference and biographical publications do not always contain in full even the most general biographical information about these officials of the imperial period. Based on the available reference and biographical publications, information on the age of appointment, class rank, and duration of service of Kursk vice-governors has been collected and analyzed. The positions preceding these appointments and subsequent career achievements have been established. The tendency to some rejuvenation of officials appointed to the vice-governor's position in Kursk, as well as a noticeable decrease in the average length of service of officials in this position by the beginning of the XX century, was revealed.

Keywords: Kursk province, provincial administration, bureaucracy, officialdom, historical and biographical method, prosopographic method

For citation: Shatokhin I.T. 2022. Kursk vice-governors: experience of reconstruction of service career. Via in tempore. History and political science. 49 (2): 375–384 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-363-372

Введение

Малозаметной, а потому и малоизученной фигурой в системе управления российскими губерниями в XIX – начале XX века являлась фигура вице-губернатора. Согласно же действующему законодательству, вице-губернатор имел важное значение в губернском управлении, и не только как лицо, страхующее сохранение и продолжение единого порядка управления в случае отсутствия по какой-либо причине губернатора, но и обладавшего определенным собственным комплексом полномочий и ответственности в структуре губернской администрации со второй трети XIX века. Институту вице-губернаторства в отечественной историографии посвящено не так много работ. И.Л. Дамешек и А.И. Архипова рассматривали полномочия вице-губернатора в контексте распределения властных компетенций в системе генерал-губернатор – губернатор – вице-губернатор на примере северо-востока Сибири [Дамешек, Архипова, 2017]. Н.Л. Семенова и С.В. Любичанковский обратились к анализу функций и полномочий оренбургских вице-губернаторов первой половины XIX века, отметили факторы, обуславливавшие карьерный рост этих чиновников [Семенова, Любичанковский, 2019]. Некоторые аспекты взаимоотношений вице-губернаторов и губернаторов на примере Якутской области рассмотрены в статье Н.В. Третьяковой [Третьякова, 2017].

В некоторых работах дается обобщенная характеристика вице-губернаторам того или иного региона. Так, С.В. Любичанковский обратился к анализу социокультурной характеристики вице-губернаторского корпуса Урала в конце XIX – начале XX в., а В.Г. Гарбуз рассматривала происхождение, возраст назначения на должность, классный чин губернаторов и вице-губернаторов Поволжья в 1905–1914 годах [Любичанковский, 2006; Гарбуз, 2015]. Историко-антропологический подход характерен для статьи А.М. Ермакова о шести московских вице-губернаторах рубежа XIX–XX веков [Ермаков, 2018]. Ряд статей посвящен изучению биографиям, деятельности некоторых чиновников, занимавших вице-губернаторскую должность [Смирнов, 2009; Кантемирова, 2016; Карчаева, 2016].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является реконструкция биографических сведений вице-губернаторов, получивших назначение в Курскую губернию после 1837 года, когда эта должность стала замещаться исключительно по ведомству Министерства внутренних дел. В силу того, что вице-губернаторская должность оказывалась всегда в тени, в справочных изданиях, научной литературе эти чиновничья когорта оказалась вне поля специального внимания, о чем говорит в целом, как уже сказано, незначительная по объему историография. Обычно на этот этап служебной карьеры обращали внимание при изучении служебной карьеры тех сановников, которые привлекли внимание исследователей своими достижениями на более высоких постах.

Основу методологической базы исследования составили просопографический и историко-биографический методы, которые позволили выделить основные биографические сведения курских вице-губернаторов и сведения о важнейших этапах их служебной карьеры – как предшествовавшей назначению на вице-губернаторскую должность в Курск, так и последующие страницы их служебной деятельности.

Результаты и их обсуждение

В рассматриваемый период вице-губернаторами в Курской губернии служили 23 человека. К настоящему времени по Курской губернии не издан биографический справочник по губернаторам и вице-губернаторам, как это сделано по ряду других губерний, в том числе и соседних [Историко-биографические, 1998; Орловские губернаторы, 1998; Воронежские губернаторы, 2000]. О курских губернаторах имеются биографические очерки, справки и статьи, которые не всегда дают развернутую их характеристику. Порой же такие очерки представляют сухое перечисление фактов служебной карьеры, а иногда носят характер публицистического текста, сопровождаемого оценочными суждениями, страдающими субъективизмом и политической ангажированностью. Например, очерк, посвященный губернатору В.В. фон Валю ³⁴. Наиболее взвешенные оценки его деятельности и служебным качествам, в том числе и губернаторству в Курске, на наш взгляд, даны в работах М.Л. Радченко [Радченко, 2018, 2021].

Так или иначе, о большинстве курских губернаторов рассматриваемого периода имеются хотя бы справочные сведения, опубликованные в курских печатных [Курск, 1997; Большая Курская, 2004–2006; Малая Курская, 2008] и электронных энциклопедиях ³⁵. В то же время в этих изданиях и на этих ресурсах отсутствуют, за редким исключением, биографические сведения, а порой и достоверная информация о курских вице-губернаторах. На сайте «Курская энциклопедия» нет ни одной биографической справки о курских вице-губернаторах, нет и общей статьи о вице-губернаторах по примеру статьи о курских губернаторах, в которой дается общая справка и перечисляются губернаторы с указанием времени управления губернией ³⁶.

На сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года» в разделе «Персоналии – Руководство губернии» перечислены все курские вице-губернаторы с указанием времени пребывания в должности ³⁷. О 9 из 23 вице-губернаторов имеются ссылки на отдельные страницы, где размещены о каждом из них биографические справки. Содержание этих справок в точности до опечаток и ошибок повторяет содержание соответствующих справок в Википедии. Например, в тексте справок о И.В. Мещерском ошибочно говорится о том, что он занимал должность вице-губернатора «ровно два года», так как «назначен 6 марта 1862 года вице-губернатором Курской губернии» ³⁸. Однако реальная дата назначения – 16 марта 1862 года, а дата отставки – 6 марта 1864 года. Именно эти даты указаны в справочнике 2001 года [Губернии, 2003, с. 155] и на страницах с перечнем вице-губернаторов указанных ресурсов ³⁹. Подобные опечатки и разночтения синхронно

³⁴ Степанов В.Б. Оставил недобрую славу // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/people/fval.html> (дата обращения: 30 марта 2022).

³⁵ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] : сайт – URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#governators> (дата обращения: 30 марта 2022); Курская энциклопедия [Электронный ресурс] : сайт / сост. Гойзман Ш. Р. Курск, 2004 – URL: <https://www.mke.su/> (дата обращения: 30 марта 2022).

³⁶ Курская энциклопедия. Страница «Губернатор» – URL: <https://www.mke.su/> (дата обращения: 30 марта 2022).

³⁷ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#governators> (дата обращения: 30 марта 2022).

³⁸ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/persona/mescherskiy.html> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия [Электронный ресурс] : сайт – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мещерский,_Иван_Васильевич (дата обращения: 30 марта 2022).

³⁹ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#governators> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

повторяются на сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года» и в Википедии в отношении А. Анисина⁴⁰, В.Н. Дудинского⁴¹, П.В. Гендрикова⁴².

Ошибочно указано в справочнике 2001 года [Губернии, 2003, с. 423] и на информационных ресурсах⁴³, что П.Г. Курлов занимал должность курского вице-губернатора до 10 декабря 1905 года, в то время как 16 мая 1905 года он был назначен минским губернатором [Губернии, 2003, с. 426]. В своих мемуарах П.Г. Курлов, повествуя о событиях 1905 года в Курской губернии, пишет: «...мне пришлось пробыть в Курске недолго, так как летом я был назначен минским губернатором» [Курлов, 2002, с. 57].

Самым забавным недоразумением является то, что на курском сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года» и в Википедии вслед за справочником 2001 года указано, что с 1889 по 1893 год курским вице-губернатором был Сергей Сергеевич Андреевский [Губернии, 2003, с. 156]⁴⁴. В действительности же курским вице-губернатором в этот период был его однофамилец – Евгений Константинович [Памятная книжка, 1892, Раздел V, с. 3], а Сергей Сергеевич в эти годы был почетным мировым судьей в Симбирской губернии [Воронежские губернаторы, 2000, с. 329].

В Википедии имеются еще две биографические справки о курских вице-губернаторах, о которых нет таких справок на сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года». Это статьи о И.Ф. Лесевиче и о В.А. Колобове⁴⁵.

При создании коллективного портрета курского вице-губернатора одним из значимых элементов является возраст чиновника, занимавшего эту должность. Справочные издания и ресурсы содержат сведения о датах назначения и отставках курских вице-губернаторов, кроме отдельных случаев в конце имперского периода. Сложнее обстоит дело с информацией о датах или хотя бы годах их рождения. Из 23 курских вице-губернаторов только у 13 в справочниках имеются даты рождения, у 4 – год рождения, у 3 – год рождения указан примерно или в разных источниках указаны разные годы, а еще у 3 – сведений о годе рождения и вовсе нет (табл. 1).

⁴⁰ Дата начала службы 16.03.1882 или 26.03.1882 – Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/persona/anisien.html> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Анисин, Алексей Фёдорович – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

⁴¹ В тексте указана дата завершения службы вице-губернатором – 06.06.1913, а в таблице только год – 1914 – Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/persona/Dudinsky.html> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Дудинский, Владимир Николаевич – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

⁴² В таблице срок службы – 1914–1915, а в тексте читаем: «6 декабря 1914 года назначен и. д. курского вице-губернатора, а в 1915 году – курляндским губернатором...» – Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/persona/Gendrikov.html> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Гендриков, Пётр Васильевич – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

⁴³ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/persona/Kurlov.html> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

⁴⁴ Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года – URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#gubernators> (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Курская губерния – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022).

⁴⁵ Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Лесевич, Иосиф Фёдорович – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022); Википедия. [Электронный ресурс] : сайт – URL: Колобов, Владимир Арсеньевич – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 30 марта 2022)

Таблица 1
 Table 1

 Курские вице-губернаторы (возраст и стаж)
 Kursk Vice-governors (age and seniority)

ФИО	Год рождения	Возраст	Начало службы	Завершение службы	Продолжительность
Авсеев Григорий Федорович	?	?	16.04.1838	21.07.1839	1 г., 3 м., 5 д.
Стоинский Филипп Семенович	1797	41	24.10.1839	26.05.1843	3 г., 7 м., 2 д.
Лесевич Иосиф Федорович	ок. 1804	38	26.05.1843	19.09.1848	5 л., 3 м., 24 д.
Селецкий Михаил Васильевич	20.02.1807	41	19.09.1848	14.05.1857	8 л., 7 м., 25 д.
Шатохин Платон Александрович	1821–22	34–35	14.05.1857	27.02.1859	1 г., 9 м., 13 д.
Жемчужников Федор Аполлонович	1808	50	27.02.1859	16.03.1862	3 г., 0 м., 17 д.
Мещерский Иван Васильевич	29.06.1826	35	16.03.1862	06.03.1864	2 г., 11 м., 21 д.
Бутков Константин Петрович	19.06.1817	46	20.03.1864	17.12.1865	1 г., 8 м., 27 д.
Ливен Андрей Александрович	09.06.1839	26	17.12.1865	12.06.1867	1 г., 5 м., 26 д.
Грацинский Сергей Иванович	27.10.1833	33	12.06.1867	14.03.1872	4 г., 9 м., 2 д.
Тришатный Лев Александрович	1822–23	48–49	30.06.1872	19.01.1878	5 л., 6 м., 20 д.
Краснопольский Александр Дмитриевич	?	?	03.02.1878	16.03.1882	4 г., 1 м., 13 д.
Анисьян Алексей Федорович	1841	40	16.03.1882	08.08.1885	3 г., 4 м., 23 д.
Лазарев Петр Михайлович	07.05.1850	35	08.08.1885	30.12.1889	4 г., 4 м., 22 д.
Андреевский Евгений Константинович	23.08.1847	42	30.12.1889	04.12.1893	3 г., 11 м., 4 д.
Шиповский Федор Порфирьевич	?	?	04.12.1893	20.09.1897	3 г., 9 м., 16 д.
Бюнтинг Николай Георгиевич	15.06.1861	38	26.09.1897	15.02.1903	5 л., 4 м., 21 д.
Курлов Павел Григорьевич	05.01.1860	43	15.02.1903	16.05.1905	2 г., 3 м., 1 д.
Гильхен Михаил Эдуардович	01.09.1868	37	10.12.1905	17.12.1907	2 г., 0 м., 7 д.
Колобов Владимир Арсеньевич	1869	37	17.12.1907	21.09.1909	1 г., 9 м., 4 д.
Дудинский Владимир Николаевич	01.05.1861	48	21.09.1909	06.06.1913	3 г., 8 м., 16 д.
Гендриков Петр Васильевич (и. д.)	28.12.1883	30	06.12.1914	1915	
Штюмер Георгий Борисович	14.02.1880	36	18.05.1916	1917	

При определении возраста курских вице-губернаторов в момент их назначения на должность мы учитывали число полных лет, сопоставляя дату рождения и дату назначения на должность. В случае отсутствия сведений о дате рождения сопоставляли год рождения с датой назначения, определяя число полных лет по году, предшествующему году назначения. В двух случаях (П.А. Шатохин и Л.А. Тришатный), когда имеются разночтения в годе рождения, мы определили их возраст в 34,5 и 48,5 лет соответственно. Таким образом, средний возраст 20 курских вице-губернаторов на дату назначения их на эту должность составил примерно 38,9 лет и имел слабую тенденцию к уменьшению (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Средний возраст курских вице-губернаторов по царствованиям
Average age of Kursk vice-governors by reigns

	Количество вице-губернаторов	Средний возраст	Средний возраст
Николай I	3	40	39,5
Александр II	7	39	
Александр III	3	39	38,6
Николай II	7	38,4	

Самым молодым курским вице-губернатором был А.А. Ливен, назначенный в 1865 году в 26-летнем возрасте. А самым пожилым – Ф.А. Жемчужников, который занял вице-губернаторскую должность в Курске на 51 году жизни.

Продолжительность служебной деятельности курских вице-губернаторов варьировалась от 1 года, 3 месяцев, 5 дней у Г.В. Авсеенко (1838–1839) до 8 лет, 7 месяцев, 25 дней у М.В. Селецкого (1848–1857). Средний срок вице-губернаторства в Курской губернии составляет 3 года, 9 месяцев, 3 дня и имел тенденцию к существенному сокращению (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Средняя продолжительность службы курских вице-губернаторов по царствованиям
Average length of service of Kursk vice-governors by reigns

	Количество вице-губернаторов	Средняя продолжительность	Средняя продолжительность
Николай I	4	4 г., 8 м., 21 д.	3 г., 8 м., 9 д.
Александр II	8	3 г., 2 м., 6 д.	
Александр III	4	3 г., 10 м., 16 д.	3 г., 4 м., 26 д.
Николай II	5	3 г., 0 м., 10 д.	

До назначения на вице-губернаторскую должность в Курск точные сведения имеются у 16 чиновников. Все они имели вполне достойные должности, позволившие им получить некоторый опыт государственного управления и понимание круга задач, которые предстояло решать на новой должности. Так, 5 из них были переведены в Курск с вице-губернаторской должности в других губерниях. Примечательно, что двое были переведены в Курск их Чернигова: Ф.А. Жемчужников в 1859 году и С.И. Грацинский в 1867 году. С полномочиями вице-губернатора были знакомы те, кто служил в центральном аппарате Министерства внутренних дел (2 человека), и особенно те, кто состоял в разных должностях при генерал-губернаторе, губернаторе или губернском правлении (4 человека). Обладая юридическим образованием и практикой, товарищ прокурора (П.Г. Курлов) и председатель палаты гражданского суда (Ф.С. Стоинский) легко осваивались и в должности ви-

це-губернатора. Определенным взлетом карьеры вице-губернаторство стало для трех лиц, которые до того служили по дворянским и земским выборам. Назначение на вице-губернаторскую должность всегда происходило с переводом в другую губернию. Это касалось практически всех назначений чиновников. Хотя и бывали иногда исключения. Так, в 1857 году чиновник особых поручений при Курском губернаторе коллежский советник П.А. Шатохин был назначен курским вице-губернатором.

Должность вице-губернатора соответствовала V классному чину Табели о рангах, а потому вице-губернаторами, как правило, назначались статские советники. В нашем случае таких было 9 человек, однако шестеро на момент назначения имели чин коллежского советника, 5 – надворного советника, а еще двое – были статскими генералами. Действительными статскими советниками были назначенные в Курск на вице-губернаторскую должность в 1859 году Ф.А. Жемчужников и в 1864 году К.П. Будков.

Вице-губернаторство считалось школой будущих губернаторов, однако не все вице-губернаторы смогли достичь этой должности. 11 вице-губернаторов из Курска были переведены в другие губернии (Астраханскую, Вологодскую, Екатеринбургскую, Курляндскую, Минскую, Подольскую, Таврическую, Томскую – двое, Черниговскую) на вакантные должности губернаторов, а М.Е. Гильхен – Курскую, что было еще одним исключением из правил. Еще четверо продолжили свою карьеру на том же вице-губернаторском посту в других губерниях, трое из них все же достигли губернаторства.

Трое курских вице-губернаторов достигли высоких чинов в высших органах власти. А.А. Ливен последовательно был черниговским, московским вице-губернатором, а затем – московским губернатором, министром государственных имуществ, членом Государственного совета, главноуправляющим Собственной Его императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии [Волков, 2016, с. 378]. Е.К. Андреевский после Курска возглавил Черниговскую губернию, а затем был начальником Главного управления почт и телеграфов [Волков, 2016, с. 29]. П.Г. Курлов после недолгого пребывания курским вице-губернатором был назначен Минским губернатором, затем его карьера протекала в столице – и. о. вице-директора полиции МВД, начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир отдельного корпуса жандармов [Волков, 2016, с. 356].

Заключение

Таким образом, нами предпринята попытка собрать и проанализировать самые общие сведения, отражающие важнейшие аспекты служебной биографии курских вице-губернаторов. В силу того, что имеющаяся справочная и научная литература не дает полных и систематических биографических данных, это представляется весьма затруднительным, требуется более глубокая работа с архивными документами. Однако первый подход к этой теме показывает, что изучение вице-губернаторского корпуса на сегодняшний день остается на периферии исследовательского интереса, что имеющиеся справочные и биографические издания, посвященные руководству губерний имперского периода, крайне редко уделяют внимание этой категории служащих, а имеющиеся в них сведения зачастую ошибочны, неточны, некоторые сведения и вовсе отсутствуют. Представленная информация нуждается в дальнейшей разработке, тем не менее она дает основание говорить, что вице-губернаторский корпус в рассматриваемый период представлял собой резерв для подбора и выдвижения губернаторов, на должность вице-губернаторов подбирались чиновники с опытом работы в различных структурах Министерства внутренних дел или Министерства юстиции, а также лица, зарекомендовавшие себя как способные администраторы в земстве и дворянских корпоративных органах.

Список литературы

- Большая Курская энциклопедия. Гл. ред. Ю.А. Бугров. Т. 1 : Персоналии (в 4 книгах). Курск, 2004–2006.
- Волков С.В. 2006. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 800.
- Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки. Ред.-сост. А.Н. Акиншин. 2000. Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 400.
- Гарбуз В.Г. 2015. Социокультурный облик высшей провинциальной бюрократии в Поволжье в начале XX века. Вестник Пензенского государственного университета, 2 (10): 4–8.
- Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. Под общ. ред. Б.В. Грызлова. 2003. М., Объединенная редакция МВД России, 480.
- Дамешек И.Л., Архипова А.И. 2017. Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия. Известия Иркутского государственного университета. Серия «История», 22: 23–31.
- Ермаков А.М. 2018. Московские вице-губернаторы рубежа XIX–XX веков в воспоминаниях современников. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2: 106–114.
- Кантемирова Р.И. Уфимский вице-губернатор Александр Петрович Румянцев. Инновационная наука. 2016: 47–49.
- Карчаева Т.Г. 2016. Енисейский вице-губернатор из рода Урусовых: к биографии чиновника конца XIX – начала XX в. Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 60–62.
- Курлов П.Г. 2002. Гибель императорской России. Воспоминания. М., Захаров, 302.
- Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года. URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#gubernators> (дата обращения: 30 марта 2022).
- Курск. Краеведческий словарь-справочник / Гл. ред. Ю.А. Бугров. 1997. Курск, ЮМЭКС, 495.
- Курская энциклопедия [Электронный ресурс]: сайт. Сост. Гойзман Ш. Р. Курск, 200. URL: <https://www.mke.su/> (дата обращения: 30 марта 2022).
- Любичанковский С.В. 2006. Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика). Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 41 (11): 193–206.
- Малая Курская энциклопедия: [в 4 т. Сост. и лит. ред. Ш.Р. Гойзман]. 4-я ред., испр. и доп. Курск, Хайфа, 2008.
- Орловские губернаторы. Под общей ред. И.Я. Мосякина. 1998. Орел, Вешние воды, 230.
- Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. 1892. Курск, Типография губернского правления, 490.
- Радченко М.Л. 2018. «Кадровая чехарда» в курской полиции при губернаторе В.В. фон Вале. Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета, 3 (47): 15–23.
- Радченко М.Л. 2021. Служебная повседневность губернатора российской империи конца XIX – начала XX вв. (на примере деятельности губернатора В.В. фон Валя). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 231.
- Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. 2019. Оренбургские вице-губернаторы первой половины XIX века: функции, полномочия, персональный состав и факторы карьеры. Новый исторический вестник, 1 (59): 20–41.
- Смирнов А.Г. 2009. М.Е. Салтыков-Щедрин как неудобный вице-губернатор. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 4 (12): 42–45.
- Степанов В.Б. Оставил недобрую славу. Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года. URL: <http://old-kursk.ru/people/fval.html> (дата обращения: 30 марта 2022).
- Третьякова Н.В. 2017. Вице-губернаторы Якутской области. Общество: философия, история, культура, 11: 57–62.
- Ярославские губернаторы. 1777–1917: Историко-биографические очерки. В.М. Марасанова, Г.П. Федюк, отв. ред. А.М. Селиванов. 1998. Ярославль, 420.

References

- Bol'shaja Kurskaja jenciklopedija [Great Kursk Encyclopedia]. Gl. red. Ju. A. Bugrov. T. 1 : Personalii (v 4 knigah). Kursk, 2004–2006 (in Russian).
- Dameshek I.L., Arhipova A.I. 2017. Kompetencija vlasti v imperskom prostranstve na severo-vostoke Rossii: general-gubernator, gubernator, vice-gubernator i problemy vzaimodejstvija [Competence of power in the imperial space in the north-east of Russia: governor-general, governor, vice-governor and problems of interaction]. Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istorija», 22: 23–31 (in Russian).
- Ermakov A.M. 2018. Moskovskie vice-gubernatory rubezha XIX–XX vekov v vospominanijah sovremennikov [Moscow vice-governors of the turn of the 19th – 20th centuries in the memoirs of contemporaries]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki, 2: 106–114 (in Russian).
- Garbuz V.G. 2015. Sociokul'turnyj oblik vysshej provincial'noj bjurokratii v Povolzh'e v nachale XX veka [Socio-cultural image of the highest provincial bureaucracy in the Volga region at the beginning of the 20th century]. Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2 (10): 4–8 (in Russian).
- Gubernii Rossijskoj imperii. Istorija i rukovoditeli. 1708–1917 [Provinces of the Russian Empire. History and leaders. 1708–1917]. Pod obshh. red. B.V. Gryzlova. 2003. M., Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 480 (in Russian).
- Jaroslavskie gubernatory. 1777–1917: Istoriko-biograficheskie ocherki [Yaroslavl governors. 1777–1917: Historical and biographical essays]. V.M. Marasanova, G.P. Fedjuk, otv. red. A.M. Selivanov. 1998. Jaroslavl', 420 (in Russian).
- Kantemirova R.I. Ufimskij vice-gubernator Aleksandr Petrovich Rumjancev [Ufa vice-governor Alexander Petrovich Rumyantsev]. Innovacionnaja nauka. 2016: 47–49 (in Russian).
- Karchaeva T.G. 2016. Enisejskij vice-gubernator iz roda Urusovyh: k biografii chinovnika konca XIX – nachala XX v. [Yenisei vice-governor from the Urusov family: to the biography of an official of the late 19th – early 20th centuries] Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2016. № 1. S. 60–62 (in Russian).
- Kurlov P.G. 2002. Gibel' imperatorskoj Rossii. Vospominanija [Death of imperial Russia. Memories]. M., Zaharov, 302 (in Russian).
- Kursk dorevoljucionnyj i Kurskaja gubernija do 1917 goda [Pre-revolutionary Kursk and Kursk province until 1917]. URL: <http://old-kursk.ru/province/index.html#gubernators> (data obrashhenija: 30 marta 2022) (in Russian).
- Kursk. Kraevedcheskij slovar'-spravochnik [Kursk. Local history dictionary-reference book]. Gl. red. Ju. A. Bugrov. 1997. Kursk, JuMJeKS, 495 (in Russian).
- Kurskaja jenciklopedija [Kursk Encyclopedia] [Elektronnyj resurs]: sajt. Sost. Gojzman Sh. R. Kursk, 2004. URL: <https://www.mke.su/> (data obrashhenija: 30 marta 2022) (in Russian).
- Ljubichankovskij S.V. 2006. Vice-gubernatorskij korpus Urala v konce XIX – nachale XX v. (sociokul'turnaja karakteristika) [Vice-governor's corps of the Urals in the late XIX – early XX century. (sociocultural characteristic)]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki, 41 (11): 193–206 (in Russian).
- Malaja Kurskaja jenciklopedija [Small Kursk Encyclopedia]: [v 4 t. / sost. i lit. red. Sh. R. Gojzman]. 4-ja red., ispr. i dop. Kursk ; Hajfa, 2008 (in Russian).
- Orlovskie gubernatory [Oryol governors]. Pod obshhej red. I.Ja. Mosjakina. 1998. Orel, Veshnie vody, 230 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Kurskoj gubernii na 1892 god [Commemorative book of the Kursk province for 1892]. 1892. Kursk, Tipografija gubernskogo pravlenija, 490 (in Russian).
- Radchenko M.L. 2018. «Kadrovaja cheharda» v kurskoj policii pri gubernatore V.V. fon Vale [«Personnel leapfrog» in the Kursk police under Governor V.V. von Vale]. Uchenye zapiski. Jelektronnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (47): 15–23 (in Russian).
- Radchenko M.L. 2021. Sluzhebnaja povsednevnost' gubernatora rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX vv. (na primere dejatel'nosti gubernatora V.V. fon Valja) [Official daily routine of the governor of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries (on the example of the activities of the governor V.V. von Wahl)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 231 (in Russian).

- Semenova N.L., Ljubichankovskij S.V. 2019. Orenburgskie vice-gubernatory pervoj poloviny XIX veka: funkcii, polnomochija, personal'nyj sostav i faktory kar'ery [Orenburg vice-governors of the first half of the 19th century: functions, powers, personal composition and career factors]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 1 (59): 20–41 (in Russian).
- Smirnov A.G. 2009. M.E. Saltykov-Shhedrin kak neugodnyj vice-gubernator [Saltykov-Shchedrin as an objectionable vice-governor]. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (12): 42–45 (in Russian).
- Stepanov V.B. Ostavil nedobruju slavu [Left a bad name]. *Kursk dorevoljucionnyj i Kurskaja gubernija do 1917 goda*. URL: <http://old-kursk.ru/people/fval.html> (data obrashhenija: 30 marta 2022) (in Russian).
- Tret'jakova N.V. 2017. Vice-gubernatory Jakutskoj oblasti [Vice-governors of the Yakutsk region]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, 11: 57–62 (in Russian).
- Volkov S.V. 2006. Vysshee chinovnichestvo Rossijskoj imperii. Kratkij slovar' [The highest bureaucracy of the Russian Empire. Brief dictionary]. M., Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 800 (in Russian).
- Voronezhskie gubernatory i vice-gubernatory. 1710–1917: Istoriko-biograficheskie ocherki [Voronezh governors and vice-governors. 1710–1917]. Red.-sost. A.N. Akin'shin. 2000. Voronezh: Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 400 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.06.2022

Received 06.06.2022

Поступила после рецензирования 15.06.2022

Revised 15.06.2022

Принята к публикации 15.06.2022

Accepted 15.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шатохин Иван Тихонович, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ivan T. Shatokhin, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4686-3560](https://orcid.org/0000-0002-4686-3560)

УДК 929

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-385-395

Оригинальное исследование

Первый директор Белгородского учительского института Павел Емельянович Рошин (1826–1903)

Лю-Ку-Тан В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Аннотация. В исследовании предпринята попытка реконструкции профессиональной биографии педагога, редактора и общественного деятеля Павла Емельяновича Рошина. В рамках микроисторического подхода и с опорой на инструментарий историко-биографического метода, также по результатам исследования документов из фондов Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, а также опубликованных источников восстановлены как основные этапы профессионально становления П.Е. Рошина, так и ключевые факты его биографии: год рождения, места получения образования, сословная принадлежность и состав семьи. Установлено, что в Белгородский учительский институт П.Е. Рошин был назначен после военной и длительной гражданской службы в учебных заведениях, газетах и администрации Виленского учебного округа. Вместе с тем изучена роль П.Е. Рошина в истории становления учительского института в Белгороде, а также отмечена его значительная роль в формировании его материальной и учебной и научной базы учебного заведения.

Ключевые слова: П.Е. Рошин, образование, Виленский учебный округ, Белгородский учительский институт, Министерство народного просвещения

Для цитирования: Лю-Ку-Тан В.А. 2022. Первый директор Белгородского учительского института Павел Емельянович Рошин (1826–1903). Via in tempore. История. политология. 49 (2): 385–395. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-385-395

The first director of the Belgorod Teachers' Institute Pavel Emelyanovich Roshchin (1826-1903)

Viktoriya A. Lyu-Ku-Tan

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Abstract. The study attempts to reconstruct the professional biography of the teacher, editor and public figure Pavel Emelianovich Roshchin. Within the framework of the microhistoric approach and relying on the tools of the historical and biographical method, also based on the results of the study of unpublished documents from the collections of the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive of St. Petersburg, as well as published sources, the main stages of P.E.'s professional formation have been restored. The grove, and the key facts of his biography: year of birth, place of education, class affiliation and family composition. It is established that P.E. Roshchin was appointed to the Belgorod Teachers' Institute after military and long-term civil service in educational institutions, newspapers and the administration of the Vilna Educational District. At the same time, the role of P.E. Roshchin in the formation and development of the Belgorod Teachers' Institute was studied, and its significant role in the formation of its material, educational and scientific base of the educational institution was noted.

Keywords: P.E. Roshchin, Education, Vilna Educational District, Belgorod Teachers' Institute, Ministry of Public Education

For citation: Lyu-Ku-Tan V.A. 2022. The first director of the Belgorod Teachers' Institute Pavel Emelyanovich Roshchin (1826–1903). Via in tempore. History and political science. 49 (2): 385–395 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-385-395

Введение

Важным направлением в изучении истории Белгородского учительского института, правопреемником которого является Белгородский государственный национальный исследовательский университет, в ключе процесса антропологизации исторической науки стало изучение современными учеными личностей директоров и преподавательского состава учебного заведения [Московкин, 2014 а, б, в; Денисова, 2016; Московкин, 2016; Московкин, 2017; Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018; Денисова, Лю-Ку-Тан, 2021]. Изучение и реконструкция профессиональной и научной биографии руководителей учебного заведения в последней четверти XIX – в начале XX вв. во много позволяет не только рассмотреть отражение общеисторических процессов в профессиональном и жизненном пути директоров учительского института, но и предположить, с каким педагогическим и управленческим опытом они пришли к руководству Белгородским учительским институтом и какое влияние оказали на судьбу учебного заведения.

В данном исследовании предпринята попытка восстановления служебной биографии директора учительского института Павла Емельяновича Рощина. В 2006 г., в год празднования 130-летия Белгородского государственного университета, о первом директоре учительского института было известно только следующее: «Надворный советник Рошин (июль 1876–1878)» [Белгородский государственный университет. 130 лет]. В 1875 г. в «Русском энциклопедическом словаре» было указано; «Рошин, Павел, бывший преподаватель, составил «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики, и методики» (изд. 2, М. 1873)» [Русский энциклопедический словарь, 1875, с. 313]. Именно педагогическая деятельность П.Е. Рощина, отмеченная еще в последней четверти XIX века, изначально привлекла современных ученых. Главным вектором современных исследований В.М. Московкина и М.В. Садовски [Московкин, Садовски, 2017] оставался изданный труд П.Е. Рощина, однако нельзя не отметить их попытки реконструкции жизненного пути Павла Емельяновича, в которых в том числе предлагается гипотеза по установлению года рождения первого директора с указанием 1833 г. [Рошин, 2016, с. 10].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является персональная служебная биография директоров учительского института, открытого в г. Белгороде. Основу источниковой базы исследования жизни и деятельности П.Е. Рощина составил публикуемый впервые и хранящийся в фондах РГИА (г. Санкт-Петербург) уникальный документ «Формулярный список о службе Окружного инспектора Виленского Учебного Округа Надворного Советника Павла Рощина», составленный 25 октября 1875 г.⁴⁶ Указанный формулярный список в совокупности с неопубликованными документами об обучении П.Е. Рощина в Императорском Санкт-Петербургском университете из фондов ЦГИА СПб (г. Санкт-Петербург) и Памятными книжками Ковенской, Виленской, Гродненской, Могилевской губерний, а также «Журналом Министерства народного просвещения», «Списками лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» позволили расширить биографическое исследование и наполнить биографию Рощина новыми историческими фактами.

⁴⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 37–46 об.

Основу методологической базы исследования составил историко-биографический метод, который позволил выделить основные этапы профессиональной биографии П.Е. Рощина.

Результаты и их обсуждение

Первым учительский институт, открытый в Белгороде, возглавил Павел Емельянович Рошин. В соответствии с формулярным списком установлено, что Павел Емельянович родился в 1826 г. в православной семье и происходил из семьи потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии [Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства, 1868, с. 61]⁴⁷. День и месяц рождения на данный момент нами не установлен. Удалось найти сведения о том, что его отец Рошин Емельян Егорович служил в Провиантском департаменте Военного министерства, имел чин IX класса и в 1837 г. со своей семьей проживал в г. Санкт-Петербурге, в Московской части, 4 квартал, ул. Госпитальная, дом № 7 [Нистрем, 1837, с. 1068].

Рошин П.Е. имения не имел, в браке с дочерью дворянина Франца Мейера Екатериной у них родились две дочери: Екатерина (6 апреля 1861 г. р.) и Ольга (11 октября 1864 г. р.)⁴⁸.

Окончил в «1845 году полный курс наук» во второй Санкт-Петербургской гимназии «с правом на чин XIV класса» [Историческая записка, 1894, с. 393]. 12 июля 1845 г. сын коллежского асессора Павел Рошин подал прошение в Императорский Санкт-Петербургский университет о желании выслушать полный курс наук по второму разряду естественных наук и с просьбой зачислить его в число своекоштных студентов. При поступлении П.Е. Рошин подал следующие документы: свидетельства, метрическое и докторское, о здоровом телосложении и привитии от оспы; аттестат отца, выданный ему в Военном министерстве Провиантского Департамента; аттестат об окончании Санкт-Петербургской второй гимназии⁴⁹. Данное прошение в том числе позволило установить, что Павел Рошин проживал в доме отца в г. Санкт-Петербурге, в Литейной части 4 квартала по Графском переулку, дом № 17 (495). Подтверждение данной информации нами было обнаружено в составленном К.М. Нистремом адрес-календаре жителей г. Санкт-Петербурга на 1844, где в качестве владельца частного дома № 17 в Графском переулке был указан Рошин [Нистрем, 1844, с. 117].

П.Е. Рощина зачислили в число студентов 14 февраля 1845 г., полагаем, что на философский факультет, естественное отделение. В одном из документов указан юридический факультет, данный факт считаем ошибочным. Павел Емельянович не окончил полный курс наук Императорского Санкт-Петербургского университета. Согласно прошению от 12 февраля 1847 г., он «по обстоятельствам будучи принужден оставить университет»⁵⁰, просил вернуть поданные при поступлении документы и исключить из числа студентов. В ответ на прошение ректору университета выдать свидетельство, в котором указано, что воспользоваться правами студентов, окончивших университет, он не может, но у него есть право быть причисленным ко второму разряду чиновников⁵¹. Также в фондах ЦГИА СПб хранится свидетельство № 348 от 7 февраля 1847 г. об отсутствии задолженности в библиотеке Императорского Санкт-Петербургского университета⁵².

Из формулярного списка мы узнаем, что в июне 1847 г. приказом по гражданскому ведомству № 114 утвержден канцелярским чиновником в Санкт-Петербургский Коммерческий суд с чином коллежского регистратора, где прослужил до мая 1849 г.⁵³

С июня 1849 г. продолжил службу подпрапорщиком в Софийском Морском полку (позже пехотном), с 1852 г. – прапорщиком, а в 1852 г. П.Е. Рошин произведен в подпоручи-

⁴⁷ Там же. Л. 37 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 38.

⁴⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф. 14. Оп. 6. Д. 464. Л. 40.

⁵⁰ Там же. Л. 40.

⁵¹ Там же. Л. 43.

⁵² Там же. Л. 13.

⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 37 об. – 38.

чики. В 1854 г. для испытания по службе и с целью последующего перевода он был командирован в Павловский кадетский корпус, где до 1857 г. занимал должность дежурного офицера [Исторический очерк, 1898, с. 507]. В марте этого же года он вновь вернулся в полк, а в августе 1857 г. завершил военную карьеру. Он увольняется в чине поручика по семейным обстоятельствам, а уже ровно через год начинает свою педагогическую деятельность в учебных заведениях Варшавского учебного округа, где прослужит до 1863 г.⁵⁴

Выдержав испытания в Варшавском экзаменационном комитете, Павел Емельянович был определен на службу исполняющим должность учителя русского языка, на которой в 1859 г. был утвержден в бывшее Келецкое высшее реальное училище Радомской губернии с жалованием 450 руб. Одновременно ему было поручено преподавание Закона Божия ученикам православного вероисповедания в том же училище с жалованием 75 рублей. В 1860 г. П.Е. Роцин увольняется из училища, а 27 февраля 1861 г. снова определен на указанную выше должность. В данном училище он проработал до 20 августа 1862 г.⁵⁵

С 20 августа в качестве основного места службы П.Е. Роцин переведен на должность учителя историко-филологических предметов в Ленчицкое пятиклассное уездное педагогическое училище Варшавской губернии без изменения размера жалования. Вместе с тем с 19 сентября за дополнительную плату в 45 руб. он преподавал в Ленчинском воскресном реальном училище⁵⁶.

С 1863 г. П.Е. Роцин переводится в Виленский учебный округ, где в течение двух лет он будет служить в разных учебных Ковенской губернии. Наряду с преподавательской деятельностью и назначением младшим учителем географии в Шавельскую мужскую гимназию [Памятная книжка Ковенской губернии, 1864, с. 51]⁵⁷ (4 августа 1863 г.), а позже – на указанную должность в Ковенскую мужскую гимназию (15 августа 1864 г.) [Памятная книжка Ковенской губернии, 1865, с. 65–66], а также преподавателем русского языка, географии и педагогики в Ковенскую женскую гимназию, состоящую под Высочайшим покровительством Императрицы Марии (утвержден 14 декабря 1864 г.) [Там же, с. 62–63] с 1865 г. Павел Емельянович переходит на службу в губернские органы. С 27 марта 1865 г. он оставляет службу в мужской гимназии и по определению Ковенского Губернаторского Правления назначается на должность члена секретаря Ковенского Губернского статистического Комитета и редактора неофициальной части газеты «Ковенские губернские ведомости»⁵⁸. Отметим, что, согласно формуляру, по назначению Ковенского Губернатора от 13 августа 1865 г. за № 331 Роцин П.Е. был членом и секретарем Комитета по устройству в г. Ковна выставки сельского-хозяйственных произведений Ковенской губернии.

Свою редакторскую деятельность Павел Емельянович продолжил в г. Вильно в газете «Виленский вестник». Здесь можно выделить два периода. Первый – с 25 декабря 1865 г. по 1 февраля 1866 г., П.Е. Роцин был назначен по распоряжению генерал-губернаторства Северо-Западного края редактором официальной газеты «Виленский вестник»⁵⁹, а также был причислен к управлению Его Высокопревосходительства. В 1914 г. в книге, посвященной 50-летию газеты, А.И. Миловидов указывал, что «первый номер Виленского Вестника за 1866 г. вышел за подписью редактора А.И. Забелина и его двух помощников Роцина (б. делопроизводитель Ковенского губ. статистического Комитета, отставной поручик, причисленный к канцелярии ген.-губернатора А.В.Г.Г. 1865 № 185 л. 6)» [Миловидов, 1914, с. 25].

Вероятнее всего, что в указанное время П.Е. Роцин попал в процесс вынужденного ухода в отставку из администрации Северо-Западного края польских представителей и сменой их новыми чиновниками из местных православными жителями. Предполагаем, что назначение в

⁵⁴ Там же. Л. 38 об. – 39.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 39 об. – 40.

⁵⁶ Там же. Л. 40 об. – 41.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 41 об. – 42.

⁵⁹ Там же.

«Виленский вестник», награды и приглашение к работе в различных организациях в целом свидетельствовало не только о разделении интересов правительства по подавлению польских восстаний и поддержанию реформ в социально-экономической и культурно-образовательной сфере по поддержке православного населения, но и активному участию в данных мероприятиях. Так, 6 апреля 1866 г. «за особенно полезное участие в административных распоряжениях Правительства в Западном крае во время мятежа 1863–1864 гг.» П.Е. Роцин был удостоен главным начальником Северо-Западного края, установленной в память данного события темно-бронзовой медали. 26 мая 1866 г. по распоряжению генерал-губернаторства Северо-Западного края приглашен к участию в заседаниях Ревизионной Комиссии по делам римско-католического духовенства в г. Вильно, а также 30 августа 1866 г. по всеподданейшему докладу товарища министра народного просвещения о ходатайстве генерал-губернатора Северо-Западного края, Всемиловейше награжден за особые услуги Русскому делу в Северо-западном крае литературными дарованиями, орденом Святого Станислава 3-й степени⁶⁰.

Второй период редакторской деятельности Роцина в «Виленском вестнике» длился с 1 августа 1868 г. по 28 октября 1869 г. Отметим, что в связи с передачей газеты в ведение учебного округа и объявление его неправительственным органом по согласованию попечителя учебного округа с главным начальником Северо-западного края Павел Емельянович был назначен на должность редактора.

В упоминаемой нами исторической записке о «Виленском вестнике» А.И. Миловидов писал: «Выясняя свою profession de foi, он [П.Е. Роцин] в первом номере объявлял, что «Виленский Вестник» будет разделяться на 4 отдела – 1, официальный (правительственные распоряжения и сообщения); 2, политическое обозрение, где впервые будут печататься телеграммы «Русского телеграфного агенства», 3, научно-литературный отдел, главным образом в отношении к С.-З. краю; 4 – объявления. Умиротворению края содействуют два средства: 1) положительные меры материального и духовного поднятия верной и преданной нам массы белорусского и литовского народа и 2), отрицательные меры, заключающиеся в устранении тех сторон польщизны и еврейства, которые своим вредным влиянием могут противодействовать развитию и укреплению в здешнем народе русских начал жизни. Материальное благосостояние народа уже обеспечено земельным наделом, духовное же – поднятием поставленного на твердой почве народного образования, так что виленский учебный округ и его школы являются выразителем степени успешности мер, на которых зиждется вся будущая судьба народа и края. Поэтому «Виленский вестник» центром своих сообщений делает педагогическое дело, и, в частности, виленский учебный округ, открывая это направление статьей «о значении нашей народной школы и ее задач». Затем следовала «теория и практика воспитания и т. д. и т. д.» [Миловидов, 1914, с. 31].

Вернувшись к преподавательской службе в учебных заведениях Виленской губернии, входившей в состав Виленского учебного округа, он прослужил в них более 3-х лет – с 1866 по 1869 г. С 6 февраля 1866 г. попечителем учебного округа П.Е. Роцин определен в Виленское раввинское училище старшим учителем русской словесности, а с сентября – преподавателем педагогики Виленской женской гимназии, состоящей под Высочайшим покровительством Императрицы Марии [Памятная книжка Виленской губернии, 1867, с. 98, 102]. Следует отметить, что с 1 по 16 сентября 1866 г., во время отсутствия директора Виленского Раввинского училища, исполнял его обязанности по управлению учебным заведением. Также с разрешения Попечителя Виленского учебного округа 31 Января 1867 г. (за № 652) был вознагражден за особые труды «по составлению каталогов и по приведению в надлежащий порядок фундаментальной библиотеки Виленского Раввинского училища»⁶¹ единовременным пособием 200 рублей.

Отметим, что 1 апреля 1867 г. попечителем учебного округа П.Е. Роцин был переведен на должность правителя канцелярии Виленского учебного округа с жалованием 1200 руб.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 42 об. – 43.

⁶¹ Там же. Л. 43 об. – 44.

[Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства, 1868, с. 61]. А 1 января 1868 г. согласно желанию перемещен обратно учителем русской словесности в Виленское раввинское училище, из которого 24 сентября при одновременной службе редактором «Виленского вестника» был назначен сверхштатным учителем первой Виленской мужской гимназии⁶².

В изученном нами формулярном списке указано, что по собственному желанию 28 октября 1869 г. Павел Емельянович был переведен на должность Инспектора Народных училищ Гродненской губернии, в которой прослужил 3 года [Памятная книжка Гродненской губернии, 1871, с. 60]. Одновременно он являлся действительным членом Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества [Памятная книжка Виленской губернии, 1871, с. 12]. Например, как в рамках служебных интересов, так и в рамках деятельности общества Роцин принимал участие в составлении «Отчета по осмотру педагогического отдела политехнической выставки в Москве» вместе с г. Рюминым, Чеховичем, Князевым [Литература русской географии, 1874, с. 150]. Причем последнее упоминание о включении П.Е. Роцина в состав северо-западного отдела Императорского Русского Географического общества мы встречаем в «Памятной книжке Виленской губернии» на 1874 г. [Памятная книжка Виленской губернии, 1874, с. 11].

Именно в этот период выходит в 1871 г. в г. Вильно книга «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования: (для воспитывающих и обучающихся обоюбого пола, в начальной школе и дома)» [Роцин, 1871]. Рекомендованная учебным комитетом министерства народного просвещения «для библиотек учительских семинарий и педагогических курсов» (в 1871 г.)⁶³, а также «в качестве руководства для женских гимназий и учительских семинарий» (1875 г.)⁶⁴, она выдержала 13 изданий, последнее вышло в 1912 г. В 1878 г. в Москве вышло единственное издание (четвертое) с указанием, что П. Роцин – директор учительского института в Белгороде, в последующих изданиях автор указан как бывший директор данного учебного заведения.

В 1870-е гг. мы наблюдаем достаточно быстрый карьерный рост П.Е. Роцина. 6 мая 1872 г. он назначается директором народных училищ Могилевской губернии⁶⁵, а с 15 мая приказом 15/ 27-го мая 1874 г. (№ 6) переводится на должность окружного инспектора учебного округа и возвращается в г. Вильно⁶⁶ с жалованием 840 руб. 60 коп.⁶⁷

В это время министерским приказом от 21 апреля 1875 г. с педагогической целью окружные инспекторы, статский советник Х.П. Сольский и надворный советник П.Е. Роцин, на полтора месяца были командированы за границу⁶⁸. По результатам данной поездки, которая длилась с 8 августа по 23 сентября, последним был опубликован «Отчет о заграничной командировке...» [Роцин, 1875], который включал сведения о посещении им учительских семинарий, особенно Саксонских. Указанные семинарии являлись образцом для создания учительских институтов на территории Российской империи, которые готовили педагогов для городских училищ [Сборник мнений, 1870, с. 31]. Можно предположить, что П.Е. Роцин, назначенный первым директором учительского института, учрежденного в Белгороде в 1876 г., имел достаточный опыт и представление о направлениях работы и устройства указанного учебного заведения.

Со 2 декабря 1875 г. П.Е. Роцин переводится на должность директора Виленского Мариинского высшего женского училища (приказ Министра народного просвещения от

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 44 об. – 45.

⁶³ Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. CLVIII. С. 92.

⁶⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXVIII. С. 57.

⁶⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1872 Ч. CLXII. С. 25–26.

⁶⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. CLXXI. С. 241.

⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 424. Л. 37 об.

⁶⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXX. С. 101–102.

10 января 1876 г. №1)⁶⁹, которым он руководил только до 1 апреля 1876 г., и впоследствии был уволен согласно прошению с причислением его к Министерству народного просвещения (приказ № 8 от 10 апреля 1876 г.)⁷⁰.

В связи с упоминаемым выше открытием учительского института в Белгороде начальство Харьковского учебного округа, в структуру которого входил последний, в 1876 г. в качестве директора нового учебного заведения рекомендовало министерству народного просвещения Павла Емельяновича Рощина. Из документов об открытии учительского института из фондов РГИА стало известно, что П.К. Жерве, попечитель Харьковского учебного округа, остановился на кандидатуре П.Е. Рощина не только после «лестного» отзыва от попечителя Виленского учебного округа о нравственных качествах и педагогических способностях последнего, но и после личной беседы с Павлом Емельяновичем⁷¹. Кроме того, П.Е. Рощин имел представление не только об административных аспектах в управлении учительским институтом, но и являлся уже известным педагогом. В утвержденных министерством «Программах и учебных планы предметов, преподаваемых в учительских институтах» (13 ноября 1876 г.) одним из руководств для изучения курса педагогики был выбран «Очерк...» Рощина⁷².

Таким образом, надворный советник П.Е. Рощин, причисленный к Министерству народного просвещения Приказом Управляющего Министерством народного просвещения № 15 от 31 июля 1876 г., был утвержден директором учрежденного в Белгороде учительского института с 1 июля 1876 г.⁷³

Несмотря на имеющийся опыт знакомства с особенностями функционирования и педагогического процесса прусских учительских семинарий, с целью формирования представления об организации учебно-воспитательного процесса в учительских институтах Российской империи перед приездом в Белгород П.Е. Рощин подробно ознакомился с работой одного из первых учительских институтов – Санкт-Петербургского, который был открыт в 1872 г., и городского училища при нём [И.К., 1901, с. 91].

В статье, посвященной празднованию 25-летия учительского института, о руководстве П.Е. Рощина учебным заведением вспоминали: «Новый директор энергично принялся за работу: ему хотелось к началу учебного года по возможности вполне оборудовать помещение. <...> П.Е. Рощин усиленно заботился о снабжении будущего института всеми хозяйственными и учебными принадлежностями. Благодаря его энергии в первой же половине августа почти все было готово. <...> В первый же год существования институт имел прекрасные английские, немецкие и русские издания по этой части, коллекции по естествознанию, физические приборы и проч. Заложена была библиотека выпиской изданий как педагогических, научных, так и литературных» [И.К., 1901, с. 89]. Подтверждением того, что Рощин внес значительный вклад в становление как материальной, так и научной базы учебного заведения также является и репортаж с торжественного открытия учебного заведения в 1876 г., где было указано, что в фонд библиотеки учительского института поступили «английские издания Джонстона и Рейнольда и немецкие: Богта, Фогеля и Делича» [Репортаж об открытии, 1877, с. 66].

Развитие материальной базы Белгородского учительского института П.Е. Рощин продолжал и в 1877–1878 гг. Так на сэкономленные средства из бюджета учебного заведения были потрачены в том числе на приобретение приборов для физического кабинета и естественно-исторической коллекции, рояля, нот и скрипок, а также на классную мебель и гимнастические снаряды⁷⁴.

⁶⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXIV. С. 16.

⁷⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXV. С. 98; Дополнительный лист Памятной книжки и Виленской губернии за январь, февраль, март апрель 1876 г. Вильна, 1876. С. 14–15.

⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 174. Д. 138. Л. 10–10 об.

⁷² Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXVIII. С. 145.

⁷³ Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXVII. С. 96.

⁷⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 174. Д. 138. Л. 18 об.

В Белгородском учительском институте наряду с обязательным преподаванием педагогики и дидактики вел уроки русского языка с 1876 по весну 1877 г., до назначения штатного учителя данных предметов⁷⁵.

28 октября 1878 г. П.Е. Роцин завершил трудовую деятельность «с дозволением носить в отставке мундирный полукафтан», который был «присвоен» в должности директора⁷⁶. В 1879 г. ему была назначена пенсия по 800 р. в год⁷⁷. О дате смерти П.Е. Роцина, 26 февраля 1903 г., мы узнаем из «Циркуляра по Харьковскому учебному округу» в связи с назначением выплаты пенсии его жене⁷⁸.

За время службы в гражданском ведомстве Павлу Емельяновичу Роцину были присвоены чины провинциального Секретаря, соответственно прежнему военному чину Подпоручика (2 июля 1869 г.), надворного советника (10 июля 1872 г.), коллежского советника (4 июля 1876 г.). Вместе с тем за свою плодотворную службу, как в военную, так и гражданскую, награжден медалями: светло-бронзовой «В память войны 1853–1856 гг.» на Андреевской ленте и темно-бронзовой «В память усмирения польского мятежа 1863–1864 гг.», орденами Св. Станислава III степени (30 Августа 1866 г.) и II степени с Императорской Коронай (22 Декабря 1872 г.), Св. Анны II степени (21 декабря 1874 г.)

Заключение

Таким образом, в исследовании реконструирована служебная биография педагога, редактора, общественного деятеля, первого руководителя учительского института в Белгороде Павла Емельяновича Роцина. Проявив себя на военной службе, гражданскую он начал в Виленском учебном округе, где служил до 1875 г. в Радомской (3 года) и Варшавской (1 год) губерниях, Ковенской (3 года), Виленской (около 3 лет), Гродненской (3 года), Могилевской (2 года) губерниях. Карьерные передвижения П.Е. Роцина имели очень высокий темп и происходили достаточно быстро. О его всесторонней развитости свидетельствует назначение на должности учителей и преподавателей таких предметов, как русский язык, Закон Божий, география, педагогика. Несмотря на то, что в должности окружного инспектора Павел Емельянович прослужил 1 год и 7 месяцев, он посетил и ознакомился с опытом функционирования саксонских учительских семинарий, ставших главным примером для учреждения учительских институтов в Российской империи. Известный и опытный педагог, П.Е. Роцин принимал активное участие в формировании научной, материальной и хозяйственной базы учительского института, открытого в Белгороде.

Реконструкции биографии позволили в том числе установить годы жизни Роцина П.Е. (1826–1903 гг.). Сотрудники музея истории НИУ «БелГУ» продолжают работу по изучению истории учительского института, его руководителей, преподавателей, выпускников, а также поиск портретного изображения Павла Емельяновича Роцина для размещения в галерее руководителей образовательного учреждения, основанного в 1876 г.

Список литературы

- Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. СПб., Тип. Вульфа, 1868.
Белгородский государственный университет. 130 лет. Официальный сайт юбилея 1876–2006. URL: <https://130.bsu.edu.ru/Rectors/> (дата обращения: 20 марта 2022).
Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2021 Директор Белгородского учительского института Дьяконов Петр Александрович – педагог, историк и общественный деятель Курской, Тамбовской и Харьковской губерний. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 26 (192): 185–196. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-192-185-196.

⁷⁵ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1877. № 5. С. 35.

⁷⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. С. 12.

⁷⁷ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1879. № 4. С. 24.

⁷⁸ Циркуляр по харьковскому учебному округу. 1903. № 10. С. 33.

- Денисова И.В. 2016. Педагог Алексей Димитриу (1857–1925) – первый византист Белгорода. В кн.: Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов. М.; Белгород, ООО «Эпицентр»: 75–77.
- Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. Преподаватели Закона Божьего в Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века. Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования, 4 (2): 33–44. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-3.
- И.К. 1901. 25-летие Белгородского учительского института. Русская школа, 10–11: 83–92.
- Историческая записка 75-летия Санкт-Петербургской второй гимназии Ч. 2 (1831–1880). 1894. Сост. препод. А.В. Курганович и А.О. Круглый. Санкт-Петербург, тип. Э. Арнольда, IV, VI, 431.
- Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома, 1798–1898 гг. 1898. сост. под гл. ред. члена Военно-ученого ком., Генерального штаба ген.-майора А.Н. Петрова. Санкт-Петербург, тип. М-ва внутренних дел, 759, VIII, II с.
- Литература русской географии, статистики и этнографии. Т. 5. За 1871 и 1872 гг. 1874. Сост. В.И. Межов. СПб., типография Безобразова и КОМП, 546 с.
- Миловидов А.И. 1914. Пятидесятилетие «Виленского вестника» русской редакции: (Историко-библиографический очерк). Вильна, ред. «Вилен. вестн.», 52 с.
- Московкин В.М. 2014. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники. Научный результат. Серия «Социальные и гуманитарные исследования», 2 (2): 29–41.
- Московкин В.М. 2014. Забытый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как известный византист. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 21 (192): 101–105.
- Московкин В.М. 2014. О крупном деятеле народного образования юга России Александре Федоровиче Комарове (1842–1918). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 20 (191): 204–211.
- Московкин В.М. 2016. Очерки о творческой деятельности четырех директоров белгородского учительского института. Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования, 2 (3): 22–43. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43;
- Московкин В.М. 2017. О крупном деятеле народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу. Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 3 (4): 30–48. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-30-48;
- Московкин В.М., Садовски М.В. 2017. Роль учебного пособия П.Е. Рощина «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования» в системе дореволюционного российского образования. Almatater (Вестник высшей школы), 8: 114–118. DOI: 10.203339/AM.08-17.114.
- Нистрем К.М. 1844. Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей. Т. 1. Указатель города Санкт-Петербурга. СПб., тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, [10], 240, 300 с.
- Нистрем К.М. 1837. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, XII, 1464 с.
- Памятная книжка Виленской губернии на 1867 г. Вильна, Типография А. Сыркина, 1867.
- Памятная книжка Виленской губернии на 1872 год. Вильна, Печатня А.Г. Сыркина, 1871.
- Памятная книжка Виленской Губернии на 1874 год. Вильна, Печатня А.Г. Сыркина, 1874.
- Памятная книжка Гродненской губернии на 1871 год. (Адрес-календарь). Гродна, 1871.
- Памятная книжка Ковенской губернии на 1864 год. Часть 1. Ковно, типография Ш. Соколовского, 1864.
- Памятная книжка Ковенской губернии на 1865 год. Ковно, типография Ш. Соколовского, 1865.
- Репортаж об открытии учительского института в Белгороде. 1877. Журнал Министерства народного просвещения. CLXXXIX: 65–67.
- Рощин П.Е. 1875. Отчет о заграничной командировке окружного инспектора Виленского учебного округа Рощина. Вильна, тип. А.Г. Сыркина, 75 с.
- Рощин П.Е. 2016. (репр. изд. 1907 г.). Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования; предисл. и очерк творческой деятельности В.М. Московкина. Белгород, ИД Белгород, 210 с.
- Рощин П.Е. 1871. Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования : (Для воспитывающих и обучающих обоего пола, в нач. шк. и дома). Вильна, печ. А.Г. Сыркина, VIII, 131 с.

Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. 1875. Отдел 4, Т. 1. Санкт-Петербург, тип. т-ва «Общественная польза», XXXI, 680, 130, [1] с.

Сборник мнений и замечаний о проекте городских училищ и учительских институтов. 1870. СПб., тип. т-ва «Обществ. польза», [4], II, 550, 181 с.

References

- Adres-kalendar' Vilenskogo general-gubernatorstva na 1868 g. SPb., Tip. Vul'fa, 1868 (in Russian).
- Belgorodskiy gosudarstvennyy universitet. 130 let. Ofitsial'nyy sayt yubileya 1876–2006. Available at: <https://130.bsu.edu.ru/Rectors/> (accessed 20 March 2022) (in Russian).
- Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2021. Director of the Belgorod Teachers Institute Dyakonov Petr Alexandrovich – teacher, historian and public figure of the Kursk, Tambov and Kharkov Governorates. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 26 (192): 185–196. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-192-185-196 (in Russian).
- Denisova I.V. 2016. Pedagog Aleksey Dimitrii (1857–1925) – Pervyy vizantinist Belgoroda [Teacher Alexei Dimitrii (1857–1925) – The first Byzantine scholar of Belgorod]. In: *Tezisy dokladov XXI Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov «Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiya»* [Abstracts of the XXI All-Russian Scientific Session of Byzantinists «The Empire of the Romans in Time and Space: Center and Periphery»]. Moscow; Belgorod: 75–77 (in Russian).
- Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. Teachers of the law of God in the Belgorod Teacher's Training Institute at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. *Research Result. Social Studies and Human Humanities Series*, 4 (2): 33–44. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-3 (in Russian).
- I.K. 1901. 25-letie Belgorodskogo uchitel'skogo instituta [25th anniversary of the Belgorod Teachers' Institute]. *Russkaja shkola*, 10–11: 83–92 (in Russian).
- Istoricheskaya zapiska 75-letiya Sankt-Peterburgskoy vtoroy gimnazii Chast' II (1831–1880) 1894 [Historical note of the 75th anniversary of the St. Petersburg Second Gymnasium, Part 2 (1831–1880)] Comp. A.V. Kurganovich i A.O. Kruglyy. SPb, tip. E.Arngol'da, IV, VI, 431 p. (in Russian).
- Istoricheskij ocherk Pavlovskogo voennogo uchilishha, Pavlovskogo kadetskogo korpusa i Imperatorskogo Voенно-sirotskogo doma, 1798–1898 gg. [Historical sketch of the Pavlovsk Military School, the Pavlovsk Cadet Corps and the Imperial Military Orphanage, 1798–1898] comp. under the general editorship of A.N. Petrov. St. Peterburg, tip. M-va vnutrennih del, 759, VIII, II p. (in Russian).
- Literatura russkoj geografii, statistiki i jetnografii. T. 5 za 1871 i 1872 gg. 1874 [Literature of Russian geography, statistics and ethnography. Iss. 5 For 1871 and 1872]. Comp. V.I. Mezhov. St. Petersburg, tipografija Bezobrazova i KOMP, 546 p. (in Russian)
- Milovidov A.I. 1914. Pjatidesjatiletie «Vilenskogo vestnika» russkoj redakcii: (Istoriko-bibliograficheskij ocherk) [The fiftieth anniversary of the «Vilna Bulletin» of the Russian edition: (Historical and bibliographic essay)]. Vilna, red. «Vilen. vestn.», 52 p. (in Russian).
- Moskovkin V.M. 2014. Belgorod teachers' training institute: the directors, teachers and graduates. *Research Result. Social Studies and Human Humanities Series*, 1 (2): 29–41 (in Russian).
- Moskovkin V.M. 2014. The forgotten actor of people education of Kursk and Voronezh provinces F.K. Dimitrii as a well-known Byzantinist. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political science Economics Information technologies*, 21 (192): 101–105 (in Russian).
- Moskovkin V.M. 2014. Alexander Fedorovich Komarov (1842–1918) as an outstanding Figure of public Education of Soyth of Russia. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities Philology Journalism Pedagogy Psychology*, 20 (191): 204–211 (in Russian).
- Moskovkin V.M. 2016. Essays about creative activities of four directors of Belgorod Teacher's Institute. *Research Result. Social Studies and Human Humanities Series*, 2 (3): 22–43. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43 (in Russian).
- Moskovkin V.M. 2017. About Aleksey Dimitrii – an outstanding figure of the public education of Kursk and Voronezh provinces. *Research Result. Social Studies and Human Humanities Series*, 3 (4): 30–48. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-30-48 (in Russian).
- Moskovkin V.M., Sadovski M.V. 2017. The Role of Educational Text – Book by P.E. Roschtschin «Essay of principal practical provisions of pedagogy, didactics and methodology, applicable to academic subjects in primary education». *Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 8: 114–118. DOI: 10.203339/AM.08-17.114 (in Russian).

- Nistrem K.M. 1844. Adres-kalendar' sankt-peterburgskih zhitelej. Iss. 1. Ukazatel' goroda Sankt-Peterburga [Address-calendar of St. Petersburg residents. T. 1. Index of the city of St. Petersburg]. St. Petersburg, tip. III Otd. Sobstv. E.I.V. Kanceljarii, [10], 240, 300 p. (in Russian).
- Nistrem K.M. 1837. Kniga adresov S.-Peterburga na 1837 god. [Address book of St. Petersburg for 1837]. St. Petersburg, tip. III Otd. Sobstv. E.I.V. Kanceljarii, XII, 1464 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Vilenskoj gubernii na 1867 god. Vilna, Tipografja A. Syrkina, 1867 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Vilenskoj gubernii na 1872 god. Vilna, Pechatnja A.G. Syrkina, 1871 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Vilenskoj gubernii na 1874 god. Vilna, Pechatnja A.G. Syrkina, 1874 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Grodnenskoj gubernii na 1871 god. (Adres-kalendar'). Grodna, 1871 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Kovenskoj gubernii na 1864 god. Part 1. Kovno, tipografija Sh. Sokolovskogo, 1864 (in Russian).
- Pamjatnaja knizhka Kovenskoj gubernii na 186 god. Kovno, tipografija Sh. Sokolovskogo, 1865 (in Russian).
- Reportazh ob otkrytii uchitel'skogo instituta v Belgorode [Report on the opening of a teacher's institute in Belgorod]. 1877. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. CLXXXIX: 65–67 (in Russian).
- Roshchin P.E. 1875. Otchet o zagranichnoj komandirovke okruzhnogo inspektora Vilenskogo uchebnogo okruga Roshchina [Report on the trip abroad of the district inspector of the Vilna educational district Roshchin]. Vilna, tip. A.G. Syrkina, 75 (in Russian).
- Roshchin P.E. 2016. Oчерк glavneyshikh prakticheskikh polozheniy pedagogiki, didaktiki i metodiki, primennoy k uchebnym predmetam nachal'nogo obrazovaniya [Essay of key practical ideas of pedagogic, didactic and methodic, applied to studying subjects of primary education]; predislovie i очерк tvorcheskoy deyatel'nosti V.M. Moskovkina. Belgorod, ID Belgorod, 210 p. (in Russian).
- Roshchin P.E. 1871. Oчерк glavneyshikh prakticheskikh polozheniy pedagogiki, didaktiki i metodiki, primennoy k uchebnym predmetam nachal'nogo obrazovaniya [Essay of key practical ideas of pedagogic, didactic and methodic, applied to studying subjects of primary education]. Vilna, pechatnja A.G. Syrkina VIII, 131 p. (in Russian).
- Russkiy entsiklopedicheskiy slovar', izdavaemyy professorom S.-Peterburgskogo universiteta I.N. Berezinyim [Russian encyclopedic dictionary published by Professor St. Petersburg University I.N. Berezin]. Vol. 4, Iss. 1. Sankt-Peterburg, tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1875 (in Russian).
- Sbornik mnenij i zamechanij o proekte gorodskih uchilishh i uchitel'skih institutov. 1870 [Collection of opinions and comments on the project of city schools and teachers' institutes]. St. Petersburg, tip. t-va «Obshhestv. pol'za», [4], II, 550, 181 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.05.2022

Received 07.05.2022

Поступила после рецензирования 14.05.2022

Revised 14.05.2022

Принята к публикации 14.05.2022

Accepted 14.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, специалист по экспозиционной и выставочной деятельности музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета г. Белгород, Россия.

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan, Expert on representational and exhibition activities of the History Museum of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0655-9246](https://orcid.org/0000-0003-0655-9246)

УДК 331.45
DOI10.52575/2687-0967-2022-49-2-396-404
Оригинальное исследование

Деятельность фабричной инспекции по охране труда несовершеннолетних и женщин в 1882–1905 гг. (на примере Воронежской и Курской губерний)

Смоленская О.А.

Белгородский государственный университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 360000, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46
E-mail: oas23@mail.ru

Аннотация. В 1882 г. в России был издан первый фабричный закон, регламентирующий труд малолетних, и учреждена фабричная инспекция для надзора за соблюдением фабричного законодательства. С расширением машинного производства стало возможным более широкое использование дешевого труда несовершеннолетних и женщин в фабрично-заводской промышленности. В связи с недостатком исследований автором рассмотрены предприятия на территории Курской и Воронежской губерний, на которые распространялся надзор фабричной инспекции. Предприятия на этих территориях занимались в основном переработкой сельхозпродукции, на которых использовался труд и несовершеннолетних, и женщин. По результатам исследования было выявлено, что фабричные инспекторы составляли протоколы по фактам установленных нарушений, фиксировали несчастные случаи на производстве. По итогам деятельности фабричной инспекции были собраны обширные статистические данные об использовании труда женщин и детей на предприятиях фабрично-заводской промышленности России в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: фабрично-заводская промышленность, половозрастной состав рабочих, фабричная инспекция, законодательное регулирование труда, рабочие

Для цитирования: Смоленская О.А. 2022. Деятельность фабричной инспекции по охране труда несовершеннолетних и женщин 1882–1905 гг. (на примере Воронежской и Курской губерний). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 396–404. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-396-404

Activities of factory inspection for juvenile and female labor protection in 1882–1905 (on the example of Voronezh and Kursk Governorates)

Oksana A. Smolenskaya

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46 Kostyukova St., Belgorod, 360000, Russia
E-mail: oas23@mail.ru

Abstract. The first factory law regulating the juvenile labor was issued in Russia in 1882; and the factory inspection was established to control the observance of factory laws. It became possible to make wider use of cheap women and children's labor in the factory industry in Russia with the expansion of machine production. Due to a lack of research, the author examined the enterprises in Kursk and Voronezh Governorates, which were supervised by the factory inspection. The enterprises in these territories were mainly engaged in the processing of agricultural products and juvenile and female labor was used in it. According to the results of the study, the author concludes that the factory inspectors drew up protocols on the facts of established violations and recorded accidents at work. As a result of the activities of the

factory inspection, they collected extensive statistical data on the use of women and children's labor at the enterprises of the factory-and-works industry in Russia in the late 19th – early 20th centuries.

Key words: factory-and-works industry, gender and age composition of workers, factory inspection, legislative regulation of labor, workers

For citation: Smolenskaya O.A. 2022. Activities of factory inspection for juvenile and female labor protection in 1882–1905 (on the example of Voronezh and Kursk Governorates). *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 396–404 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-396-404

Введение

Одной из характеристик применения на фабриках труда рабочих во второй половине XIX в. стало использование труда несовершеннолетних и женщин в фабрично-заводском производстве. С расширением машинного производства стало возможным более широкое использование дешевого труда несовершеннолетних и женщин. В 1874 г. на фабрично-заводских предприятиях численность несовершеннолетних рабочих составляла 10–15 % общего числа рабочих. Труд несовершеннолетних использовался наравне с трудом взрослых от 12–14 и выше часов в сутки за сниженную заработную плату. Так, нормы оплаты труда подростков составляли 50 %, малолетних – 30 % заработной платы взрослых рабочих [Шелымагин, 1947, с. 38]. Так как применение труда несовершеннолетних никак не ограничивалось, его использование фабрикантами продолжало возрастать. В разных отраслях количество малолетних на производстве было различным, так, в спичечном было 33,2 %, в стекольном – 24,8 %, в сахарном 7,2 % [Волошин, 1925, с. 95]. В конце 70-х гг. XIX в. в промышленном производстве активно использовался труд женщин, они составляли 15–17 % всей численности рабочих на промышленных предприятиях в Петербурге и Москве [Соловьева, 1990, с. 198]. Особенно активно женский труд применялся в текстильной, табачной и свеклосахарной отраслях. В Петербурге на текстильных фабриках женщины составляли 42,6 %, на московских предприятиях – 21,2 % общей численности рабочих [Рабочий класс в России от зарождения до начала XX века, 1989, с. 276]. Привлечение труда несовершеннолетних и женщин на фабрики и заводы возрастало вследствие его дешевизны и не сопротивляемости.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность фабричной инспекции по надзору за применением правил о труде несовершеннолетних и женщин на предприятиях фабрично-заводской промышленности. Основу источниковой базы исследования составили документальные материалы Центрального государственного исторического архива Украины, отчеты фабричных инспекторов за 1885–1905 гг., статистические исследования Курской губернии, материалы статистики фабрично-заводских предприятий Европейской России, которые позволили собрать сведения о применении женского и детского на фабриках и заводах, итогах и результатах деятельности фабричной инспекции по контролю за применением нормативных актов регламентирующих труд детей и женщин.

Основу методологической базы исследования составил историко-статистический метод, который позволил выделить основные тенденции применения труда несовершеннолетних и женщин как в целом по России, так и на предприятиях исследуемых губерний, а также итоги деятельности фабричной инспекции по контролю за применением нормативных актов, регламентирующих труд детей и женщин, и выявленных нарушениях на примере Курской и Воронежской губерний.

Результаты и их обсуждение

Развитие капитализма в России во второй половине XIX века привело за собой ряд новых социальных и экономических процессов. Одним из явлений новых процессов в жизни пореформенного российского общества стало обострение взаимоотношений рабочих и предпринимателей, которые со временем приобретают наибольшую остроту и масштабность. В России разработка фабричных законов, регулирующих труд наемных рабочих на фабриках и заводах, начинается с 1880-х гг. и как следствие развития рабочего законодательства, является становление фабричной инспекции как органа надзора за соблюдением принятых нормативных актов [Volodin, 2008]. Началом фабричного законодательства в Российской империи стал законодательный акт, принятый 1 июня 1882 г. Этот фабричный закон устанавливал минимальный 12-летний возраст рабочих, допускаемых к работам на фабриках и заводах, устанавливал продолжительность труда несовершеннолетних, а также запрещал использовать их труд в ночное время суток, выходные и праздничные дни. Также закон предусматривал создание начальных образовательных учреждений для малолетних рабочих при фабриках и заводах. Более того, закон предусматривал создание надзорного органа, контролирующего применение закона на практике – фабричной инспекции, находившейся в структуре департамента торговли и мануфактур, подчиняясь Министерству финансов [Володин, 2009].

Надзор фабричной инспекции на предприятия фабричной промышленности Воронежской и Курской губернии распространился с 1885 г. Основная часть промышленных предприятий этих регионов были заняты переработкой сельхозпродукции. Они располагались преимущественно поблизости к источникам сырья, поэтому в этом регионе отсутствовали крупные промышленные центры. По этой причине исследователи мало уделяли внимания изучению фабрично-заводских рабочих этого региона. Промышленность региона была представлена в основном небольшими предприятиями, средняя численность рабочих на которых была ниже показателя средней численности по России, составлявшей 94 человека. На предприятиях в Воронежской губернии показатель составлял 63 человека, а в Курской – 49 человек. Только 12 предприятий в этих губерниях имели численность рабочих свыше 500 человек, которые можно было отнести к крупным. Постепенно происходит концентрация производства, снижение количества мелких предприятий. Так, в 1905 г. в Курской губернии средняя численность рабочих на одно предприятие значительно увеличилась и составила 120 человек [Свода отчетов фабричных инспекторов за 1905 г., 1908, с. 47]. Из 50 губерний Российской империи в 1890 г. по производительности Курская губерния занимала 13 место, Воронежская – 19, по сумме равной соответственно 27 760 и 25 503 тыс. руб. в год [Свода отчетов фабричных инспекторов за 1905 г., 1908, с. 47]. Уже в середине XIX в. на предприятиях губерний активно использовался труд женщин, так, в 1849 г. на сахарных заводах в Курской губернии работало 2 183 мужчин и 714 женщин, что составило 33 % общей численности рабочих [Из истории Курского края. Сборник документов и материалов, 1965. с. 202].

В Курской губернии в 1885–1886 гг. функционировало 13 свеклосахарных заводов, на которых применялся как труд женщин, так и несовершеннолетних. Труд женщин применялся на всех свеклосахарных заводах и составлял в среднем 13,7 % общей численности рабочих. Труд детей использовался только на четырех предприятиях: Георгиевском (Дмитриевский уезд) – 3,5 %, Крупецком – 10,6%, Бочечанском (Путивльский уезд) – 14 % и Переверзевском (Обоянский уезд) сахарных заводах – 8,6 % [Курская губерния, 1887, с. 147].

Таким образом, проведенное исследование показало, что на предприятиях исследуемых губерний использовался труд несовершеннолетних и женщин. Деятельность фабричной инспекции по осуществлению контроля за исполнением принятого фабричного законодательства на промышленных предприятиях исследуемых губерний началась в 1885 г. Результаты деятельности фабричного инспектора и его помощника можно указать следую-

щие данные: инспектор посетил 583 предприятия, осмотрев их 629 раз, помощник – 258 предприятий, осмотрев их 388 раз (многие предприятия посещались повторно) [Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, 1886, с. 2]. По данным представленного отчета окружного фабричного инспектора Т.Я. Михайловского за 1885 г., Воронежский округ по количеству посещенных предприятий занимал первое место по России, по числу посещений – второе [Михайловский Я.Т., 1886, с. 16]. В результате работы фабричных инспекторов в 1885 г. из 12 807 предприятий округа было осмотрено 841 предприятие, на которых работало 36 % общего числа фабрично-заводских рабочих округа, таким образом, осмотрены были наиболее крупные предприятия округа. В Курской губернии было осмотрено 56 предприятий, на которых работало 6 347 человек, в Воронежской – 85 предприятий с 4 968 рабочими [Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, 1886, с. 12]. На осмотренных предприятиях Воронежской губернии округа женский труд составил 711 человек или 14,3 % общего числа рабочих. В Курской губернии этот показатель оказался значительно выше и составил 1 822 или 28,7 % женщин. По отчету инспектора Воронежского округа, в среднем по округу этот показатель был равен 18 %. Женский труд наиболее широко применялся на табачных фабриках, сахарных заводах и шерстемойных предприятиях.

Труд детей использовался на фабриках в достаточно раннем возрасте, можно было встретить 7–8 летних рабочих. Труд несовершеннолетних использовался наравне с трудом взрослых по продолжительности и трудоемкости. Закон 1882 г. запрещал использовать труд малолетних до 12 лет и ограничивал труд несовершеннолетних с 12 до 15 лет. По результатам отчета за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, было установлено, что по численности использования труда малолетних рабочих на осмотренных предприятиях Воронежской губернии насчитывалось 206 человек, в Курской губернии – 285 человек, что составило 4,1 % и 4,5 % соответственно общего числа рабочих осмотренных предприятий. В некоторых отраслях труд детей имел более широкие размеры; так, в типографиях насчитывалось 30,3 % несовершеннолетних, на хрустальных фабриках – 24,1 %, на табачных – 17,3 % [Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, 1886, с. 13–14].

С началом деятельности фабричной инспекции и применением закона о труде малолетних рабочих по подсчетам фабричного инспектора только со свеклосахарных заводов Курской и Воронежской губерний было удалено приблизительно около 800 малолетних рабочих. Подсчеты основывались на том, что в них находилось 17 свеклосахарных заводов, на каждом из которых до применения закона насчитывалось от 30 до 50 малолетних рабочих [Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, 1886, с. 13–14]. В итоге результатов деятельности инспекции в конце 1885 г. только на Рамоньском сахарном заводе в Воронежской губернии остался один малолетний рабочий. В результате деятельность фабричной инспекции за соблюдением правил о труде малолетних рабочих привела к сокращению использования труда детей более чем на половину, их место занимали в основном взрослые женщины [Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа В.И. Миропольского, 1886, с. 23]. Часто этот закон предпринимателями не соблюдался, так как им было выгодно использовать низкооплачиваемый труд несовершеннолетних.

Влияние фабричного законодательства о запрете ночного труда женщин и несовершеннолетних и деятельность фабричной инспекции привели к ограничению использования труда женщин на фабриках и заводах. В 1885 г. в исследуемых губерниях доля женского труда составляла 14,3 % в Воронежской и 28,7 % в Курской губерниях, в 1901 г. этот показатель стал ниже и составил 10,7 % и 12,7 % [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г., 1903, с. 98]. Это сокращение можно объяснить запрещением ночного труда женщин, и деятельностью инспекции по его соблюдению. В целом по России этот показатель был гораздо выше и составлял 26,8 %, что объясняется тем, что в этих губер-

ниях не было текстильной промышленности, где труд женщин составлял более половины общего количества рабочих. А также тем, что в этих губерниях промышленность была развита достаточно слабо и в связи с высокой плотностью населения наблюдался переизбыток рабочих рук. Таким образом, здесь можно было использовать более производительный мужской труд, оплачивая его на уровне женского. Тем не менее доля использования женского труда неуклонно растет, что подтверждает как увеличение абсолютных показателей женского труда в промышленности, так и рост относительных показателей использования женского труда как в исследуемых губерниях, так и по стране в целом. Так, в 1905 г. в Курской губернии число женщин, работающих на промышленных предприятиях, составило 3 038 человек или 16,1 %, в Воронежской губернии – составило 1 147 человек или 11,9 % [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г., 1908]. По данным отчетов фабричных инспекторов, доля женского труда в начале XX в. неуклонно возрастает; так, по данным за 1902 г. в целом по России, количество рабочих мужчин в фабрично-заводской промышленности уменьшилось на 13 тыс. человек, а количество женщин – на 12 тыс. увеличилось [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 г., 1904, с. IV]. Данный факт фабричные инспекторы связывают с тем, что фабриканты оказывают внимание женскому труду как более спокойному и уступчивому, а также дешевле оплачиваемому. Также труд женщин распространился на такие производства, на которых он до этого почти не встречался.

В 1901 г. по отчетам фабричной инспекции протоколов о нарушении правил работы детей и женщин в Курской губернии составлено не было. По результатам деятельности за 1900 г. в Воронежской губернии было составлено 7 протоколов по фактам обнаруженных случаев нарушения закона о труде малолетних рабочих [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900 г., 1902]: малолетние были заняты запрещенной для них работой, не велся учет труда малолетних, обнаружилось несколько случаев отсутствия на предприятиях метрических выписей о возрасте малолетних. В целом по стране инспекторы оставили протоколов на 452 таких случая, в основном на нарушения работы малолетних свыше установленного времени. За период 1900–1904 гг. на промышленных предприятиях Воронежской губернии фабричная инспекция обнаружила 38 фактов нарушения установленных правил о труде малолетних, но было составлено только 3 протокола [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900, 1902, 1903, 1904, 1903, 1903, 1905, 1907]. Данное несоответствие объясняется тем, что фабричные инспекторы ограничивались замечаниями по поводу нарушений и лишь при повторных случаях составляли протоколы. То же самое незначительное количество составленных протоколов в сравнении с выявленными фактами нарушения можно констатировать и в целом по стране, в 1901 г. из 1 010 выявленных случаев нарушения правил работы малолетних только по 168 были составлены протоколы, что составило 16,6 % всех выявленных нарушений [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г., 1904]. Основным фактом такого значительного разрыва выявленных нарушений и составленных протоколов можно назвать циркуляр Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия от 21 февраля 1900 г. № 232, в котором указывалось выявить сначала причину нарушения, и, если она была обусловлена недостаточным пониманием закона, ограничиться записью в журнале о выявленном нарушении и указании сроков устранения выявленного нарушения. Только если причиной нарушения были корыстные цели или повторно было обнаружено нарушение, в этом случае фабричные инспекторы должны были составить протокол ⁷⁹. Таким образом, можно согласиться с мнением авторов Волкова В.В., Шкодинского С.В. о том, что фабричную инспекцию можно назвать специфическим органом государственного регулирования производственных отношений, который имел широкий спектр задач с узкими правовыми полномочиями [Волков, Шкодинский, 2022, с. 26].

⁷⁹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 23. Оп. 24. Д. 1100. Л. 39.

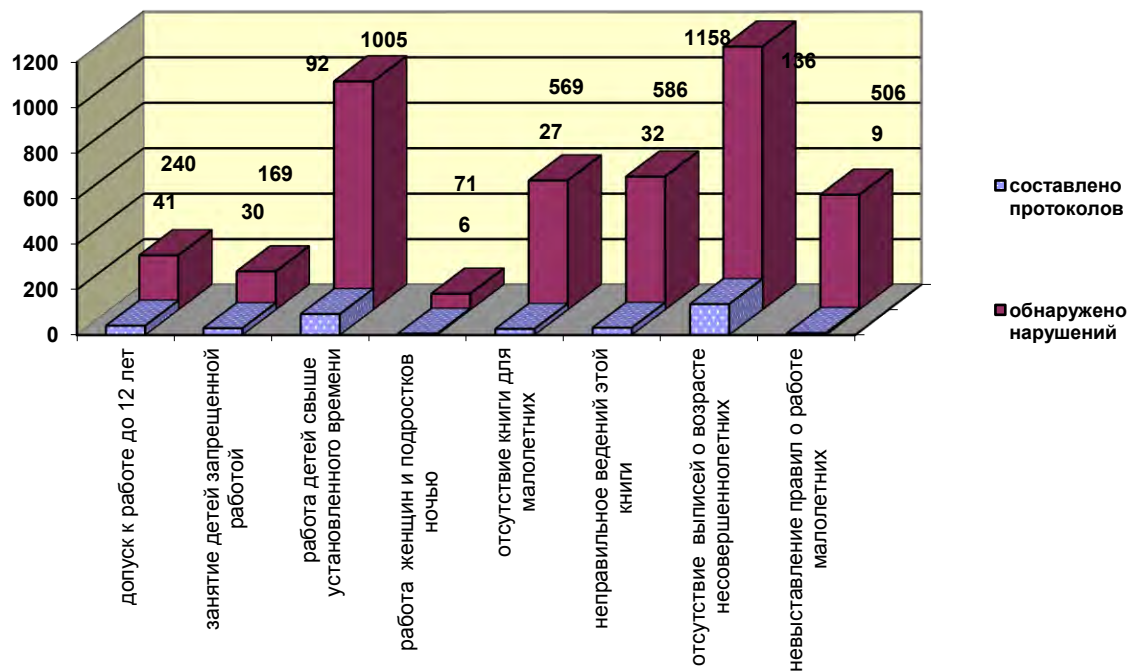

Рис. 1. Факты установленных нарушений норм труда детей и женщин и составленные протоколы фабричной инспекций в целом по стране за 1900–1904 гг. (посчитано автором) [Смоленская, 2008, с. 125]

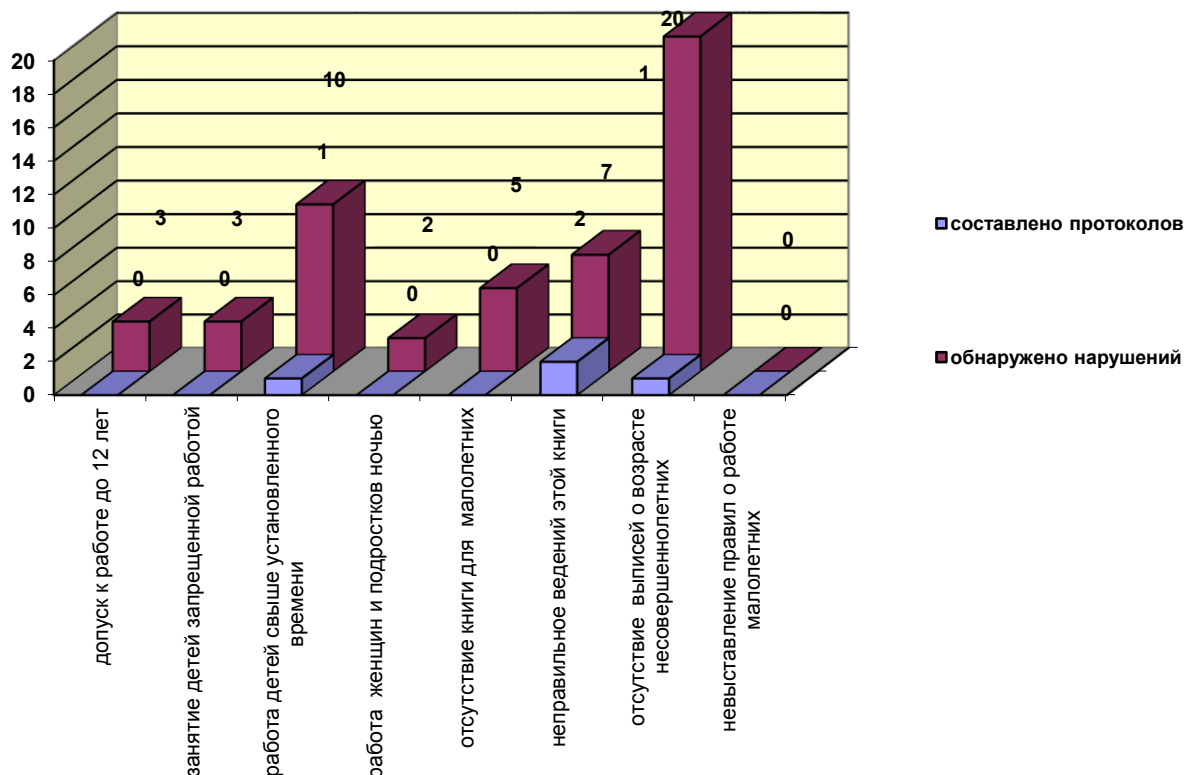

Рис. 2. Факты установленных нарушений правил работы несовершеннолетних и женщин и составленные протоколы фабричных инспекций в Воронежской и Курской губерниях за 1900–1904 гг. (посчитано автором) [Смоленская, 2008, с. 125]

Диаграммы указывают на общие тенденции нарушения установленных фабричных законов о труде несовершеннолетних и женщин как в исследуемых губерниях, так и по

России в целом. Наибольшее количество нарушений зафиксировано по отсутствию выписок, подтверждающих возраст несовершеннолетних, и работа несовершеннолетних и женщин свыше установленного законом времени как в первом, так и во втором случае.

Свои результаты деятельность инспекции по надзору за соблюдением труда малолетних рабочих, несомненно, имела; так, в Воронежской и Курской губерниях наблюдается изменение состава рабочих по возрастным группам, а именно уменьшение малолетних и увеличение числа подростков. Так, в Воронежской губернии численность рабочих от 15 до 17 лет в 1901 г. составляла 3,5 %, а уже в 1905 г. составила 8,8 % нарушений [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г., 1904]. В Курской губернии этот показатель также увеличился с 4,6 % до 8,6 %. В целом по России наблюдаются аналогичные изменения; так, в 1901 г. использование труда малолетних было зафиксировано в размере 34 046 человек, а в 1905 г. их стало значительно меньше – 24 095 человек [Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г., 1908, с. 40]. Таким образом, сокращение труда малолетних составило 9 951 человек, что в результате снизило показатель труда малолетних с 2 % общей численности рабочих до 1,4 %. На предприятиях Курской губернии труд малолетних использовался только на нескольких предприятиях, в основном на шерстомойных, при сортировке шерсти, на табачной фабрике и мелоизвестковых заводах для сбора мелких кусков мела. По результатам отчета фабричной инспекции, в 1903 г. в Курской губернии на 159 предприятиях, находившихся в ведении фабричной инспекции, работало 14 234 (65,9 %) взрослых мужчин, 2 242 (23,5 %) взрослых женщин, 1 047 (5,6 %) подростков мужского пола, 408 (3,5 %) подростков женского пола, малолетних 15 (0,9 %) мальчиков и 8 (0,6 %) девочек. Труд малолетних использовался на табачной фабрике, в типографии, мукомольных мельницах⁸⁰. Рост численности подростков в сравнении с 1902 г. произошел на 3,6 %, в основном на свеклосахарных заводах с ночными сменами и тяжелыми условиями труда⁸¹. Таким образом, фабричная инспекция выполняла административные функции, составляла протоколы о выявленных нарушениях и передавала их в выше стоящие инстанции или мировые и окружные суды, контролирующие функции выполнения основных правил, установленных фабричным законодательством [Ясинская-Казаченко, 2021, с. 250].

Заключение

Фабричная промышленность исследуемых губерний имела определенные особенности. Основная часть предприятий была занята переработкой сельхозпродукции. Была представлена в основном средними промышленными заведениями, располагавшимися вблизи источников сырья, с низкой концентрацией рабочего класса и высокой плотностью населения. Несмотря на высокую плотность населения и переизбыток рабочих рук, такие процессы, как применение женского и детского труда, имели место и на предприятиях Курской и Воронежской губерний. Характерной особенностью данной тенденции в исследуемых губерниях можно назвать то, что эти показатели были ниже среднестатистических общероссийских показателей. Деятельность фабричной инспекции по контролю за соблюдением установленного законодательства за трудом несовершеннолетних и женщин имела определенные результаты, доля детского труда снижается в исследуемый период. Тем не менее случаи нарушения законодательства фиксировались и в начале XX в., что объясняется достаточно лояльным отношением к нарушителям закона, – только в 12 % случаев выявленных нарушений составлялись протоколы. Еще одним важным результатом деятельности инспекции стали статистические данные о предприятиях фабрично-заводской промышленности, численности женщин и несовершеннолетних, их доли в разных отрас-

⁸⁰ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА Украины). Ф. 2090. Оп. 1. Д. 91. Л. 80, 81, 94.

⁸¹ ЦГИА Украины. Ф. 2090. Оп. 1. Д. 88. Л. 23.

лях промышленного производства, условиях труда рабочих в фабричной промышленности России, подчиненной инспекторскому надзору, – до начала деятельности инспекции они носили фрагментарный характер, ограниченный территориями некоторых губерний.

Список литературы

- Волков В.В., Шкодинский С.В. 2022. Фабричная инспекция Российской империи. Вопросы истории. 1–1: 26–42.
- Володин А.Ю. 2009. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., РОСПЭН: 207 с.
- Волошин И. 1925. Очерки из истории рабочего подростка. – 2-е изд. исп. М.-Л., Молодая Гвардия, 110 с.
- Из статистического обозрения о состоянии свеклосахарной промышленности Курской губернии в 1848 г. Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. 1965. Воронеж.
- Курская губерния. 1887. Итоги статистического исследования. Курское губернское статистическое бюро. Курск.
- Михайловский Я.Т. 1886. О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского. СПб., [Б. и.], 217 с.
- Орлов П.А. 1894. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы фабрично-заводской статистики. СПб.
- Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Воронежского округа Миропольского В.И. 1886. СПб., В. Киршбаума, 93 с.
- Рабочий класс в России от зарождения до начала XX века. 1989. М., 276.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. 1903. СПб., Тип. В. Киршбаума, XXV + 202 с.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 г. 1904. СПб., Тип. В. Киршбаума, XXVIII + 200 с.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. 1905. СПб., Тип. В. Киршбаума, VIII + 97.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. 1907. СПб., Тип. В. Киршбаума, XV + 212.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г. 1908. СПб., Тип. В. Киршбаума, XXV + 117.
- Соловьева А.М. 1990. Промышленная революция в России в XIX в. М., Наука, 272 с.
- Смоленская О.А. 2008. Деятельность фабричной инспекции по охране труда детей и женщин в 1882–1905 гг. Белгород, Изд-во БГТУ, 175 с.
- Ясинская-Казаченко А.В. 2021. По ступеням развития фабричной инспекции: от «модели санкция» к «модели соответствий». Ежегодник трудового права. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург: 246–260.
- Volodin A. Russian Fakfory Inspektion (1882–1918): Cui Bono? Paris School of Economics. Working paper # 2008-60. Paris, 2008.

References

- Volkov V.V., Shkodinskij S.V. 2022. Fabrichnaja inspekcija Rossijskoj imperii [Factory Inspectorate of the Russian Empire]. Voprosyistorii. 1–1: 26–42.
- Volodin A.Ju. 2009. Istorija fabrichnoj inspekcii v Rossii 1882–1914 gg. [History of factory inspection in Russia]. М., ROSPJeN, 207.
- Voloshin I. 1925. Ocherki iz istorii rabocheho podrostka [Essays from the history of a working teenager]. 2-e izd. isp. М.-L., Molodaja Gvardija, 110
- Iz statisticheskogo obozrenija o sostojanii sveklosaharnoj promyshlennosti Kurskoj gubernii v 1848 g. [From a statistical survey on the state of the beet sugar industry in the Kursk province in 1848]. Iz istorii Kurskogo kraja. Sbornik dokumentov i materialov. 1965. Voronezh.
- Kurskaja gubernija. 1887. Itogi statisticheskogo issledovanija. Kurskoe gubernskoe statisticheskoe bjuro. [Kursk province. 1887. Results of a statistical study. Kursk provincial statistical bureau]. Kursk.
- Mihajlovskij Ja.T. 1886. O dejatel'nosti fabrichnoj inspekcii. Otchetza 1885 god glavnogo fabrichnogo inspektora Ja.T. Mihajlovskogo [On the activity of the factory inspection. Report for 1885 by the chief factory inspector Ya.T. Mikhailovsky]. SPb., [B. i.], 217.
- Orlov P.A. 1894. Ukazatel' fabric i zavodov Evropejskoj Rossii. Materialy fabrichno-zavodskoj statistiki. [Index of factories and plants in European Russia. Materials of factory statistics]. SPb.
- Otchetza 1885 g. fabrichnogo inspektora Voronezhskogo okruga Miropol'skogo V.I. [Report for 1885 of the factory inspector of the Voronezh district Miropolsky V.I.]. 1886. SPb., V. Kirshbauma, 93.

- Rabochijklass v Rossii ot zarozhdenija do nachala XX veka [The working class in Russia from its inception to the beginning of the 20th century]. 1989. M., 276.
- Svodotchet o vfabrichnyh inspektorov za 1901 g. [Summary of reports of factory inspectors for 1901]. 1903. SPb., Tip. V. Kirshbauma, XXV + 202.
- Svodotchet o vfabrichnyh inspektorov za 1902 g. [Summary of reports of factory inspectors for 1902]. 1904. SPb., Tip. V. Kirshbauma, XXVIII + 200.
- Svodotchet o vfabrichnyh inspektorov za 1903 g. [Summary of reports of factory inspectors for 1903]. 1905. SPb., Tip. V. Kirshbauma, VIII + 97.
- Svodotchet o vfabrichnyh inspektorov za 1904 g. [Summary of reports of factory inspectors for 1904]. 1907. SPb., Tip. V. Kirshbauma, XV + 212.
- Svodotchet o vfabrichnyh inspektorov za 1905 g. [Summary of reports of factory inspectors for 1905]. 1908. SPb., Tip. V. Kirshbauma, XXV + 117.
- Solov'eva A.M. 1990. Promyshlennaja revoljucija v Rossii v XIX v. [Industrial revolution in Russia in the 19th century]. M., Nauka, 272.
- Smolenskaja O.A. 2008. Dejatel'nost' fabrichnoj inspekcii po ohrane truda detej i zhenshin v 1882–1905 gg. [The activities of the factory inspection for the protection of labor of children and women in 1882–1905]. Belgorod, Izd-vo BGTU, 175.
- Jasinskaja-Kazachenko A.V. 2021. Po stupenjam razvitija fabrichnoj inspekcii: ot «modeli sankcija» k «modeli sootvetstvija» [According to the stages of development of factory inspection: from the «sanction model» to the «correspondence model»]. Ezhegodnik trudovogo prava. Sbornik nauchnyh statej. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Sankt-Peterburg: 246–260.
- Volodin A. Russian Fakfory Inspektion (1882–1918): Cui Bono? Paris School of Economics. Working paper # 2008-60. Paris, 2008.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022

Received 29.05.2022

Поступила после рецензирования 31.05.2022

Revised 31.05.2022

Принята к публикации 31.05.2022

Accepted 31.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Смоленская Оксана Алексеевна, канд. ист. наук, кафедра социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Oksana A. Smolenskaya, Candidate of Historical Sciences, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-8704-2067](https://orcid.org/0000-0001-8704-2067)

УДК 069.1:355/359(47+57)"192"

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Оригинальное исследование

Музейная рефлексия на возрастание военной угрозы СССР в 1920-е гг.

Воронко А.Н.

Департамент музеев и внешних связей Минкультуры России,
125993, ГСП-3, Москва, Малый Гнездниковский пер., д. 7/6,
E-mail: priemnaya.zam.18@culture.gov.ru

Аннотация. Музей как социальный институт всегда включен в систему социокультурных установок и ценностей общества. Формируясь в конкретных исторических условиях, музей как хранитель культурного наследия фокусирует свое внимание на идеях, принципах и идеалах прошлого, востребованных настоящим. Именно эта востребованность создает предпосылки для деятельности музея как инструмента пропаганды. В конкретно-исторических условиях музеи нередко играют роль трансляторов определенных государственных установок, политических взглядов, оценок и суждений. Таким периодом было время деятельности советских музеев как политико-просветительных учреждений. В период «военной тревоги» 1927 г. перед ними была поставлена задача обеспечить музейными средствами пропаганду по укреплению тыла и обороноспособности страны.

Ключевые слова: музей, политико-просветительное учреждение, политическая пропаганда, «военная тревога» 1927 г., обороноспособность страны, укрепление тыла

Для цитирования: Воронко А.Н. 2022. Музейная рефлексия на возрастание военной угрозы СССР 1920-е гг. *Via in tempore. История. Политология.* 2022. 49 (2): 405–412. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Museum reflection on the increasing military threat to the USSR in the 1920s

Alexander N. Voronko

Department of Museums and External Relations of the Ministry of Culture of Russia,
7/6 Maly Gnezdnikovsky lane, Moscow 125993, GSP-3, Russia
E-mail: priemnaya.zam.18@culture.gov.ru

Abstract. The museum, as a social institution, is always included in the system of sociocultural attitudes and values of society. Being formed in specific historical conditions, the museum, as a keeper of cultural heritage, focuses its attention on the ideas, principles and ideals of the vulgar, demanded by the present. It is this demand that creates prerequisites for the museum's activity as a propaganda tool. In concrete historical conditions, museums often play the role of translators of certain state attitudes, political views, assessments and judgments. Such a period was the time of the activity of Soviet museums as political and educational institutions. During the period of the «war alarm» of 1927, they were tasked with providing propaganda with museum funds to strengthen the rear and defense capability of the country.

Keywords: museum, political and educational institution, political propaganda, «military alert» of 1927, the country's defense capability, strengthening the rear

For citation: Voronko A.N. 2022. Museum reflection on the increasing military threat of the USSR in the 1920s. *Via in tempore. History and political science.* 2022. 49 (2): 405–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Введение

В конкретно-исторических условиях функции музея как социокультурного института определяются не только общественными потребностями и запросами, но и во многом диктуются политикой государства, включающего музей в систему идеологической работы. Поскольку советское музейное дело в 1920–1930-е гг. стало частью системы политико-просветительной работы, то политические события жизни общества часто становились поводом для постановки конкретных задач, выдвигаемых перед музеями. Одним из таких событий стала «военная тревога» 1927 г.

Проблема военной опасности, возникшая в связи с нараставшей международной изоляцией советского государства, связана с рядом хорошо известных фактов: поражением китайской революции, разрывом дипломатических отношений с Англией, убийством советского полпреда в Варшаве П. Воейкова, взрывом в ленинградском партийном клубе. Изучая международные события конца 1920-х гг., историки убедительно доказали, что угроза нападения была сильно преувеличена, но тезис «военной угрозы» активно эксплуатировался в Советском Союзе по политическим мотивам.

Последствия «военной тревоги» 1927 г. все более привлекают исследователей, сосредоточивших в последнее время внимание на изучении общественного сознания и настроениях, вызванных состоянием ожидания войны [Николаев, 1992; Баранов, 2007; Брянцев, 2014, 2017; Лившин, 2015]. Одной из дискуссионных проблем, по которой высказываются диаметрально противоположные точки зрения, стал вопрос о реальности угрозы или об инспирировании ее советским руководством для решения внутривнутриполитических проблем и борьбы с оппозицией. И если в отечественной историографии преобладает вторая точка зрения [Нежинский, 1990; Кудюкина, 2000], то шведский историк Л. Самуэльсон считает, что тревога была «неподдельной» и отражала взгляды руководства страны [Самуэльсон, 2001, с. 47–50]. Поэтому события 1927 г. стали поводом к организации масштабной пропагандистской компании, изучение которой ведется главным образом по материалам периодической печати [Ушакова, 2013]. Но рассмотрение музейной деятельности как инструмента и канала пропаганды, воздействующего на умонастроения населения, осталось за пределами интересов исследователей [Голубев, 2007, с. 111–113; Невежин, 1997, с. 67–83].

Объекты и методы исследования

Объектом исследования стала деятельность музеев в конце 1920-х – 1930-е гг., направленная на пропаганду музейными технологиями в дискурсе музейной рефлексии. Музейная рефлексия рассматривается нами аналогично пониманию истории как модели прошлого, его фрагментарному описанию, отраженному в нашем сознании, иными словами коллективной рефлексией. Музей как хранитель культурного наследия призван передавать следующим поколениям материальную и духовную культуру, воспринимаемую как нечто ценное и почитаемое. Здесь также присутствует момент избирательности в формировании модели прошлого. Таким образом, музейная рефлексия в зависимости от уровня «прочтения» информации музейных предметов позволяет использовать коллекции в виде невербальных пространственных высказываний, выражением которых является экспозиция музея.

Сегодня, когда роль музеев в культурно-просветительной жизни общества возрастает, изучение функций, которые принимает на себя музей по запросу социума в конкретно-исторических условиях, представляется актуальным.

Новизна исследования определяется введением в научный оборот новых архивных материалов, позволяющих восполнить лауну в исследовании военных пропагандистских кампаний советской власти и деятельности музеев по актуализации историко-культурного наследия, ставящей целью укрепление обороноспособности страны.

В основу исследования положен историко-генетический метод, позволяющий рассмотреть изучаемые процессы в соответствии с исторической ситуацией, сложившейся в условиях нарастания «военной тревоги» 1927 г., выявить причинно-следственные связи, логику включения музеев в пропагандистские кампании и составить представление о динамике музейной рефлексии на политические события в стране.

Результаты и обсуждение

Одной из ведущих задач, поставленных перед музеями, стала пропаганда укрепления тыла и обороноспособности страны, для решения которой при Главнауке был проведен ряд методических совещаний, выработаны направления действий.

В июне 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило А.И. Рыкову «в закрытых заседаниях Совнаркома СССР и РСФСР поставить вопрос о немедленной разработке в наркоматах (каждому по своей линии) мероприятий, способствующих поднятию обороны...». Оценивая фактор «военной тревоги», историк Н.С. Симонов пришел к выводу, что с 1928 г. партия и правительство ввели страну в «подготовительный к войне период», суть которого сводилась к планомерному заблаговременному переходу государства и его вооруженных сил к проведению мобилизационных мероприятий [Симонов, 1996, с. 158].

Для организации работы в составе наркоматов были сформированы мобилизационные отделы или мобилизационные бюро [Симонов, 1996, с. 158]. Такое мобилизационное бюро было создано в составе Главнауки, и в него входили не только представители музеев, но и военного ведомства. Бюро имело право определять степень секретности работы музеев по оборонной теме.

В делопроизводстве ряда музеев сохранился протокол совещания работников московских музеев, датированный 17 февраля 1928 г. под грифом «секретно». В последующем документ был рассекречен и разослан для ознакомления и как руководство к действиям по всей стране, в частности его машинописная копия хранится в архиве Ленинградского музея социалистической реконструкции сельского хозяйства [ЦГА СПб, Л. 7–11].

Из протокола следует, что первое совещание 17 февраля 1928 г., которое определило общие задачи по оборонной теме, проводил Алексей Феодосьевич Вангенгейм (1881–1937). Был ли он руководителем или только членом Бюро, установить не удалось. Известно, что в 1928 г. он занимал должность заместителя начальника по научным учреждениям в аппарате Главнауки Наркомпроса РСФСР с правом пропуска на все заседания правительства.

На совещании присутствовали ведущие московские музеи: Исторический музей, Музей восточных культур, Музей народоведения, Музей изящных искусств, Третьяковская галерея, Дарвиновский музей, Оружейная палата, Музей фарфора, Музей Центральной промышленной области (ЦПО) и Музей игрушки (Сергиев Посад).

Большинство музеев было представлено директорами: В.Ф. Гогель (Музей восточных культур), А.Ф. Котц (Дарвиновский музей), В.В. Богданов (ЦПО), С.З. Моргачев (Музей фарфора). Из текста документа следует, что вся ответственность по организации работы была возложена целиком на директоров [ЦГА СПб, Л. 8]. Но были и исключения: Оружейную палату представлял С.В. Бахрушин, археолог С.В. Матвеев – Исторический музей. Поскольку степень секретности и совещания, планируемой работы устанавливало Бюро, случайных лиц не было. Так, известно, что С.В. Матвеев в это время работал и в музее, и в Главнауке [Мельникова, 2021, с. 141].

Ко времени совещания музеи должны были предложить план мероприятий. Но, видимо, не все были вовремя оповещены (в частности об этом говорили представители Музея игрушки), и на совещании был одобрен планы Дарвиновского музея и Музея народонаселения. Историческому музею и Музею восточных культур, стремящимся представить отдельные «военные» коллекции, сделаны существенные замечания. Поэтому основным вопросом стал методический. А.Ф. Вангенгейм подробно изложил позицию Главнауки.

В музейных экспозициях тема обороны должна была быть представлена как сквозная. Выделять тему отдельными выставками и экспозициями не рекомендовалось. «В наиболее крупных музеях могут быть организованы военные ячейки», но это было исключением. Музеям был предложен ряд тем для разработки экспозиционного показа: а) экономика (наша и противника) – сырьевая база, ресурсы и проч.; б) национальные и бытовые особенности, могущие иметь то или иное значение в обороне; в) география мест – особенности климата, топографии почв; изучение вопросов питания (продукты питания, суррогаты, урожай и т. п.) [ЦГА СПб, Л. 7, 11].

В конце 1920-х гг. в политическом руководстве страны потенциальный противник не имел строгой конкретики. Выделяли две возможные группы: непосредственных соседей СССР – Финляндия, Польша, Румыния, Болгария, Турция, Китай – и великих держав – Англия, Франция, США, Япония, участвовавших в интервенции в годы гражданской войны [Минц, 2007, с. 16]. Историк А.В. Голубев отметил, что Германия как потенциальный противник за послереволюционное десятилетие (1922–1932 гг.) в качестве источника военной угрозы не воспринималась. Ситуация изменилась только с приходом нацистов к власти [Голубев, 2019, с. 112–114]. Это создавало для музеев широкое поле деятельности. Решение каждого музея должно было быть оригинальным, «не по шаблону, не на плакатах, а на материале, главным образом самого музея» [ЦГА СПб, Л. 7]. «Общего шаблона для всех музеев нет, напротив, прежде всего, полная индивидуальная работа в зависимости от типа музея». Вопрос оригинальности, нетривиальности, непохожести в пропаганде темы затрагивался многократно. Говорить об этом должны были все музеи языком своих коллекций и в рамках своего профиля музея.

Для включения в экспозицию требовался тщательный анализ возможного эмоционального воздействия экспонатов. В частности, прозвучало такое указание: «в музеях, где наиболее трудна работа – художественных – из состава экспонатов надлежит устранить то, что может развивать настроение бойни войны, настроения «война – войне», следует, наоборот, акцентировать внимание на всех произведениях, которые свидетельствуют об обороноспособности, скажем – иллюстрирующих быт, гражданской и освободительных войн; или живописующих быт рабочих и крестьян раньше и теперь и т. д.» [ЦГА СПб, Л. 7, 11].

Одновременно музеям было, по сути, предложено провести проверку фондов и удалить «вредные для данного вида работы экспонатов». Чистку должны были проводить «незначительным кругом музейных работников», для экспертизы привлекать военных. Изъятие отдельных музейных предметов и целых коллекций, прежде всего представляющих политические события, было характерно для музейного строительства в 1920–30-е гг., в период острой партийной борьбы и политических репрессий. Изымались материалы, которые могли неоднозначно прочитываться посетителями. Работа по трансформации экспозиции должна была идти параллельно с переосмыслением материала экскурсоводами («определенное настроение объяснений»). Перед музеями была поставлена задача формировать у посетителей определенное настроение [ЦГА СПб, Л. 7].

Речь шла о психологической подготовке посетителей в понимании законности и необходимости защиты социалистического отечества, формирование «здорового настроения без застрашивания, с целью создания воли к победе над эксплуататорами при их нападении на СССР» [ЦГА СПб, Л. 11].

Основной целевой аудиторией были военные – красноармейцы. Когда Музей игрушки предложил «в орбиту этой работы включить юных пионеров», А.Ф. Вангенгейм заметил, что ориентироваться нужно не только на них, «а через них на другие возрастные группы, через них и с ними можно организовать кружки «друзей обороны». Организация кружков («подсобные организации») признавалась необходимым элементом расширения аудитории, причем изучать предлагалось географию, экономику, быт и т. п. Кроме того, совещание обратило внимание на такие виды популяризации, как лекции, лозунги («в меру, без крикливости»).

Мониторинг музеями восприятия «обороной» темы – одна из технологий изучения общественного мнения, применяемая в те годы. Выбор красноармейцев как основной целевой аудитории преследовал определенные политические цели. Красноармейцы – это молодое поколение, которое из двух противоречивших друг другу версий социализма (Гражданская война или НЭП), уже опробованных в истории СССР, отдавало предпочтение Гражданской войне с ее «революционным героизмом». Вместе с тем основная масса красноармейцев – это крестьянская молодежь. Крестьяне же были заинтересованы в сохранении «нэповской модели» взаимоотношений с государством. В конце 1928 г. перед страной стояла сложная задача – ликвидировать военно-экономическую отсталость. С учетом намеченного экономического плана была проведена и массовая коллективизация в сжатые сроки и жестокими методами [Симонов, 1996, с. 161]. Работа с красноармейцами, направленная на понимание задач обороны страны, позволяла отчасти смягчить реакцию крестьянства. Красноармейцы – это та социальная группа, через которую транслировались деревне новые идеологические установки и оценивались политические настроения.

В разработке «оборонной» темы московским музеям отводилась роль методического центра. Перед участниками была поставлена задача «дать в газеты статьи», иллюстрирующие «военную» работу музеев как руководство к действию в провинции. «Оборонную» работу рассматривали как длительную линию пропаганды. Она должна была «пронизывать все стороны, всю работу музеев, не ломая основной линии этой работы, допуская отдельные ударные моменты в работе в виде организации выставок, но не следует смотреть на [нее] как на короткую, проходящую кампанию, напротив, это длительная, органически соединенная с остальной работа музеев», – отмечено в протоколе.

Как реализовалась задача пропаганды «оборонной» темы в выставках и экспозициях музеев страны – вопрос, который не нашел до настоящего времени отражения в литературе. Отметим ряд наблюдений, сделанных на материалах ленинградских музеев. В первую половину 1930-х гг. музеи продолжали примечать привычные технологии – готовили выставки к датам красного календаря и юбилеям [«XXII годовщина РККА», выставка рисунка, иллюстраций и плаката. Каталог. 1940; Выставка работ ленинградских художников ко дню Красной Армии. Каталог выставки. 1939]. Следует отметить, что и Сектор науки Наркомпроса, на который было возложено руководство музеями, требовал соблюдения присланных единых экспозиционных планов [Ленинградское общество учебной и научной кинематографии. 1938], хотя это противоречило решению совещания 17 февраля 1928 г. Так, в 1931 г. спустили разрядку на выставку-передвижку «13-летие годовщины РККА» [Сектор науки Наркомпроса, 1931, с. 123]. Музеи Ленинграда предложили альтернативу, они отстаивали право работать на своем материале и тематике. В 1931 г. Артиллерийским историческим музеем была организована выставка «Большевики должны овладеть военной техникой». Центральным экспонатом стала панорама – технические средства будущего боя. За три летних месяца выставку посетило 36 тыс. чел (по 700–800 в день) [Сектор науки Наркомпроса, 1931, с. 123]. Артиллерийский исторический музей в дни майских праздников в 1938 г. предложил горожанам музей на колесах – выставку на автомобилях на тему «Овладение военной техникой – политическая задача дня» [С-кий, 1931]. В 1941 г. Музей революции в летнее время в парках города устроил выставки на темы: «Оборона Петрограда», «Новые советские республики», на которой были представлены трофеи войны с белофиннами [ЦГАЛИ СПб. Ф. 285. Д. 26]. Включение материалов современности привлекало посетителей.

Заключение

В начале Великой Отечественной войны, по мнению историка Н.Д. Козлова, общественное сознание определялось ментальностью, сформированной задолго до войны [Козлов, 2010, с. 67–68]. В этом процессе немаловажную роль сыграла «оборонная» работа му-

зеев, начало которой восходит к 1928 г. Музеи к концу 1930-х гг. все более отходили от стандартных технологий, обращаясь к интерактивным приемам, позволяющим формировать посетителям собственное мнение, поднять уровень интереса к музейным проектам.

Музейная рефлексия формировала избирательную модель настоящего и будущего, в этой модели не было запугивания войной. Разработка «оборонной» темы не предполагала устрашения посетителя, задача сводилась к пониманию необходимости дать отпор, если враг посягнет на территорию страны, дать понимание, что даже с сильным врагом можно сражаться и сорвать его планы.

Список литературы

- Баранов А.В. 2007. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России). В кн.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М.: 175–193.
- Брянцев М.В. 2014. Состояние ожидания войны и общественные настроения в 1927 г. В кн: Studia internationalia: мат-лы III межд. науч. конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (2–4 июля 2014 г.). Брянск: 273–281.
- Брянцев М.В. 2017. Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции. Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал, 3: 100–114.
- Выставка работ ленинградских художников ко дню Красной Армии: Каталог выставки. 1939. Ленинград, 21.
- Голубев А.В. 2019. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. 2-е изд. Москва – Берлин, Директ-Медиа, 289.
- Голубев А.В. 2007. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–1930-х гг. В кн.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. М.: 111–124.
- «XXII годовщина РККА», выставка рисунка, иллюстраций и плаката: Каталог. 1940. М.-Л., Искусство, 20.
- Козлов Н.Д. 2010. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. (3): 57–68.
- Кудюкина М.М. 2000. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. В кн. 6 Homo Belli – человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 262.
- Лившин А.Я. 2015. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе. Государственное управление. Электронный вестник, 50: 190–206.
- Мельникова О.М. 2021. Археолог С.Г. Матвеев: заметки к биографии. Ежегодник финно-угорских исследований, 15 (1): 139–146.
- Миц М.М. 2007. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 24.
- Невежин В.А. 1997. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., АИРО-XX, 287.
- Нежинский Л.Н. 1990. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. История СССР, 6: 14–30.
- Николаев Л.Н. 1992. Угроза войны против СССР (конец 20 – начало 30-х гг.): реальность или миф? В кн.: Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М.: 63–90.
- Самуэльсон Л. 2001. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1922–1941. М., 296.
- С-кий. 1931. Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде. Светский музей. 6: 97–98.
- Сектор науки Наркомпроса 1931. Советский музей. 1: 123.
- Симонов Н.С. 1996. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия. Отечественная история, 3: 155–161. Указания по оформлению выставки Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской Флот в произведениях Советского кино и изобразительного искусства. 1938. Л., 9.

- Ушакова С.Н. 2013. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 213.
- Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербург (ЦГАЛИ СПб). Ф. 285. Д. 26.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербург (ЦГА СПб). Фонд 6033. Дело 3.

References

- Baranov A.V. 2007. «Voennaya trevoga» 1927 g. kak factor politicheskikh nastroyeniy v nepovskom obshchestve (po materialam Yuga Rossii). [«Military alarm» of 1927 as a factor of political sentiment in the NEP society (based on materials from the South of Russia)] In: Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [In: Russia and the World through each other's Eyes: from the History of Mutual perception. Issue] 4. Moscow: 175–193 (in Russian).
- Bryantsev M.V. 2014. Sostoyanie ozhidaniya voyny i obshchestvennyye nastroyeniya v 1927 g. [The state of expectation of war and public sentiment in 1927]. In: Studia internationalia: materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Zapadnye region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh X–XX vv.» (2–4 iyulya 2014) g. [In: Studia internationalia: Proceedings of the III International Scientific Conference «The Western region of Russia in International relations of the X–XX centuries» (July 2–4, 2014).] Bryansk: 273–281.
- Bryantsev M.M. 2017. Anglo-sovetskiy konflikt 1927 goda v predstavlenii naseleniya sovetskoy provintsii [Anglo-Soviet Conflict of 1927 in the Representation of People of the Soviet Provinces]. Noveyshaya istoriya Rossii. Mezhdistsiplinarnyy nauchno-teoreticheskiy zhurnal [Modern History of Russia. Interdisciplinary Scientific Journal]. 3. St. Petersburg: 100–114 (in Russian).
- Vystavka rabot leningradskikh hudozhnikov ko dnyu Krasnoj Armii: Katalog vystavki [Exhibition of works by Leningrad artists on the day of the Red Army: Exhibition catalog]. 1939. Leningrad, 21.
- Golubev A.V. 2019. «Esli mir obrushitsya na nashu respubliku»: Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1922–1941 gg. [«If the world collapses on our Republic»: Soviet Society and the External Threat in 1922–1941]. 2nd ed. Moscow – Berlin, Direkt-Media, 289.
- Golubev A.V. 2007. «Esli ves' mir obrushitsya na nashu Respubliku»: prizraki vojny v sovetskom obshchestve 1920–1930-h gg. [«If the whole world falls on our Republic»: ghosts of war in Soviet society of the 1920s – 1930s]. V kn.: Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2005/2006 [In: Military-historical Anthropology. Yearbook, 2005/2006] M.: 111–124.
- «XXII godovshchina RKKa», vystavka risunka, illyustracij i plakata: Katalog [«XXII anniversary of the Red Army», exhibition of drawings, illustrations and posters: Catalog]. 1940. M.- L., Iskusstvo, 20.
- Kozlov N.D. 2010. Obshchestvennoe soznanie i nastroyenie naroda v nachale Velikoy Otechestvennoy vojny [Public Consciousness and Moods of the People in the Beginning of the Great Patriotic War]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. 4 (3). St. Petersburg: 57–68 (in Russian).
- Kudyukina M.M. 2000. Vojna, kotoroj ne bylo: voennaya ugroza 1927 g. [The War that did not Exist: the Military threat of 1927]. In: Homo Belli – chelovek vojny v mikroistorii i istorii povsednevnosti. [In: Homo Belli is a man of war in microhistory and the history of everyday life] Nizhnij Novgorod, 262.
- Livshin A.Ya. 2015. «Voennaya trevoga» 1927 goda i obshchestvennyye nastroyeniya v Sovetskom soyuze. Gosudarstvennoe upravlenie [The «Military Alert» of 1927 and Public Moods in the Soviet Union]. Elektronnyy vestnik [E-journal «Public Administration»]. 50. Izhevsk: 190–206 (in Russian).
- Mel'nikova L.N. 2021. Arkheolog S.G. Matveev: zametki k biografii [Archaeologist S.G. Matveev: Notes to the Biography]. Ezhegodnik finno-ugorskikh sledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 15 (1). Moscow: 139–146 (in Russian).
- Minc M.M. 2007. Budushchaya vojna v predstavleniyah voenno-politicheskogo rukovodstva SSSR v 1927–1941 gg.: avtoref. dis. nasoiisk. uchen. step. kand. ist. nauk [The future war in the views of the military-political leadership of the USSR in 1927–1941: abstract. dis. on the job. learned. step. Candidate of Historical Sciences]. M., 24.
- Nevezhin V.A. 1997. Sindrom nastupatel'noj vojny. Sovetskaya propaganda v preddverii «svyashchennykh boev», 1939–1941 gg. [Offensive war syndrome. Soviet propaganda on the eve of the «holy battles», 1939–1941]. M., AIRO-HH, 287.

- Nezhinskij L.N. 1990. Byla li voennaya ugroza SSSR v konce 20-h – nachale 30-h godov [Was there a military threat to the USSR in the late 20s – early 30s.]. *History of the USSR*, 6: 14–30 (in Russian).
- Nikolaev L.N. 1992. Ugroza vojny protiv SSSR (konec 20 – nachalo 30-h gg.): real'nost' ilimif? [The threat of war against the USSR (late 20s – early 30s): reality or myth?]. V kn.: *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poisk i novyh podhodov*. [In: *Soviet Foreign Policy. 1917–1945 The search for new approaches*]. M.: 63–90.
- Samuelson L. *Plans for Stalin's War Machine*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire an London, Macmillan Press LTD, 1999.
- S-kij. 1931. Iz opyta massovoj raboty Artillerijskogo istoricheskogo muzeya RKKA v Leningrade [From the experience of mass work of the Artillery Historical Museum of the Red Army in Leningrad] *Soviet Museum*. 6: 97–98 (in Russian).
- Sektor nauk i Narkomprosa. 1931 [Science sector of the People's Commissariat of Education 1931]. *Sovetskij muzej Soviet Museum*, 1: 123 (in Russian).
- Simonov N.S. 1996. «Krepit' oboronu strany Sovetov»: «Voennaya trevoga» 1927 goda i ee posledstviya [«Strengthen the Defence of the Soviet Country» («Military Alarm» of the Year 1927 and Its Consequences)]. *Russian History*. 3. Moscow: 155–161 (in Russian).
- Ukazaniya po oformleniyu vystavki Raboche-Krest'yanskaya Krasnaya Armiya i Voenno-Morskoj Flot v proizvedeniyah Sovetskogo kino i izobrazitel'nogo iskusstva [Instructions for the design of the exhibition The Workers' and Peasants' Red Army and Navy in the works of Soviet cinema and fine art] 1938. L., 9.
- Ushakova S.N. 2013. Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funkcionirovaniya stalinskogo rezhima: novye podhody i istochniki. [Ideological and propaganda campaigns in the practice of the functioning of the Stalinist regime: new approaches and sources.] M.: ROSSPEN, 213.
- Centralnii gosudarstvennii arhiv literature i iskusstva Sankt-Peterburg (CGALI SPb). [Central State Archive of Literature and Art St. Petersburg (TsGALI St. Petersburg)]. F. 285. d. 26.
- Centralnii gosudarstvennii arhiv Sankt-Peterburg (CGA SPb) [Central State Archive of Saint Petersburg (CSA St. Petersburg)]. F. 6033. D. 3.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.01.2022

Received 25.01.2022

Поступила после рецензирования 11.05.2022

Revised 11.05.2022

Принята к публикации 11.05.2022

Accepted 11.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воронко Александр Николаевич, директор, Департамент музеев и внешних связей Министерства культуры РФ, г. Москва, Россия

Alexander N. Voronko, Director, Department of Museums and External Relations Ministry of Culture of the Russian, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9296-2084](https://orcid.org/0000-0002-9296-2084)

УДК 303.446.4 (93)

Оригинальное исследование

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг.

Апанасенок А.В. , Пудякова И.С.

Региональный открытый социальный институт,

Россия, 305008, г. Курск, ул. Маяковского, 85

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена истории практики православного крещения в СССР 1940-х – 1970-х гг. Авторы исследуют статистику совершения этого таинства на протяжении трех послевоенных десятилетий, анализируют вопрос о достоверности соответствующих количественных данных, а также рассматривают социальный состав и мотивы людей, обращавшихся к священнослужителям с целью крещения своих детей. В статье показано, что в течение всего изучаемого периода обряд крещения оставался культурной нормой для большей части граждан в традиционно-православных регионах СССР, а статистика далеко не отражала его реальных масштабов. Важнейшими факторами сохранения практики крещения детей выступали религиозность старших поколений советских граждан, а также стремление родителей к соблюдению древней традиции.

Ключевые слова: история СССР, православие, обряд крещения, конфессиональные практики, традиционная культура, статистика

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.

Для цитирования: Апанасенок А.В., Пудякова И.С. 2022. Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 2022. 49 (2): 413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s – 1970s

Aleksandr V. Apanasenok , Irina S. Pudyakova

Regional Open Social Institute,

85 Mayakovsky St., Kursk 305090, Russia

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the history of the Orthodox baptism rite existence in the USSR of the 1940s – 1970s. The authors investigate the statistics of the performance of this sacrament for three post-war decades, analyze the problem of the relevant quantitative data reliability and also consider the social composition and motives of people who turned to the clergy for the purpose of baptizing their children. The paper shows that during the entire period under study the rite of baptism remained the cultural norm for most citizens in the traditionally Orthodox regions of the USSR and statistics far from reflecting its real scale. Representatives of all social categories of the soviet population remained committed to the practice of Orthodox baptism, and demonstrated a desire for symbolic communion with Christian culture. The most important factors in preserving the practice of children baptizing were the religiosity of the older generations of Soviet citizens, as well as the desire of parents to observe the ancient tradition.

Keywords: history of the USSR, Orthodoxy, baptism rite, confessional practices, traditional culture, statistics

Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.

For citation: Apanasenok A.V., Pudyakova I.S. 2022. The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s – 1970s. *Via in tempore. History and political science*. 2022. 49 (2): 413–424 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

Введение

В декабре 2022 г. сообщество историков отметит своеобразный юбилей – столетие с момента образования СССР. Эта символическая веха дает дополнительный повод поразмышлять об особенностях и парадоксальных чертах советской цивилизации, влияние которой продолжает ощущаться даже спустя три десятилетия после ее формального исчезновения. Одна из удивительных и в то же время малоизученных страниц истории СССР связана с местом в ней религии. Речь идет не о церковно-государственных отношениях, проанализированных в постсоветской историографии довольно основательно [см. Каиль, 2021], а о том, насколько значимую роль в жизни рядовых граждан Советского Союза играли религиозные практики. Как известно, советское общество виделось его архитекторам обществом атеистическим, а от граждан, воспитанных при советском строе, требовалось критическое отношение к «религиозным предрассудкам». Уже в 1951 г. автор широко растиражированного методического пособия по научно-атеистическим вопросам С.Н. Худяков утверждал, что «подавляющее большинство советских людей порвало навсегда с религией» [Худяков, 1951, с. 18]. В 1973 г. известный советский социолог религии В.Д. Кобецкий оценивал долю верующих в СССР в 10 % [Кобецкий, 1973, с. 128]. О массовом разрыве с религиозной культурой писали и другие советские авторы [см. напр.: Сухов, 1973], было даже введено понятие всеобщей «атеизации населения» [Климова, Молостова, 2013, с. 91]. В то же время в конце 1980-х – 1990-е гг. советское/постсоветское пространство пережило впечатляющий церковный ренессанс, который был бы невозможен в почти безрелигиозном социуме. Очевидно, чтобы приблизиться к осмыслению места, которое занимала конфессиональная культура в жизни советских граждан, необходимо полагаться не только и не столько на официальные оценки их религиозности, но в первую очередь на анализ степени вовлеченности населения в конкретные конфессиональные практики.

Для православных христиан, исторически составлявших большинство на советском пространстве, первым и важнейшим обрядом является таинство крещения. Участие в нем не всегда оказывается признаком искренней веры, но все же крещение ребенка (и тем более собственное) в той или иной мере сигнализирует о положительном восприятии человеком/семьей традиционной конфессиональной культуры. По крайней мере, оно исключает последовательный атеизм. Соответственно, изучить ситуацию с православным крещением в СССР в ее динамическом развитии значило бы сделать существенный шаг в сторону понимания конфессиональной обстановки в стране на разных этапах ее существования. Как ни странно, специальных исследований такого рода пока не проводилось. Российские авторы известных трудов по истории Русской православной церкви в XX в., как правило, используют отрывочные статистические данные по крещению советских граждан в отдельных регионах или приходах за конкретные годы, чтобы продемонстрировать влияние тех или иных государственных мер в отношении церкви [см., напр., Поспеловский, 1995; Одинцов, 2002; Шкаровский, 2010], так же порой поступают их зарубежные коллеги [см. Peris, 1998; Naumescu, 2008; Stone, 2008]. Некоторые факты о крещении советских граждан можно почерпнуть в публикациях, посвященных православной обрядности в тех или иных регионах СССР [см., напр., Жук, 2012; Шлихта, 2012; Попова, 2015 и т. д.]. В целом

же историографическая ситуация пока не позволяет составить полноценное представление о том, какое место занимало важнейшее христианское таинство в духовной и социально-культурной жизни граждан Советского Союза. Данная статья призвана способствовать исполнению этого пробела. Ее цель – представить общую историко-социологическую картину совершения таинства крещения в СССР 1940-х – 1970-х гг. При этом предполагается, во-первых, изучить статистику православного крещения в СССР указанного периода; во-вторых, проанализировать вопрос о достоверности соответствующих количественных данных советских инстанций; в-третьих, рассмотреть социальный состав и мотивы людей, обращавшихся к священнослужителям с целью крещения своих детей.

Объект и методы исследования

При подготовке данной работы в поле исследовательского интереса авторов оказалась часть советского социума, сохранявшая связи с традиционной конфессиональной культурой и проявлявшая их в практиках православного крещения. Объектом изучения при этом выступила совокупность материалов 1940-х – 1970-х гг., отразивших формальные характеристики совершения обряда крещения в СССР. Во-первых, это документы из аппарата созданного в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – Совета по делам религий) при Совете Министров СССР. Уполномоченные этого органа в регионах вели постоянные наблюдения за церковной жизнью, в том числе фиксировали участие граждан в тех или иных религиозных обрядах. Во-вторых, это публикации представителей советской социологии религии, пережившей период становления и подъема в 1960-е – 1970-е гг. Здесь содержатся небезыңтересные статистические данные о социальном составе людей, участвовавших в различных православных обрядах, в том числе и в обряде крещения, а также представлен анализ мотивов крещения.

Обращение к периоду 1940-х – 1970-х гг. обусловлено двумя причинами. Прежде всего, для исследования важно, что в это время для большинства населения страны была характерна сформированная советская идентичность. Соответственно, можно говорить о бытовании православного обряда именно в советской культурной среде. Кроме того, послевоенные десятилетия, в отличие от 1920-х и особенно 1930-х гг., характеризовались относительной стабильностью в отношениях между государством и верующими с редкими попытками грубого (насильственного) сворачивания конфессиональных практик.

Работа носит преимущественно историко-социологический характер, это обстоятельство предопределило ее методологию. В ходе исследования авторами применялись историко-статистический метод, обусловивший активное использование количественных данных об организации таинства крещения в разных регионах СССР, сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить сведения по разным десятилетиям, а также метод исторической индукции, дающий возможность формулировать выводы о масштабах распространения религиозных практик в стране на основе сбора данных по разным регионам.

Результаты и их обсуждение

Известная исследовательница советской повседневности Н.Б. Лебина в своей монографии о сталинском периоде в истории СССР пишет, что в течение первых десятилетий советской эпохи акт крещения превратился в социальную аномалию [Лебина, 2015, с. 170–177]. Очевидно, что именно так на него должны были смотреть партийные идеологи, однако если говорить о рядовых гражданах, то для большинства из них крещение аномалией отнюдь не стало. Об этом говорят данные, которые стали присылать в Совет по делам РПЦ его местные уполномоченные через год-два после учреждения этого органа. На первых порах это были несистематизированные, отрывочные сведения (система учета религиозной обрядности, далекая от идеала и в более поздние периоды, в 1940-е гг. фактически отсутствовала), однако даже они показывают массовую потребность населения в

символическом приобщении к христианской культуре. Судя по аналитическим сводкам Совета, количество крещений во многих населенных пунктах превышало количество рождений (в отдельных местах в 5–6 раз)⁸². Это явление объяснялось стремлением граждан окрестить детей, рожденных в 1930-е – начале 1940-х гг. и некрещённых в свое время по причине отсутствия священнослужителей. Если в регионах, подвергшихся оккупации, первая волна крещений прошла в 1942–1944 г. и практически не могла быть учтена властями, то в других областях пик был зафиксирован в 1945–1946 гг. Например, уполномоченный по Свердловской области указывал, что в 1945 г. по г. Свердловску количество крещений возрастало с каждым месяцем, охватывая основную часть родившихся (в январе-феврале – 179, в марте – 152, в апреле – 187, в мае – 229 и т. д.)⁸³. По словам того же функционера, почти тотальное крещение было проявлением сильного религиозного подъема, который выражал себя и в большой популярности богослужений у молодежи («в церкви повернуться негде»)⁸⁴.

Начиная с 1947 г. (в период «закручивания гаек» на идеологическом фронте) рапорты уполномоченных Совета по делам РПЦ фиксирует некоторое уменьшение стремления граждан крестить своих детей. При этом статистика варьируется в зависимости от типа и величины населенного пункта. Например, в типично-провинциальном областном центре – г. Курске – в 1947 г. открыто крестили 40 % всех рожденных за год детей; в районном центре Курской области г. Льгове – более 50%⁸⁵. Что касается сел и деревень, то статистический учет здесь долгое время практически не велся, однако современникам было понятно, что крестины в сельской местности остаются вещью само собой разумеющейся. «Детей крестят всех родившихся», – писал в 1949 г. курский чиновник, ссылаясь на беседу с председателем одного из местных колхозов⁸⁶. Учитывая, что в 1940-е – 1950-е гг. преобладающая часть населения страны все еще проживала в сельской местности, можно говорить о крещении большинства рождавшихся в тот период советских граждан. Этот тезис выглядит логичным и в свете общего подъема религиозности в стране во второй половине 1950-х гг. [Апанасенок, Бубнов, 2021, с. 210–212].

В конце 1950-х гг., когда сбор данных о религиозной обрядности в регионах СССР стал более упорядоченным, о крещении по-прежнему трудно было говорить как об аномалии. В 1959 г. в той же Курской области, по сведениям местного уполномоченного, было окрещено 48 % родившихся, в Кировской области – 56 %, во Владимирской – 39 %, в Пермской – 28 %, в Воронежской – 40 %, в Ярославской – 60 %⁸⁷. «Примерно на том же уровне» (цитата из обзора Совета по делам РПЦ), то есть около 60 %, доля крещений к общему числу родившихся оказалась в 1959 г. в Белгородской, Ивановской, Калининской, Житомирской, Вологодской, Сталинской и ряде других областей⁸⁸. В некоторых случаях фиксировался даже существенный рост количества крещений. Например, в 1958 г. в Брянской области их было официально зарегистрировано 10 200 (около половины от всех родившихся младенцев), а в 1959 г. – 13 600⁸⁹.

О существенном изменении статистики крещений можно было говорить лишь в итоге масштабной («хрущевской») антирелигиозной кампании в СССР 1959–1964 гг. Как известно, в этот период партией и лично Н.С. Хрущевым была поставлена задача нанести «решающий» удар по «религиозным предрассудкам», в том числе избавить от таковых молодежь. В условиях возобновившихся на несколько лет преследований за «религиоз-

⁸² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 7–14.

⁸³ Там же. Д. 30. Л. 76.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 20. Л. 41–42.

⁸⁶ Там же. Оп. 5. Д. 3. Л. 55.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 150–151.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 151.

ное» воспитание детей легальное крещение (предполагавшее регистрацию и запись в квантационной книге) оказалось не только религиозным актом, но и демонстрацией определенного мужества [Шлихта, 2012, с. 384–385]. Неудивительно, что цифры в сводках Совета по делам РПЦ к середине 1960-х гг. оказались существенно меньше тех, что были в конце 1950-х гг. Так, в Ивановской области доля крещеных от числа родившихся в 1965 г. составляла 37,8 %⁹⁰ (против примерно 60 % в 1959 г.), в Горьковской области – 36,5 %⁹¹, в Московской – 39,4 %⁹². В Минской области Белорусской ССР она оказалась 33,6 %⁹³, в Киевской – 26,8 %, в Херсонской – 35 %, в Запорожской – 18,8 % (все – Украинская ССР)⁹⁴. Процент крещений по Украине в целом в том же 1965 г. составил 37,5 %, поскольку «удобные» для КПСС показатели в восточных областях компенсировались «неудобными» показателями на западе республики (Волынская область – 74 %, Ивано-Франковская область – 65,6 %, Ровенская область – 60,6 %)⁹⁵. В Кокчетавской области Казахской ССР доля крещеных составила 11,5 %⁹⁶ (впрочем, тут, как и в других случаях с неславянскими республиками, статистика не очень показательна, так как большинство населения изначально не было православным). Меньше всего, согласно данным уполномоченных, крещеных было на русском Севере и в Сибири (здесь сильно ощущался дефицит церквей и клириков, крещения особенно часто осуществлялись тайно незарегистрированными священниками). В Архангельской области их доля к новорожденным в 1965 г. составила 4,8 %⁹⁷, в Вологодской области – 5,8 %⁹⁸, в Красноярском крае – 6,9 %⁹⁹.

Можно ли считать, что приведенные цифры отражают наступивший в 1960-е гг. перелом в отношении советских граждан к православной обрядности вообще и таинству крещения в частности? Последующая статистика показывает, что нельзя. Например, если в 1965 г. доля крещеных младенцев по отношению ко всем родившимся в Белгородской области существенно упала по отношению к 1959 г. и составила 35 %, то уже в 1967 г. она выросла до 67 %¹⁰⁰. В некоторых приходах резкое увеличение количества крещений началось сразу после отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., фактически ознаменовавшей и конец антирелигиозной кампании. М.В. Шкаровский приводит показательный пример в этом отношении: если за все первое полугодие 1964 г. в Троицкой церкви Ленинграда было окрещено 575 человек, то только за один день 18 октября таковых оказалось 53 [Шкаровский, 2010, с. 381]. В Курской области количество официально учтенных крещений увеличилось и превзошло уровень конца 1950-х гг. тогда же. В 1964 г. здесь с соблюдением предусмотренных законом формальностей было окрещено 53 % младенцев¹⁰¹.

Необъективность статистики первой половины 1960-х гг. признавалась повсеместно даже теми, кто ее вел. Так, в 1967 г. уполномоченный Совета по делам религий из Запорожской области писал: «Несмотря на сокращение количества православных церквей за последние 10 лет на 90 %, численность крещеных детей почти не изменяется... Данные за последние три года являются неполными. Если учесть тайные крещения на дому заштатными священниками, то эти цифры не снизятся по сравнению с 1958 г.»¹⁰².

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 572. Л. 55.

⁹¹ Там же. Л. 49.

⁹² Там же. Д. 574. Л. 110.

⁹³ Там же. Л. 227.

⁹⁴ Там же. Д. 575. Л. 97–100.

⁹⁵ Там же. Д. 574. Л. 14, 62, 127.

⁹⁶ Там же. Л. 230.

⁹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 23.

⁹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 573. Л. 34.

⁹⁹ Там же. Д. 572. Л. 18.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 5.

¹⁰¹ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 68. Л. 15.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 155. Л. 19.

Впрочем, на обобщающей статистике по стране в целом и ее отдельным республикам такого рода признания представителей местной номенклатуры особенно не сказались. Согласно ей, в 1967 г. доля крещений по отношению к родившимся в СССР составляла 23,3 %¹⁰³. Естественно, эта цифру нельзя считать информативной, так как в состав СССР входили не только традиционно «православные» республики. В России эта цифра составляла 25,5 %¹⁰⁴, однако и тут надо учитывать наличие в составе самой большой союзной республики мусульманских регионов. На Украине доля крещений по отношению к родившимся в том же 1967 г. официально составляла 49,7%, в Белоруссии – 30,6% (здесь значительная часть населения имела католические «религиозные корни»), в Молдавии – 56,8 %¹⁰⁵. В 1974 г. этот показатель по РСФСР составлял 20,1 %, по УССР – 36,6 %, по БССР – 21,5 %, по Молдавии – 48,3 %¹⁰⁶.

Очевидно, что анализ устойчивости практики православного крещения требует работы не с общими сведениями по стране или союзным республикам, а с данными по традиционно «православным» регионам, приведенными выше. Насколько объективны они? Если неполнота сведений по религиозным таинствам во время хрущевской антирелигиозной кампании, а также в течение одного или двух лет после была очевидна и признавалась самими советскими функционерами, то как относиться к статистическим сведениям по отдельным областям за другие периоды? Факты говорят о том, что и тут количественные показатели, как правило, были занижены, хотя и не так сильно, как в позднехрущевский период. Это занижение определялось по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, практика тайных (то есть нерегистрируемых) крещений на дому существовала во все периоды советской истории, в начале шестидесятых она просто приобрела особенно большие масштабы [Шлихта, 2012, с. 385]. Например, в относительно благоприятном для верующих 1957 г. курский уполномоченный Совета по делам РПЦ писал, что «количественные данные о совершенных обрядах преуменьшены, во-первых, потому, что духовенство таким образом скрывает часть своих доходов от обложения налогом, и, во-вторых, – скрывает в тайне совершенные обряды»¹⁰⁷. Локальные обследования, которые инициировались в отдельных районах, как правило, выявляли несоответствие статистики реальному положению дел. Например, скрупулезно изучив ситуацию в Роменском, Краснопольском и Шосткинском районах Сумской области УССР в 1967 г., исследователи выяснили, что здесь были крещены практически все новорожденные, включая детей коммунистов¹⁰⁸.

Во-вторых, подавая сведения в центральные инстанции, ответственные за их сбор лица часто высчитывали долю крещеных, деля количество новорожденных на количество крещений детей до одного года. При этом окрещенные дети старше года и тем более взрослые в эту статистику не попадали. Вот характерный пример: в 1965 г. в Вологодской области было окрещено всего 1 109 младенцев, что дало 5,8 % к числу всех родившихся. Соответствующие данные (чуть ли не самые низкие в стране) фигурируют в отчетном документе. Однако ниже приводятся сведения о том, что в регионе было окрещено еще 1 884 ребенка от одного до трех лет, 279 детей – от трех до семи лет, 54 – от семи до 16 лет и 54 – старше 16 лет¹⁰⁹. Таким образом, официально окрещенных всего оказалось 2 880. Если бы все они были учтены при определении доли окрещенных, то она оказалась бы в 2,6 раза больше. Такая ситуация была характерна и для других регионов. Например, Н. Шлихта отмечает, что в 1960-е – начале 1970-х гг. крещения не младенцев составляли

¹⁰³ Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 102.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 101.

¹⁰⁵ Там же. Л. 102.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1305. Л. 94.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 145.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 107.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 34.

примерно половину от всех таинств такого рода, совершавшихся в центральных и восточных областях Украины [Шлихта, 2012, с. 395].

Если учесть оба обозначенных обстоятельства, можно предположить, что в регионах, которые официально показывали 60 и более процентов крещеных (как, например, Белгородская область или области Молдавии и Западной Украины), в реальности практиковалось почти всеобщее крещение. В регионах, показывавших от 30 до 40 % (таких в УССР, БССР и центральной части в РСФСР было большинство), окрещенные по факту составляли более половины населения. Этот тезис подтверждается и более поздними данными. Согласно результатам общесоюзного опроса, проведенного в 1990 г. в рамках исследовательского проекта «Советский человек», 66 % населения страны оказались крещеными¹¹⁰. Таким образом, потребность советских граждан – жителей традиционно православных регионов в символическом приобщении к христианству была стабильной на протяжении всего послевоенного периода в истории страны.

Можно ли было говорить о большей или меньшей приверженности к традиционному христианскому действию со стороны представителей разных социальных групп? По всей видимости, да. По крайней мере, об этом говорят результаты исследования, проведенного В.Д. Кобецким и членами кафедры истории и теории атеизма ЛГУ в Ленинградской области в 1965 г. [Кобецкий, 1969, с. 170–171]. Его результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение крещеных и некрещеных в зависимости от рода занятий их родителей (1965 г.)
The ratio of baptized and unbaptized, depending on the occupation of their parents (1965)

№	Род занятий родителей, обратившихся в церковь для крещения ребенка	Удельный вес крещеных в рамках данных социально-профессиональных групп (в %)
1	рабочие	77
2	колхозники	71
3	работники торговли, питания, коммунального обслуживания	54,9
4	пенсионеры, домохозяйки	43,2
5	военнослужащие	42,4
6	медицинские работники	41,9
7	инженерно-технические работники	41,9
8	работники госучреждений и культпросветработники	35,4
9	воспитатели, преподаватели	33,5

Учитывая распространенность в СССР практики секретного крещения, представленные в таблице результаты нужно воспринимать с некоторой долей скепсиса. Указанные цифры наверняка занижены. Кроме того, надо учитывать, что представители отдельных социальных категорий (работники государственных учреждений, сферы культуры, преподаватели) в силу своих общественных функций и предъявляемых к ним требований были особенно заинтересованы в том, чтобы скрывать свои религиозные практики. Поэтому результаты исследования 1965 г. имеет смысл интерпретировать скорее с точки зрения готовности граждан разного социального статуса афишировать свое участие в обряде крещения.

Что подталкивало граждан СССР проявлять идеологическую «незрелость» и крестить своих детей? Несомненно, для обстоятельного исследования их мотивов требуется изучение большого пласта источников – архивных, опубликованных, а также из разряда oral history (последние, пожалуй, особенно интересны). Здесь же мы ограничимся анализом данных советских социологов религии, заранее признавая возможность их корректи-

¹¹⁰ Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тезисы. М., 1993. С. 134.

ровки и дополнения. В 1965 г. группа уже упоминавшегося В.Д. Кобецкого провела неформальные собеседования с родителями окрещенных в Ленинграде и Ленинградской области младенцев (73 случая). В ходе этих бесед выяснилось, что в 4 случаях (5,5 %) обряд был совершен в силу личной религиозности родителей, в 62 случаях (85 %) – по настоянию верующих членов семьи (в основном, бабушек). Еще в 7 случаях (9,5 %) мотивы оказались нерелигиозными [Кобецкий, 1969, с. 162–163].

Комментируя приведенные данные, инициатор исследования обращает внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев обряд крещения оказывается возможен в силу религиозности граждан, влияющей на их решение прямо (если верующие родители), либо косвенно (если верующие – старшие родственники). При этом он подчеркивает особую роль «верующих бабушек, стремящихся окрестить своих внуков», для которых этот акт выступил средством укрепления связи с церковью [Кобецкий, 1969, с. 166].

Более развернутая картина мотивов (причин) крещения детей была представлена в начале 1970-х гг. группой исследователей, проводивших опросы в Алатырском районе Чувашской АССР [Серебряков, 1972, с. 9]. В обобщенно-систематизированном виде она представлена в табл. 2.

Таблица 2

Мотивы крещения детей гражданами в 1968–1970 гг.
 Motives for the Baptism of Children by Citizens in 1968–1970

№	Мотивы (причины) крещения детей	Возраст родителей, окрестивших детей	
		до 30 лет	старше 30 лет
1	Пожелания (советы) старших родственников	49,3	32,2
2	По традиции	29,5	35,2
3	Отказ старших родственников ухаживать за некрещеным ребенком	7,5	9,5
4	Собственные религиозные убеждения	1,4	12,1
5	На всякий случай	7,8	6,4
6	Торжественность и красочность обряда	1,4	0,7
7	Боязнь осуждения со стороны соседей	1,4	1,1
8	Другие побуждения	1,7	2,8

Как и ленинградцы, родители из Алатырского района в вопросе крещения детей продемонстрировали сильную зависимость от старших родственников (прежде всего собственных родителей), которые порой даже отказывались ухаживать за некрещеными. При этом видно, что в большей степени эта зависимость проявлялась у молодых родителей. Другим серьезным мотивом стало соответствие акта крещения традиции, причем особую значимость он приобрел для родителей старше 30 лет. Собственные религиозные убеждения родителей оказались в целом гораздо менее весомым аргументом при крещении.

Такого рода исследования в 1960-е – 1970-е гг. проводились во многих регионах страны. Естественно, далеко не всегда их результаты публиковались, часто они находили отражение в служебных документах Совета по делам религий. Вот, например, к чему пришли исследователи в Воронеже, в 1967 г. опросившие родителей из 113 семей: согласно их выводам, 47,5 % родителей приняли решение крестить детей под влиянием религиозных старших родственников, 37 % – в силу традиции, 5 % – в силу уверенности, что крещенному ребенку жить легче, чем некрещенному («чтобы ребенок лучше спал, чтобы не болел») и 10,5 % – из-за желания устроить в семье праздник¹¹¹.

Насколько можно полагаться на результаты такого рода исследований? Несомненно, будучи проводимы сотрудниками кафедр истории и теории атеизма, они не могли быть

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 109.

вполне независимыми с идейной точки зрения. Да и молодым родителям – советским людям, привыкшим к самоцензуре – проще было переложить ответственность за крещение на старших или связать ее с устоявшимся порядком. Вероятно, в действительности религиозность родителей должна была играть несколько большую роль, чем это показано. В остальном же данные советских исследователей выглядят довольно правдоподобными: сохранение религиозного уклада всегда было уделом прежде всего старшего поколения, а сам акт крещения осмысливался (и продолжает осмысливаться) не только как религиозное действие, но и как культурный акт, важная для поддержания идентичности традиция.

Какими могли быть нерелигиозные и не связанные с уважением к традиции мотивы крещения детей, периодически скрывавшиеся формулировкой «другие побуждения»? Вероятно, кто-то мог выразить таким образом протест против советской идеологии, кто-то видел в этом освоение нового культурного пространства. Последний мотив стал проявляться в позднесоветский период в среде молодежи, выросшей в безрелигиозных семьях. Так, исследовавший конфессиональную жизнь г. Днепропетровска С. Жук отмечает, что интерес местной молодежи (особенно увлеченной роком) к таинству крещения, как и христианству в целом, в 1970-е гг. оказался простимулирован появлением оперы «Иисус Христос Суперзвезда», вышедшей в 1972 г. и, несмотря на препоны со стороны власти, быстро завоевавшей огромную популярность [Жук, 2012, с. 369–370]. Пример выглядит экзотично, но не так уж удивительно, учитывая, что СССР часто оказывался страной, где практически совмещалось теоретически несовместимое.

Заключение

Рассмотренные выше факты свидетельствуют, что на протяжении послевоенных десятилетий обряд православного крещения оставался нормой для большей части граждан в традиционно-православных регионах СССР, а усилия, направленные на превращение его в социальную аномалию не только в теории, но и на практике, оказывались безуспешными. Советская статистика стремилась показать неуклонное снижение количества совершаемых в стране крещений, что стало особенно заметно в годы хрущевской антирелигиозной кампании, однако недостоверность статистических данных признавалась даже теми, кто их формировал. Эту недостоверность определяли, с одной стороны, попытки приуменьшить декларируемую долю крещенных граждан за счет учета крещений исключительно новорожденных, а с другой стороны – большое количество тайных (домашних) обрядов, не регистрировавшихся официально. Результаты периодически проводившихся на местах локальных обследований, как правило, шли вразрез со статистикой на макроуровне, выявляя массовое стремление к символическому приобщению к христианству.

К практике православного крещения оставались приобщены представители всех основных социальных категорий советских граждан, при этом наиболее открыто участвовали в ней рабочие, колхозники, работники торговли, домохозяйки, пенсионеры – то есть те, над кем идеологический пресс довлел в меньшей степени. Согласно данным советских исследователей, чаще всего крещения детей совершались по настоянию старших членов семей (особенно бабушек), а также в силу уважения родителей к многовековой традиции. Религиозность молодых родителей в иерархии открыто признававшихся мотивов крещения располагалась на третьем месте. При этом религиозность как таковая в принципе оставалась основой совершения обряда, поскольку настойчивость «бабушек» обычно определяла именно она.

Список литературы

Апанасенок А.В., Бубнов А.Ю. 2021. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. Вопросы истории. 12 (3): 204–214.

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027 – Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.
- Жук С. 2012. Религиозные практики, повседневная религиозность и западная массовая культура в закрытом городе Днепропетровске в послесталинское время (1960–1984). Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 3–4 (30): 349–379.
- Каиль М.В. 2021. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов. Новый исторический вестник. 3 (69): 74–86.
- Климова С.М., Молостова Е.С. 2013. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60-е – 80-е гг. XX века). Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 8 (151): 86–96.
- Кобецкий В.Д. 1969. Обряд крещения как проявление религиозности. Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М., МГУ: 161–173.
- Кобецкий В.Д. 1973. Исследование динамики религиозности населения в СССР. Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Ленинград, Наука: 116–130.
- Лебина Н.Б. 2015. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., Новое литературное обозрение. 483 с.
- Одинцов М.И. 2002. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., ЦИНО. 310 с.
- Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тезисы. 1993. М., б. и. 272 с.
- Попова К.Ю. 2015. Религиозная обрядность православного населения Южного Урала в 1960 – 1980-е гг. Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2 (4): 380–388.
- Поспеловский Д.В. 1995. Русская Православная церковь в XX веке. М., Республика. 511 с.
- Серебряков Ю.Г. 1972. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары, ЧКИ. 39 с.
- Сухов А.Д. 1973. Религия как общественный феномен. М., Мысль. 144 с.
- Худяков С.Н. 1951. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев. 32 с.
- Шкаровский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече. 478 с.
- Шлихта Н.В. 2012. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е – 1960-е гг.). Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 3–4 (30): 380–407.
- Naumescu V. 2008. Modes of Religiosity in Eastern Christianity: Religious Processes and Social Change in Ukraine. Berlin: Lit Verlag. 255 p.
- Peris D. 1998. Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press. 237 p.
- Stone A. 2008. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. Russian Review. 2: 296–320.

References

- Apanasenok A.V., Bubnov A.Yu. 2021. Pravoslavnye praktiki v strukture povsednevnoj zhizni grazhdan SSSR 1940-h – 1950-h gg. [Orthodox Practices in the structure of everyday life of the USSR citizens in 1940s – 1950s]. Voprosy istorii. 12 (3): 204–214 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991 – Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR [Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR] (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO) [State Archive of the Kursk Region] F. 5027 – Upolnomochennyj Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete Ministrov SSSR [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR] (in Russian).
- Zhuk S. 2012. Religioznye praktiki, povsednevnyaya religioznost' i zapadnaya massovaya kul'tura v zakrytom gorode Dnepropetrovske v poslestalinskoe vremya (1960–1984) [Religious practices, everyday religiosity and Western mass culture in the closed city of Dnepropetrovsk in the post-Stalin

- period (1960–1984)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4 (30): 349–379 (in Russian).
- Kail' M.V. 2021. *Pravoslavie v Rossii 1914–1964 godov: opyt izucheniya i obshchestvennaya pamyat' v diskurse repressij i poiske al'ternativnyh poznavatel'nyh podhodov* [Orthodoxy in Russia 1914–1964: the Experience of Studying and Public Memory in the Discourse of Repression and the Search for Alternative Cognitive approaches]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 3 (69): 74–86 (in Russian).
- Klimova S.M., Molostova E.S. 2013. *Nauchnyj ateizm v poiskah metodologii izucheniya religioznosti sovetskogo cheloveka (60-e – 80-e gg. XX veka)* [Scientific Atheism in search of a Methodology for studying the Religiosity of the Soviet Man (60s – 80s of the XX century)] *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 8 (151): 86–96 (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1969. *Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti* [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sociologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya*. M., MGU: 161–173 (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1973. *Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR* [Study of the dynamics of religiosity of the population in the USSR]. *Ateizm. Religiya. Sovremennost'*. Vyp. 1. Leningrad, Nauka: 116–130 (in Russian).
- Lebina N.B. 2015/ *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu* [Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to the Grand Style]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*. 483 p. (in Russian).
- Odincov M.I. 2002. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. M., CINO. 310 p. (in Russian).
- Partii, dvizheniya, soyuzy Rossii s religioznymi prioritetami. Dokumenty i teziy*. 1993 [Parties, movements, unions of Russia with religious priorities. Documents and abstracts]. M., b. i. 272 p. (in Russian).
- Popova K.Y. 2015. *Religioznaya obryadnost' pravoslavnogo naseleniya YUzhnogo Urala v 1960 – 1980-e gg.* [Religious rites of the Orthodox population of the Southern Urals in the 1960s – 1980s]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*. 2(4): 380–388 (in Russian).
- Pospelovskij D.V. 1995. *Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M., Respublika. 511 p. (in Russian).
- Serebryakov Y.G. 1972. *Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy* [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. *Cheboksary, CHKI*. 39 p. (in Russian).
- Suhov A.D. 1973. *Religiya kak obshchestvennyj fenomen* [Religion as a social phenomenon]. M., *Mysl'*. 144 p. (in Russian).
- Hudyakov S.N. 1951. *O preodolenii religioznyh predrassudkov* [About overcoming religious prejudices]. *Kishinev*. 32 p. (in Russian).
- Shkarovskij M.V., 2010. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M., *Veche*. 478 p. (in Russian).
- Shlihta N.V. 2012. «*От традиции к современности*»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах СССР, 1950-е – 1960-е гг.) [«From Tradition to Modernity»: Orthodox Rites and celebrations in the conditions of anti-religious struggle (based on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s – 1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4 (30): 380–407 (in Russian).
- Naumescu V. 2008. *Modes of Religiosity in Eastern Christianity: Religious Processes and Social Change in Ukraine*. Berlin: Lit Verlag. 255 p.
- Peris D. 1998. *Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Cornell University Press. 237 p.
- Stone A. 2008. «*Overcoming Peasant Backwardness*»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.05.2022
Поступила после рецензирования 20.05.2022
Принята к публикации 20.05.2022

Received 07.05.2022
Revised 20.05.2022
Accepted 20.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Россия

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Docent, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0003-4650-3730](https://orcid.org/0000-0003-4650-3730)

Пудякова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Россия

Irina S. Pudyakova, Candidate of Geographical Sciences, Associated Professor of Humanities department, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0002-8794-8958](https://orcid.org/0000-0002-8794-8958)

УДК 392/908

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-425-432

Оригинальное исследование

«Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х гг.

Пушкарева Н.Л. , **Жидченко А.В.**

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: pushkarev@mail.ru; travel822@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой работе исследованы некоторые аспекты женской памяти о повседневном быте в советском социалистическом городе в 1950-е гг. Работа основана на материалах устной истории, истории повседневности, гендерной экспертизы социальных явлений и теории исторической памяти. Основной вывод – о том, что социальная память горожанок трансформировала городскую повседневность в альтернативное историческое пространство, – доказывается сопоставлением опубликованных документов и материалов устной истории в историческом контексте. В этом преломлении неустроенность быта, связанная в том числе с формированием городской среды, необходимой социальной инфраструктуры, ряд теряемых этнокультурных традиций и реалии советской экономической модели этапа послевоенной индустриализации стали в 2020-е годы частью ностальгии по советскому прошлому. Именно в таком виде эта ностальгия по советскому трансформировалась в переломные эпохи современной российской истории и в связи со сменой парадигмы.

Ключевые слова: бытовые практики, повседневность, гендерная антропология, город 1950-х, советская история, женская память

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. 2022. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 425–432. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-425-432

«Everything was given with great difficulty and in any weather»: women's memory of everyday disorder in the post-war new Soviet city of the 1950s

Natalya L. Pushkareva , **Alexander V. Zhidchenko**

Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay RAS,
32a Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia,
E-mail: pushkarev@mail.ru; travel822@yandex.ru

Abstract. The proposed work explores some aspects of women's memory of everyday life in a Soviet socialist city in the 1950s. The work is based on the materials of oral history, the history of everyday life, gender expertise of social phenomena and the theory of historical memory. The main conclusion - that the social memory of the townspeople transformed urban everyday life into an alternative historical space - is proved by comparing published documents and oral history materials in a historical context. In this refraction, the disorder of life, associated, among other things, with the formation of the urban environment, the necessary social infrastructure, a number of lost ethno-cultural traditions and the realities of the Soviet economic model of the post-war industrialization stage became part of nostalgia for

the Soviet past in the 2020s. It was in this form that this nostalgia for the Soviet was transformed in the turning points of modern Russian history and in connection with the paradigm shift.

Keywords: household practices, everyday life, gender anthropology, the city of the 1950s, Soviet history, women's memory

For citation: Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. 2022. «Everything was given with great difficulty and in any weather»: women's memory of everyday disorder in the post-war new Soviet city of the 1950s. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 425–432 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-425-432

Введение

Женская автобиографическая память – особый социальный нарратив, воплощающий новый, дополненный способ «обретения прошлого», нового исторического измерения бытия с учетом гендерных характеристик меморизации, запечатлевания наиболее важных событий. Интерес к женской истории, к женской версии придания значимости социальному опыту, его фиксации и закреплению в структуре символического миропорядка – явление последней половины века, породившее женскую историю и гендерную антропологию. Именно используя подходы и принципы этих новых направлений в рамках традиционных дисциплин мы и предлагаем проанализировать женские нарративы о сравнительно недавнем прошлом, «пережитые истории», отобразившие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий (в данном конкретном случае – в одном из некрупных, нестоличных городов второго послевоенного десятилетия). Данное исследование – часть продолжающегося проекта, поддержанного Российским научным фондом¹¹²: мы ставим задачей восстановить прерванную связь времен, выявить истоки социального оптимизма, которым была пропитана не только идеология и пресса после Великой Победы в 1945 г., но и «дух времени», содержание повседневной жизни поколения наших родителей и прародителей. Преемственность поколений неопределима для формирования национальной идентичности, ее изучение чрезвычайно важно сегодня, когда вновь востребован потенциал исторической памяти и укрепления культурной идентичности, в особенности в различных поликультурных центрах, которых в нашей многонациональной стране всегда было немало, а в советское время число их стремительно росло за счет прибывающей со всей страны рабочей силы в случае возникновения крупных, градообразующих предприятий.

Первая, довоенная волна индустриализации в СССР породила первые моногорода [Ильина, 2013], в которых практически все население или большая его часть работала на каком-то важном для всей страны промышленном комплексе [Меерович, 2014]. Во имя решения вопроса о рабочей силе вокруг вновь созданных производств закладывали города – тогда и возник термин «градообразующее предприятие».

Вторая, послевоенная волна индустриализации и строительства новых городов рядом с крупными предприятиями был открыта хрущевской оттепелью; многие из возникших тогда новых городов сразу же становились поликультурными центрами, и в данной работе внимание будет уделено одному из них – городу Салавату Башкирской АССР, получившему название по имени башкирского поэта Салавата Юлаева, участника Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. Очевидно, что в этот город прибывали рабочие разных национальностей, и не только мужчины, но и женщины. К их памяти о повседневном мы и предлагаем обратиться, вычленив из многочисленных неструктурированных биографических интервью, в том числе и телефонных, одну из очень близ-

¹¹² Грант РФФ N 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

ких для всех женщин, но маргинальную для обычных исследований городской истории советского времени тему бытовых (главным образом, телесно-гигиенических и родильных) практик в повседневной жизни этих нестоличных горожанок в 1950–60-е гг. Наше исследование междисциплинарно и основано на приемах работы с устными эгодокументами (рассказами) гендерной антропологии, рассматривающей женщин как основных информантов и требующей инсайдинга и эмпатии в записи рассказов [Пушкарева, 2019], использует также теорию исторической памяти и теории городского культурно-исторического пространства [Рыженко, 2010, с. 9–19].

Объект и методы исследования

Объект исследования в предлагаемой работе – женское население нового советского послевоенного города, построенного в 1950-е гг. Предмет исследования – женская память о повседневной жизни и быте в новом городе, созданном на этапе послевоенной индустриализации в СССР.

Предлагаемое междисциплинарное исследование выполнено на основе фундаментальных методов исторической науки (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный), а также с применением современных подходов, характерных для антропологического поворота в гуманитарном знании (гендерный подход, история повседневности, новая локальная история, устная история и др.).

Результаты и их обсуждение

Салават: история города в контексте официального нарратива и в воспоминаниях первопоселенек

Создание нефтехимического комплекса за Уралом восходит к началу 1930-х гг., когда в составе Главного Управления нефтяной промышленности трест «Востокнефть» развернул поисково-разведочные работы на Западно-Сибирской низменности. Но освоение разведанной территории началось уже после войны, когда нефтяная промышленность стала одной из приоритетных отраслей, определивших и строительный бум в Башкирской АССР. Именно эта вторая волна советской индустриализации и превратила маленький рабочий поселок Ишимбай, возникший в 1934 г., в городское поселение. Строительство на его территории комбината было поручено тресту «Ишимбайгазстрой», и летом 1948 года из ставропольских, саратовских, горьковских и других вузов страны сюда прибыли 30 молодых специалистов, а за ними – 600 строителей, расселившихся в ближайших деревнях [Киреев, 1998, с. 7]. Одному из поселений этих новоприбывших, маленькому рабочему поселку в «большой пустынной башкирской степи»¹¹³ было дано имя «Новостройка» [Мангушев, Поляков, Уткин, 1985, с. 17].

Среди выпускников строительных институтов и рабочих, прибывших на стройку, было немало тех, кто вырос на селе, им было легче адаптироваться к новым условиям, но и для них жизнь в палатках, дощатых бараках, отсутствие даже печного отопления были испытанием. «В невероятно сложных условиях осени 1948 года, когда ранние холода опустили столбик термометра за отметку 30 градусов, а ветер накидывался на плохо одетых людей, электромонтажники долбили в обледеневшей земле ямы, поднимали опоры, тянули обжигающие холодом провода»¹¹⁴.

¹¹³ Косарина Н.А. Воспоминания. Воспоминания первостроителей Салавата. URL: <https://salav2.jimdofree.com/история-строительства-салавата-1/список-первостроителей-салавата/воспоминания-первостроителей/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹⁴ Кустандинчев В.А. Биографии первостроителей Салавата. Воспоминания первостроителей Салавата. URL: <https://salav2.jimdofree.com/история-строительства-салавата-1/список-первостроителей-салавата/биографии-первостроителей-салавата/> (дата обращения: 01.04.2022).

Именно 1948 год считается годом рождения нового города, который начинали строить практически исключительно мужчины разных национальностей. Помимо постоянно проживавших в этих землях русских, башкир и татар, описанных еще в 1905 г. представителем фирмы бакинских нефтепромышленников братьев Нобелей геологом Андерсеном [Акбердин, 2010], в 1948 г. тут появились украинцы, белорусы, азербайджанцы, кабардинцы и балкарцы, грузины, марийцы, удмурты, казахи. Не сразу, но вместе со строительством комбината и жилья для рабочих сюда стали приезжать с семьями, особенно без детей (просто парами). «117 палаток первопроходцев, как сейчас принято говорить. Даже баня была в палатке! А зимние метели и сугробы высотой в 3 метра! И за хлебом в соседний Ишимбай ездили с прицепом на тракторах и бульдозерах. В нашем маленьком магазинчике, кроме хлеба и крабовых консервов, не было ничего. Мясо, картошку, молоко покупали на привозном колхозном рынке. Моя семья получила квартиру в финском сборном поселке из 2-х улочек. Отопление было печное. Много было тогда в нашем кругу строителей, инженеров»¹¹⁵.

На женщин ложилась обязанность «облагородить» домашний быт в тех непростых условиях, когда «более всего приходилось работать на мужской работе», в частности, салаватчанка рассказала, что работа ее в начале 50-х была «в технадзоре по прокладке инженерных коммуникаций, проверять качество изоляции, покрытия, глубину залегания и чистоту дна траншей... Все давалось большим трудом и при любой погоде». А дома ждали обычные обязанности: «Никаких детских садов не строилось, а работать надо сразу же. Поэтому приехали на помощь родители мужа, становилось легче, собирали ягоды на отрогах южного Предуралья...»

Именно женщины организовывали хозяйства в том временном жилище, в котором они останавливались, привнося в дом элементы социокультурных традиций и ритм организации повседневной жизни, унаследованной от того локуса, где они выросли и прожили большую часть жизни. Повседневные дела, одежда, кухня, праздники – все это находило проявление в женской повседневности нового города, которая при наличии тренда на сглаживание этнокультурных особенностей все же сильно зависела от того, к какому этносу принадлежала семья. 12 июня 1954 года Указом Президиума ВС РСФСР «молодой степной поселок» Новостройка был преобразован в город Салават. В 1959 г. в нем проживало уже более 60 тысяч человек (женщин, как и везде по стране после войны, было немного больше: 29 345 мужчин и 31 322 женщины)¹¹⁶. К 1965 году в нем проживало уже около 85 тысяч жителей (при сохранении гендерного дисбаланса)¹¹⁷.

В 1952 году, когда вышел первый номер газеты «Сталинская новостройка», приехавшие смогли узнать о планах строительства на 1952 год: 97 каменных двух- и трехэтажных домов на 1 060 квартир, 66 деревянных одно- и двухэтажных домов на 1 850 комнат, 50 сборных домов на 1–2 квартиры, кинотеатра, школы ФЗО, ремесленного училища, 2 столовых, 2 детских садов и 2 яслей, больничного городка, 5 магазинов и колхозного рынка. «На базаре продавали в основном продукты, цветы, домашних животных. Продажа товаров считалась спекуляцией»¹¹⁸.

В том же году началось строительство дворца культуры, Дома Советов, гостиницы, стадиона, парка культуры и отдыха [Киреев, 1998, с. 13]. Новый город строился ударными темпами. Не прошло и пяти лет, как в городе выросли улицы Первая, Пушкина, Гафури,

¹¹⁵ Косарина Н.А. Воспоминания. Воспоминания первостроителей Салавата. URL: <https://salav2.jimdofree.com/история-строительства-салавата-1/список-первостроителей-салавата/воспоминания-первостроителей/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Демоскоп-weekly. 19 апреля – 2 мая 2022. 941–942. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹⁷ Народная энциклопедия «Мой город». Салават. Архивировано 9 октября 2013 года. URL: http://www.mojgorod.ru/r_bashkortst/salavat/index.html (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹⁸ Рынки в Салавате. Салават. URL: <https://salav2.jimdofree.com/> (дата обращения: 01.04.2022).

Ленина, Мира... «Богатейшие запасы башкирской нефти сделали рабочий поселок жемчиной большой химии Южного Урала» [Киреев, 1998, с. 15]. Любопытно, что свой вклад в современный облик города внесла женщина-градостроитель – Г.Р. Вахутинская, бывшая главным архитектором Салавата до 1963 г. и внесшая немало нужных корректив в первый генплан застройки [Переверзева Е., 1999].

Семьи разных национальностей с разными чувствами переживали превращение из деревенских жителей в горожан, хотя, конечно, новые бытовые удобства не могли не радовать всех. «Многим предлагали квартиры в городе, но люди отказывались: в своём доме можно держать в сарае пшеницу и муку пудами, а в магазине тебе продадут только килограммами, и люди оставались в деревнях. Но торопили старшие братья, женились и приходилось освобождать дом, ехать в квартиру»¹¹⁹.

Поначалу эти квартиры давали в деревянных бараках. «В комнате, где мы жили, матрас соломенный был, нищета полная, это был 1951-й год...»¹²⁰. Бараки сравнительно быстро сменили двух-, трёхэтажные дома, первая 5-этажка была построена в 1961 г., однако примечательно, что в полутора тысячах километров от Москвы и в далёкой дали от границ страны дома строили с бомбоубежищами. «Двухэтажные дома строились с толстыми стенами, подвалами с массивными железными дверями и выходами в разные стороны в случае завала дома. В каждом квартале было бомбоубежище с надписями, куда бежать. Во время Карибского кризиса учили отключать свет в квартирах, чтобы самолётам не был виден город»; «Мы с детьми бродили в тех подвалах, я помню там хранились какие-то продукты и больше всего меня удивили стеклянные бутылки из-под молока»¹²¹.

Женские бытовые практики в воспоминаниях жителей Салавата 1950–1960-х гг.

При всей близости русских, башкирских и татарских сел в районе строительства химического завода в Салавате (ныне – Газпромнефтехим) бытовые, а особенно гигиенические практики в семьях, если судить по воспоминаниям, были несколько отличными.

«Жил в деревне Алагват. Мы были татары. Когда меня мама посылала в русскую деревню к тёте Даше, [то] она засучивала рукава, спускалась в погреб и лезла за квашеной капустой в большую бочку. Капуста была порублена на три или четыре части. Доставала оттуда, прямо не вымыв руки, для меня как татарина все это было непривычно»¹²².

Татары издревле соседствовали с русскими в этой части Южно-Башкирской полицентрической агломерации, а начиная с 1948 г. сюда «ежегодно приезжало порядка 4–5 тысяч человек. Со всего бывшего Советского Союза, жили в Ишимбае и в прилегающих к новостройке деревнях» [Город Салават, 1998, с. 14]. Быт был для женщин нестерпимо тяжёлым: «работала на промысле мастером, это была мужская тяжёлая работа. Я заболела, у меня отнялись руки, а потом ноги, не работала, не училась»¹²³. Новая удобная инфраструктура возникала не сразу, транспорта вообще никакого не было: «муж на велосипеде меня привез домой после свадьбы, на велосипеде и в роддом меня отвозил»¹²⁴ [Замесина]. В этих воспоминаниях о молодости много картинок бытовой неустроенности:

«В первое время наш дом был как выселки. Утопал в окружающей грязи и вокруг ни одного строения»¹²⁵. «Одна комната в бараке – все очень просто. Кровать, стол. Печка за-

¹¹⁹ Разимкулов Митхад Гайфулович, 1941 г. р. Архив авторов. Запись 02.10.2014, Салават.

¹²⁰ Абрамова Пелагея Михайловна, 1932 г. р. Авторский архив. Запись 17.02.2011, Ишимбай.

¹²¹ Кондарьева (Кульбицкая) Светлана. Рассказы о Салавате. URL: <https://salav2.jimdofree.com/одноклассники-о-салавате/>

¹²² Разимкулов Митхад Гайфулович, 1941 г. р. Архив авторов. Запись 02.10.2014, Салават.

¹²³ Абрамова Пелагея Михайловна, 1932 г. р. Авторский архив. Запись 17.02.2011, Ишимбай.

¹²⁴ Замесина Анна Александровна, 1934 г. р. Авторский архив. Запись 19.11.2019, Москва.

¹²⁵ Губачева Светлана, 1947 г. р. Воспоминания о городе. URL: <https://salav2.jimdofree.com/одноклассники-о-салавате/>

нимала полкомнаты. Форсунка, сверху плита. Кружок вытаскиваешь на пламя и ставишь чайник сверху. Если простыл, можешь на этот кружок сесть посидеть погреться...»¹²⁶.

Ни о каких детских учреждениях – домах пионеров, даже школьных кружках – не приходилось мечтать, дети были предоставлены сами себе, пока матери работали.

«Мы жили в 2-х этажном доме с деревянной лестницей в единственном подъезде, где мы зимой собирались и играли в ”театр“, а во дворе в сугробах рыли ”домики“». Улицы были полны молодыми лицами, «весело было, танцевали много, ходили кучками», рассказала прибывшая сюда в 1952 г. салаватчанка. «Жили в двух комнатах три хозяина, я с дочкой и другие... холостые... На лыжах ходили, в лес ходили, на рыбалку, за грибами... Трое детей у меня, семья внуков, трое правнуков, работала бухгалтером, всё пешком ходишь, далеко...»¹²⁷. «Мы выстраивались в очередь за билетами по 5 копеек, а внутри стояли дет. стульчики, и нам показывали кино. А еще я помню, что по кварталам ездил старьевщик на лошадке, а мы у него меняли на кости или старые тряпки (на килограммы) разные безделушки: гребешки, шарики, булавки»¹²⁸.

До конца 1950 года службы родовспоможения в самом Салавате не было. Всех беременных и родильниц обслуживал соседний Ишимбай. В конце 1950 г. появились первые 2 акушерские койки в бараке при Санитарном отделе Управления комбината. Сохранились имена первых акушеров и врачей, работавших там до февраля 1954 г. (Тюкаева А.А., Кнор И.Я., Головина Н.А, Николаева Н.Я. и др.). Спустя год появилось и отдельное гинекологическое отделение с 25 койками, но городской родильный дом был открыт в городе лишь в 1965 г. [Салават 1965, с. 11]. Все это время никакого просвещения женщин по линии ухода за женским телом, подготовки к материнству не было.

«Врач спрашивает про женские дела – через сколько дней, по сколько дней месячные, когда. А мама одинокая! Сколько аборт, сколько беременностей... И она обиделась на это, так как жила без мужа»¹²⁹.

Принятие родов там стало вестись по общему медицинскому протоколу, унифицировано. Что же касается не медицинского, а социально-бытового аспекта повседневности, связанной с рождением ребенка, то здесь на протяжении 1950–60-х гг. оставались сильными традиции, характерные для каждого этноса. Так, например, у живших на территории Башкирской АССР немцев, по поверью, в первые недели после родов и матери, и ребенку угрожала опасность, исходящая от злых сил. Поэтому мать с ребенком клали непременно в отдельной комнате, либо за перегородкой, и её с ребенком никто не должен был видеть; не выходила мать даже на прогулку. После истечения опасного периода (который мог длиться от 9 дней до 9 недель) и приглашения родственников и соседей затворничество заканчивалось [Смирнова, 2017]. Соблюдение этого правила сохранилось у многих немцев, проживавших в городских квартирах и после в 1960-х гг.

Заключение

Описание бытовых условий жизни семьдесят лет тому назад поколением, которое пережило войну и помнит появление новых советских городов в годы восстановления разрушенного войной хозяйства, – важная часть общей исторической памяти, которую незаслуженно маргинализировали, считали второстепенной, в сравнении с историей достижений и побед. Эти рассказы конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о счастье, по-особому преобразуют общезначимый событийный контент

¹²⁶ Замесина Анна Александровна, 1934 г. р. Авторский архив. Запись 19.11.2019, Москва.

¹²⁷ Афанасьева Людмила Игнатьевна. Рассказы о Салавате. URL: <https://salav2.jimdofree.com/рассказы-о-салавате-2/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹²⁸ Горячева Татьяна. Воспоминания о городе. URL: <https://salav2.jimdofree.com/одноклассники-о-салавате/>

¹²⁹ Салмина Любовь, 1944 г. р. Архив авторов. Запись 10.11.2016, Омск.

в элементы автобиографической и альтернативной социальной памяти, в которой значимо все позитивное. Собранный материал дает основу и для разработки методологических оснований гендерных исследований социальной памяти с использованием ключевых понятий истории повседневности (запечатлевание бытовых практик, гендерные особенности секвенцирования и фиксации увиденного, принципы генерализации свидетельств индивидуально запомненного) и методов реконструкции прошлого как истории, запечатленной глазами индивида определенного пола, в том числе истории, написанной с позиций женского опыта, применительно к новому предмету исследований – процессам запечатлевания, запоминания и фиксации женщинами разнообразных событий и фактов их жизней в контексте национальной истории.

Список литературы

- Акбердин Р. 2010. Отсюда зародился Ишимбай. Восход. Ишимбай, 29.10.2010 (№ 174–175).
Город 1998. Город Салават. Уфа, Слово. 214.
Ильина И.Н. 2013. Развитие моногородов России. Москва: Финансовый университет, 2013.
Киреев Н.М. 1998. Мы построили город в степи. Уфа, «Китап». 128.
Мангушев К.И., Поляков В.Н., Уткин Ю.В. 1985. Чудесный клад. М., Советская Россия. 136.
Меерович М.Г. 2014. Расселение СССР в начальный период индустриализации. Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета: 31–37.
Переверзева Е. 1999. Стала былью сказка. Выбор. 12.01.1999.
Пушкарева Н.Л. 2019. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка. Вестник РУДН. 2: 206–213.
Рыженко В.Г. 2010. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск, Изд-во Ом. Гос. Ун-та, 312.
Салават 1965. Салават: Города нашей республики. Уфа, Башкирское книжное издательство. 288.
Смирнова Т.Б. 2017. «Семейные обряды и обычаи немцев Западной Сибири». Омск. 144.

References

- Akberdin R. Otsyuda zarodilsya Ishimbaj [From here Ishimbay was born]. Voskhod. Ishimbaj, 29.10.2010 (№ 174–175) (in Russian).
Gorod 1998. Gorod Salavat [City of Salavat]. Ufa, Slovo. 214 (in Russian).
Il'ina I.N. 2013. Razvitie monogorodov Rossii [Development of single-industry towns in Russia]. Moskva: Finansovyy universitet.
Kireev N.M. 1998. My postroili gorod v stepi. Ufa, «Kitap», 128 (in Russian).
Mangushev K.I., Polyakov V.N., Utkin Yu.V. 1985. Chudesnyj klad [Miraculous treasure]. M., Sovetskaya Rossiya. 136 (in Russian).
Meerovich M.G. 2014. Rasselenie SSSR v nachal'nyj period industrializacii [Settlement of the USSR in the initial period of industrialization]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta: 31–37 (in Russian).
Pereverzeva E. 1999. Stala byl'yu skazka [A fairy tale has become a reality]. Vybor. 12.01.1999 (in Russian).
Pushkareva N.L. 2019. Osobennosti pamyati o zhenskom social'nom proshlom i trud istorika [Features of memory of women's social past and the work of a historian]. Vestnik RUDN. 2: 206–213 (in Russian).
Ryzhenko 2010. Ryzhenko V.G. Obrazy i simvol'y sovetskogo goroda v sovremennyh issledovatel'skih opytah: regional'nyj aspekt: monografiya [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: a regional aspect: a monograph]. Omsk, Izd-vo Om. Gos. Un-ta, 312 (in Russian).
Salavat 1965. Salavat: Goroda nashej respubliki [Salavat: Cities of our Republic]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 288 (in Russian).
Smirnova T.B. 2017. Semejnye obryady i obychai nemcev Zapadnoj Sibiri [Family rites and customs of the Germans of Western Siberia]. Omsk. 144 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.04.2022
Поступила после рецензирования 11.05.2022
Принята к публикации 11.05.2022

Received 21.04.2022
Revised 11.05.2022
Accepted 11.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра гендерных исследований. Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6295-3331](https://orcid.org/0000-0001-6295-3331)

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра гендерных исследований. Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2948-4008](https://orcid.org/0000-0002-2948-4008)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya L. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander V. Zhidchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Gender Studies. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК 94(47)+39(391.6)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-433-439

Оригинальное исследование

Женская память о гигиенических практиках 1950–1960-х гг. (на примере Сталинграда/Волгограда)

Богдашина И.В.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены сюжеты, касающиеся гигиены тела, а также гендерные черты данного направления. Именно женские эго-документы выступают одним из важнейших источников по истории конструирования телесности, которая в эпоху 1950–1960-х гг. складывалась не только из норм и предписаний, но и обстоятельств реального времени. Восстанавливающийся после Великой Отечественной войны город Сталинград/Волгоград лишь частично мог удовлетворить гигиенические потребности жительниц, которые были вынуждены прибегать к различным путям сохранения телесной чистоты. Уход за собственным телом превращался в значительную проблему в условиях нередкого отсутствия гигиенических удобств и личного пространства, которые сопровождали частные дома и коммунальные квартиры региона. Стремление власти исподволь регулировать частную жизнь нашло свое отражение не только на страницах специальных пособий, но и периодических изданий, где начинают появляться советы по гигиене тела. Однако бытовая инфраструктура нестоличного города не могла в полной мере удовлетворить потребностей большинства жительниц, в силу чего немногие из них имели возможности и желание соблюдать не только диктуемые, но и элементарные гигиенические нормы.

Ключевые слова: телесность, гигиена, устная история, 1950–1960-е гг., Сталинград/Волгоград

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-28-01428) «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

Для цитирования: Богдашина И.В. 2022. Женская память о гигиенических практиках 1950–1960-х гг. (на примере Сталинграда/Волгограда). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 433–439. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-433-439

Women's memory of hygiene practices in the 1950–1960s (on the example of Stalingrad/Volgograd)

Irina V. Bogdashina

Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay RAS,
32a Leninsky prospect, Moscow 119334, Russia
E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Abstract. The article reveals stories related to body hygiene, as well as gender features of this direction. It is women's ego-documents that are one of the most important sources on the history of the construction of corporality, which in the era of the 1950–1960s developed not only from norms and regulations, but also from real-time circumstances. The city of Stalingrad/Volgograd, which was recovering after the Great Patriotic War, could only partially satisfy the hygienic needs of the residents, who were forced to resort to various ways of maintaining bodily cleanliness. Taking care of one's own body became a significant problem in the often lack of hygiene facilities and personal space that accompanied private homes and communal apartments in the region. The desire of the authorities to gradually regulate private

life is reflected not only in the pages of special manuals, but also in periodicals, where advice on body hygiene is beginning to appear. However, the domestic infrastructure of a non-capital city could not fully satisfy the needs of the majority of residents, which is why few of them had the opportunity and desire to comply with not only dictated, but also elementary hygiene standards.

Keywords: physicality, hygiene, oral history, 1950–1960s, Stalingrad/Volgograd

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the RSF (project No 22-28-01428) «Women's history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the middle of the 20th century)».

For citation: Bogdashina I.V. 2022. Women's memory of hygiene practices in the 1950–1960s (on the example of Stalingrad/Volgograd). *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 433–439 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-433-439

Введение

Изучение женской идентичности невозможно без обращения к теме ухода за собой, что тесным образом было связано с заботой о здоровье. Именно в период «оттепели» идеологи впервые стали не только «замечать», но и влиять на частную жизнь людей, которая, однако, имела свои специфические черты в послевоенном Сталинграде/Волгограде. Важнейшую роль в поддержании телесной чистоты играло коммунально-бытовое устройство города – наличие и доступность общественных бань, а также холодного и горячего водоснабжения в квартирах и домах жителей. Стоит отметить, что поддержание телесной гигиены, в том числе ухоженного и красивого вида, являлось более значимой потребностью именно для женщин, нежели для мужчин. Однако важные и необходимые процедуры нередко нарушались все еще необустроенной коммунально-бытовой инфраструктурой региона.

В трудах отечественных ученых нечасто затрагивалась тема гигиенических практик советской эпохи, в особенности с учетом выявления гендерной составляющей. Можно обозначить лишь некоторые работы, в которых была изучена данная проблематика. Так, вопросам телесной гигиены и канонам красоты посвящены труды историков и культурологов О.Б. Вайнштейн, Н.Б. Лебиной, И.В. Виниченко, Т.А. Фетисовой и других [Вайнштейн, 1995; Гусарова, 2007; Лебина, 2007; Виниченко 2008; Фетисова, 2008; Чернявская, 2011; Лебина, 2013]. Некоторый интерес представляет работа американской исследовательницы Т. Старкс, которая исследовала пропагандистский дискурс о здоровье, гигиене и санитарии в эпоху Новой экономической политики [Starks, 2008]. Однако вышеуказанные исследования носят обобщающий характер и специально не рассматривали формирование представлений об уходе за телом в нестоличном советском городе 1950–1960-х гг.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является повседневная жизнь женской части населения города Сталинграда/Волгограда, связанная с осуществлением каждодневных телесно-гигиенических практик. Именно в женских воспоминаниях можно найти не только массу подробностей о бытовой повседневности, но и выявить те чувства и эмоции, которые испытывали женщины (надежда на благоприятное будущее, пути совладания с трудностями). Источниковую базу исследования составили дневниковые записи врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой (1920–2006), а также устные воспоминания жительниц города, собранные автором статьи. В работе был применен системно-функциональный подход, который позволил увидеть в женской повседневности нечто целостное, включающее в себя разные составляющие. С помощью типичного для гендерной антропологии метода эмпатии стало возможным услышать голоса самих участниц описываемых событий, оценить их взгляд на то, что их окружало, изучить различные виды гендерно-ориентированных и общих социальных практик в структурах повседневности.

Результаты и их обсуждение

Коммунально-бытовое устройство города и гигиенические практики его жителей

Именно в 1950-е гг. руководство региона начинает предпринимать серьезные меры в улучшении санитарно-бытового состояния города. Постановление Горкома от 30 октября 1953 г. «О состоянии банно-прачечного хозяйства города» положило начало не только восстановлению, но и массовым проверкам объектов банно-прачечного хозяйства¹³⁰. В налаживании личной гигиены граждан важную роль играла газификация города, однако в этом направлении имелись существенные недостатки (сорванные сроки, ненадлежащая установка оборудования)¹³¹.

В жизни врача Зинаиды Седельниковой гигиена тела занимала важное место. Женщина приехала в Сталинград в 1951 г., когда город еще продолжал свое восстановление, к тому же она помнила жизнь до разрушительной войны, и в частности инфраструктуру столичных городов. Имея возможность сравнивать, ей «приходилось видеть бани лучше в Москве и Тбилиси», в то время как «хваленая сталинградская баня на Сурской улице не так-то уж комфортабельна»¹³². Даже вновь отстроенные объекты зачастую не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Один из походов в общественную баню с чувством брезгливости и негодования в середине 1950-х гг. описала в своем дневнике женщина-врач: «Вечером еще имела силы сходить в баню. Какой кошмар в общих банях! Теснота, шум, грязь, масса лиц и тел! Душ не работал, а было жаль свои силы ехать завтра еще раз»¹³³. Ситуация мало изменилась и спустя 10 лет; во второй половине 1960-х гг. проверки санитарно-технического состояния банно-прачечного хозяйства выявляли существенные нарушения. Например, в одной из бань Кировского района города «генеральная уборка бани не проводится. В душевых по углам паутина, в раздевальнях за диванами полы грязные. В моечных на подоконниках разбросаны мочалки» – зачастую именно в таких условиях горожанки были вынуждены наводить телесную чистоту¹³⁴.

Практически все опрошенные нами респондентки отметили, что посещали общественные бани¹³⁵, причем даже если жилье было снабжено горячим водоснабжением. Дабы облегчить гигиенические практики, в частных домах горожане строили собственные бани, в квартирах устанавливали дровяные водонагреватели (титаны), с проведением газа – газовые колонки (которые приобрели широкое распространение лишь в 1960-е гг.), а в зимнее время года тайно пользовались горячей водой из отопительных батарей¹³⁶. Для осуществления комфорта жителям приходилось изобретать, искать разнообразные способы «добычи» воды. Традиционно воду грели на печи/плите, что вносило практику так называемого «подмывания в тазике/корыте», которое, естественно, не могло заменить полноценного купания¹³⁷. Однако не только с горячим, но и с холодным водоснабжением наблюдались трудности, в особенности в частных домах, на что указали жительницы города: «Воду носили с колонки, грели в больших кастрюлях и мылись в корытах»; «Дома воды не было, ходили за водой на колонку. Воду грели и в тазиках подмывались ежеднев-

¹³⁰ Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 21. Д. 40. Л. 6.

¹³¹ Там же. Л. 8–9.

¹³² Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 106 об.

¹³³ Там же. Д. 16. Л. 125.

¹³⁴ ГАВО. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.

¹³⁵ Полевые материалы автора (далее – ПМА): А.Д. 1943 г. р., М.П. 1933 г. р., Н.А. 1942 г. р., Г.Ю. 1951 г. р., Н.В. 1938 г. р., О.В. 1953 г. р., А.И. 1948 г. р., Т.А. 1954 г. р., Р.А. 1935 г. р., Л.М. 1958 г. р., Т.В. 1948 г. р., Е.В. 1944 г. р.

¹³⁶ Там же. Л.Г. 1954 г. р., Г.Ю. 1951 г. р., Н.В. 1938 г. р., Л.Д. 1948 г. р., Т.А. 1954 г. р., Л.М. 1958 г. р., Н.П. 1941 г. р., Т.Г. 1940 г. р., Т.М. 1950 г. р.

¹³⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 3 об; ПМА: Н.В. 1938 г. р., А.И. 1948 г. р., Л.Д. 1948 г. р., Н.П. 1956 г. р., Л.М. 1958 г. р.

но. Летом у нас был душ, бочка с водой стояла во дворе. Водопровод на улице провели только в конце 1960-х гг.»¹³⁸. Перебои с водой нередко наблюдались и в новых многоквартирных домах, в особенности на верхних этажах: «И свет был, и газ был, единственное, всегда были проблемы с водой, у нас этаж был пятый, и в летний период с водой было трудно, часто воды не было, и мы все время держали ванну воды». Потому, рассказывает женщина, «мы в баню ходили. Баню посещали раз в неделю, вся семья ходила, я с мамой, брат с папой, все потому, что не было горячей воды. Но даже когда воду горячую дали, мы все равно долгое время ходили в баню»¹³⁹. Живучесть «банной» практики объясняется не только образом жизни, который складывался годами и стал привычным, но и воспитанием, передававшимся от женщин старшего поколения.

Некоторые респондентки с чувством безразличия рассказывали о посещении общественных бань: «Ходили до какого-то времени в баню, но увидели вошь. Купались раз в неделю, в четверг, полностью купались и голову мыли»; «Народу было много. Очередь с первого на второй этаж. В выходные дни было очень много людей»; «Моя сестра посещала баню, принесла оттуда грибок»¹⁴⁰. Женщины более старшего поколения (бабушки наших респонденток) и вовсе считали посещение бани раз в неделю мероприятием обязательным, потому как «только в бане можно было основательно искупаться»¹⁴¹. Однако женщины верили и ждали, что рано или поздно улучшение бытовых условий наступит в их домах и квартирах. Горожанки использовали любую другую возможность искупаться наедине с собой, без посторонних тел и взглядов. Большой удачей считалось иметь знакомых с собственной ванной и горячей водой, где можно было с комфортом искупаться. О различных способах купания вспоминают и женщины: «Не было горячей воды, зимой иногда ходили в баню, а иногда к соседям ходили, они устроились в батарею, набирали горячую воду в ванную и купались»; «В доме брата был титан и смывной унитаз. Соседи некоторые ходили к ним купаться. На Дар-горе все ходили в одну единственную в окрестностях баню. Многие сами строили баню во дворе частного дома, вокруг были овраги и было куда сливать воду»; «В 1-м часу была дома, а лечь не могла, хотелось прежде принять душ, а в бане выходной день. Пошли с Д. к Евг. Алексеевне, у них газ и душ. После душа сразу чувствуешь себя бодрее. Когда же у нас будет в квартире душ и газ!»¹⁴².

Низкий уровень коммунально-бытового обслуживания населения был не единственным препятствием к осуществлению «банных процедур». Известные столичным горожанкам шампунь и приятно пахнущее туалетное мыло были зачастую недоступны жительницам провинциального региона. Респондентки рассказали о том, что пользовались хозяйственным¹⁴³, туалетным и детским¹⁴⁴ мылом. Большинство женщин отметили, что «шампуня не было», он стал доступен лишь во второй половине 1960-х гг.¹⁴⁵, а чтобы смягчить волосы от мытья сильным щелочным средством (хозяйственное мыло), прибегали к хитростям, промывая волосы различными растворами (из ромашки, лимонной кислоты, уксуса)¹⁴⁶. Тело очищали с помощью хозяйственного мыла, в то время как туалетным (с различными запахами) старались умывать только лицо; стоит отметить, что женщины более младшего возраста (рожденные в 1950-е гг.) вспоминают мытье только туалетным и дет-

¹³⁸ ПМА: А.И. 1948 г. р., Н.П. 1956 г. р.

¹³⁹ Там же. Л.Г. 1954 г. р.

¹⁴⁰ Там же. А.И. 1948 г. р., Н.П. 1956 г. р., О.В. 1953 г. р.

¹⁴¹ Там же. Г.Ю. 1951 г. р.

¹⁴² ПМА: Т.В. 1948 г. р., Н.П. 1956 г. р.; ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 17. Л. 107.

¹⁴³ ПМА: А.Д. 1943 г. р., Н.В. 1938 г. р., О.В. 1953 г. р., Л.В. 1936 г. р., Р.А. 1935 г. р., Н.Е. 1945 г. р., Н.Ф. 1933 г. р.

¹⁴⁴ Там же. И.В. 1937 г. р., Н.П. 1956 г. р., Л.В. 1956 г. р.

¹⁴⁵ Там же. А.Д. 1943 г. р., И.В. 1937 г. р., Н.А. 1942 г. р., Н.П. 1941 г. р., Н.В. 1938 г. р., Т.А. 1954 г. р., Л.В. 1936 г. р., Р.А. 1935 г. р., М.П. 1933 г. р., О.В. 1953 г. р., Л.Г. 1954 г. р., А.И. 1948 г. р., Т.Г. 1940 г. р.

¹⁴⁶ Там же. Т.М. 1950 г. р., А.И. 1948 г. р., Р.А. 1935 г. р., Е.В. 1944 г. р., Н.А. 1942 г. р.

ским мылом¹⁴⁷. Гигиенические практики и сама культура мытья складывалась в зависимости от бытовых условий. Если в доме отсутствовала горячая вода (что было не редкостью), основательно искупаться можно было только в общественной бане. Гигиенические процедуры не всегда были ежедневными, что обуславливалось не только отсутствием должных условий, но и гигиенической культурой, сложившимися привычками. Об отношении к гигиене в своей семье рассказала одна из респонденток, которая в 1960-е гг. проживала в многоквартирном доме в самом центре города: «Так, чтобы каждый день купаться, – такого не было, это пришло со временем. Может, раза два в неделю мы основательно купались. Не приучены мы были, мама у меня из деревни, не приучены были купаться часто, хотя в квартире все было»¹⁴⁸. Стоит предположить, что данная семья не являлась исключением из правил.

Практики соблюдения *женской гигиены* также подвергались различным испытаниям. Данный вопрос нередко превращался для горожанок (в особенности для девушек) в один из важнейших, тем более когда проживать приходилось в бараке или в коммунальной квартире. Лишь немногие женщины согласились рассказать о том, как ухаживали за телом в непростое для них время: «Я помню, что мама мне не очень помогла в этом деле, помню, подкладывала всякую ерунду, когда это все началось. Потом уж мама марлю стала покупать, у меня начались месячные в 14 лет»; «Мне было 12–13 лет, я в пятом классе была. Я маме рассказала, она меня привела в ванну и дала мне марлю. Это были только старые простыни и марля, и это все стиралось. Я всегда все делала сама, старалась, чтобы никого не было дома, чтобы никто не видел, это же интимное дело, чтобы и мама не видела»¹⁴⁹. Из рассказов респонденток можно сделать вывод о том, что данная тема являлась табуированной и факт наличия физиологических изменений в своем теле девушки старались тщательно скрывать. Нужную информацию нельзя было почерпнуть даже из женских журналов, в них говорилось лишь об общих правилах гигиены (уход за лицом, волосами) [Демьянович, 1955, с. 29; Тимофеева, 1955, с. 30; Поликарпова, 1957, с. 46; Ласс, 1960, с. 37; Поликарпова, 1960, с. 48; Маршак, 1961, с. 31; Поликарпова, 1961, с. 30–31; Тимофеева, 1961, с. 29]. Только в специализированных пособиях (которые нечасто можно было встретить как в общественных, так и домашних библиотеках) имелись ценные сведения о том, как осуществлять «специальный туалет», в том числе во время менструации [Домоводство, 1956, с. 11; Коробкевич, 1960, с. 30, 37–38; Гранат, 1965, с. 17]. Именно в таких сведениях нуждалось большинство девушек и женщин нестоличного города, которым приходилось искать ответы на непростые и сугубо личные вопросы у сверстниц или женщин более старшего поколения.

Заключение

Восстанавливающийся после войны город Сталинград/Волгоград лишь частично мог удовлетворить гигиенические потребности жительниц, которые прибегали к различным путям сохранения телесной чистоты. Уход за собственным телом превращался в значительную проблему в условиях нередкого отсутствия элементарных гигиенических удобств и личного пространства, которые все еще сопровождали частные дома и перенаселенные коммунальные квартиры региона. Именно женские эго-документы позволили с иной стороны представить повседневные женские гигиенические практики, наполненные лишениями и трудностями, волнениями и переживаниями. Горожанки были вынуждены не только приспособливаться к непростым бытовым условиям, но и стремиться выполнять диктуемые рекомендации, вырабатывая свои пути и методы осуществления повседневных практик по уходу за телом.

¹⁴⁷ Там же. Н.А. 1942 г. р., Н.П. 1941 г. р., Н.В. 1938 г. р., Т.М. 1950 г. р., Т.А. 1954 г. р., Е.В. 1944 г. р., Г.Ю. 1951 г. р., С.В. 1960 г. р., Л.Г. 1954 г. р., О.В. 1953 г. р.

¹⁴⁸ Там же. Е.В. 1944 г. р.

¹⁴⁹ Там же. Е.В. 1944 г. р., Л.Г. 1954 г. р.

Список литературы

- Вайнштейн О.Б. 1995. «Полные смотрят вниз»: Идеология женской телесности в контексте российской моды. Художественный журнал, 7: 49–53.
- Виниченко И.В. 2008. Механизмы трансляции моды в СССР в период «оттепели». Омский научный вестник, 6 (74): 50–53.
- Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 57.
- Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13, 16, 17, 25.
- Гранат Н.Е., Матвеева Е.Е. 1965. Девочка, девушка, женщина. М., Знание, 63 с.
- Гусарова К.О. 2007. «Я никогда не увлекалась косметикой»: советский опыт «искусственной» красоты. Неприкосновенный запас, 4 (54): 142–156.
- Демьянович М.П. 1955. Уход за волосами. Здоровье, 8: 29.
- Демезер А.А. 1956. Домоводство. М., Сельхозгиз, 246 с.
- Коробкевич О. 1960. Вам, девушки. М., Медгиз, 272 с.
- Ласс Д.И., Поликарпова М. 1959. Витаминные маски. Советская женщина, 7: 48.
- Лебина Н.Б. 2007. Шестидесятники: слово и тело (стилистика советской повседневности 1950–60-х гг.). Теория моды: одежда, тело, культура, 3: 325–348.
- Лебина Н. 2013. Секреты подмалеванной красоты. Родина, 4: 135–139.
- Маршак Я. 1961. Косметика для всех. Работница, 3: 31.
- Полевые материалы автора (ПМА), г. Волгоград, 2019–2021 гг. Информанты: М.П. 1933 г. р., Н.Ф. 1933 г. р., Р.А. 1935 г. р., Л.В. 1936 г. р., И.В. 1937 г. р., Н.В. 1938 г. р., Т.Г. 1940 г. р., Н.П. 1941 г. р., Н.А. 1942 г. р., А.Д. 1943 г. р., Е.В. 1944 г. р., Н.Е. 1945 г. р., Л.Д. 1948 г. р., Т.В. 1948 г. р., А.И. 1948 г. р., Т.М. 1950 г. р., Г.Ю. 1951 г. р., О.В. 1953 г. р., Л.Г. 1954 г. р., Т.А. 1954 г. р., Н.П. 1956 г. р., Л.В. 1956 г. р., Л.М. 1958 г. р., С.В. 1960 г. р.
- Поликарпова М. 1957. Для белизны лица. Советская женщина, 5: 46.
- Поликарпова М. 1960. Чтобы не было морщин. Советская женщина, 1: 37.
- Поликарпова М. 1961. Как удалить угри. Крестьянка, 2: 30–31.
- Тимофеева В.А. 1955. Уход за кожей лица зимой. Здоровье, 2: 30.
- Тимофеева В. 1961. Маски из трав и овощей. Советская женщина, 1: 29.
- Фетисова Т.А. 2008. Организм под надзором: тело в советском дискурсе о социальной гигиене (1920-е гг.). Культурология, 4 (47): 147–150.
- Фетисова Т.А. 2008. Шестидесятники: слово и тело (стилистика советской повседневности 1950–1960-х гг.). Культурология, 4 (47): 154–157.
- Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 21. Д. 40.
- Чернявская Ю.В. 2011. Динамика советской телесности. Человек, 6: 95–118.
- Starks T. The body soviet: propaganda, hygiene, and the revolutionary state. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2008. 313 p.

References

- Vajnshtejn O.B. 1995. «Polnye smotryat vniž»: Ideologiya zhenskoy telesnosti v kontekste rossijskoj mody [«Full Look Down»: The Ideology of Female Physicality in the Context of Russian Fashion]. Hudozhestvennyj zhurnal, 7: 49–53 (in Russian).
- Vinichenko I.V. 2008. Mekhanizmy translyacii mody v SSSR v period «ottepeli» [Mechanisms of fashion translation in the USSR during the «thaw»]. Omskij nauchnyj vestnik, 6 (74): 50–53 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti [GAVO]. F. R-6820. Op. 1. D. 57.
- Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti [GAVO]. F. R-6880. Op. 6. D. 13, 16, 17, 25.
- Granat N.E., Matveeva E.E. 1965. Devochka, devushka, zhenshchina [Girl, girl, woman]. Moscow, Publ. Znanie, 63 p. (in Russian).
- Gusarova K.O. 2007. «Ya nikogda ne uvlekalas' kosmetikoj»: sovetskij opyt «iskusstvennoj» krasoty [«I've never been into makeup»: The Soviet experience of «artificial» beauty]. Neprikosnovennyj zapas, 4 (54): 142–156 (in Russian).
- Dem'yanovich M.P. 1955. Uhod za volosami [Hair care]. Zdorov'e, 8: 29 (in Russian).
- Demezer A.A. 1956. Domovodstvo [Housekeeping]. Moscow, Publ. Sel'hozgiz, 246 p. (in Russian).
- Korobkevich O. 1960. Vam, devushki [To you, girls]. Moscow, Publ. Medgiz, 272 p. (in Russian).

- Lass D.I., Polikarpova M. 1959. Vitaminnye maski [Vitamin masks]. *Sovetskaya zhenshchina*, 7: 48 (in Russian).
- Lebina N.B. 2007. *Shestidesyatniki: slovo i telo (stilistika sovetskoj povsednevnosti 1950–60-h gg.)* [Sixties: word and body (stylistics of Soviet everyday life in the 1950–60s)]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*, 3: 325–348 (in Russian).
- Lebina N. 2013. *Sekrety podmalevannoj krasoty* [Secrets of underpainted beauty]. *Rodina*, 4: 135–139 (in Russian).
- Marshak Ya. 1961. *Kosmetika dlya vseh* [Cosmetics for everyone]. *Rabotnica*, 3: 31 (in Russian).
- Polevye materialy avtora (PMA), g. Volgograd, 2019–2021 gg. Informanty: M.P. 1933 g. r., N.F. 1933 g. r., R.A. 1935 g. r., L.V. 1936 g. r., I.V. 1937 g. r., N.V. 1938 g. r., T.G. 1940 g. r., N.P. 1941 g. r., N.A. 1942 g. r., A.D. 1943 g. r., E.V. 1944 g. r., N.E. 1945 g. r., L.D. 1948 g. r., T.V. 1948 g. r., A.I. 1948 g. r., T.M. 1950 g. r., G.Yu. 1951 g. r., O.V. 1953 g. r., L.G. 1954 g. r., T.A. 1954 g. r., N.P. 1956 g. r., L.V. 1956 g. r., L.M. 1958 g. r., S.V. 1960 g. r.
- Polikarpova M. 1957. *Dlya belizny lica* [For the whiteness of the face]. *Sovetskaya zhenshchina*, 5: 46 (in Russian).
- Polikarpova M. 1960. *Chtoby ne bylo morshchin* [To avoid wrinkles]. *Sovetskaya zhenshchina*, 1: 37 (in Russian).
- Polikarpova M. 1961. *Kak udalit' ugri* [How to remove blackheads]. *Krest'yanka*, 2: 30–31 (in Russian).
- Timofeeva V.A. 1955. *Uhod za kozhej lica zimoj* [Skin care in winter]. *Zdorov'e*, 2: 30 (in Russian).
- Timofeeva V. 1961. *Maski iz trav i ovoshchej* [Masks from herbs and vegetables]. *Sovetskaya zhenshchina*, 1: 29 (in Russian).
- Fetisova T.A. 2008. *Organizm pod nadzorom: telo v sovetskom diskurse o social'noj gigiene (1920-e gg.)* [Supervised Organism: The Body in Soviet Discourse on Social Hygiene (1920s)]. *Kul'turologiya*, 4 (47): 147–150 (in Russian).
- Fetisova T.A. 2008. *Shestidesyatniki: slovo i telo (stilistika sovetskoj povsednevnosti 1950–1960-h gg.)* [Sixties: word and body (stylistics of Soviet everyday life in the 1950s–1960s)]. *Kul'turologiya*, 4 (47): 154–157 (in Russian).
- Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti [CDNIVO]. F. 71. Op. 21. D. 40.
- Chernyavskaya Yu.V. 2011. *Dinamika sovetskoj telesnosti* [Dynamics of the Soviet corporality]. *Chelovek*, 6: 95–118 (in Russian).
- Starks T. *The body soviet: propaganda, hygiene, and the revolutionary state*. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2008. 313 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.04.2022

Received 21.04.2022

Поступила после рецензирования 11.05.2022

Revised 11.05.2022

Принята к публикации 11.05.2022

Accepted 11.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богдашина Ирина Владимировна, аспирантка Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

Irina V. Bogdashina, graduate student of the Center for gender studies, Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay RAS, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9908-2039](https://orcid.org/0000-0002-9908-2039)

УДК 94(47) «1959/1964»
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-440-449
Оригинальное исследование

Публичные речи Н.С. Хрущева конца 1950-х – начала 1960-х гг.: опыт источниковедческого анализа

Петрова Т.М.

Институт российской истории, Российская Академия наук,
Россия, 117292, г. Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19
E-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу речей Н.С. Хрущева, произнесенных в СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. На основании неопубликованных материалов о ходе подготовки публичных выступлений Хрущева из фонда 52 Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), писем и дневников автором предпринимается попытка выявить исследовательские возможности использования данного источника. Автор выделяет отдельные этапы подготовки речей, определяет круг участников данного процесса и непосредственную роль в нем советского лидера. В статье показано, что несмотря на создание речей пресс-группой, Хрущев лично принимал активное участие в их подготовке путем диктовки дополнений. В итоговых вариантах все они учитывались либо без исправлений, либо с минимальными стилистическими правками. В текстах выступлений присутствовали элементы «стиля Хрущева» (анекдоты, шутки, пословицы, рассказы из жизни), вносимые членами пресс-группы с молчаливого согласия лидера. Данные особенности делают публичные речи третьего советского лидера ценным источником для изучения политического режима в СССР периода «оттепели».

Ключевые слова: СССР, Н.С. Хрущев, политический режим, публичная речь, текстологический анализ, вербальная презентация

Для цитирования: Петрова Т.М. 2022. Публичные речи Н.С. Хрущева конца 1950-х – начала 1960-х гг.: опыт источниковедческого анализа. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 440–449. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-440-449

Public speeches by N.S. Khrushchev in the late 1950s – early 1960s: the experience of source analysis

Tatiana M. Petrova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
19 D. Ulyanova St., Moscow 117292, Russia
E-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru

Abstract. The paper considers to the source analyses of N.S. Khrushchev's public speeches in USSR in the mid 1950-s and early 1960-s. Referring to the analysis of the unpublished archival documents (F. 52, Russian State Archive of Contemporary History), letters and diaries, the author attempts to identify the research possibilities of using this source. Author identifies individual stages of Khrushchev's speeches, determines the circle of participants in this process and the direct role of the Soviet leader in it. At all official events, Khrushchev made prepared speeches, which were published in the press and on the basis of which Soviet citizens evaluated the event in general and the head of the USSR in particular. Despite the creation of speeches by the press group, Khrushchev personally took an active part in their preparation by dictating additions. In the final versions all additions were taken into account without corrections. The texts of the speeches contained elements of «Khrushchev's style» (anecdotes, jokes, proverbs, stories

from life), introduced by members of the press group with the tacit consent of the leader. The author shows the presence in Khrushchev's speeches of both traditional features for such sources and innovations. These features make the public speeches of the third Soviet leader a valuable source for studying the Soviet political regime during the «thaw».

Keywords: USSR, N.S. Khrushchev, political regime, public speech, textological analyses, verbal presentation

For citation: Petrova T.M. 2022. Public speeches by N.S. Khrushchev in the late 1950s – early 1960s: the experience of source analysis. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 440–449 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-440-449

Введение

В середине прошлого века в СССР распространился следующий анекдот: «Возможно ли в газету завернуть слона? – Да, если в ней напечатана речь Хрущева» [Мельниченко, 2014, с. 253; Васькин, 2018, с. 580]. В данной шутке высмеивалась продолжительность речей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева, которые с конца 1950-х гг. стали неотъемлемой частью центральных газет.

В отличие от И.В. Сталина, Хрущев говорил на публику много и часто. Однако если в отношении Сталина существуют исследования особенностей его публицистики [Вайскопф, 2020], то работы, посвященные источниковедческому анализу речей Хрущева, отсутствуют. Специалистов гораздо больше интересовали и продолжают интересоваться проблемы личности третьего советского лидера и ее влияния на проводимую им политику [Зубкова, 1993; Пыжиков, 2002; Шестаков, 2006; Зубков, 2007; Таубман, 2008; Аксютин, 2010; Conterio, 2018; Loader, 2018; Hale-Dorrell, 2019 и др.]. Кроме того, если тезис о личной подготовке Сталиным текстов своих статей и публичных выступлений не вызывает споров, то в отношении Хрущева господствует точка зрения о том, что он не принимал участия в подготовке своих речей. Поскольку Хрущев был первым главой СССР, выступавшим как публичный политик, его речи готовились пресс-группой. При этом Хрущев предпочитал не следовать заранее написанному тексту, а импровизировать, создавая себе особый вербальный стиль.

Подобное утверждение представляется не совсем правомерным в силу опоры на мнения и представления современников событий «оттепели», а не на документальные свидетельства. В то же время в личном фонде Н.С. Хрущева Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) отложились документы о подготовке некоторых выступлений третьего советского лидера¹⁵⁰. Данный исторический источник позволяет реконструировать события политической истории страны через призму речей главы государства [Кабанов, 1997; Шмидт, 1997]. Благодаря этому возможно выявить некоторые особенности политического режима СССР и его трансформаций в середине 1950-х гг. – начале 1960-х гг., обусловленных в том числе личностью Н.С. Хрущева.

Помимо публичных речей Н.С. Хрущева и материалов об их подготовке, в статье были использованы источники личного происхождения («письма во власть», дневники), а также материалы надзорного производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Привлечение данных источников в качестве вспомогательных позволило продемонстрировать некоторые мнения людей по отношению к технической и символической сторонам речей Хрущева.

¹⁵⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 175, 271, 341, 342, 407, 441.

Объект и методы исследования

Предметом данной статьи являются речи Н.С. Хрущева, подготовленные и произнесенные в СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг., целью – определение эвристического потенциала публичных речей Хрущева как источника по истории политического режима в СССР середины XX в.

Всего было отобрано 6 выступлений: речь перед трудящимися г. Владивостока (1954 г.), доклад о 40-летию Октябрьской революции (1957 г.), отчетный доклад на XXI съезде ЦК КПСС и речь на митинге в Москве в честь первого советского космонавта (1961 г.), выступления по московскому радио и телевидению 12 апреля и 7 сентября 1964 г. о визите советской делегации в Венгрию и Чехословакию. Данные речи были произнесены по случаям как государственных праздников, так и важных политических событий на разных этапах политической карьеры Хрущева после смерти Сталина. Данная выборка позволяет, с одной стороны, выявить особенности, характерные для всех речей Хрущева, определить степень участия лидера в процессе их подготовке и характер вносимых изменений; с другой стороны, через обращение к текстам выступлений различной тематики и направленности можно выявить их особенные черты, связанные с составом аудитории, временем и обстоятельствами произнесения.

Работа с источниками осуществлялась при помощи текстологического и диахронного анализов. Благодаря им в статье реконструируется генеалогия текстов выступлений Хрущева: в едином процессе подготовки публичной речи выделяются отдельные этапы, прослеживается трансформация текста на каждом из них, определяется круг участников, а также корреляция между вносимыми изменениями и общественно-политической повесткой [Данилевский, 2018, с. 27–30].

Результаты и их обсуждение

Форма выступления и участники процесса подготовки речей Н.С. Хрущева

Выступления Хрущева, согласно источниковедческой классификации, относятся к типу произведений партийных лидеров [Кабанов, 1997]. Однако речи третьего руководителя СССР имели ряд особенностей, обусловленных не только личностью Хрущева, но и процессом их подготовки.

Согласно С.А. Зубкову, наиболее выгодной при позиционировании Хрущева как главы мировой сверхдержавы за рубежом являлась форма пресс-конференций. В этом случае советский лидер мог видеть перед собой конкретную аудиторию, держать ее внимание путем шуток и импровизаций. Наименее же выгодными для Хрущева являлись протокольные выступления, ибо в их рамках он сковывался четким порядком действий, отклоняться от которого было нежелательно [Зубков, 2007, с. 237–238].

Однако для данного исследования более предпочтительными представляются именно протокольные мероприятия, проводившиеся в Советском Союзе. Выступая на них, Хрущев обращался одновременно ко всем гражданам и к каждому по отдельности, говорил «по существу текущих дел, забот, спорил, в чем-то убеждал и радовался, когда слышал дельные реплики» [Аджубей, 1989, с. 37]. Иными словами, он пытался оказать партийно-идеологическое воздействие на граждан, стимулировать их чувство патриотизма.

По мнению Кабанова, после 1920-х гг. все выступления политических лидеров готовились не ими самими, а членами партийного аппарата, в результате чего установить авторство данных источников не представляется возможным [Кабанов, 1997, с. 545]. Однако данный тезис лишь отчасти соответствует ситуации подготовки речей Хрущева.

С конца 1950-х гг. у советского лидера появилась пресс-группа. Она состояла из помощников Хрущева: Г.Т. Шуйского (старший помощник), О.А. Трояновского (помощник по внешнеполитическим вопросам), В.С. Лебедева (помощник по вопросам идеологии и

культуры). Также к группе по должности относились секретарь ЦК КПСС по вопросам идеологии, заведующий Отделом пропаганды и агитации, главные редакторы «Правды» и «Известий». Все эти люди участвовали в подготовке многочисленных поездок Хрущева и их освещении средствами массовой информации, «часто толкали его из одной крайности в другую, используя его эмоциональность, торопливость и вспыльчивость» [Бурлацкий, 1997, с. 100]. По словам Сергея Хрущева, «к ним [т. е. членам редакционной группы] стекались предложения и замечания от отделов ЦК и Президиума. Они их сортировали, обобщали, а затем докладывали отцу» [Хрущев С., 2010, с. 664].

Перечисленные члены пресс-группы также готовили тексты для публичных выступлений Хрущева наравне с ним самим. При этом существовало разделение речей на производимые внутри СССР и за границей. Первые создавались только пресс-группой при участии Хрущева, в написании вторых участвовали также сотрудники Министерства иностранных дел, Советского информационного бюро (Совинформбюро), Агентства печати «Новости» (АПН) и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) [Зубков, 2007].

Следовательно, использование публичных речей как формы коммуникации было связано в первую очередь с их удобством для Н.С. Хрущева. Однако, поскольку выступления середины 1950-х – начала 1960-х гг. затрагивали многие аспекты жизни людей, их нужно было готовить заранее. С этой целью при Хрущеве была образована пресс-группа. Данный шаг стал очередной новацией периода «оттепели», поскольку до этого времени в СССР, в отличие от стран Запада, не существовало подобной группы людей.

Подготовка чернового варианта речи и его корректировка

Работа с каждой речью Хрущева начиналась с подготовки чернового варианта. После этого текст отправлялся советскому лидеру для ознакомления и внесения дополнений и замечаний.

Первые варианты выступлений Хрущева могли создаваться как им самим, так и членами его пресс-группы. Степень важности события определялась тем, кто готовил первоначальный вариант текста. Черновики речей для встреч с населением, открытий памятников и прочих подобных мероприятий Хрущев диктовал сам, в то время как пресс-группа отвечала за подготовку выступлений на съездах, пленумах или партийных конференциях. Например, черновик выступления на открытии памятника Т. Шевченко в Москве в 1964 г. был надиктован Хрущевым, а первый вариант доклада о 40-летию Октябрьской революции готовился П. Пospelовым и П. Сатюковым¹⁵¹.

После подготовки первого варианта текст направлялся Хрущеву для диктовки замечаний. К выполнению данной задачи он подходил чрезвычайно скрупулезно. В частности, при объеме в 50 страниц отпечатанного на машинке крупного текста правки Хрущева могли касаться 80 и более процентов черновика. Однако все правки, во-первых, носили уточняющий характер, а во-вторых, были напечатаны специально нанятой машинисткой. В отличие от своих предшественников, Хрущев предпочитал не писать, а диктовать замечания по тексту. Именно поэтому его дополнения и исправления представляют собой отдельные тексты, где каждый абзац начинается словами: «стр. №, абз. №».

Указывая на необходимость более подробно остановиться в тексте на той или иной проблеме, Хрущев мог акцентировать внимание на кампании по освоению целинных и залежных земель, введении пенсионного обеспечения колхозников или экономическом соревновании между капиталистическими и социалистическими странами¹⁵². Чаще всего Хрущев требовал подкорректировать количественные данные, связанные с промышленностью и сельским хозяйством. Например, он мог заметить, что «41 миллион гектаров у нас

¹⁵¹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 271. Л. 1; Д. 341. Л. 74.

¹⁵² Там же. Д. 175. Л. 185, 203.

пахотных целинных земель и 8 еще записано, будет 49 миллионов»¹⁵³, попросить исправить цифру с 2 миллиардов 212 миллионов на 2 миллиарда 216 миллионов пудов хлеба или уточнить какой-либо показатель¹⁵⁴.

Внося подобные дополнения, Хрущев, по сути, подчеркивал достижения собственного периода руководства страной. Апелляция к различным внутриполитическим инициативам и демонстрация растущих числовых показателей были по умолчанию сопряжены с фигурой политического лидера, при котором все это стало возможным. Следовательно, активно вмешиваясь в процесс подготовки черновиков докладов и выступлений, Хрущев участвовал в конструировании образа успешного политика, при котором тезис о преимуществах социалистической системы получил новое подкрепление.

Несмотря на внесение всех без исключения пожеланий Хрущева в итоговый вариант текста, иногда они все же подвергались литературно-идеологической правке. Например, в проекте речи на открытии памятника Т. Шевченко в Москве в 1964 г. Хрущев предложил сказать только о том, что Шевченко – сын крепостных крестьян, но в итоговом тексте речи и в публикации в «Правде» этому предшествовало 4 абзаца со ссылками на Ленина, утверждениями о единстве всех национальностей и восхвалениями украинского поэта¹⁵⁵. Также были добавлены отсылки к творчеству Н. Некрасова и П. Чернышевского, выдержки из стихов и дневника Шевченко.

В итоге работа по подготовке речи Хрущева начиналась с определения степени важности мероприятия, на котором ее было необходимо произнести. Черновики текстов к более важным мероприятиям писали члены пресс-группы, а затем отправляли их Хрущеву. Он, в свою очередь, вносил большое количество изменений, в основном уточняющего характера. Однако именно за счет них внимание слушателей/читателей впоследствии сосредотачивалось на текущих политических событиях, так как все правки Хрущева были связаны с инициированными им кампаниями.

Одобрение речи Президиумом ЦК КПСС и ее печать

После внесения правок руководителя СССР и их корректировки текст направлялся членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС за подписью самого Хрущева¹⁵⁶. Иногда речь могла направляться конкретным партийно-государственным деятелям. Например, текст доклада выступления Хрущева перед трудящимися г. Владивостока за подписью В.С. Лебедева сначала был отправлен заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристову. Лебедев просил его ознакомиться с текстом речи Н.С. Хрущева и, если будут замечания, сообщить их 7 октября, т. к. публикация была запланирована в номере «Правды» за 8 октября¹⁵⁷.

Очень редко часть итогового текста не попадала на рассмотрение в Президиум, так как какие-то события происходили неожиданно, а не высказаться о них Н.С. Хрущеву было нельзя. Так было в случае со смертью Д. Неру в мае 1964 г. В тот день Хрущев выступал по московскому радио и телевидению с отчетом о поездке в Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Абзаца про премьер-министра Индии не было в варианте, одобренном членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПСС. Однако в тексте, с которым выступал Н.С. Хрущев 27 мая 1964 г. и который был опубликован на следующий день, такой абзац уже присутствовал [Выступление товарища Н.С. Хрущева..., 1964]¹⁵⁸.

¹⁵³ Там же. Л. 187.

¹⁵⁴ Там же. Л. 14, 134.

¹⁵⁵ Там же. Д. 341. Л. 103.

¹⁵⁶ Там же. Д. 271. Л. 109; Д. 327. Л. 12; Д. 341. Л. 47.

¹⁵⁷ Там же. Л. 59.

¹⁵⁸ Там же. Л. 46.

Одновременно с одобренным вариантом текста готовился экземпляр для публикации в прессе. Важно, что вариант для печати был готов сразу, а не после выступления, вследствие чего импровизации Хрущева не попадали на страницы газет. Следовательно, популярное мнение о многочисленных правках и сокращениях, вносившихся в речь Хрущева, справедливо лишь отчасти. Изменения «по факту» вносились только в ту часть выступления, которая происходила уже после протокольного мероприятия и соответствующей речи. В том числе поэтому фраза «мы вас похороним», брошенная Хрущевым вслед уходящему послу США Ч. Болену на приеме в польском посольстве в Москве в ноябре 1956 г., не попала в советские газеты, зато была растиражирована в западных СМИ [Хрущев, 2019, с. 178].

Завершающим этапом подготовки речей Хрущева было их одобрение в Президиуме ЦК КПСС. Данная процедура носила скорее формальный характер, так как неизвестно ни одного случая неодобрения текста Президиумом ЦК КПСС. Иногда в речь могли попадать незапланированные элементы, однако они были связаны с неожиданными событиями. Подобные дополнительные предложения включались и в печатный вариант текста, несмотря на то, что он также готовился заранее.

Символический аспект речей Н.С. Хрущева

Наряду с техническим, процедура создания речей Хрущева имела и символический аспект. Во время выступлений советский лидер не просто воспроизводил текст, но еще и высказывал официальное мнение власти по конкретным вопросам. Вследствие этого было важно заранее спланировать, что и как сказать, чтобы создать у граждан необходимое впечатление о Н.С. Хрущеве и его деятельности. При этом традиционные элементы дискурса дополнялись новыми.

К числу «старых» составляющих речи принадлежало использование местоимения «мы», характерного для советского дискурса и подразумевающее заявление от лица не конкретного человека, а некой общности или народа в целом. Хрущев продолжил данную традицию, говоря, что «мы еще не освободились от шаблонного ведения сельского хозяйства», «мы стояли, стоим и будем стоять на позициях мирного соревнования», «мы пригласили Президента Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насера в Советский Союз, и он с благодарностью принял это приглашение»¹⁵⁹.

Однако если «мы» использовалось в докладах по случаю проведения партийных конференций, собраний, открытия объектов культуры и других подобных мероприятий, то в своих отчетах перед гражданами о поездках за рубеж Хрущев использовал местоимение «я»: «я бы сказал», «я уже упоминал», «я рад отметить», «я глубоко убежден»¹⁶⁰, что подчеркивало самостоятельность его высказываний, служило дополнительным проявлением эмоций. При этом данные обороты не были спонтанными. Как и остальной текст, они прописывались пресс-группой заранее. Сам же Хрущев не рекомендовал специально вносить в текст данные местоимения.

Самой запоминающейся чертой публичных речей Хрущева было использование им пословиц, поговорок и фразеологизмов, которые прописывались пресс-группой заранее. В изученных документах не было обнаружено ни одного свидетельства внесения лидером в текст подобных элементов. Например, выражения «Центральный Комитет партии и Советское правительство поручили нам побывать и во Владивостоке, познакомиться с работой промышленных предприятий города, с вашей жизнью, посмотреть как вы рыбу здесь ловите» (речь перед трудящимися г. Владивостока 18 октября 1954 г.) или «урожай в 197 центнеров с гектара – это неплохой результат, чай пить можно уже не вприглядку, а, как говорится, вприкуску» (выступление на совещании передовиков сельского хозяйства

¹⁵⁹ Там же. Д. 175. Л. 187, 197, 198; Д. 341. Л. 22.

¹⁶⁰ Там же. Д. 175. Л. 188; Д. 341. Л. 8–17.

Курской области 25 апреля 1958 года) присутствовали в тексте еще до комментариев Хрущева и оставались там после них¹⁶¹.

Наличие элементов «стиля Хрущева» в текстах его выступлений является их важной особенностью, так как позволяет эксплицировать индивидуальные черты лидера, несмотря на факт включения в речь не им самим, а его пресс-группой. Учитывая тот факт, что Хрущев никак не исправлял просторечные обороты, озвучивая их вместе с остальным текстом, он, скорее всего, был не против их употребления в своих выступлениях. Кроме того, внешняя простота речи могла использоваться в целях конструирования образа «народного» лидера.

Использование в речах просторечий и бытовых примеров вкупе с продолжительностью выступлений способствовало формированию элементов общественного мнения. Часть людей одобряла простые по форме выступления Хрущева, сравнивала их с «алмазными брызгами светлого ключа родниковой воды», испытывала чувство сопричастности приводимым в речах примерам¹⁶².

Однако всегда находились граждане, для которых речи лидера были полны многословия и демагогии. Например, 50-летний историк Сергей Дмитриев в дневнике раскритиковал «длиннейшую речь» Хрущева, полную ошибок и запинок, директивности и самохвальства [Дмитриев, 1957]. Геолог Борис Вронский, 59 лет, особо выделил «внутренний» характер докладов Хрущева, в рамках которых замалчивались многие факты, «в расчете на то, что о них позабыли» [Вронский, 1958].

Журналист из Ленинграда Н.А. Бубнов в 1964 г. переписал в свой дневник стихи, которые в местный райком ДОСААФ принес оставшийся неизвестным рабочий фабрики «Большевик». В стихах присутствуют следующие строки: «Ты нам читал доклады, речи // На обещастья щедрый был, // А сам залез на наши плечи // И о работе позабыл» [Бубнов, 1964].

В случае попадания «не в те руки» за распространение подобных строк могло последовать наказание в виде тюремного заключения. Известен случай некоего В.П. Соколова, 58-летнего шахтера из г. Новошахтинска, который написал: «В обкомах шорохи бумаг, // И над столами мертвый Ленин, // А над страной красный флаг // Уже в падении накрепчен. // Народ устал. Народ зачах. // Он не утешен сладким словом // В демагогических речах // Чугуннолобого Хрущева» [58–10. Надзорные производства..., 1999, с. 471].

Таким образом, символическое наполнение речей Хрущева ожидаемо по-разному оценивалось советскими гражданами. Кто-то приветствовал простоту и доступность выражений, кто-то, наоборот, считал их проявлением недостатка образования. Помимо внешней простоты речей внимание населения сосредотачивалось на их продолжительности и несоответствии декларируемых установок реальной ситуации в стране.

Заключение

На основе проведенного анализа публичных речей Н.С. Хрущева можно сделать вывод об их значении, сочетании в них типичных и особенных для подобного вида источников черт.

Как и прочие произведения партийных лидеров, тексты выступлений Хрущева были излишне эмоциональными и пропагандистскими. Набор тем в них сводится к кампаниям рубежа 1950-х – 1960-х гг. Кроме того, у властей сохранялась цель мобилизации населения, для чего использовались местоимение «мы», бинарная оппозиция «коммунизм – капитализм», а также политическая демагогия.

¹⁶¹ Там же. Д. 407. Л. 1; Д. 397. Л. 4.

¹⁶² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 96. Д. 1294. Л. 7–12; Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 70. Л. 52–52 об., 153, 200.

Особенности речей были связаны с процессом их подготовки. Работа над текстами проходила в несколько этапов: подготовка черновика, внесение комментариев Н.С. Хрущева, отправка текста на согласование членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, подготовка версий для непосредственного выступления и печати. После определения ситуации произнесения речи и степени значимости мероприятия начиналась работа непосредственно над текстом. Существовало разделение ответственности за подготовку чернового варианта в зависимости от ситуации произнесения. Тексты к менее важным в масштабах страны и партии выступлениям диктовал сам Хрущев, в то время как речи для наиболее ответственных мероприятий сначала писали члены пресс-группы. Появление подобных людей среди ближайших помощников Хрущева заложило тренд, характерный для всех последующих советских лидеров, – отныне все они будут опираться на помощь пресс-группы.

Участие Хрущева в подготовке своих выступлений сводилось к внесению уточнений в уже готовые тексты. Чаще всего Хрущев исправлял количественные показатели и акцентировал внимание на текущих внутривнутриполитических кампаниях. При этом любые его предложения попадали в финальные варианты текстов. Следовательно, несмотря на присутствие членов пресс-группы, участие Хрущева позволяет эксплицировать из данного источника черты его личности. После внесения правок Хрущева проект речи проходил скорее формальную процедуру согласования в Президиуме ЦК КПСС, после чего мог быть озвучен, опубликован в прессе и воспринят населением. Несмотря на наличие «коллективного автора», тексты выступлений были во многом обусловлены личностью Хрущева и проводимой им политикой.

Анализ речей Н.С. Хрущева также показал, что как исторический источник они способствуют раскрытию элементов авторитаризма в политическом режиме СССР. Создание при Хрущеве специальной пресс-группы свидетельствует о стремлении властей максимально усилить влияние агитации и пропаганды на людей и создать новый образ лидера страны. Формальный характер утверждения речей Первого Секретаря ЦК КПСС указывает на сложившийся партийный авторитаризм.

Из всего вышесказанного следует, что работа с текстами речей как особым видом источников может создать еще одно направление для изучения трансформации политического режима в Советском Союзе второй половины XX в., расширяя существующие представления о периоде «оттепели».

Список литературы

- 58–10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. 1999. Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. О.В. Эдельман, М., Международный Фонд «Демократия», 940 с.
- Аджубей А.И. 1989. Те десять лет. М., Советская Россия, 333 с.
- Аксютин Ю.В. 2010. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 486 с.
- Бубнов Н.А. 1964. Дневник. Электронная книга. URL: <https://prozhito.org/note/602268> (дата обращения: 1 октября 2021).
- Бурлацкий Ф.М. 1997. Глоток свободы. В 2-х кн. Кн. 1. М., Культура, 559 с.
- Вайскопф М. 2020. Писатель Сталин: язык, приемы, сюжеты. М., Новое литературное обозрение, 520 с.
- Васькин А. 2018. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев. М., Молодая гвардия, 670 с.
- Вронский Б.И. 1958. Дневник. Электронная книга. URL: <https://prozhito.org/note/607666> (дата обращения: 1 октября 2021).
- Выступление товарища Н.С. Хрущева по московскому радио и телевидению 27 мая 1964 года. Правда, 1964.

- Данилевский И.Н. 2018. Историческая текстология. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 555 с.
- Дмитриев С.С. 1957. Дневник. Электронная книга. URL: <https://prozhito.org/note/40398> (дата обращения: 1 октября 2021).
- Зубков С.А. 2007. Формирование международного имиджа Н.С. Хрущева (1955–1964 гг.). Дис. канд. ист. наук. М., 257 с.
- Зубкова Е.Ю. 1993. Реформы Хрущева: культура политического действия. Свободная мысль, 9: 97–106.
- Кабанов В.В. 1997. Источниковедение истории советского общества. М., Российск. гос. гуманит. ун-т, 385 с.
- Мельниченко М. 2014. Советский анекдот (указатель сюжетов). М., Новое литературное обозрение, 1103 с.
- Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. 1989. Сост. Ю.В. Аксютин. М., Политиздат, 368 с.
- Пыжиков А.В. 2002. Хрущевская оттепель: 1953–1964 гг. М., ОЛМА-ПРЕСС, 509 с.
- Таубман У. 2008. Хрущев. М., Молодая гвардия, 850 с.
- Хрущев С.Н. 2010. Никита Хрущев. Реформатор. М., Вече, 1077 с.
- Шестаков В.А. 2006. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х гг. М., Наука, 295 с.
- Шмидт С.О. 1997. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., Российск. гос. гуманит. ун-т, 612 с.
- Conterio J. 2018. «Our Black Sea Cost». The Sovietization of the Black Sea Littoral under Khrushchev and the Problem of Overdevelopment. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 19 (2): 327–361.
- Hale-Dorrell A. 2019. *Corn Crusade. Khrushchev's Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union*. N.Y., Oxford University Press, 367 p.
- Loader M.A. 2018. Stalinist Purge in the Khrushchev Era? The Latvian Communist Party Purge, 1959–1963. *Slavonic and East European Review*, 96 (2): 244–282.

References

- 58–10. Nadzornye proizvodstva Prokuratury SSSR po delam ob antisovetskoj agitacii i propagande. Mart 1953–1991. Annotirovannyj katalog [Supervisory proceedings of the USSR Prosecutor's Office on cases of anti-Soviet agitation and propaganda. March 1953–1991. Annotated catalog]. 1999. Moscow, Mezhdunarodnyj Fond «Demokratija», 940 p. (in Russian).
- Adzhubej A.I. 1989. Te desjat' let. [That Ten Years]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 333 p. (in Russian).
- Aksiutin Ju.V. 2010. Khrushchevskaja «ottepel'» i obshchestvennye nastroeniia v SSSR v 1953–1964 gg. [The Khrushchev's Thaw and Public Opinions in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN, 486 p. (in Russian).
- Bubnov N.A. 1964. Dnevnik [The Diary]. Available at: <https://prozhito.org/note/602268> (accessed: 1 October 2021) (in Russian).
- Burlackij F.M. 1997. Glotok svobody [A Sip of Freedom]. V 2-h kn. Kn. 1. Moscow, Kul'tura, 559 p. (in Russian).
- Conterio J. 2018. «Our Black Sea Cost». The Sovietization of the Black Sea Littoral under Khrushchev and the Problem of Overdevelopment. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 19 (2): 327–361.
- Danilevskii I.N. 2018. Istoricheskaia tekstologija [The Historical Textology]. Moscow, HSE University Press, 555 p. (in Russian).
- Dmitriev S.S. 1957. Dnevnik [The Diary]. Available at: <https://prozhito.org/note/40398> (accessed: 01 October 2021) (in Russian).
- Hale-Dorrell A. 2019. *Corn Crusade. Khrushchev's Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union*. New York, Oxford University Press, 367 p.
- Kabanov V.V. 1997. Istochnikovedeniye istorii sovetskogo obshchestva [Source Studies of Soviet Society's History]. Moscow, RSUH, 385 p. (in Russian).
- Khrushchev S.N. 2010. Nikita Khrushchev. Reformator [Nikita Khrushchev. The Reformer]. Moscow, Vechе, 1077 p. (in Russian).

- Loader M.A. 2018. Stalinist Purge in the Khrushchev Era? The Latvian Communist Party Purge, 1959–1963. *Slavonic and East European Review*, 96 (2): 244–282.
- Mel'nichenko M. 2014. Sovetskij anekdot (ukazatel' sjuzhetov) [Soviet anecdote (index of plots)]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1103 p. (in Russian).
- Nikita Sergeevich Khrushchev: Materialy k biografii. 1989. [Nikita Sergeevich Khrushchev: Materials for the Biography]. Moscow, Politizdat, 368 p. (in Russian).
- Pyzhikov A.V. 2002. Khrushchevskaia ottepel': 1953–1964 gg. [The Khrushchev Thaw. 1953–1964]. Moscow, OLMA-PRESS, 509 p. (in Russian).
- Shestakov V.A. 2006. Sotsial'no-ekonomicheskaja politika sovetskogo gosudarstva v 1950-e – seredine 1960-h gg. [Socio-economic policy of the USSR in 1950s – mid-1960s]. Moscow, Nauka, 295 p. (in Russian).
- Shmidt S.O. 1997. Put' istorika: Izbrannyje trudy po istochnikovedeniju i istoriografii [A Historian's Way: The Selected Works about Source Studies and Historiography]. Moscow, RSUH, 612 p. (in Russian).
- Taubman W. 2008. Khrushchev [Khrushchev]. Moscow, Molodaya gvardiya, 850 p. (in Russian).
- Vas'kin A. 2018. Povsednevnaia zhizn' sovetskoi stolitsy pri Khrushcheve i Brezhneve [Everyday life of Soviet capital under Khrushchev and Brezhnev]. Moscow, Molodaja gvardija, 670 p. (in Russian).
- Vajskopf M. 2020. Pisatel' Stalin: jazyk, priemy, sjuzhety [Stalin is writer: language, methods, plots]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 520 p. (in Russian).
- Vronskij B.I. 1958. Dnevnik [The Diary]. Available at: <https://prozhito.org/note/607666> (accessed: 01 Oktober 2021) (in Russian).
- Vystuplenie tovarishha N.S. Khrushcheva po moskovskomu radio i televideniju 27 maja 1964 goda. Pravda, 1964 (in Russian).
- Zubkov S.A. 2007. Formirovanie mezhdunarodnogo imidzha N.S. Khrushcheva (1955–1964 gg.) [Creating the International Image of N.S. Khrushchev] (doctoral dissertation). Moscow, 257 p. (in Russian).
- Zubkova E.Y. 1993. Reformy Khrushcheva: kul'tura politicheskogo dejstvija [The Khrushchev's Reforms: Culture of Political Activity]. *Svobodnaja Mysl'*, Vol. 9: 97–106 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.02.2022

Received 14.02.2022

Поступила после рецензирования 10.04.2022

Revised 10.04.2022

Принята к публикации 10.04.2022

Accepted 10.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петрова Татьяна Михайловна, аспирант, Институт Российской истории, Российская Академия Наук, г. Москва, Россия

Tatiana M. Petrova, Ph.D. Student, Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-0423-1194](https://orcid.org/0000-0002-0423-1194)

УДК 902.2

Обзорная статья

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Надгробия со следами окраски с кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роше

Васильева Е.Е.

Институт археологии Российской академии наук,
Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
E-mail: veda_lv@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования наземной части некрополя Нового времени. Работы проводились с помощью как классических методов – осмотр, обмеры, фотофиксация, расшифровка надписей, так и с применением новых методов, таких как использование ГИС-технологий для установления границ памятника и топографии кладбища. Особое внимание в статье уделено вопросу окрашивания надгробий. Несмотря на то, что в настоящий момент ученые сходятся во мнении, что изначально надгробия были полихромными, находки их довольно редки, что объясняется недолговечностью красочного слоя в условиях нахождения памятника на открытом воздухе. В связи с этим необходимо введение в научный оборот еще нескольких столь редких находок.

Ключевые слова: Калужская область, г. Боровск, надгробия XVIII–XIX вв.

Для цитирования: Васильева Е.Е. 2022. Надгробия со следами окраски с кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роше. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 450–460. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Grave monuments with traces of painting from the cemetery at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha

Elena E. Vasileva

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences,
19 Ulyanova St., Moscow 117036, Russia
E-mail: veda_lv@mail.ru

Abstract. This article presents the research results of the ground part of the Post medieval necropolis. For setting boundaries of the archaeological site and the topography of the cemetery classical as well as new research methods were implemented, for example, the GIS technologies. Grave monuments of various types became the object of study: imitation of sarcophagi, tomb chapels, slabs. Particular attention is paid to the monuments, which carry traces of painting. Such traces were found on nine grave monuments, eight of them are an imitation of a sarcophagus, one is a stand-monument with a lost dominant (probably in form of a cross). In this cemetery, red, green, blue / light blue colors are met for the background design and black for the inscriptions. Such finds are rare, because the paint layer is short-lived. Despite the fact that it is scientifically proven that the original tombstones were polychrome, the author raises the question of the initial or subsequent color of separate tombstones. It is proven that some monuments were colored at a later date. An analysis of visibility of this group of monuments from the side of the church and paths was also carried out.

Keywords: Kaluga region, Borovsk city, grave monuments of the 18th – 19th centuries

For citation: Vasileva E.E. 2022. Grave monuments with traces of painting from the cemetery at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 450–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Введение

В октябре 2018 г. был произведен визуальный осмотр наземной части кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще (Калужская область, Боровский район, г. Боровск, ул. Шмидта, д. 35). Памятник уникален тем, что дошел до нас практически в неизменном виде, и, несмотря на то что на кладбище по-прежнему производятся захоронения, на нем сохранилось большое количество намогильных памятников, часть из которых расположено *in situ*. Работы проводились с целью выявления месторасположения захоронений XVIII–XIX вв., уточнения локализации некрополя, оценки степени сохранности намогильных памятников.

Храм расположен на Старой дороге из Боровска в Пафнутьев монастырь, на господствующей высоте, на горке над поймой р. Протвы, на левом ее берегу, значительно выше селения, террасами спускающегося к реке. Впервые упоминается в 1654 г. как храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом святого апостола Андрея Первозванного в «служной» слободе Пафнутьева монастыря¹⁶³. Постройка представляла собой деревянную церковь с трапезной. Существующее здание Рождественской церкви возведено в 1708 г. на месте обветшавшей деревянной. В 1879 г. вокруг храма и существовавшего при нём погоста поставили кирпичную ограду. В настоящий момент и церковь, и кладбище продолжают функционировать, причем размеры участка, занимаемого кладбищем, остались прежними, поскольку ограда не переносилась.

Объект и методы исследования

В рамках исследований проведена низковысотная аэрофотосъемка с беспилотного квадрокоптера Phantom 3 Standart, которому были заданы координаты в программе Pix4Dcaptur. При камеральных работах полученные фото были обработаны в программе Agisoft Photoscan. В результате были получены цифровые модели местности, трехмерное изображение и панорамное ортофото. Следующим шагом была переобработка полученных моделей в программе ArcGIS 10.2.1. Таким образом, была составлена топографическая карта исследуемого участка, получены фотограмметрические изображения. Были установлены границы памятника (в пределах церковной ограды) и его площадь [Васильева, 2020, с. 162]. Обнаруженные в ходе обследования намогильные памятники, здание церкви и кладбищенская ограда нанесены на топографическую карту согласно взятым GPS-координатам, что позволяет судить о топографии кладбища. Проведена фотофиксация намогильных памятников, их описание, включающее в себя также расшифровку надписей.

Результаты и их обсуждение

В 2008 г. в рамках работ по обобщению сведений по боровским кладбищам и личностям захороненных В.И. Абакуловым и В.В. Бубликовым в числе прочих был произведен осмотр в том числе и кладбища при церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще. Всего было выявлено 56 дореволюционных памятников. Сравнение количественных результатов работ показывает, что некоторые надгробия, упомянутые исследователями, за прошедшие десять лет с территории кладбища исчезли, а некоторые, обнаруженные нами в 2018 г., не указаны в Синодике погребённых, составленном по итогам изучения сохранившихся дореволюционных надгробий, выявленных на кладбищах бывшего Боровского уезда [Абакулов, 2011, прил. 1]. В ходе обследования 2018 г. зафиксировано 43 намогильных памятника XVIII–XIX вв., таким образом, за десять лет утрачено около 25 % сооружений. Несмотря на такое неутешительное заключение, можно говорить о том, что в целом комплекс кладбища имеет относительно хорошую сохранность – к примеру, все ис-

¹⁶³ Храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще. URL: <https://borovsk.org/hramrogdestva/> (дата обращения: 24 января 2022).

торические кладбища Звенигорода и его округа за такой же период времени оказались полностью поглощены современными захоронениями ¹⁶⁴.

Установлено, что часть надгробных памятников кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роше, вероятно, расположена *in situ*. В отдельных случаях оказалось возможным установить наличие основания под ними. Некоторые надгробия перемещены со своих первоначальных мест в рамках работ по устройству новых захоронений. Одно из наиболее ранних надгробий – указана дата смерти 1776 г. – использовано в качестве строительного материала для южного крыльца церкви (вероятно, после постройки храма производились ремонтные работы) ¹⁶⁵.

Надгробия, зафиксированные *in situ*, расположены преимущественно к северу и северо-востоку от существующего здания храма. Несколько памятников находится с южной стороны от входа в церковь. Кладбище имеет рядную систему, в ходе осмотра не выявлено отдельно выделенных участков древнего и современного кладбища, все надгробия располагаются рядом друг с другом, нередко даже имеют единую ограду.

Большинство встреченных памятников представляют собой надгробия в форме саркофага [Беляев, 2000, с. 77] ¹⁶⁶, пришедшие на смену белокаменным плитам в первой половине XVIII в. [Шокарев, 2015, с. 10]. Продольное сечение всех обнаруженных саркофагов имеет форму трапеции, что характерно для такого типа надгробий, начиная с последнего десятилетия XVIII в. [Ковшарь, 2003]. Встречено также несколько памятников-тумб, у которых отсутствует верхняя доминанта ¹⁶⁷ (по другой классификации – надгробные часовни [Святославский, 2004, с. 98]), самыми редкими памятниками являются плиты. Надгробия преимущественно выполнены из известняка, однако встречены памятники из гранита и мрамора ¹⁶⁸.

Надгробия, имитирующие саркофаг, разнообразны – встречены как памятники, во все не несущие на себе декора или надписей, так и памятники, украшенные рельефом. В отдельных случаях рельеф выполнен и на крышках саркофагов – как правило, невысокий рельеф в виде Голгофского креста, что в очередной раз подтверждает сомнения исследователей в распространении запрета изображения креста на горизонтальной поверхности на надгробия [Беляев, 1996а, с. 37]. Крышка одного надгробия имеет очертания человеческой фигуры.

Торцы саркофагов украшены эпитафиями-молитвами, композицией основания Голгофы с черепом Адама и орудиями страстей, рельефными рамками, в отдельных случаях содержащими надписи, фигурами ангелов, растительным орнаментом.

Боковые стенки чаще всего в центральной части содержат многострочную надпись в рамке, по краям обрамленной клеймами (или розетками [Беляев, 1993, с. 31]). Одну сторону занимают сведения о покойном/покойной, структура текста стандартная (Беляев, 1996б, с. 264–265). На второй стороне, так же в рамке, расположена одна или несколько эпитафий. Система размещения текстов и изображений на поверхности надгробия также стандартная – на восточном торце саркофага присутствует только изображение Адамовой головы, южный фасад несет на себе текст с данными об умершем, северный – текст, передающий скорбь

¹⁶⁴ Описание исторических кладбищ см. в [Алексеев, 2013]. Сведения о полном уничтожении упомянутых памятников предоставил он же.

¹⁶⁵ Примечательно, что это надгробие в виде плиты не было обнаружено в ходе обследования территорий кладбищ региона: см. [Жердева и др.].

¹⁶⁶ В литературе фигурируют близкие по смыслу обозначения данного типа надгробных сооружений – саркофаг или надгробие-саркофаг [Святославский, 2004, с. 98].

¹⁶⁷ Классификация, предложенная научным сотрудником отдела этнографии Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси на конференции «POST MORTEM. Погребальные памятники в историко-культурном пространстве: проблемы изучения и сохранения», 9–11 ноября 2016 года.

¹⁶⁸ Определение выполнено посредством визуального осмотра.

близких, на западном фасаде помещается молитва [Ковшарь, 1997]. На территории исследуемого некрополя чаще всего встречается наиболее распространенное [Святославский, 2004, с. 137] в русской эпитафии нового времени выражение *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем*. Отметим, что сам жанр эпитафии приходит в Россию на рубеже XVII–XVIII вв. под влиянием западной культуры [Нациевский, 2015, с. 117].

Следы окраски встречены на девяти надгробиях, их них восемь представляют собой имитацию саркофага, один – памятник-тумба с утраченной доминантой (вероятно, в виде креста). Все надгробия, сохранившие следы первоначальной окраски, белокаменные. На данном кладбище для оформления фона встречены красный, зеленый, синий/голубой цвета, для надписей – черный цвет (рис. 1).

Рис. 1. Ортофото участка исследований: а – каменная ограда; б – надгробные памятники XVIII–XIX вв. без следов окраса; в – надгробные памятники XVIII–XIX вв. со следами красноватого окраса; г – надгробные памятники XVIII–XIX вв. со следами зеленого окраса; д – надгробный памятник XIX в. со следами синей/голубой краски фона и надписью, оформленной черным цветом; е – надгробный памятник XIX в. с надписью, оформленной черным цветом

Fig. 1. Orthophoto of the research area: a – stone fence; b – grave monuments of the 18th – 19th centuries without traces of painting; c – grave monuments of the 18th–19th centuries with traces of a reddish color; d – grave monuments of the 18th–19th centuries with traces of green color; e – the grave monument of the 19th century with traces of blue / light blue background paint and black inscription; f – the grave monument of the 19th century with black inscription

Традиция прокрашивания надписей и фона исследователям белокаменных надгробий известна давно. Краску также использовали для нанесения временных надписей на надгробие [Беляев, 2007, с. 139]. Встречаются упоминания об использовании черной/синей краски и красной для заглавных букв [Беляев, 2007, с. 139; Беляев, 2015, см. илл. на с. 32]. Г.Д. Нетунахина пишет об использовании голубой, зеленой, красной краски и позолоты, приводя в качестве примера надгробие участника Семилетней войны Д.В. Голицына, стены и крыша белокаменного надгробия которого были покрыты зелеными листьями и завитками по голубому полю [Нетунахина, 1978]. Эта традиция встречается также и на территории зарубежных христианских некрополей – так, рельеф надгробий XIII в. в Ошакане (Республика Армения) усилен красной краской по белому фону [Петросян, 2007, с. 161, 162].

Следы красной окраски встречены нами на пяти надмогильных памятниках, лишь в одном случае окрас, хотя и слабо, фиксируется на обеих боковых стенках и торцах памятника. Этот памятник (№ 16), вероятно, расположен *in situ*, представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная. На торце в изголовье имитации крышки вырезан крест с прямыми лопастями.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. Заметно, что в рамки вписаны надписи, однако прочесть их не удалось по причине значительных утрат.

Торец в ножной части не имеет рельефа, в головной части в центре оформлена простая трапециевидная рамка, в которую вписана рамка ромбовидная. Свободное пространство по сторонам ее оформлено секторами клейм. По центру ромбовидной рамки заметны следы надписи, выполненной в три строки, прочесть ее также не удалось.

Красноватый окрас фиксируется по всем граням надгробия, за исключением имитации крышки, лучшая сохранность цвета фиксируется под «козырьком» крышки, в верхней части боковых стенок и торцов. Видно, что краска наносилась равномерно, без учета рельефа узора и наличия или отсутствия надписей.

В одном случае оказалось невозможным достоверно определить степень сохранности окраса, поскольку памятник № 12, будучи перемещенным, зажат между еще несколькими надгробиями так, что оказалось возможным изучить лишь его торцевую часть. Надгробие представляет собой имитацию саркофага. На торце в изножье размещена овальная рамка, внутри которой барельеф – композиция Голгофы с орудиями страстей. В рамку поверх барельефа нанесена надпись, однако она сильно затерта и не читается. Рамку венчает корона и обрамляют фигуры ангелов. Следы красноватой окраски равномерны, не привязаны к рельефной композиции, хорошо прослеживаются по всей площади, за исключением короны, ангельских голов и нижней части торца.

Еще три надгробия частично сохранили следы окрашивания лишь на одной из граней. Надгробие № 21 (вероятно, расположено *in situ*, представляет собой имитацию саркофага), имеет красноватый окрас только на торце в изножье, на котором расположен барельеф с композицией основания Голгофы с черепом Адама. Видно, что краска наносилась равномерно, без учета рельефа узора – цвет виден как на фоне, так и на части композиции. Надгробие № 27, вероятно, перемещенное, также представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы, в которые вписаны надписи, однако прочесть их не удалось по причине значительных утрат.

На боковой северной стенке, на фоне и части клейма видны слабо выраженные следы красноватой краски.

Надгробие № 33, вероятно, расположенное *in situ*, представляет собой памятник-тумбу с отсутствующей доминантой. Памятник в виде киота, обрамленный витыми колонками, на восточной грани в верхней части киота помещен четырехконечный крест. Красноватый окрас сохранился на южной грани памятника.

В двух случаях окраска зеленая. При этом надгробие № 7¹⁶⁹ (перемещенный памятник с отбитой головной частью), представляющее собой имитацию саркофага, несет следы окраса только на крышке, на которой зеленым цветом выделен Голгофский крест. На боковых стенках надгробия по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На правой стороне надгробия заметно, что в рамку вписана надпись, настолько стертая, что не представляется возможным даже достоверно установить количество строк. Торцевая часть не украшена.

Еще один намогильный памятник – надгробие № 22 (перемещенное со своего первоначального места), также представляющее собой имитацию саркофага – весь окрашен зеленой краской, без учета рельефа узора. В местах утраты верхнего красочного слоя заметно, что предыдущий окрас был голубой.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На торце в изголовье оформлена круглая рамка, обрамленная по углам округлыми клеймами, в верхней части (изголовье имитации крышки) расположен барельеф в виде шестиконечного креста. В рамки вписаны надписи. Надпись на правой боковой стенке:

по [д с]м [к]амне[м]ь погреб[е]
но т[ь][л]о[] бо [] мо [] и
[] тим [] а
СОКОЛОВА

[]
т[р]етьего [] дня¹⁷⁰

Левая боковая стенка и торец в изголовье содержат эпитафии. Надпись на левой боковой стенке:

мои любез[ны]и сродники
придите на сей [хлад]ный
камень возрите любовь
мою к вамъ помяните ду
шу мою кто ближнимъ
помогалъ тотъ всехъ лю
биль душою того моги
ла и не зарастеть травою
Надпись на торце в изголовье:
пом[яни]
господмен[я]
[когда]придешъ
во царствии
твоемъ

К сожалению, сохранившиеся фрагменты надписи не дают нам сведений о статусе усопшего. Нет возможности также соотнести данное надгробие с какой-либо семейной группой захоронений, расположенной на данном кладбище – единственный однофамилец усопшего – это священник Перемышльского собора Федор Андреевич Соколов, которому принадлежит надгробие № 23 настоящего некрополя.

Одно надгробие (№ 23) имеет на боковых стенках и торце в изножье следы синей краски фона, при этом рамки и клейма, а также боковые грани имитации крышки не закрашены. Выбитая надпись, судя по остаткам краски, была оформлена черным цветом, хотя следы краски видны только на правой боковой грани памятника. Памятник переме-

¹⁶⁹ В настоящем описании сохранена полевая нумерация надгробий.

¹⁷⁰ В уже упомянутом нами «Синодике погребенных...» это надгробие числится за номером 76, как принадлежащее Соколову Н. Тимофеевичу, 91 года (?).

щен, установлен на южном крыльце церкви, ориентирован по оси север – юг. Представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка плоская, с барельефом в виде Голгофского креста.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На торце в изголовье оформлена трапециевидная рамка с надписью внутри, торец в изножье декора не имеет.

Надпись на правой боковой стенке (рис. 2):

Подъ симъ камнемъ погр /еб/¹⁷¹

тно тело раба божіа свашчен

ика перемышльскаго собо

ра отца Феодара Андрее

вича Соколова

Надпись на левой боковой стенке:

скончалса 13 апрѣла 1887

года житія его

было 76 лет

Надпись на торце в изголовье:

господи п[р]и

ми его духъ

[съ] миромъ

На торце в изголовье следов окраса фона или надписи не фиксируется. Характер начертания надписей свидетельствует о том, что они наносились рукой не профессионального резчика. Подобные случаи описаны и исследователями белокаменных надгробий – несмотря на то, что, судя по всему, стоимость нанесения надписи была невысокой, и ее могли позволить себе все, кто покупал плиту, встречаются надписи-граффити [Беляев, 2007, 137].

Рис. 2. Намогильный памятник № 23 (священника Ф.А. Соколова) со следами синей/голубой краски фона и надписью, оформленной черным цветом

Fig. 2. The grave monument № 23 (of the priest F.A. Sokolov) with traces of blue / light blue background paint and black inscription

Надгробия с голубой окраской встречены, например, на Всехсвятском кладбище г. Тулы¹⁷².

¹⁷¹ Буквы «еб» расположены за пределами рамки.

¹⁷² См. надгробие Глаголева [Всехсвятское кладбище].

В одном случае встречено только подкрашивание надписи черной краской. Намогильный памятник № 35, вероятно, перемещен, имеются незначительные утраты в нижней части, представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная. На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы, в которые вписаны надписи. Надпись на правой стенке имеет значительные утраты, прочесть ее не представляется возможным. На торце в изголовье оформлены две трапециевидные рамки, пространство между ними украшено растительным орнаментом, в верхней части (изголовье имитации крышки) расположен барельеф в виде орудий страстей. В пространство внутренней рамки вписана эпитафия. Торцевая часть не имеет орнамента и иных украшений.

Надпись на левой боковой стенке:

Любезныя мои сродницы приде[те]
и на сей хладный камень вы воззрите
[и любовь] мою к вамъ помяните и поменовені
душе моеї сотворите! ни слезами но молитвами

кто ближним [помогал тотъ] всехъ любилъ душой
того и нѣ [зарастет могила] травой
Надпись на торце в изголовье ¹⁷³:

□
□дѣши
Во царствии си

Буквы на левой боковой стороне памятника имеют окрас черной краской. Других следов окраса фона, рамок или розеток не обнаружено.

Заключение

Вопрос о том, является ли окрас намогильных памятников первоначальным или они были окрашены в более позднее время, остается открытым. По материалам кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще можно достоверно говорить о более позднем окрашивании лишь одного надгробия (№ 22), которое сохранило следы двух разновременных окрасок – в голубой и впоследствии в зеленый цвет. Кроме того, голубой окрас также, вероятно, не был изначальным, поскольку заметно, что голубая краска нанеслась без учета рельефа и расположения надписей (рис. 3).

Расположение не перемещенных памятников также не проясняет этот вопрос – если памятник № 16, расположенный у края ныне существующей дорожки, ведущей от входа на кладбище к храму, равно как и памятник № 21, окрашенным торцом выходящий к незазантой могилами площадке вокруг церкви, могли быть подкрашены специально, то памятник № 33 расположен не в зоне свободной видимости.

То же можно сказать и относительно явно перемещенных надгробий – так, окрас букв эпитафии, расположенной на намогильном памятнике № 35 (памятник расположен у дорожки и хорошо виден идущим в храм), фиксируется на боковой стороне, обращенной от храма, соответственно, не виден с площадки вокруг церкви.

В зоне видимости расположено надгробие № 7, Голгофский крест на крышке которого мог быть специально подкрашен зеленой краской, однако изначально это было сделано или спустя некоторое время, достоверно установить не получится.

¹⁷³ Несмотря на утраты в двух верхних строках, восстановить эпитафию не составляет труда, поскольку она представляет собой уже вышеупомянутую распространенную выдержку из Евангелия от Луки (гл. 23): *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем.*

Рис. 3. Намогильный памятник № 22 со следами вторичной окраски в зеленый цвет
Fig. 3. Grave monument № 22 with traces of secondary coloring in green

Интерес вызывает надгробие № 23, поскольку черной краской подведены буквы в надписи, дающей нам информацию о покойном, в частности о том, что усопший являлся священником Перемышльского собора. Надписи на остальных двух сторонах не подкрашены, хотя следы голубоватого фона фиксируются везде, кроме торца в изголовье. Можно с осторожностью предположить, что голубоватый окрас, к тому же выполненный с учетом рельефа, мог быть выполнен изначально, а вот буквы могли быть подкрашены и позднее.

Совершенно не ясно и время появления окраса на надгробии № 27, смещенном к ограде кладбища, поскольку оно не только не находится в зоне прямой видимости, но и труднодоступно для осмотра.

Список литературы

- Абакулов В.И., 2011. Историческая топография и локализация кладбищ Боровского района Калужской области. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=qdbneujl_rus&id=12 (дата обращения: 17 января 2022).
- Алексеев А.В., 2013. Звенигородский некрополь. Исторические кладбища города и округи. Звенигород, ГБУК МО «Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей», 48, ил.
- Беляев Л.А., 1993. Проблема христианского и «языческого» в погребальном обряде средневековой Москвы. Конференция Истоки русской культуры (археология и лингвистика) 7–9 декабря 1993 г. Москва. Тезисы докладов: 29–32.
- Беляев Л.А., 1996а. Древнерусское надгробие: мир семантических загадок. Живая старина. 3: 36–39.
- Беляев Л.А., 1996б. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., Модус-Граффити, 572.
- Беляев Л.А., 2000. Древнерусское надгробие в контексте христианской культуры. Вестник РГНФ. 3: 71–83.
- Беляев Л.А., 2007. Лапидарная эпиграфика Москвы XV–XVII вв.: современные проблемы. Российская археология. 1: 133–142.

- Беляев Л.А., 2015. Археолог на кладбище. О чем рассказывают живым его находки в городах мертвых. Московское наследие. 3 (39): 28–35.
- Васильева Е.Е., 2020. Обследование некрополя церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Роще (г. Боровск). Археологические открытия. Т. 2018: 162–164.
- Всесвятское кладбище. URL: <https://regnum-mortuus.jimdo.com/некрополи/тула-тульский-край/тула-всесвятское-кладбище> (дата обращения: 25 января 2022).
- Жердева А.С., Абакулов В.И., Павлишак А.А. Сохранившиеся белокаменные надгробия и закладные доски XV–XVIII вв. на территории Калужской губернии. К составлению свода. URL: <http://kokm.ru/ru/po/nad/> (дата обращения: 21 января 2022).
- Ковшарь И.Г., 1997. Семантика изображений на надгробных памятниках XIX века тульского некрополя. Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Материалы. Тула. URL: <https://tiam-tula.ru/semantika-izobrazhenii-na-nadgrobnnykh/> (дата обращения: 21 января 2022).
- Ковшарь И. Г., 2003. Тульский некрополь: надгробные памятники конца XVIII – начала XX вв. Тульский краеведческий альманах: 128–133.
- Ковшарь И.Г., 2018. Тульский некрополь: белокаменная резьба XVIII века. В кн.: Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века. М., Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН: 71–73.
- Надиевский С., 2015. От Симеона Полоцкого до Сергея Каледия. Некрополь в русской литературе. Московское наследие. 3 (39): 116–120.
- Нетунахина Г.Д., 1978. Русское художественное надгробие второй половины XVIII – первой четверти XIX в. В кн.: Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура: к истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М., Искусство, 312. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st018.shtml> (дата обращения: 17 января 2022).
- Петросян Г.Л., 2007. Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван, 393 (на арм. яз.).
- Святославский А.В., 2004. Традиция памяти в Православии. М., «Древлехранилище», 224, илл.
- Шокарев С.Ю., 2015. Московский некрополь. От курганов до мавзолея. Московское наследие. 3 (39): 4–13.

References

- Abakulov V.I., 2011. Istoricheskaja topografija i lokalizacija kladbishh Borovskogo rajona Kaluzhskoj oblasti [Historical topography and localization of cemeteries in the Borovsky district of the Kaluga region]. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=qdbneujl_rus&id=12 (accessed 17 January 2022) (in Russian).
- Alekseev A.V., 2013. Zvenigorodskij nekropol'. Istoricheskie kladbishha goroda i okrugi. Zvenigorod, GBUK MO «Zvenigorodskij istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej», 48, il. [Zvenigorod necropolis. Historical cemeteries of the city and the surrounding area. Zvenigorod, GBUK MO «Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum», 48] (in Russian).
- Beliaev L.A., 1993. Problema hristianskogo i «jazycheskogo» v pogrebal'nom obrjade srednevekovoj Moskvy [The problem of Christian and «pagan» in the funeral rite of medieval Moscow. Conference: Origins of Russian Culture (Archaeology and Linguistics). December 7–9, 1993, Moscow. Abstracts: 29–32] (in Russian).
- Beliaev L.A., 1996a. Drevnerusskoe nadgrobie: mir semanticheskikh zagadok [Old Russian tombstone: the world of semantic riddles]. Zhivaja starina. 3: 36–39 (in Russian).
- Beliaev L.A., 1996b. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval gravestone. White-stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia XIII–XVII centuries]. М., Modus-Graffiti, 572 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2000. Drevnerusskoe nadgrobie v kontekste hristianskoj kul'tury [Old Russian tombstone in the context of Christian culture]. Vestnik RGNF. 3: 71–83 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2007. Current studies of the inscribed gravestones of the 15th – 17th-century Moscow. Russian archeology. 1: 133–142 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2015. Arheolog na kladbishhe. O chem rasskazyvajut zhivym ego nahodki v gorodah mertvyh [Archaeologist at the cemetery. What do his finds in the cities of the dead tell the living?]. Moskovskoe nasledie. 3 (39): 28–35 (in Russian).

- Vasileva E.E., 2020. Obsledovanie nekropolja cerkvi Rozhdestva Presvjatoj Bogorodicy v Roshhe (g. Borovsk) [Investigation of the necropolis at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha (Borovsk)]. *Arheologicheskie otkrytija*. Vol. 2018: 162–164 (in Russian).
- Vsesvjatskoe kladbishhe [All Saints Cemetery]. URL: <https://regnum-mortuus.jimdo.com/nekropoli/tula-tul'skij-kraj/tula-vsesvjatskoe-kladbishhe> (accessed 25 January 2022) (in Russian).
- Zherdeva A.S., Abakulov V.I., Pavlishak A.A. Sohranivshiesja belokamennye nadgrobija i zakladnye doski XV–XVIII vv. na territorii Kaluzhskoj gubernii. K sostavleniju svoda [Preserved white-stone tombstones and embedded boards of the 15th – 18th centuries on the territory of the Kaluga province. To compiling a corpus]. URL: <http://kokm.ru/ru/po/nad/> (accessed 21 January 2022) (in Russian).
- Kovshar' I.G., 1997. Semantika izobrazhenij na nadgrobnih pamjatnikah XIX veka tul'skogo nekropolja [Semantics of images on tombstones of the 19th century in the Tula necropolis]. *Istoriko-arheologicheskie chtenija pamjati N.I. Troickogo. Materialy*. Tula. URL: <https://tiam-tula.ru/semantika-izobrazhenii-na-nadgrobnih/> (accessed 21 January 2022) (in Russian).
- Kovshar' I.G., 2003. Tul'skij nekropol': nadgrobnye pamjatniki konca XVIII – nachala XX vv. [Tula necropolis: tombstones of the late 18th – early 20th centuries]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*: 128–133 (in Russian).
- Kovshar' I.G., 2018. Tul'skij nekropol': belokamennaja rez'ba XVIII veka [Tula necropolis: white stone carving of the 18th century]. In: *Zhizn' v Rossijskoj imperii: Novye istochniki v oblasti arheologii i istorii XVIII veka*. M., IA RAS, IRH RAS: 71–73 (in Russian).
- Nacievskij S., 2015. Ot Simeona Polockogo do Sergeja Kaledija. Nekropol' v russkoj literature [From Simeon of Polotsk to Sergei Kalediy. Necropolis in Russian literature]. *Moskovskoe nasledie*. 3 (39): 116–120 (in Russian).
- Netunahina G.D., 1978. Russkoe hudozhestvennoe nadgrobie vtoroj poloviny XVIII – pervoj chetverti XIX v. [Russian artistic tombstone of the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. In: *Ermonskaja V.V., Netunahina G.D., Popova T.F. Russkaja memorial'naja skul'ptura: k istorii hudozhestvennogo nadgrobija v Rossii XI – nachala XX v. M., Art*, 312. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st018.shtml> (accessed 17 January 2022) (in Russian).
- Petrosyan H.L., 2007. *Khachkar: The origins, functions, iconography, semantics*. Erevan, 393 (in Armenian).
- Svjatoslavskij A.V., 2004. Tradicija pamjati v Pravoslavii [The tradition of memory in Orthodoxy]. M., «Ancient repository», 224, ill. (in Russian).
- Shokarev S.Ju., 2015. Moskovskij nekropol'. Ot kurganov do mavzoleja [Moscow necropolis. From kurgans to mausoleum]. *Moskovskoe nasledie*. 3 (39): 4–13.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received 06.02.2022

Поступила после рецензирования 22.04.2022

Revised 22.04.2022

Принята к публикации 22.04.2022

Accepted 22.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильева Елена Евгеньевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Elena E. Vasileva, Ph.D., junior researcher, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-2723-3184](https://orcid.org/0000-0002-2723-3184)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327, 005

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-461-470

Оригинальное исследование

Некоторые вопросы методологии изучения политических процессов в Евразии

Искаков И.Ж.

Университет при МПА ЕврАзЭС,

Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, д. 14, корп. 1

E-mail: iiel2002@mail.ru

Аннотация. В современной Евразии исследователи отмечают изменения в политических процессах, когда подлинными их субъектами становятся региональные объединения, а не государства. Такой региональный процесс, как евразийская интеграция, и сегодня остаётся флагманской инициативой российской внешней политики. Однако в его развитии отмечаются проявления торможения, замедления, несогласованности между членами Евразийского экономического союза. Для формирования эффективной и реалистической программы дальнейшей эволюции евразийской интеграции необходимо углубить теоретическое осмысление феномена, включая его влияние на политические процессы в Евразии. В статье кратко характеризуются возможности изменения методологии проводимых исследований политического аспекта регионального процесса. Результатом исследования выступает вывод о том, что используемая методология пока ещё остаётся недостаточно разработанной и требует совершенствования подходов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, политические процессы, методология, исследования, совершенствование подходов

Для цитирования: Искаков И.Ж. 2022. Некоторые вопросы методологии изучения политических процессов в Евразии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 461–470. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-461-470

Some questions of the methodology studying political processes in Eurasia

Irlan Zh. Iskakov

University associated with the IPA of EurAsEC,

14 Smolyachkov St., Saint Petersburg 194044, Russia

E-mail: iiel2002@mail.ru

Abstract. In modern Eurasia, researchers note changes in political processes when regional associations, not states, become their real subjects. Such a regional process as Eurasian integration remains the flagship initiative of Russian foreign policy even today. However, in its development, there are manifestations of deceleration, deceleration, inconsistency between the members of the Eurasian Economic Union. In order to form an effective and realistic program for the further evolution of Eurasian integration, it is necessary to deepen the theoretical understanding of the phenomenon, including its impact on political processes in Eurasia. The article briefly describes the possibilities of changing the methodology of the research conducted on the political aspect of the regional process. The result of the study is the conclusion that the

methodology used is still insufficiently developed and requires improvement of approaches. Some new methodological approaches to the study of political processes in the Eurasian space are proposed.

Key words: Eurasian integration, political processes, methodology, research

For citation: Iskakov I. Zh. 2022. Some questions of the methodology studying political processes in Eurasia. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 461–470 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-461-470

Введение

Современная политология определяет политические процессы как совокупную деятельность субъектов политики, благодаря чему обеспечивается функционирование и развитие политической системы. Такое определение вошло и в большинство применяемых учебников высшей школы. Вследствие трансформаций евразийского политического ландшафта после распада СССР политические процессы в Евразии выступают объектом всё более пристального внимания исследователей, экспертов, практических работников в различных странах. Сегодня стали складываться новые союзы, возникать естественные партнёрские отношения, отмирать прежние связи и рушиться под своей тяжестью традиционно доминирующие колоссы однополярного мира [Кононов, 2022]. В нынешних реалиях евразийская интеграция остаётся важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Вследствие этого в публикациях и выступлениях особое место начали занимать политические аспекты регионального интеграционного процесса. Обратим внимание на характеристику евразийства, данную группой российских исследователей, которые подчеркнули, что изначальная ориентация этого движения на философско-религиозные аспекты со временем приобрела явный политический уклон [Савин и др., 2021].

Реальное состояние евразийской интеграции обусловило мнение учёных о потребности в совершенствовании методологии изучения данного феномена. Ранее большинство исследователей (зарубежных и российских) практиковали три основные, несводимые друг к другу и конкурирующие методологические позиции в изучении евразийской экономической интеграции: теорию кризиса национального государства и его несостоятельности перед лицом глобализации, теорию глокализации и теорию «конфликта цивилизаций». Происходящие сегодня изменения политического пространства на евразийском континенте, появление новых факторов, не ускоряющих, а скорее тормозящих процесс региональной интеграции, поставило перед научными работниками проблему уточнения подходов к научно-методологическому обоснованию этого значимого явления.

Некоторые аспекты совершенствования методологических подходов

В связи с происходящими в мире событиями и явлениями научное сообщество значительно сократило «прославление» процесса глобализации, стало уделять большее внимание глобализационным кризисам и их влиянию на различные сферы жизнедеятельности человека; изменениям в политических институтах евразийских стран. Напомним, что первоначально понятие «региональная интеграция» отличал явно выраженный экономический акцент. Со временем в процессе появились аспекты: политический, социокультурный; он стал обретать некую целостность, что, естественно, потребовало изменений в изучении его деятельности. Если первоначально Н.А. Назарбаев предлагал именно экономический Евразийский союз, то впоследствии возникла потребность в придании процессу гуманитарного измерения [Глазьев, 2017, 2020]. В исследованиях последних лет авторы выделили два важных признака, отличающие евразийскую интеграцию от европейской. Первый из них заключается в принципе подлинного равноправия государств, участвующих

щих в региональном интеграционном процессе. Оно проявляется в том, что ключевые решения принимаются единогласно при условии достижения согласия всех государств-участников ЕАЭС. Второй принцип евразийской интеграции можно определить как принцип гуманизма, непосредственно воздействующий на наиболее сложные и дискуссионные вопросы этого процесса. Подобные принципы осуществления интеграции на евразийском континенте, семь лет назад выделенные С.А. Хапилиным в его диссертационном исследовании [Хапилин, 2015], ныне приняты экспертами и акторами региональной интеграции на постсоветском пространстве.

Сегодня в актуальный объект научного изучения превратилась политическая деятельность национальных государств-участников евразийской интеграции. Э. Хобсбаум в своё время утверждал, что после Второй мировой войны территориальное государство стало универсальным институтом международной политики. Со временем основы его существования подрывались вследствие формирования транснациональной экономики, которая во второй половине XX в. стала укреплять контроль над миром [Hobsbaum, 1998, p. 4–5]. Для России это мнение зарубежного учёного приобретает особую важность в связи с поворотом её на Восток, в том числе и в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот поворот ставит на повестку дня изучение опыта совместного существования народов бывших советских республик в рамках Российской Империи и Советского Союза, что неизбежно требует применения исторического и системного подхода.

Изучение политических процессов в современной Евразии должно учитывать целый ряд обстоятельств, ощутимо влияющих на их формирование, функционирование и эволюцию. Помимо древних национальных и региональных традиций (к тому же весьма различных у народов земледельческих и скотоводческих), на них влияет множество иных факторов – как сугубо современных, так и возникших в советский период их истории. Попытки объяснить особенности политических систем стран Центральной Азии, исходя лишь из общих исторических представлений о «восточном пути», научно несостоятельны и не ведут к пониманию сложных и многогранных явлений политической жизни среднеазиатских государств.

Представляет интерес позиция представителей классического евразийства, считавших, что Россия и Запад имеют разные системы ценностей и вследствие этого реализуют разные цивилизационные модели. Примеры их противостояния легко можно обнаружить во всемирной истории разных эпох. Необходимо также учитывать, что исключительно важное стратегическое положение региона Центральной Азии и имеющиеся в нём богатейшие запасы энергетических ресурсов, обладающие принципиальным значением для глобальной экономики, служат причинами соперничества здесь крупнейших акторов мировой политики (США, Европы, Китая, России). Объективное изучение современного состояния региональной интеграции нельзя осуществлять без знания политических действий, в XIX–XX вв. осуществлявшихся империалистическими державами в различных регионах Азии, особенностей столкновения здесь их экономических и политических интересов, а также без объективной оценки продолжающего господствовать в атлантических странах колониалистского отношения к евро-азиатским народам и их культурам. Для характеристики такого отношения можно применить слова А.Г. Дугина: «за гуманистической, просветительской риторикой Запада стоит неумолимость колонизатора, жёстко отстаивающего свои интересы, лишённого сантиментов по отношению к покорённым народам» [Дугин, 2001].

В западных странах регулярно предпринимались разнообразные попытки маскировки подобных настроений. Основатель теории глобализации Р. Робертсон старался показать, что глобализация не только не ведёт к унификации и стандартизации мира, в котором хозяйничают транснациональные корпорации, но, напротив, способствует усилению региональных идентичностей [Robertson, 1992]. Он же предложил концепцию глокализации, нашедшую своих сторонников среди представителей европейской и американской науки. У. Бек объяснял феномен глокализации, с одной стороны, как способ сохранения культур,

традиций и самих политических наций, а с другой – как чисто экономическую стратегию, позволяющую развивать локальные экономики в рамках целостного мира [Бек, 2001].

В 1990-х гг. в сторонников глобализации и позиций западной науки превратилось большинство бывших советских республик. Глобализация стала для них наиболее привлекательным процессом международного взаимодействия. В 2000 г. К.-Ж. Токаев определял глобализацию как объективную закономерность развития современного мира. Он высказал мнение, что она оказывает как позитивные, так и негативные последствия для всех включённых в неё народов, стран и регионов, в том числе и для Казахстана, приведя в качестве примера тот факт, что «Казахстан уже стал членом многих международных организаций, союзов государств, и это ещё не предел» [Токаев, 2000, с. 330]. Одобрительно оценивали фактор глобализации и в других среднеазиатских государствах, преувеличивая его положительные и как бы не замечая отрицательные следствия. Узбекский исследователь Д.Б. Нишанов в своей диссертационной работе утверждал, что несмотря на многочисленные региональные и этнические конфликты, мировое сообщество инстинктивно тянется к стабильности, спокойствию и согласию [Нишанов, 2008, с. 240].

Изменения политической ситуации на евразийском пространстве имели следствием формирование новых взглядов. Их приверженцы говорили и писали о трудностях, с которыми приходится сталкиваться национальным государствам в их попытках самостоятельно решать порождённые глобализацией экономические, экологические, социальные, научно-технические и прочие проблемы. Постепенно в таких государствах формировалась убеждённость в успешности совместного противостояния возрастающим опасностям с помощью образования региональных сообществ [Романов, 2017, с. 76]. Однако в работе таких объединений обязательной составляющей при прагматических поисках совместного решения проблем являлась защита собственных национальных интересов [Смагулова, 2012, с. 118].

Применение в исследованиях принципа системности обусловливается тем, что сегодня процесс евразийской интеграции включает множество различных стратегий, региональных организаций, механизмов сотрудничества и инициатив, выдвинутых разными странами Евразии. Недостаточно назвать ШОС, Евразийский экономический союз, ОДКБ. Особое значение приобрели китайское предложение Экономического пояса Великого Шёлкового пути и российский проект Большого евразийского партнёрства. Следует также не упускать из виду проявления интеграции в самой Азии, например, образование Совета сотрудничества тюркоязычных государств; турецкую идею создания «Великого Турана» и т. п. Нельзя недооценивать и политическое значение подписания в 2018 году соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР.

Сегодня ситуация продолжает меняться. Мир теряет свой однополярный характер, доллар перестаёт быть главным в мире платёжным средством и уступает позиции национальным валютам, например, юаню. Американский авторитет в различных регионах мира стал размываться, на смену ему пришло усиление влияния Китая, России, Индии, а среди исламских государств – Турции. Так, к 30-летию установления дипломатических отношений между странами Центральной Азии и Китаем был организован саммит глав государств, названный «Центральная Азия – Китай». Выступая на нём, президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев отметил беспрецедентный динамизм, высокое доверие и подлинное добрососедство казахстанско-китайского сотрудничества [Стативкина, 2022].

Современные реалии обусловили обновление методологических подходов к анализу особенностей экономического и социально-политического развития постсоветских государств. Политики Запада осознали тщетность попыток превратить страны Средней Азии в модельные демократии западного образца. Проявилась необходимость выделить особые черты политических институтов во вновь образованных независимых государствах Евразии. Сегодня многие исследователи, к примеру, стали учитывать цивилизационные различия, первоначально оставшиеся вне внимания экспертов (когда Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан стали вводить экономику свободного рынка и полити-

ческие институты западного образца). Отдельным предметом научного анализа оказались различия в заявлениях и реальных изменениях политических систем новых евразийских государственных образований.

Общая для этих государств позиция сформировалась относительно основного принципа евразийской философии, который был назван «цветущей сложностью», поскольку этот термин можно считать аналогом многополярности. В один ряд с «цветущей сложностью» реально поставить мнение самих представителей классического евразийства, что большевики не являются абсолютным злом, а скорее в Советском Союзе реализовалась специфическая разновидность евразийства. Сегодня Белоруссия, Казахстан, Россия усилили политический аспект евразийской интеграции, поставив перед участниками регионального интеграционного процесса не только национальные, но союзные задачи (в рамках уже Евразийского экономического союза). В стремлении доказать, что евразийская интеграция есть форма утраты национального суверенитета новыми государствами Евразии, западные политики прибегали к результатам исследований прежних лет, в частности, к теории «восточного деспотизма» К.А. Витфогеля. Его работы отразили живучесть идеологического стереотипа «свободного и динамично развивающегося Запада» и «порабощённого, косного, неподвижного Востока». Он воспроизводился атлантистами на протяжении многих веков. На его основе получило широкое распространение утверждение Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Но данный стереотип имеет вненаучную природу: представление о «восточном деспотизме» является важной составляющей западного политического самосознания, и его теоретическое обоснование имеет целью скорее укрепление этого самосознания, чем действительное познание иной политической культуры. Таким образом, политическая практика показала некорректность старинной оппозиции Запада и Востока. Российские учёные давно привлекали внимание к неправомерности подобного утверждения. В 2007 г. Т.П. Григорьева опубликовала новую оценку упоминаемой оппозиции, назвав Восток и Запад Евразии двумя полушариями единого мозга. По мнению автора, ни одна из сторон не может обойтись без другой: начинает саморазрушаться [Григорьева, 2007, с. 72]. Времена империалистического колониализма давно прошли, но многие его пережитки в сознании политиков и политологов Запада сохраняются и поныне. Ослабление и разрушение однополярного мира продемонстрировало растущую мощь Востока, его усиливающееся влияние на политические процессы во всём мире, особенно в различных регионах Евразии.

Общие идеологические установки, в начале 1990-х годов предопределившие первоначальные принципы государственного строительства в бывших советских республиках, не содержали конкретных ответов на те социально-экономические и политические вопросы, которые стали актуальны почти сразу после обретения ими независимости. Суверенитет есть возможность принимать самостоятельные решения: чем большую самостоятельность проявляет государство в принятии того или иного решения, тем более оно демонстрирует и укрепляет свою роль в развитии интеграционных процессов. В целом уровень теоретического осмысления феномена евразийской интеграции остаётся недостаточным для формирования эффективной программы её углубления; данная интеграция до сих пор во многом происходит как бы «наугад». Постепенно постсоветские страны нашли собственные, во многом различающиеся между собой стратегии экономической и политической модернизации. Можно выделить, например, различия между Казахстаном и Киргизией, осуществлявшими экономическую модернизацию с опорой на энергоресурсы (в них политическая система может быть определена как управляемая демократия), и Туркменией и Узбекистаном, где модернизация проводилась авторитарными методами при сохранении государством полного контроля над экономикой.

Сложившиеся в молодых азиатских государствах политические системы можно рассматривать как результат компромисса между требованиями официально провозглашённой прозападной идеологии (права человека, гражданские свободы, конкурентная рыноч-

ная экономика, демократическое государственное устройство) и исторически сложившимися социально-экономическими реалиями (включая традиционную политическую культуру евро-азиатских народов, особенно в Центральной Азии). Следует внимательнее отнестись к мнению ряда экспертов, утверждающих, что в среднеазиатских странах сохраняется угроза внутренних межнациональных и других конфликтов, религиозного экстремизма и т. д. Исторический опыт накладывает на требования отдельных государств, участвующих в региональном интеграционном процессе, определённые ограничения.

В последние годы яснее стала оценка специфики политических процессов и организации политической жизни среднеазиатских государств. Она объясняется их геополитическим положением, позицией в мировой системе экономических связей, особенностями традиционного социально-экономического уклада, связанного с иным, чем в европейских странах, характером отношений между властью и собственностью. Последний фактор внимательно и долгое время исследовался российскими китаеведами. Так, Л.С. Васильев предложил обобщающую концепцию «власти-собственности» [Васильев, 1982, 1993, 2000]. Согласно этой концепции, в восточных обществах политическая и экономическая власть неразделимы. Именно это обстоятельство определяет отличия политической жизни стран Азии, а также их идеологии. Исторически сложившаяся особенность политических систем азиатских государств обуславливает применение синкретичного подхода к их изучению, учитывая и внутренние, и внешние воздействия.

Внешние факторы продолжают оказывать значительное влияние на формирование и функционирование политических институтов азиатских государств. На протяжении 1990-х годов определяющими для всех новых государственных образований были отношения с США и другими западными странами. Сегодня одновременно с сокращением сотрудничества с Западом произошло усиление влияния Турции, Ирана и особенно Китая, который уделяет большое внимание наращиванию своего экономического присутствия в регионе. В отличие от США и ЕС, эти страны не выдвигают в качестве условия экономического сотрудничества проведение каких-либо политических реформ, однако взаимодействие с ними, безусловно, оказывает влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику стран Средней Азии и функционирование их политических институтов. Наконец, важнейшим фактором политического развития постсоветских государств, как входящих, так и не входящих в ЕАЭС, остаются взаимоотношения с Россией. Исследование этой проблемы, несомненно, требует корректирования позиций.

Проведение научных исследований регионального интеграционного процесса, в том числе и его политического аспекта, потребовало объективизации методологических подходов. Так, к примеру, в рассмотрении политических процессов в Евразии, особенно после появления новых независимых государств, систематически недооценивалось значение некоторых факторов в политической жизни государств Средней Азии. К ним следует отнести, прежде всего, этнические обстоятельства. Вне внимания исследователей оставались родовые и клановые формы общественной организации и их влияние на политические события в регионе. Наличие в этих обществах родов, кланов, племён, традиционных сельских общин и других исторических общностей долгое время замалчивалось. Сегодня политическими и иными науками накоплен значительный материал этнических взаимоотношений на евразийском пространстве, что обусловило обращение российских политологов к изучению этих аспектов политической жизни в Евразии. В последнее время появились работы, в которых анализируются свидетельства значительного влияния межнациональных отношений на политические процессы во всех странах. Представляется необходимым с применением системного подхода осуществлять трансдисциплинарные (политологические, социологические, этнологические, культурологические, иные) научные исследования подобных факторов в разных государствах Евразии. Объективизация методологических подходов позволит осмыслить значение этнического фактора непредубежденно, рационально, с тем, чтобы дать объективную оценку с точки зрения

интересов и конкретного общества, и региона в целом. Обратим внимание на выводы, к которым пришёл туркменский историк и этнолог Ш.Х. Кадыров, впервые определивший племенную структуру туркменского общества как политический фактор. Он отметил: «Туркменистан отличался от Таджикистана относительно малочисленной национальной интеллигенцией, а также отсутствием общенациональной идентичности. <...> Межплеменная вражда, восходящая корнями к давним историческим событиям, играет очень большую роль во внутритуркменской кланово-политической жизни» [Кадыров, 2003, 2016]. А.А. Казанцев, эксперт Российского совета по международным делам, подчеркнул, что Кадыров был первым в исследовании этнических проблем как фактора политической реальности в Туркмении [Казанцев, 2017].

Представляет интерес для исследователя и ситуация, сложившаяся в Киргизии. Относительная демократичность политической системы этой республики имеет и обратную сторону – политическую нестабильность. Эксперты видят частичное объяснение подобной ситуации в том, что здесь почти все многочисленные этнические и другие традиционные общности, независимо от их экономического положения, имеют своих политических представителей. Г. Лукьянов отмечает: «В 2010–2016 гг. <...> было зарегистрировано более двухсот партий, значительная часть которых остаётся жизнеспособной и активно участвует в политической жизни страны на различных уровнях: от районного и муниципального до областного и общереспубликанского» [Лукьянов, 2017]. Это позволяет ряду исследователей рассматривать Киргизию как «остров демократии» в регионе.

Нельзя не обратить внимание, что имеется и другое объяснение, даваемое авторами, считающими, что подобное положение дел обусловлено глубокой традиционностью политического сознания, приверженностью догосударственным патриархальным формам общности и опять-таки отсутствием национального единства. Они отмечают, что в республике имеется богатая традиционная культура сельских районов и воспроизводимая ею клановая политическая культура. Она содержит систему неформальных норм и правил общественного поведения, соблюдение которых, в свою очередь, образует непреодолимое препятствие для дальнейшей интеграции представителей национальных меньшинств в политическую систему Киргизии.

Западные учёные не один век изучали конфликты и компромиссы между привилегированными и неполноправными, собственниками и наёмными работниками и сделали вывод, что такие противостояния являют собой стержень европейской и американской политической истории нового и новейшего времени. Однако подобные общественные отношения никогда не служили основой политических процессов в азиатском регионе. По этой причине западные авторы в последнее время усилили внимание к проблеме кланов и их влияния на политическую действительность в Средней Азии. В этом отношении высказывались прямо противоположные оценки: от простого объявления архаических социальных структур и их политической роли «язвами средневековья» [Куртов, 2006] до утверждений об их объективно позитивном значении. При отсутствии хорошо разработанной методологии научного анализа данного фактора оказывается крайне сложным определить, способствует ли он в целом достижению фундаментальных целей политического развития азиатских государств или, напротив, противоречит им.

Заключение

При анализе политических процессов на евразийском континенте исследователи сталкиваются со многими методологическими проблемами. Такая ситуация, проявляющаяся разнообразными затруднениями, в том числе некорректностью используемой терминологии, противоречиями в оценках политических процессов в Евразии, включая и евразийскую интеграцию, сложилась не случайно. Основной причиной выступает несоответствие концепций и схем, разработанных для анализа политических процессов и систем других регионов, и

наличествующих азиатских политических реалий. Для исследователей прежних лет (и ряда современных) неизбежны попытки применить в своём научном поиске эти готовые схемы и шаблоны, однако подобные исследования оказываются несостоятельными. Чтобы понять происходящие в евразийском пространстве политические процессы, необходимо выработать новые методологические подходы, соответствующие предмету изучения. В их число мы предлагаем включить рассмотренные в статье историзм, объективность, синкретизм, системность. Таким образом, можно сделать вывод, что используемая сегодня методология требует совершенствования и обновления. При сохранении методологии исследования политических процессов на континенте по западному образцу корректный научный политологический анализ политической действительности региона не будет иметь места, а оценки и выводы сохраняют свою неполноту, неубедительность и бесперспективность. Подобные результаты не будут интересны и полезны ни исследователям политических процессов в Евразии, ни непосредственным участникам регионального интеграционного процесса.

Список литературы

- Бек У. 2001. Что такое глобализация? М., Прогресс-Традиция, 304 с.
- Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев. М., Наука, 60–99; Иванов Н.А., Васильев Л.С. 1993. Введение. В кн.: Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М., Наука, 3–25.
- Глазьев С.Ю. 2017. Евразийская экономическая интеграция в широком геополитическом контексте. В кн.: Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. Том I. СПб., Университет при МПА ЕврАзЭС, 376. 9–28.
- Глазьев С.Ю. 2020. Управление развитием систем хозяйствования в государствах Евразии: учебник. В 2-х тт. СПб., Университет при МПА ЕврАзЭС (Серия «Евро-Азиатский учебник»).
- Григорьева Т.П. 2007. Философия красоты. Вопросы философии, 1: 61–74.
- Дугин А.Г. 2001. Евразийство: от философии к политике. Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html (дата обращения: 13/01/2019)
- Иванов Н.А., Васильев Л.С. 1993. Введение. В кн.: Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., Наука, 3–25.
- Кадыров Ш.Х. 2016. Клятва на «крови». Этнологика нациостроительства. М., IFECAS, 186.
- Кадыров Ш.Х. 2003. «Нация» племён. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М., Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН. 362
- Казанцев А. 2017. Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределённое будущее. Режим доступа: <http://A/russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo>
- Кононов И. 2022. Истерика на Западе. Режим доступа: https://g.news-network.ru/api/v1/te/?ad_id=1611354&ad_ind=1&ad_score (дата обращения: 03.03.2022)
- Кулиев А. Туркменская элита – взгляд изнутри. Режим доступа: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a063.htm> (дата обращения: 06.09.2019)
- Куртов А. 2006. Язвы средневековья в конституционных системах Центральной Азии. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/4646> (дата обращения: 09.11.2009)
- Лукьянов Г. 2017. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya> (дата обращения: 15.12.2020)
- Николаев Н. Что такое туркменские кланы сегодня и как они борются за власть. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/4818>
- Нишанов Д.Б. 2008. Внешняя политика Республики Узбекистан. Дисс. ... канд. ист. н. – М., 26.
- Романов О.А. 2017. Евразийская регионализация в контексте глобальных трансформаций миропорядка: историческое значение и сущность. Вестник Томского государственного университета. История. 50. 75–83.

- Савин Л., Базавлук С., Курьлёв К., Станис Д. 2021. Евразийская идеология и политические процессы. Режим доступа: <https://www.geopolitika.ru/article/evraziyskaya-ideologiya-i-politicheskie-processy> (дата обращения: 19.09.2021)
- Смагулова Д.К. 2012. Интеграционные процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы. Евразийская экономическая интеграция. 4 (17). 115–120.
- Стативкина А. 2022. О чём говорил Токаев на саммите глав государств «Центральная Азия – Китай». Режим доступа: <https://www.zakon.kz/6005242-polnoe-vystuplenie-tokaeva-na-sammite-glav-gosudarstv-tsentralnaia-aziia-kitai.html> (дата обращения: 23.05.2022)
- Токаев К.К. 2000. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. Астана, Изд-во АО «САК», 584.
- Хапилин С.А. 2015. Развитие евразийской экономической интеграции на основе модернизации механизма таможенного регулирования. Дисс. ... д-ра экон. наук. Ростов-на-Дону, 2015.
- Hobsbaum E. 1998. The nation and globalization // Constellations. March. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–9.
- Robertson R. 1992. Globalization: Social Theory and Global Culture. L., Calif., Sage, 211.
- Vasiliev L.S. 2000. East and West in history: the main parameters of the problematics. Alternative ways to civilization. M., p. 96–114.
- Wittfogel K.A. 1957. Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 570.

References

- Beck Ulrich. 1999. What Is Globalization? Cambridge, Polity Press. 180.
- Vasiliev L.S. 2000. East and West in history: the main parameters of the problematics. In: Alternative ways to civilization. M., p. 96–114.
- Glaz'ev S.Yu. 2017. Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya v shirokom geo-politicheskom kontekste [Eurasian economic integration in a broad geopolitical context]. V kn.: Evrazijskaya integraciya: istoki, problemy, per-spektivy: kollektivnaya monografiya / Obshch. nauchn. red. M.Yu. Spirinoj. [Eurasian integration: origins, problems, prospects: a collective monograph. General. scientific ed. by M.Y. Spirina] Tom I. SPb., Universitet pri MPA EvrAzES, 376. 9–28 (in Russian).
- Glaz'ev S.Yu. 2020. Upravlenie razvitiem sistem khozyaistvovaniya v gosudar-stvakh Evrazii: uchebnik [Management of the development of economic systems in the Eurasian States: textbook]. V 2-kh tt. SPb., Universitet pri MPA EvRAZES (Seriya «Evro-Aziatskii uchebnik» ISSN 2782–1501) (in Russian).
- Grigor'eva T.P. 2007. Filosofiya krasoty [The philosophy of beauty]. Voprosy filosofii, 1: 61–74 (in Russian).
- Dugin A.G. 2001. Evrazijskoe: ot filosofii k politike [Eurasianism: from Philosophy to Politics]. Electronic resource. Available at: https://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html (accessed: 13/01/2019)
- Ivanov N.A., Vasil'ev L.S. 1993. Vvedenie [Preface]. In: Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti [The phenomenon of Eastern despotism: the structure of governance and power]. M., Nauka, 3–25 (in Russian).
- Kadyrov Sh.Kh. 2016. Klyatva na «krovi». Etnologika natsiostroitelstva [An oath on «blood». Ethnologies of nation-building]. M., IFECAS. 186 (in Russian).
- Kadyrov Sh.Kh. 2003. «Natsiya» plemen. Etnicheskiye istoki. transformatsiya i perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane [A «nation» of tribes. Ethnic origins, transformation and prospects of statehood in Turkmenistan]. M., Tsentri tsivilizatsionnykh i regionalnykh issledovaniy IA RAN. 362 (in Russian).
- Kazantsev A. 2017. Postsovetskiy Turkmenistan: maloizvestnoye nastoyashcheye i neopredelennoye budushcheye [Post-Soviet Turkmenistan: little-known present and uncertain future]. Electronic resource. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashcheye-i-neo>
- Kononov I. 2022. Isterika na Zapade [Hysteria in the West]. Electronic resource. Available at: https://g.news-network.ru/api/v1/te/?ad_id=1611354&ad_ind=1&ad_score (accessed: 03.03.2022)
- Kuliev A. Turkmenskaya elita – vzglyad iznutri [The Turkmen elite – an inside look]. Electronic resource. Available at: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a063.htm> (accessed: 06.09.2019)
- Kurtov A. 2006. Yazvy srednevekovia v konstitutsionnykh sistemakh Tsentralnoy Azii [Plagues of the Middle Ages in the Constitutional Systems of Central Asia]. Electronic resource. Available at: <http://www.fergananews.com/articles/4646> (accessed: 09.11.2009)

- Lukianov G. 2017. Kyrgyzstan: «ostrov demokratii» pered vyzovom effektivnogo upravleniya [Kyrgyzstan: the «island of democracy» facing the challenge of effective governance]. Electronic resource. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (accessed: 15.12.2020)
- Nikolaev N. Chto takoe turkmenskie klany segodnya i kak oni boryutsya za vlast' [What are the Turkmen clans today and how do they fight for power]. Electronic resource. Available at: <http://www.fergananews.com/articles/4818>
- Nishanov D.B. 2008. Vneshnyaya politika Respubliki Uzbekistan [Foreign policy of the Republic of Uzbekistan]. Diss. ... kand. ist. n. M., 2008 (in Russian).
- Romanov O.A. 2017. Evraziiskaya regionalizatsiya v kontekste global'nykh transformatsii miroponyadka: istoricheskoe znachenie i sushchnost' [Eurasian Regionalization in the context of Global transformations of the World Order: historical significance and essence]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 50: 75–83 (in Russian).
- Savin L., Bazavluk S., Kurylyov K., Stanis D. 2021. Evrazijskaya ideologiya i poli-ticheskie processy [Eurasian ideology and political processes]. Electronic resource. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/evrazijskaya-ideologiya-i-politicheskie-processy> (accessed: 19.09.2021)
- Smagulova D.K. 2012. Integratsionnye protsessy v Tsentral'noi Azii: problemy i perspektivy [Integration processes in Central Asia: problems and prospects]. Evraziiskaya ehkonomicheskaya integratsiya. 4 (17): 115–120 (in Russian).
- Stativkina A. 2022. O chyom govoril Tokaev na sammite glav gosudarstv «Central'naya Aziya – Kitaj» [What Tokayev said at the summit of heads of state «Central Asia – China»]. Electronic resource. Available at: <https://www.zakon.kz/6005242-polnoe-vystuplenie-tokaeva-na-sammite-glav-gosudarstv-tsentralnaia-aziia-kitai.html> (accessed: 23.05.2022)
- Tokaev K.K. 2000. Vneshnyaya politika Kazakhstana v usloviyakh globalizatsii [Kazakhstan's foreign policy in the context of globalization]. Astana, Izd-vo AO «SAK», 584 (in Russian).
- Hapilin S.A. 2015. Razvitie evrazijskoj ekonomicheskoy integratsii na osnove modernizatsii mekhanizma tamozhennogo regulirovaniya [Development of the Eurasian economic integration based on modernization of the customs regulation mechanism]. Diss. ... d-ra ekon. nauk. Rostov-na-Donu, 2015.
- Hobsbaum E. 1998. The nation and globalization // Constellations. March. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–9.
- Robertson R. 1992. Globalization: Social Theory and Global Culture. L., Calif., Sage. 211.
- Vasil'ev L.S. 1982. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [The phenomenon of power-property. On the problem of the typology of pre-capitalist structures]. V kn.: Tipy obshchestvennyh otnoshenij na Vostoke v srednie veka / otv. red. L.B. Alaev [Types of social relations in the East in the Middle Ages / ed. by L.B. Alaev]. M., Nauka, 60–99.
- Wittfogel K.A. 1957. Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 570.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования 05.06.2022

Revised 05.06.2022

Принята к публикации 05.06.2022

Accepted 05.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Искаков Ирлан Жангазыевич, ректор, профессор кафедры историко-правовых дисциплин, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург, Россия

Irlan Zh. Iskakov, Rector, Professor of the Department of Historical and Legal Disciplines, University associated with the IPA of EurAsEC, Saint Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0001-6557-4142](https://orcid.org/0000-0001-6557-4142)

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-471-478

Оригинальное исследование

Парадипломатия федеральной земли Бавария в 2008–2022 годах на примере сотрудничества с Российской Федерацией

Богданов К.В. , Кузьмин И.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
E-mail: ivan.kuzmin72de@gmail.com; kirill160611@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы делают попытку исследовать парадипломатическую деятельность федеральной земли Бавария на примере сотрудничества с Российской Федерацией. Авторами анализируется институциональная компонента баварской парадипломатии, выделяются общие принципы построения отношений Баварии с Россией, рассматриваются особенности двустороннего сотрудничества. Предпринята попытка охарактеризовать личностный фактор премьер-министра Баварии при формировании парадипломатической деятельности земли. Особым вкладом авторов в исследование темы является подробное описание институциональной компоненты парадипломатии Баварии, а также выделенное ими влияние позиции баварского премьер-министра как ключевой фигуры партии ХСС на развитие связей земли с высшим руководством России.

Ключевые слова: Бавария, парадипломатия, Российская Федерация, регион, федеральная земля

Для цитирования: Богданов К.В., Кузьмин И.А. 2022. Парадипломатия федеральной земли Бавария в 2008–2022 годах на примере сотрудничества с Российской Федерацией. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 471–478. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-471-478

Paradiplomacy of the Federal State of Bavaria in 2008–2022 on the example of cooperation with the Russian Federation

Kirill V. Bogdanov , Ivan. A. Kuzmin

St. Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: ivan.kuzmin72de@gmail.com; kirill160611@yandex.ru

Abstract. In the article the authors make an attempt to explore the paradiplomatic activities of the federal state of Bavaria on the example of cooperation with the Russian Federation. The authors analyze the institutional component of the Bavarian paradiplomacy, highlight the general principles of building relations between Bavaria and Russia, and consider the features of bilateral cooperation. An attempt is made to characterize the personal factor of the Prime Minister of Bavaria in the formation of the paradiplomatic activity of the land. A special contribution of the authors to the study of the topic is a detailed description of the institutional component of Bavaria's paradiplomacy, as well as the impact of the position of the Bavarian Prime Minister as a key figure of the CSU party on the development of the land's ties with the top leadership of Russia.

Key words: Bavaria, paradiplomacy, Russian Federation, region, federal state

For citation: Bogdanov K.V., Kuzmin I.A. 2022. Paradiplomacy of the Federal State of Bavaria in 2008–2022 on the example of cooperation with the Russian Federation. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 471–478 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-471-478

Введение

Федеральная земля Бавария – один из наиболее крупных акторов в сфере парадипломатии. В сфере современных разработок по многим направлениям Бавария занимает лидирующие позиции в мире. Земля обеспечивает значительную часть германского ВВП. В 2020 году Бавария заняла вторую позицию в рейтинге земель по формированию германского ВВП¹⁷⁴. В Баварии также расположены штаб-квартиры примерно четверти ключевых немецких компаний, входящих в Deutscher Aktienindex, один из ключевых фондовых индексов Германии¹⁷⁵.

Изучение парадипломатии данной земли позволяет выстроить примерную картину того, как на современном этапе субнациональные акторы действуют на международной арене. Пример Баварии в этом смысле типичен, поскольку она является одним из наиболее активных субнациональных акторов на Европейской и Североамериканской территории наравне с Квебеком, Каталонией, Фландрией, Шотландией и др.

В исследовании парадипломатической деятельности Баварии авторы придерживаются хронологического периода 2008–2022 годов (вплоть до января). Это обусловлено тем, что на эти годы приходится деятельность двух премьер-министров Баварии: Хорста Зеehoфера (2008–2018) и Маркуса Зёдера (2018 – по сегодняшний день).

Актуальность работы обусловлена, в первую очередь, растущей ролью субгосударственных акторов в современном глобализирующемся мире. Пример сотрудничества Баварии с Россией релевантен, потому что стороны являлись друг для друга важными и взаимодополняющими партнерами: Российская Федерация была ключевым поставщиком сырья для Баварии. Бавария же, в свою очередь, поставляла широкий спектр конечной продукции, а также высокотехнологичных товаров в Российскую Федерацию.

Степень изученности темы можно оценить как слабую. В отечественных работах парадипломатическим отношениям уделено малое внимание. Работы российских исследователей преимущественно касаются теоретических вопросов парадипломатии. Изучение же практических вопросов развито слабо. Научная новизна работы заключается в том, что исследование парадипломатии Баварии на примере сотрудничества с Российской Федерацией проводится впервые.

Исследование основывается преимущественно на широкой источниковой базе, включающей в себя материалы, содержащиеся на официальных сайтах различных ведомств и организаций: сайты отдельных министерств Баварии¹⁷⁶, баварского правительства¹⁷⁷; сайт мэра Москвы¹⁷⁸, ТПП Москвы¹⁷⁹; сайт представительства Баварии в Российской Федерации¹⁸⁰ и др. В работе были задействованы отчеты по сотрудничеству, подготавливаемые Министерством экономики Баварии (например, «Экономические отношения Бавария-Россия» за 2020 год¹⁸¹).

В работе авторы отталкиваются от определения парадипломатии, выведенного авторами Е.Б. Михайленко и Т.В. Вербицкой, которое звучит следующим образом: «Парадиплома-

¹⁷⁴ Bruttoinlandsprodukt (BIP) in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2020. 2020. Statista Ltd. URL: <https://inlnk.ru/4yPn3p> (accessed: 15.03.2022).

¹⁷⁵ About us. State of Bavaria. U.S. Offices for Economic Development LLC. URL: <https://inlnk.ru/w4gple> (accessed: 15.03.2022).

¹⁷⁶ Bayerisches Staatsministerium für Wirtschaft, Landesentwicklung und Energie. URL: <https://www.stmwi.bayern.de/> (accessed: 06.04.2022).

¹⁷⁷ Bayerische Staatsregierung. URL: <https://www.bayern.de/> (accessed: 06.04.2022).

¹⁷⁸ Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/> (дата обращения: 06.04.2022).

¹⁷⁹ Официальный сайт торгово-промышленной палаты Москвы. URL: <https://mostpp.ru/> (дата обращения: 06.04.2022).

¹⁸⁰ Представительство земли Бавария в Российской Федерации. URL: <https://www.bavariaworldwide.de/ru/russia/home/> (дата обращения: 06.04.2022).

¹⁸¹ Wirtschaftsbeziehungen Bayern-Russland, Ausgabe 07. 2020. Repräsentanz des Freistaats Bayern in der Russischen Föderation. URL: <https://inlnk.ru/0QnyxE> (accessed: 11.03.2022).

тия представляет собой публично-властную деятельность субгосударственных акторов (регионов федеративных государств и муниципальных образований) в лице компетентных органов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей для реализации своих интересов на мировой арене в пределах, установленных государством, таким образом, чтобы не был затронут государственный суверенитет» [Михайленко, Вербицкая, 2018].

Д. Крикеманс предпринял попытку разделить исследуемые регионы на разные модели реализации парадипломатии. Баварию исследователь объединяет вместе с Шотландией. Ключевая характеристика этой модели в том, что соответствующие органы власти этих акторов, занимающиеся внешними связями, в основном сосредоточены на координации внешней деятельности всех других функциональных отделов в своих государственных администрациях. Также автор делает важное утверждение, общая мысль которого сводится к тому, что в отсутствие четко определенных компетенций во внешней политике некоторые регионы начинают уделять большее внимание формированию имиджа и продвижению своей публичной дипломатии при осуществлении внешних связей [Criekemans, 2010].

Институциональная база сотрудничества

Основные органы в реализации внешних связей Баварии – Государственная Канцелярия Баварии и Министерство экономики, регионального развития и энергетики. Канцелярия земли имеет три представительства за рубежом: в Брюсселе, Квебеке и Праге [Tavares, 2016].

В вышеупомянутом Министерстве экономики присутствует отдел «Интернационализации, политики размещения иностранных компаний и взаимодействие с «Invest in Bavaria». В его составе – пять секторов, связанных с разными регионами и аспектами деятельности. Например, присутствует сектор связей с Америкой, ответственный за основные вопросы внешней торговли. Есть и сектор, занимающийся регионом Европы и ярмарками. Прослеживается тенденция на укрупнение направлений в рамках одного сектора. Например, за связи с Африкой и Азией ответственен один сектор, занимающийся сотрудничеством в области содействия развитию. Отдельно стоит сектор по взаимодействию с Китаем, Ближним Востоком и Турцией, а также особенный сектор, отвечающий за сотрудничество с агентством «Invest in Bavaria» и вопросы территориального маркетинга (Standortmarketing) и поддержки инвесторов¹⁸².

Упомянутое агентство занимается привлечением прямых инвестиций, развитием баварского бизнеса, а также сотрудничеством с компаниями, желающими открыть филиал в Баварии. Агентство предлагает подходящие локации для аренды, представляет экономические данные и информацию о земле, сопровождает процесс расчетов бизнеса и др. Также организация предоставляет консультации по широкому спектру вопросов: консультирует по юридическим вопросам создания компании, предоставляет информацию о налогообложении, рынку труда, субсидиям и иным вопросам¹⁸³.

Следующее агентство, связанное со внешними связями земли, – это «Bayern International». Его цель – содействие экспортой деятельности малых и средних предприятий Баварии, а также позиционирование Баварии на различных рынках как привлекательного места для начала и ведения предпринимательской деятельности.

Министерство экономики через данное агентство осуществляет координацию представительской сети Баварии за рубежом. Задача представительств – помощь баварскому бизнесу на иностранных рынках, создание позитивного образа земли, способствование

¹⁸² Organisationsplan des Bayerischen Staatsministeriums für Wirtschaft, Landesentwicklung und Energie. 2021. Bayerisches Staatsministerium für Wirtschaft, Landesentwicklung und Energie. URL: https://web.archive.org/web/20211229005011/https://www.stmwi.bayern.de/fileadmin/user_upload/stmwi/Ministerium/Organisation/2021-12-07_StMWi_Organisationsplan_1.12.2021.pdf (accessed: 12.03.2022).

¹⁸³ Invest in Bavaria. The Business Promotion Agency of the Free State of Bavaria. URL: <https://www.invest-in-bavaria.com/en/our-services/good-to-know> (accessed: 12.03.2022).

выходу иностранцев на баварский рынок. Представительства земли имеются в большинстве стран Европы, а также в ряде других регионов. Например, в Японии, Индии, Китае, Бразилии, ОАЭ, России и Чили¹⁸⁴.

Программы «Bayern International» фокусируются на организации баварских стендов на зарубежных торговых ярмарках. Малый и средний бизнес Баварии имеет возможность презентовать себя в рамках баварского совместного стенда на торговых ярмарках в различных странах¹⁸⁵. Агентство также составляет график различных мероприятий «Extra.net», доступный для организаций, связанных с внешней торговлей земли: там компании могут отслеживать даты мероприятий, а компании-исполнители могут найти документы, связанные с ними¹⁸⁶.

Еще одна программа, реализуемая «Bayern International», – это «Ключ к Баварии». Она представляет собой базу данных компаний земли, предоставляющую информацию о местных экспортно-ориентированных компаниях, а также об исследовательских учреждениях, которые могут быть задействованы во взаимодействии с бизнесом¹⁸⁷.

Следует также особо упомянуть агентство «Bavarian Research Alliance». Его цель заключается в развитии международной научно-исследовательской деятельности ученых из университетов, а также из различных предприятий Баварии. Исходя из информации, имеющейся на официальном сайте организации¹⁸⁸, можно выделить следующие цели Альянса: 1) расширение возможностей для участия в научных программах финансирования ЕС; 2) способствование сотрудничеству между научными кругами и промышленниками; 3) продвижение имиджа Баварии как региона науки и инноваций.

«Bavarian Research Alliance» имеет важную роль в развитии отношений Баварии с различными акторами. Например, сотрудничество по линии инновационных разработок является осью отношений Баварии с Израилем. Баварские власти стремятся к укреплению сотрудничества между баварскими и израильскими университетами, а также исследовательскими институтами. В 2018 году, например, в рамках деятельности «Bavarian Research Alliance», было создано Научно-координационное бюро Бавария – Израиль¹⁸⁹.

Обобщая, ключевые задачи упомянутых агентств: 1) репрезентация интересов баварского бизнеса за рубежом; 2) продвижение Баварии как места, где можно выгодно начать и вести бизнес; 3) способствование налаживанию научных связей и сотрудничеству между различными научными организациями и промышленными предприятиями; 4) продвижение публичной дипломатии земли.

На особенность, указанную в последнем пункте целей баварских агентств, обратил внимание и Д. Крикеманс в упомянутой в начале исследования работе. В условиях отсутствия конкретно определенных компетенций во внешних связях, определенные регионы начинают уделять значительное внимание созданию и продвижению своего имиджа, иными словами, публичной дипломатии. Автор отмечает, что правительственные органы в этом случае сосредоточены в основном на координации внешней деятельности иных функциональных отделов и организаций [Criekemans, 2010]. Это четко прослеживается на курировании баварским Министерством экономики деятельности агентства «Invest in Bavaria».

¹⁸⁴ Bayerische Repräsentanzen im Ausland. Bayerisches Staatsministerium für Wirtschaft, Landesentwicklung und Energie. URL: <https://www.bavariaworldwide.de/> (accessed: 12.03.2022).

¹⁸⁵ Bavarian Pavilion. Bavarian Bureau for International Business Relations. URL: <https://www.bayern-international.de/en/bavarian-pavilion> (accessed: 12.03.2022).

¹⁸⁶ Extra.net. Bavarian Bureau for International Business Relations. URL: <https://www.bayern-international.de/extranet> (accessed: 12.03.2022).

¹⁸⁷ Key to Bavaria – the foreign trade database. Bavarian Bureau for International Business Relations. URL: <https://www.bayern-international.de/en/company-database> (accessed: 12.03.2022).

¹⁸⁸ Our mission. Bavarian Research Alliance. URL: <https://www.bayfor.org/en/about-us/mission.html> (accessed: 12.03.2022).

¹⁸⁹ Background of the scientific cooperation Bavaria-Israel. Bavarian Research Alliance. URL: <https://inlnk.ru/MjJZaB> (accessed: 12.03.2022).

В отношениях Баварии с Российской Федерацией из упомянутых институтов ключевую роль играют Государственная Канцелярия земли, Министерство экономики, а также агентства «Invest in Bavaria» и «Bayern International». Так, например, на встречах с российским политическим руководством в основном присутствуют представители Канцелярии. Министерство экономики же играет координирующую роль, а также информационную: использованные в данном исследовании отчеты о сотрудничестве подготавливаются именно этим органом. «Invest in Bavaria» сосредоточена на координировании сотрудничества бизнеса, а «Bayern International» отвечает за ключевой институт Баварии в РФ – представительство земли в стране, которое организует большую часть совместных мероприятий. Упомянутое агентство «Bavarian Research Alliance» не осуществляет сотрудничество с Россией, что предположительно показывает низкий уровень сотрудничества сторон по линии развития НИОКР.

Общие принципы построения отношений Баварии и России

Договоров о сотрудничестве непосредственно между Российской Федерацией и Баварией нет. Земля формирует партнерство с Российской Федерацией через сотрудничество с субъектами страны. Так, ключевой партнер земли на территории России – это Москва. Преимущественно с ней заключаются договоры, заявления о сотрудничестве, меморандумы, иные документы. Помимо договоров с Москвой, существуют соглашения и с Санкт-Петербургом (например, подписанный Протокол по итогам переговоров между Губернатором Г.С. Полтавченко и премьер-министром Хорстом Зеехофером. Есть примеры соглашений и с более малыми субъектами – например, в 2017 году сторонами было заключено Соглашение о сотрудничестве между Правительством Воронежской области и Министерством продовольствия Баварии¹⁹⁰. Отношения же Баварии со столицей России были заложены протоколом о сотрудничестве, подписанным еще в 1991 году и де-юре действующим по сегодняшний день¹⁹¹.

Содержание его дополнялось и конкретизировалось посредством подписания дополнительных документов. Например, в 2006 году был заключен Меморандум о сотрудничестве между Москвой и Баварией¹⁹², а в 2007 году была подписана обновленная и дополненная версия Протокола о сотрудничестве, превратившая его в Протокол о дружбе и сотрудничестве¹⁹³. В 2011 году сторонами был подписан Меморандум о дружбе и сотрудничестве¹⁹⁴.

В 2016 году Х. Зеехофер и С.С. Собянин подписали заявление о сотрудничестве¹⁹⁵. Такой же документ был подписан с новым главой Баварии Маркусом Зёдером в 2020 году¹⁹⁶.

В сотрудничестве сторон можно выделить принцип взаимодополняемости. Россия для Баварии являлась важным поставщиком сырья. Например, в 2021 году Бавария импор-

¹⁹⁰ Визит баварской делегации в Россию – соглашение о сотрудничестве Баварии и Воронежской области. 2017. Германо-Российский аграрно-политический диалог. URL: <https://agrardialog.ru/activities/details/id/150> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁹¹ Экономические связи Баварии и России. 2020. Торгово-промышленная палата Москвы. URL: https://mostpp.ru/guilds_news/ekonomicheskie-svyazi-bavarii-i-rossii/ (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁹² Между Москвой и Баварией подписан меморандум о сотрудничестве. 2006. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20061020/54998484.html> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹³ Протокол о дружбе и сотрудничестве между городом Москвой (Российская Федерация) и федеральной землей Вольное государство Бавария. 2007. Система ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/389459/> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹⁴ Меморандум о дружбе и сотрудничестве между Правительством Москвы и Правительством земли Бавария. 2011. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/537915303> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹⁵ Соглашение между Москвой и Баварией даст новое развитие отношениям между регионами. 2016. Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/3136050/> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹⁶ Собянин и Зёдер подписали заявление о сотрудничестве между Москвой и Баварией. 2020. Интерфакс. URL: <https://inlnk.ru/578Nwp> (дата обращения: 31.03.2022).

тировала нефти и газа из России на 5,6 миллиардов евро – больше любой другой земли¹⁹⁷. Следует заметить, что Бавария видела Россию также как потенциально выгодного поставщика «зеленого» водорода, необходимого для декарбонизации экономики Германии и на который в последнее время делался значительный упор в отношениях по линии ФРГ – РФ¹⁹⁸. Россия, в свою очередь, заинтересована в высокотехнологичных продуктах. Так, наибольший спрос в России имеют баварские автомобили и продукция машиностроения, а также химические и электротехнические изделия¹⁹⁹.

Следует отметить также, что сотрудничество Баварии с Россией строится, помимо региональной линии, также и по федеральной, напрямую с руководством страны. Так, например, по итогам встречи премьер-министра Баварии Хорста Зеехофера и президента Владимира Путина, прошедшей в 2016 году²⁰⁰, в следующем 2017 году была создана Российско-Баварская рабочая группа по содействию экономическому сотрудничеству²⁰¹.

Стороны также имеют взаимные представительства. В Российской Федерации существует представительство Баварии, а в федеральной земле имеется Генеральное Консульство России в Мюнхене.

Исходя из описанной институциональной базы баварской парадипломатии, а также опираясь на общие принципы сотрудничества Баварии с Российской Федерацией, можно вывести следующие интересы Баварии на международной арене (и в частности в Российской Федерации), которые можно поделить на следующие категории: 1) поиск рынков сбыта для своей продукции; 2) поиск партнеров, способных поставлять необходимое сырье, а также иные товары, в которых нуждается земля (данный пункт актуален только для отношений с РФ в исследуемый период); 3) продвижение своего имиджа как привлекательного места для ведения бизнеса и развития НИОКР.

При реализации парадипломатической деятельности с Российской Федерацией Бавария выстраивает отношения преимущественно с политическим руководством на разных уровнях. Отношения с представителями муниципалитетов не развиваются. Предположительно, отношения с политическим руководством позволяют Баварии создавать для своего бизнеса более благоприятные условия. Можно отметить и сотрудничество по линии законодательных органов. Тем не менее такое сотрудничество имеет малую роль в отношениях сторон: в исследуемый период прошла лишь одна такая встреча (2017 год – визит делегации Ландтага Баварии в Россию²⁰²).

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, следует сделать ряд заключений. Во-первых, регулярное проведение различных встреч Баварии со своим партнером. Встречи эти имели как равный характер (премьер-министр земли – глава региона Российской Федерации,

¹⁹⁷ Zumbusch M. Bayern importiert mehr Gas und Öl aus Russland als alle anderen Länder – Söder setzt auf Atomkraft. 2022. [Merkur.de]. URL: <https://inlnk.ru/AKBR9V> (accessed: 16.03.2022).

¹⁹⁸ Aiwanger: «Ich sehe Russland als wichtigen Lieferanten für Grünen Wasserstoff». 2020. Bayerisches Staatsministerium für Wirtschaft, Landesentwicklung und Energie. URL: <https://www.stmwi.bayern.de/presse/pressemeldungen/pressemeldung/389-2020/> (accessed: 02.04.2022).

¹⁹⁹ Экономические связи. Представительство земли Бавария в Российской Федерации. URL: <https://www.bavariaworldwide.de/ru/russia/o-rossii/ehkonomicheskie-svjazi/> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁰⁰ В Москву с рабочим визитом приехал Премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер. 2016. Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11051/3134050/> (дата обращения: 31.03.2022).

²⁰¹ Отчет о торгово-экономическом сотрудничестве России и Германии. 2020. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://inlnk.ru/jE1x9L> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁰² Делегация Ландтага Баварии с визитом в России. 2017. Германно-Российский аграрно-политический диалог. URL: <https://agrardialog.ru/activities/details/id/155> (дата обращения: 02.04.2022).

так и неравный^{203, 204, 205}. Встречи также проходили и на уровне различных делегаций: имели место встречи представителей крупного бизнеса²⁰⁶, среднего и малого предпринимательства²⁰⁷, научных кругов, образовательных визитов²⁰⁸ и др.

Второй вывод состоит в определении особой роли премьер-министра в реализации парадипломатии земли. Это ярко проявилось при смене руководства земли. Хорст Зеехофер²⁰⁹ периодически показывал недовольство антироссийскими санкциями, значительно влиявшими на сотрудничество сторон. С приходом Маркуса Зёдера эта тенденция ослабла²¹⁰. Следует заметить, что баварские премьеры встречались с президентами России скорее в качестве потенциальных кандидатов на пост канцлера от ХСС, чем в качестве глав земли. Тем не менее подобные встречи создавали значительные возможности для реализации баварской парадипломатии на российском направлении.

В-третьих, особую роль играет институциональная сторона реализации баварской парадипломатии. Следует отметить глубокую институционализированность внешних сношений земли (в частности на российском направлении). Сотрудничество строилось как через Представительство Баварии в Российской Федерации, так и через Торгово-промышленные палаты сторон и иные институты. Следует отметить, что сотрудничество велось также по межгосударственным каналам ФРГ – РФ, таким как, например, германо-российский аграрно-политический диалог, но с акцентом на баварскую специфику.

Авторы также приходят к выводу, что Российская Федерация не является ключевым партнером для Баварии. Это демонстрируют, например, данные об объеме торговли Баварии с различными странами: Россия там занимает лишь четырнадцатое место²¹¹. Россия для земли важна преимущественно как поставщик сырья. Малое число российских компаний выходило на баварский рынок. В России же действовало куда большее число баварских предприятий. Диспропорция сотрудничества могла существовать лишь в условиях указанного в исследовании периода: политические кризисы были недостаточно сильными, чтобы прервать сотрудничество по линии поставок сырья. Тем не менее в современных условиях, не входящих в рамки данного исследования, проблема диспропорционального сотрудничества обрела критический характер. В условиях отказа от российского сырья сотрудничество сторон рискует стать полностью односторонним, поэтому контакты с Российской Федерацией в парадипломатии Баварии могут быть сведены к минимуму.

²⁰³ Встреча с премьер-министром федеральной земли Бавария Хорстом Зеехофером. 2011. Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/10915> (дата обращения: 02.04.2022).

²⁰⁴ Встреча с премьер-министром Баварии Хорстом Зеехофером. 2016. Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51266> (дата обращения: 02.04.2022).

²⁰⁵ Встреча с премьер-министром Баварии Маркусом Зёдером. 2020. Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62693/photos> (дата обращения: 03.04.2022).

²⁰⁶ «Газпром» и Бавария подписали Дорожную карту о сотрудничестве в области производства электрической энергии и газоснабжения. 2011. Пресс-центр ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2011/december/article126201/> (дата обращения: 03.04.2022).

²⁰⁷ Президент «ОПОРЫ РОССИИ» принял участие во встрече с делегацией баварских предпринимателей во главе с Президентом Союза Баварской экономики Альфредом Гаффалем. 2014. Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». URL: <https://www.opora.ru/news/rossiya-bavariya-sotrudnichestvo-v-protivoves.html> (дата обращения: 03.04.2022).

²⁰⁸ Комитет по градостроительству и архитектуре принял делегацию из Германии. 2015. Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/architecture/news/70433/> (дата обращения: 02.04.2022).

²⁰⁹ Seehofer fordert Ende der Russland-Sanktionen. 2017. Die Zeit. URL: <https://inlnk.ru/VoV606> (accessed: 03.04.2022).

²¹⁰ Söder besucht Putin – und grenzt sich von Seehofer ab. 2020. Der Tagesspiegel. URL: <https://inlnk.ru/G6Y13E> (accessed: 03.04.2022).

²¹¹ Jahresübersicht 2020: Aus- und Einfuhr (Außenhandel): Bayern. 2020. Das Außenwirtschaftsportal Bayern. URL: <https://inlnk.ru/Jj2Xwp> (accessed: 03.04.2022).

Список литературы

- Баварско-российская конференция по экономическим наукам. 2017. Информационно-аналитический журнал «Аккредитация в образовании», 97. URL: https://akvobr.ru/bavarsko_rossiiskaya_konferenciya_po_ekonomicheskim_naukam.html (дата обращения: 03.04.2022).
- Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В. Определение парадипломатии в российском и зарубежном политическом дискурсе. 2018. Вопросы управления, 32. С. 14–20.
- Criekemans D. Regional Sub-State Diplomacy from A Comparative Perspective: Quebec, Scotland, Bavaria, Catalonia, Wallonia and Flanders. 2010. The Hague Journal of Diplomacy, 5. P. 37–64.
- Tavares R. Paradiplomacy: Cities and states as global players. 2016. New York: Oxford University Press. P. 153–157.

References

- Bavarsko-rossijskaja konferencija po jekonomicheskim naukam [Bavarian-Russian Conference on Economic Sciences]. 2017. Informacionno-analiticheskij zhurnal «Akkreditacija v obra-zovanii», 97. URL: https://akvobr.ru/bavarsko_rossiiskaya_konferenciya_po_ekonomicheskim_naukam.html (date of access: 03.04.2022).
- Mihajlenko E.B., Verbickaja T.V. Opredelenie paradiplomatii v rossijskom i zarubezhnom politicheskom diskurse [Definition of paradiplomacy in Russian and foreign political discourse]. 2018. Voprosy upravlenija, 32. P. 14–20.
- Criekemans D. Regional Sub-State Diplomacy from A Comparative Perspective: Quebec, Scotland, Bavaria, Catalonia, Wallonia And Flanders. 2010. The Hague Journal of Diplomacy, 5. P. 37–64.
- Tavares R. Paradiplomacy: Cities and states as global players. 2016. New York: Oxford University Press. P. 153–157.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.05.2022

Received 21.05.2022

Поступила после рецензирования 25.05.2022

Revised 25.05.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Accepted 25.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Богданов Кирилл Вадимович, аспирант кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Kirill V. Bogdanov, postgraduate of the Department of American studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4466-7320](https://orcid.org/0000-0002-4466-7320)

Кузьмин Иван Александрович, студент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ivan. A. Kuzmin, student of the Department of theory and history of international relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3105-9817](https://orcid.org/0000-0003-3105-9817)

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-479-488

Оригинальное исследование

COVID-19 как фактор влияния на функционирование региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в 2019–2022 гг.

Рыжов И.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования региональной подсистемы международных отношений региона Ближнего Востока в условиях пандемии COVID-19. Последствия пандемии рассматриваются как комплексное воздействие на социальную, политическую и экономическую сферу стран региона, поскольку в их взаимозависимости формируется генерализованное влияние на подсистему международных отношений. В исследовании ставится цель – проанализировать, как COVID-19 повлиял на функционирование региональной подсистемы Ближнего Востока. Отдельно рассматривается тема влияния пандемии на региональные конфликты. Систематизируются факторы, определившие темп и динамику распространения коронавирусной инфекции, а также ее роль в усилении конфликтности в регионе. Делается вывод о кумулятивном влиянии пандемии COVID-19 на социальную и политическую сферы, которое привело к повышению политической нестабильности, гражданским волнениям и радикализации широких масс населения. Согласно результатам исследования, COVID-19 стал отягчающим фактором, способствовавшим актуализации в регионе как внутригосударственных, так и международных противоречий. Рассмотрение пандемии как единственного или главного фактора конфликтности в регионе не является целесообразным, однако его влияние на внутренние процессы чрезвычайно высоко.

Ключевые слова: Ближний Восток, пандемия COVID-19, региональная система МО, конфликты, Израиль, ИРИ, Саудовская Аравия, Йемен, Ливан

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

Для цитирования: Рыжов И.В. COVID-19 как фактор влияния на функционирование региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в 2019–2022 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 49 (2): 479–488. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-479-488

COVID-19 as a factor of influence on the functioning of the regional subsystem of international relations in the Middle East in 2019–2022

Igor V. Ryzhov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Abstract. The article discusses the features of the functioning of the regional subsystem of international relations of the Middle East Region in the context of the COVID-19 pandemic. The consequences of the pandemic are viewed as a complex impact on the social, political and economic spheres of the countries of

the region, since their interdependence forms a generalized influence on the subsystem of international relations. The study aims to analyze how COVID-19 has affected the functioning of the regional subsystem of the Middle East. The topic of the impact of the pandemic on regional conflicts is considered separately. The factors that determined the pace and dynamics of the spread of coronavirus infection, as well as its role in increasing conflict in the region are systematized. The conclusion is made about the cumulative impact of the COVID-19 pandemic on the social and political spheres, which has led to increased political instability, civil unrest and radicalization of the general population. According to the results of the study, COVID-19 has become an aggravating factor that contributed to the actualization of contradictions in the region, both domestic and international. Considering the pandemic as the only or main factor causing conflict in the region is not appropriate, but its impact on internal processes is extremely high.

Key words: Middle East, COVID-19 pandemic, regional defense system, conflicts, Israel, Iran, Saudi Arabia, Yemen, Lebanon

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-014-00039A «Models and risks of cooperation in the region of the Near and Middle East in the first quarter of the XXI century».

For citation: Ryzhov I.V. COVID-19 as a factor of influence on the functioning of the regional subsystem of international relations in the Middle East in 2019–2022. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 479–488 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-479-488

Введение

Резкая эскалация международной обстановки в мире на рубеже 2021–2022 гг., нарастание мирового экономического кризиса, вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины сразу привели к смене повестки дня всей мировой политики, в центре которой почти три года оставалась коронавирусная пандемия. В текущий момент, когда большая часть мира вернулась к доковидной жизни, появилась возможность в определенной мере оценить последствия фактора COVID-19 на функционирование региональной подсистемы на Ближнем Востоке, где есть свои особенности.

На наш взгляд, важнейшим отличием ситуации на Ближнем Востоке является тот факт, что, несмотря на угрозу пандемии, регион в итоге вынужден был справляться с другими трудностями. Основная проблема пандемии COVID-19 заключалась не в поражении системы здравоохранения стран региона, а в том, что она вызвала более разрушительные процессы в экономической, политической и социальной сфере. Вследствие этого рассмотрение развития стран Ближневосточного региона в 2019–2022 года имеет актуальность, так как сопряжено с иными последствиями COVID-19.

Исходя из актуальности рассматриваемой темы, в исследовании ставится цель – проанализировать, как COVID-19 повлиял на функционирование ближневосточной региональной подсистемы международных отношений. Для достижения данной цели необходимо решить ряд следующих задач: 1) проанализировать ход конфликтов в регионе в период 2019–2022 г.; 2) установить факторы, повлиявшие на развитие пандемии в регионе; 3) выявить экономические, социальные и политические последствия COVID-19 для стран региона.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает региональная подсистема международных отношений Ближнего Востока. В основе исследования лежит историко-системный метод: в рамках работы предполагается рассмотрение развития стран Ближнего Востока в 2019–2022 гг. как целостной системы на основании анализа составляющих ее компонентов (событий и процессов) и взаимосвязей между ними. Изучение ситуации в определенных странах Ближнего Востока и их мероприятий в рамках событий 2019–2022 гг. способствует выявлению основных особенностей развития региона в постковидный период. По-

мимо исторических методов, будут задействованы такие общенаучные методы, как анализ и обобщение, поскольку в проекте также предпринята попытка собрать и обобщить выводы и заключения предыдущих исследований.

Результаты и их обсуждение

Ближний Восток – регион специфический. Он полон хронических конфликтов, как внутренних, так и межгосударственных. Большое количество вооруженных конфликтов осложняется наличием продовольственных проблем, борьбой за ресурсы, в первую очередь за воду, присутствием третьих стран, которые посредством гуманитарного и военного сотрудничества пытаются реализовать свои национальные интересы, среди которых США, Россия, Великобритания, ЕС и Китай.

Для систематизации влияния пандемии COVID-19 на региональную подсистему международных отношений Ближнего Востока необходимо в первую очередь установить факторы, определившие течение пандемии и ее результаты, изменения во внутренней и внешней политике стран региона, которые еще несколько десятилетий будут определять вектор его развития.

Ближний Восток, регион, затронутый хроническими непрекращающимися конфликтами. Военные действия сами по себе являются благоприятной средой для развития инфекционных заболеваний, однако в отношении COVID-19 вооруженные конфликты являются причиной возникновения целого ряда факторов, в числе которых усиление потоков беженцев и внутренне перемещенных лиц, направление финансовых ресурсов государства на поддержание военных операций, что лишило возможности правительства стран региона грамотно организовать антиковидные меры на территориях вне военных действий.

Неоднородное развитие медицины в странах региона. Уровень медицины в регионе сильно различается. В благополучных странах региона, к которым можно отнести Израиль, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, уровень медицины находится на достаточно высоком уровне, количество больниц оказалось достаточным, чтобы эффективно справляться с несколькими волнами пандемии.

Беженцы и внутренне перемещенные лица. Одним из последствий высокого количества конфликтов в регионе является рост числа беженцев и внутренне перемещенных лиц. Согласно данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г., привела к появлению 5,6 млн беженцев и 6,6 млн ВПЛ [Беляев, 2020]. По состоянию на 28 мая 2020 г., только в Турции находились 3 579 368 зарегистрированных сирийских беженцев. Региональная миграция во многом способствовала распространению коронавирусной инфекции. Беженцы зачастую компактно расселены внутри гуманитарных лагерей, их потоки сложно контролируются, а полное тестирование и изоляция заболевших практически невозможна ввиду отсутствия ресурсов. Движения внутренне перемещенных лиц в рамках одного государства в состоянии активной фазы военных действий практически не контролировались.

Необходимо особо выделить еще одну проблему. Состояние войны – риск для мирного населения, который в условиях распространения COVID-19 по региону приобрел особое значение. Во многом для гражданских лиц стоял выбор: оставаться в лагерях беженцев и быть подверженными риску заболеть COVID-19 или же продолжить свой путь на другие территории, но тем самым увеличивая риск оказаться в центре боевых действий.

В итоге анализа выявляется наличие совокупности факторов, которые в своей массе сопутствовали распространению коронавирусной инфекции, таких как постоянные конфликты и войны, огромные потоки беженцев и внутренне перемещенных лиц, отсутствие достаточного уровня медицинского обеспечения в ряде ближневосточных стран. Вышеозначенные факторы привели к ухудшению эпидемиологической ситуации в регионе, которая отразилась на военно-политической и экономико-социальной сферах.

COVID-19 рано прибыл в регион Ближнего Востока: в Иране были зарегистрированы первые случаи заболевания в феврале 2020 г. Благодаря деловым контактам и религиозному туризму, заболеваемость быстро распространилась на соседние государства Персидского залива. Раздираемый войной Йемен был последней страной, в которой был зарегистрирован первый случай заболевания 9 апреля 2020 г. Большинство приняло незамедлительные меры по борьбе с инфекциями, включая закрытие школ, мечетей и предприятий, блокировку и строгий пограничный контроль. Преобладающее число стран региона решило отказаться от введения полного локдауна.

Государства Ближнего Востока по признаку отношения к антиковидным мерам можно разделить следующим образом: в странах, где политическая и экономическая стабильность позволяла ввести ограничения и меры профилактики: Израиль и монархии Персидского залива – антиковидные ограничения сопоставимы со странами глобального севера. Ко второй группе целесообразно отнести страны, в которых экономическая ситуация определяла ограничения: Турция, Египет, Иордания – государства, в которых потребность в поддержании экономики за счет притока туристов превалировала над потребностью защиты от инфекции. Эти страны характеризуются относительно мягкими ограничениями в рассматриваемый период. К третьей группе относятся государства, неспособные к проведению антиковидных мероприятий по экономическим и политическим причинам. В первую очередь сюда относятся государства в состоянии внутренних и международных конфликтов: Йемен, Сирия, Ирак, а также государства, чья экономическая и/или политическая нестабильность определила полное отсутствие антиковидных мер и/или критические сложности с их реализацией: Ливан.

В регионе Ближнего Востока мы наблюдаем обратную мировую тенденцию интенсификации боевых действий. COVID-19 во многом изменил систему конфликтов, повлиял на методы их ведения и активность террористических организаций.

С интенсификацией конфликтов связаны следующие факторы:

1) *Активизация деятельности террористических формирований.* На фронтах ИГИЛ усиливал свою активность до двух раз по сравнению с периодом до введения ковидных ограничений правительством Ирака. Наблюдается увеличение активности операционной деятельности и вербовки. Причин активизации подобной деятельности несколько. Например, общая неразвитость инфраструктуры здравоохранения в районах, охваченных конфликтами, привлекала еще больше людей к участию в террористической деятельности. Более того, считается, что у комбатантов на фронте больше шансов пережить эпидемию, чем у мирных жителей, сконцентрированных в городах. Во-вторых, некоторые группировки используют коронавирус для вербовки новых рекрутов, убеждая молодых людей, что лучше умереть шахидом в бою, чем ждать бесславной смерти от него [Богачева и др., 2020b, с. 129]. В-третьих, неспособность обеспечить социальную безопасность граждан в ряде «несостоявшихся» стран региона приводит к радикализации населения, поскольку группировки предлагают не только защиту, но и медикаменты.

2) *Отток регулярных армий с фронта.* Пандемия коронавируса вынудила страны региона временно приостановить наступательную деятельность в конфликтах. Поддержание порядка в городах, режим изоляции и распределение медикаментов и продовольствия – причины, по которым часть вооружённых сил была направлена с фронта. Отсутствие достаточного количества солдат на фронтах является косвенной причиной активизации террористических формирований. Со снижением контингента армии КСА на границе с Йеменом после начала эпидемии хуситы возобновили обстрелы баллистическими ракетами территории Саудовской Аравии, а также предприняли наступление в стратегически важной провинции Мариб, которая считается оплотом проправительственных сил [Богачева и др., 2020b, с. 133].

3) *Гражданские волнения.* Резкое ухудшение экономической ситуации в совокупности с дефицитом медикаментов привели к подъёму антиправительственных движений. В Ливии, Ираке, Йемене прокатились восстания. В этих странах также наблюдалось резкое снижение уровня медицины, которые только усилили противоречия между обществом и

правительством. Локдаун в регионе стал причиной увеличения степени конфликтности широких общественных масс. Введение правительствами ограничительных мер привело к повышению числа и степени агрессивности манифестаций [Ломакин, 2022, с. 172].

4) *Снижение уровня участия не региональных держав в конфликтах на Ближнем Востоке.* Пандемия коронавируса привела к снижению уровня участия третьих стран, в первую очередь России и стран НАТО, в конфликтах в регионе. COVID-19 нарушил цепочки поставок военных грузов в регион для продолжения деятельности контингента НАТО и РФ. Более того, в начале пандемии едва ли человечество имело представление о том, как противодействовать новой инфекции, потому основной стратегией иностранных контингентов стала изоляция.

Таким образом, все обозначенные факторы в совокупности привели к существенной интенсификации военных действий в горячих точках по всему Ближнему Востоку. Противодействие COVID-19 в странах, охваченных войной, было второстепенной задачей, ресурсы направлялись на продолжение военных действий. Особенно эта тенденция проявилась в Ливии и Йемене.

В целом все эти особенности протекания пандемии связаны с тем, что коронавирус не привел к большим потерям среди комбатантов, гражданское население пострадало от него существенно больше. Влияние коронавируса на военные действия в среднесрочной перспективе на Ближнем Востоке опосредованно, связано с его экономическими последствиями. Дальнейшая эскалация конфликтов прогнозируемо станет причиной дальнейшего распространения COVID-19 или иных его штаммов в регионе, что, в свою очередь, еще сильнее разорит наиболее бедные страны, что в конечном итоге спровоцирует новую волну беженцев. Не исключено появление иных инфекционных заболеваний с разной степенью летальности.

Пандемия COVID-19 привнесла в систему организации военных действий на Ближнем Востоке некоторые изменения, в частности широко распространение в рассматриваемый период получило применение дистанционных методов ведения войны: использование авиации, ракетных комплексов (наблюдается увеличение частоты их применения на 15–22 %), БПЛА и боевых роботов.

Одним из примеров реализации данной тенденции стало уничтожение генерал-лейтенанта КСИР К. Сулеймани с борта вертолета, использование дронов в операции *Массад* (Израиль) по устранению основоположника ядерных исследований в Иране М. Фахризаде [Гундаров, 2020].

В отличие от общемировых тенденций мы наблюдаем значительную интенсификацию вооруженных конфликтов в регионе с самого начала и на протяжении всей острой фазы пандемии, а именно с 2019 г. по конец 2021 г. Сами военные действия в совокупности с новой инфекцией создают дополнительную нагрузку на учреждения социальной сферы, с которой далеко не все страны региона оказались способны справиться.

Исследование влияния COVID-19 на страны Ближнего Востока включает в себя рассмотрение множества факторов в их комплексной взаимозависимости. Более того, следует учитывать, что эти факторы привели к значительному ухудшению экономико-политической ситуации во всех государствах Ближнего Востока.

Социальные последствия COVID-19 многообразны и взаимосвязаны. Пандемия 2019–2022 гг. имела настолько серьезные последствия из-за комплекса политических и социальных факторов, которые не позволили оперативно отреагировать на COVID-19, обеспечить профилактические меры и вывести экономики из падения. Для установления роли пандемии в экономических и политических процессах в регионе вначале определим совокупность факторов, которые не позволили большинству стран Ближнего Востока эффективно противодействовать коронавирусу:

1) *Хронические конфликты.* Вооруженные конфликты определенно являются существенной нагрузкой на социальные учреждения. Непрерывающаяся война в Йемене, усиление которой было характерно для 2020–2021 гг., внутренние конфликты в Ираке,

Сирии, Ливии. Отмечалась приграничная активность вооруженных сил стран-соседей как попытка обеспечить свою безопасность. Война сделала бедные страны еще беднее, что провоцировало новые всплески конфликтности, вынуждало государства концентрировать армию в городах для поддержания порядка, как, например, в Сирии [Богачева и др., 2020а, с. 160], что еще больше ухудшало медико-санитарные условия.

2) *Дефицит медицинских учреждений.* В странах, охваченных войной, медицинские учреждения еще за несколько лет до первой волны COVID-19 были перегружены. Победе коронавируса в регионе способствовали и некоторые случайные события, например, в Ливане в августе 2020 г. произошел мощный взрыв в районе порта столицы Бейрута, в результате которого вместимость больниц сократилась более чем на 30 %. В Ираке в апреле и июне 2021 г. в критических больницах произошли два крупных пожара, в результате которых погибло не менее 200 человек. В Сирии в результате продолжающейся войны количество больниц и учреждений первичной медико-санитарной помощи сократилось на 40 %. В Йемене более 40 процентов населения, по данным ООН, нуждаются в медицинской помощи [Розов, 2021, с. 7].

3) *Экспорт нефти – основа экономики.* Большинство стран региона входит в ОПЕК и ОАПЕК, таким образом, зависимость государств от экспорта нефти является высокой [Плотников, 2021]. Пандемия COVID-19 спровоцировала резкое падение цен на нефть, что привело к падению экономики региона. Странам пришлось воспользоваться валютными резервами для поддержания стабильности национальных валют и обеспечения социальных гарантий. Большинство экономик были парализованы, только ОАЭ оказались готовы к такому стресс-тесту. За время пандемии валютные резервы Кувейта полностью истощились, международные эксперты предсказывали Оману скорый дефолт. В Саудовской Аравии из-за падения доходов пришлось свернуть внутренние национальные проекты.

4) *Высокая зависимость региона от импорта продовольствия.* Продовольственная угроза – наиболее сложная проблема для региона. Порядка 50 % продовольствия регион импортирует, а в связи с нарушением логистических цепочек и падения объемов торговли многие государства недополучили необходимого количества для погашения потребностей внутри страны [Aksoy, 2020, с. 67]. Монархии Залива к началу пандемии имели запасы продовольствия, также в них функционируют проекты аграрного производства; в странах в состоянии конфликта, однако, уже к лету 2020 г. наблюдались существенные трудности в сдерживании продовольственного кризиса [Fawcett, 2020, с. 11].

5) *Безработица.* Массовый характер безработица приобрела среди молодежи. Так, в Ливане безработица достигла 40 %, в Египте почти половину работников оказались под риском увольнения либо задержки зарплаты, в Турции безработица достигала 15 %. Рост безработицы затронул даже Израиль, с 4 % он поднялся до 17–18 % в марте 2020 г. [Бизяев, Марьясис, 2020, с. 308]. Высокое число безработных в сочетании с падением способности ряда государств финансировать социальную сферу стало причиной гражданских волнений в Иране в 2019–2021 гг. [Mehrl, Thurner, 2021, с. 287], в Сирии, на оккупированных палестинских территориях, Ливане и в секторе Газа [Бизяев, Марьясис, 2020, с. 311].

Оценивая экономические показатели стран региона в период пандемии, отметим, что наименее подвержен ей оказался Израиль [Eigan, 2020, с. 42]. Успех этого государства объясняется тем, что его экономика изначально формировалась готовой к внешним шокам. Серьезные последствия в виде падения курса национальной валюты, резкого повышения безработицы и, как результат, ухудшения стабильности режима отмечался в туристических гигантах региона: Турции и Египте. Эти страны первыми снимали ограничения COVID-19 в регионе с целью принять иностранных туристов и пополнить казну, однако из-за этого наблюдалось повышение числа заболевших, высокая нагрузка на систему здравоохранения, которая и так не слишком успешно боролась с пандемией [Аватков, 2021, с. 86].

Одним из доминирующих последствий пандемии коронавируса на сегодняшний день является уменьшение стабильности политических режимов в ряде стран региона. Бо-

лее половины государств региона не способны полностью обеспечить объекты социальной инфраструктуры. Пандемия коронавируса лишь ухудшила ситуацию. Правительства столкнулись с падением доверия населения, ростом безработицы, что в последствии переросло в массовые демонстрации и протесты. И если в «проблемных» государствах такие тенденции наметились еще в период до пандемии, то относительно благополучные страны региона столкнулись с этим именно в 2019–2022 гг.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в Ливане. В 2019 г. он столкнулся с обвалом национальной валюты, который трансформировался в дефолт в 2020 г. с началом второй волны коронавируса [Щегловин, 2021, с. 54]. Массовая безработица вкупе с коллапсом госучреждений из-за отсутствия финансирования вылилась в народные протесты с призывом отставки правительства. В Ливане четко наметились глобальные реформы по реструктуризации экономики, однако их реализации помешала политическая нестабильность [Castro Torres, 2021, с. 5]. В октябре 2019 г. начались протесты. В сентябре 2021 г. премьер-министром стал Наджиб Микати, который ранее уже восстановил отношения с «Хезболлой», Сирией, рядом стран Персидского залива и США. Данные успехи во внешней политике имели мало отношения к делам внутренним – население испытывало множество трудностей в условиях кризиса, прежде всего, нехватку электроэнергии. Уже при Н. Микати произошел национальный блэкаут из-за отказа продлить контракт на поставку электроэнергии из Турции [Van der Werf, 2020, с. 18]. В этой связи со стороны населения растет поддержка «Хезболлы», которая оказывает гуманитарную помощь и активно вмешивается во внутривнутриполитические процессы.

Сложные проблемы были характерны и для Ирана. Падение нефтяных доходов в условиях экономической и политической изоляции стали серьезным испытанием для граждан ИРИ. Народные волнения и протесты были, однако, подавлены. В целом страна демонстрировала умеренно высокие уровни заражения COVID-19, что еще больше подрывало политическую стабильность. Использование валютных резервов помогло сгладить ситуацию, и уже к концу 2021 г. наблюдалось сокращение инфляции, восстановление социальных программ, в первую очередь дотационных [Дунаева, 2020, с. 138–139].

В странах, охваченных конфликтами, ситуацию удалось стабилизировать только благодаря гуманитарной помощи со стороны мирового сообщества. Сирия и Йемен во многом пережили пандемию благодаря усилиям ООН и отдельных стран вне региона. Коллапс социальной сферы там произошел задолго до начала пандемии, потому COVID-19 стал лишь еще одним отягчающим фактором.

Даже в относительно благополучном Израиле вспышка коронавируса произошла в неподходящий момент. Смена правительства на фоне пандемии не прошла гладко, вновь актуализировались вопросы соблюдения прав человека. Примечательно, что правительство Израиля одобрило слежку за гражданами с контроля эпидемиологической ситуации. Расследование журналистов установило, что спецслужбы Израиля контролировали передвижения граждан более 10 лет до начала пандемии COVID-19. Это событие в совокупности со сменой правительства привело к возникновению локальных протестов и отмене закона о слежке.

Турецкое правительство приняло ряд мягких ограничений в связи с COVID-19, что во многом спровоцировало повышенный уровень заболеваемости. Партия президента даже призывала граждан оплачивать счета за малоимущих и жертвовать деньги безработным. Определенно это усилило поддержку оппозиции. В целом Эрдоган и его правительство столкнулись со шквалом критики из-за того, что у них якобы экономика, а не жизни граждан, находится в приоритете [Аватков, 2021, с. 86–87].

Таким образом, основным результатом пандемии COVID-19 в регионе Ближнего Востока стало повышение уровня конфликтности внутри государств. Пандемия коронавируса в данном случае выступает триггером и не может рассматриваться как первопричина. В большинстве стран региона экономический спад наметился задолго до февраля 2020 г.,

COVID-19 стал лишь отягчающим фактором, катализатором, который обострил социальные проблемы и спровоцировал население к гражданскому неповиновению.

Последствия пандемии COVID-19 различны во всех странах региона, так же как масштаб и формы выражения недовольства населения. Долгосрочные последствия пандемии спрогнозировать в данный момент сложно, определенно, следует ожидать увеличения деятельности антиправительственных вооруженных групп, поскольку общественный кризис, разразившийся в эпоху COVID-19, будет развиваться на фоне мирового глобального кризиса.

Заключение

Подводя итоги данной работы, можно сказать, что, без сомнений, период с начала вспышки вируса COVID-19 на Ближнем Востоке является периодом некоей очередной проверки на прочность для данного региона [Аксенёнок, 2021, с. 4].

Коронавирус формирует негативную реальность конфликтов на Ближнем Востоке, последствия которых трудно прогнозируемы. Антиправительственные настроения усиливаются в Иране, Израиле и Ливане. Пандемию 2019–2022 гг. на Ближнем Востоке следует рассматривать как отягчающий фактор, усиливающий конфликтную активность и социально-политические противоречия. В регионах локальных и трансграничных конфликтов потери от коронавируса практически не прогнозируемы, поскольку много больше людей гибнет в результате боевых действий, антисанитарии и инфекций. Если развитые государства выделили на борьбу с распространением болезни огромные средства, то бедные страны не могут позволить себе введение долгосрочного карантина и не имеют достаточных средств для оказания помощи своим гражданам. Так что социально-политические последствия пандемии для всех стран региона могут оказаться катастрофическими.

Пандемия расценивается государствами и негосударственными вооруженными группами как удобное время для активизации деятельности. Государства были вынуждены тратить ресурсы на защиту населения и снижать военный напор. Социальное недовольство умело использовалось вербовщиками террористических организаций, потому отмечалось увеличение числа боевиков по всему региону.

В целом пандемию COVID-19 следует рассматривать как ключевой фактор обострения противоречий внутри региона как на национальном уровне, так и в межгосударственных отношениях. В изоляции этот фактор, вероятно, не оказал бы такого мощного влияния, однако совокупность обстоятельств привела к той политической, экономической и социальной ситуации на Ближнем Востоке, последствия которой мы будем наблюдать в ближайшие десятилетия.

Список литературы

- Аватков В.А. 2021. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. Свободная мысль, 1 (1685): 81–90.
- Аксенёнок А. 2021. Коронавирус и конфликты на Ближнем Востоке. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 18 мая 2022).
- Беляев Д. 2020. Терроризм в эпоху пандемии. Как коронавирус повлиял на безопасность в мире? URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8926009 (дата обращения: 12 мая 2022).
- Бизяев А.И., Марьясис Д.А. 2020. К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Израиля. Вестник института востоковедения РАН, 3 (13): 304–316.
- Богачева А.С., Ибрагимов И.Э., Кожанов Н.А., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. 2020. Ближний Восток в условиях второй волны коронакризиса. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 13 (5): 158–180.
- Богачева А.С., Давыдов А.А., Ибрагимов И.Э., Звягельская И.Д., Кобринская И.Я., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. 2020. Ближний Восток в тисках кризиса. Поиски выхода. Свободная Мысль, 5 (1683): 123–136.

- Гундаров В. 2020. Кто, где и за что сегодня воюет на планете. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-09-17/1_1109_wars.html (дата обращения: 17 мая 2022).
- Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. 2020. Иран в 2020 году – под гнетом санкций и пандемии. *Восток (Oriens)*, 6: 129–134.
- Ломакин А.С. 2022. COVID-19 и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке: новая переменная в старом уравнении. *Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития (Мировое развитие. Выпуск 23)* / Под ред. А.А. Давыдова, З.А. Мамедьярова, М.В. Хорольской и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2022: 171–180.
- Плотников Н.Д. 2021. Для мира на Ближнем Востоке соседям надо договариваться. *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-12-26/10_8336_east.html (дата обращения: 31 мая 2022).
- Розов А.А. 2020. ООН о воздействии пандемии COVID-19 на арабский регион: предварительные оценки. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72246> (дата обращения: 31 мая 2022).
- Щегловин Ю.Б. 2020. Американские эксперты об обострении политического и экономического кризиса в Ливане. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66006> (дата обращения: 31 мая 2022).
- Aksoy H.A. 2020. Turkey and the Corona Crisis: The Instrumentalization of the Pandemic for Domestic and Foreign Policy. Available at: <https://www.iemed.org/publication/turkey-and-the-corona-crisis-the-instrumentalization-of-the-pandemic-for-domestic-and-foreign-policy/> (accessed 22 May 2022)
- Alcano R., Tocci N. 2021. Navigating a COVID World, *International Spectator*. Available at: <https://doi.org/10.1080/03932729.2021.1911128> (accessed 22 May 2022)
- Castro Torres J.I. 2022. The Lebanon Crisis: A Road to No Destination. *IEEE Analysis*, 5: 4.
- Eiran E. 2020. Israel: Politics and Identity in Coronavirus times. *POMEPS Studies*, 4 (39). – URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2020/04/POMEPS_Studies_39_Web.pdf (accessed 22 May 2022)
- Fawcett L. 2020. The Middle East and COVID-19: time for collective action. *Globalization and Health*: 11.
- Mehrl M., & Thurner P.W. 2021. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Global Armed Conflict: Early Evidence. *Political Studies Review*, 19 (2): 286–293. <https://doi.org/10.1177/1478929920940648>
- Van der Werf C.V. 2020. Lebanon's October Uprising: A Clean Slate for Syrian Refugees? *Global Campus of Human Rights*: 16.

References

- Avatkov V.A. 2021. Vneshnjaja i vnutrennjaja politika Turcii. Kljuchevye izmenenija 2020 g. [Turkey's foreign and domestic policy. Key changes in 2020]. *Svobodnaja mysl'*, 1 (1685): 81–90 (in Russian).
- Aksenjonok A. 2021. Koronavirus i konflikty na BlizhnemVostoke [Coronavirus and Conflicts in the Middle East]. *RSMD*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke/> (accessed: 18 May 2022) (in Russian).
- Beljaev D. 2020. Terrorizm v jepohu pandemii. Kak koronavirus povlijal na bezopasnost' v mire? [Terrorism in eponopademics. How has the coronavirus affected global security?]. Available at: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8926009 (accessed: 12 May 2022) (in Russian).
- Bizjaev A.I., Maryasis D.A. 2020. K voprosu o vlijanii pandemii COVID-19 nasocial'no-jekonomicheskoe razvitie Izrailja [On the issue of COVID-19 influence on the Israeli socio-economic development]. *Vestnik institute vostokovedenija RAN*, 3 (13): 304–316 (in Russian).
- Bogacheva A.S., Ibragimov I.E., Kozhanov N.A., Lazovskii S.O., Samarskaia L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu. 2020. Blizhnij Vostok v uslovijah vtoroj volny koronakrizisa [The Middle East in the Second Wave of the Coronavirus Crisis]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, 13 (5): 158–180 (in Russian).
- Bogacheva A., Davydov A., Ibragimov I., Zvyagelskaya I., Kobrinskaya I., Samarskaia L., Svistunova I., Surkov N. 2020. Blizhnij Vostok v tiskah krizisa. Poiskivyhoda [The Middle East in a grip of crisis. A search for solution]. *Svobodnaja Mysl'*, 5 (1683): 123–136 (in Russian).
- Gundarov V. 2020. Kto, gde i za chto segodnja vojuet na planete [Who, where and for what is fighting on the planet today]. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-09-17/1_1109_wars.html (accessed: 17 February 2022) (in Russian).

- Dunaeva E.V., Mamedova N.M. 2020. Iran v 2020 godu – pod gnetom sankcij I pandemii [Iran in 2020: under the yoke of sanctions and coronavirus]. *Vostok (Oriens)*, 6: 129–134 (in Russian).
- Lomakin A.S. 2022. COVID-19 I vooruzhennye konflikty na BlizhnemVostoke: novaja peremennaja v starom uravnenii [COVID-19 and the armed conflicts in the Middle East: a new variable in the equilibrium]. *The world after the pandemic: global challenges and prospects for development (Global Development, iss. 23)* / Davydov A.A., Mamedyarov Z.A., Khorolskaya M.V. et al., eds. – Moscow, IMEMO, 2022.: 171–180 (in Russian).
- Plotnikov N.D. 2021. Dlja mira na Blizhnem Vostoke sosedom nado dogovarivat'sja [For peace in the Middle East, neighbors need to negotiate]. *Nezavisimaja gazeta*. Available at: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-12-26/10_8336_east.html (accessed: 31 May 2022) (in Russian).
- Rozov A.A. 2020. OON o vozdejstvii pandemii COVID-19 naarabskij region: predvaritel'nye ocenki [UN on the impact of the COVID-19 pandemic on the Arab region: preliminary assessments]. Institut Blizhnego Vostoka. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=72246> (accessed: 31 May 2022) (in Russian).
- Shcheglov Ju.B. 2020. Amerikanskiye eksperty ob obostrenii politicheskogo i ekonomicheskogo krizisa v Livane [American experts on the aggravation of the political and economic crisis in Lebanon]. Institut Blizhnego Vostoka. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=66006> (accessed: 31 May 2022) (in Russian).
- Aksoy H.A. 2020. Turkey and the Corona Crisis: The Instrumentalization of the Pandemic for Domestic and Foreign Policy. Available at: <https://www.iemed.org/publication/turkey-and-the-corona-crisis-the-instrumentalization-of-the-pandemic-for-domestic-and-foreign-policy/> (accessed 22 May 2022)
- Alcano R., Tocci N. 2021. Navigating a COVID World, *International Spectator*. Available at: <https://doi.org/10.1080/03932729.2021.1911128> (accessed 22 May 2022)
- Castro Torres J.I. 2022. The Lebanon Crisis: A Road to No Destination. *IEEE Analysis*, 5: 4.
- Eiran E. 2020. Israel: Politics and Identity in Coronavirus times. *POMEPS Studies*, 4 (39). – URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2020/04/POMEPS_Studies_39_Web.pdf (accessed 22 May 2022)
- Fawcett L. 2020. The Middle East and COVID-19: time for collective action. *Globalization and Health*: 11.
- Mehrl M., & Thurner P.W. 2021. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Global Armed Conflict: Early Evidence. *Political Studies Review*, 19 (2): 286–293. <https://doi.org/10.1177/1478929920940648>
- Van der Werf C.V. 2020. Lebanon's October Uprising: A Clean Slate for Syrian Refugees? *Global Campus of Human Rights*: 16.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2022

Received 20.05.2022

Поступила после рецензирования 25.05.2022

Revised 25.05.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Accepted 25.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Igor V. Ryzhov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6417-1517](https://orcid.org/0000-0002-6417-1517)

УДК: 328

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-489-496

Оригинальное исследование

Политика Китая в Африке: проблемы и тенденции

Соколова Е.С.¹ , Бакулина А.А.²

¹⁾ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, 125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2;

²⁾ Московский государственный институт международных отношений МИД РФ,
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76
E-mail: sokolovaes65@mail.ru

Аннотация. Африка – один из наименее развитых регионов мира. На сегодняшний день ряд стран континента не обладают собственной экономикой. Китай, с другой стороны, одна из наиболее динамично развивающихся экономик мира, которая проявляет активный интерес к странам Африки. Это интересное явление, и его изучение необходимо, чтобы определиться с тем, какие цели преследует КНР в своей внешней политике. Данная статья посвящена проблеме выявления основных черт внешней политики КНР и транспарированию выявленных механизмов и инструментария на ситуацию с китайским присутствием в Африке. Основными результатами исследования стали выводы о том, что Китай преследует в первую очередь экономические интересы в Африке, тогда как политические преимущества, получаемые им в результате экспансии на черный континент, являются вторичными. Китайские компании играют очень важную роль в экспансии КНР в Африку, создавая синергетический эффект для дальнейших действий китайской стороны, именно они служат основным проводником воли КНР в регионе. Последствия подобного явления достаточно противоречивы: с одной стороны, Африка будет развиваться быстрее и будут решены многие социальные проблемы, с другой – вырастет неравенство на континенте и повысится вероятность военных столкновений.

Ключевые слова: Африка, Китай, экспансия, внешняя политика, «мягкая сила», корпоративный сектор

Для цитирования: Соколова Е.С., Бакулина А.А. 2022. Политика Китая в Африке: проблемы и тенденции. Via in tempore. История. политология. 49 (2): 489–496.
DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-489-496

Chinese Policy in Africa: Problems and Trends

Elizaveta S. Sokolova¹ , Anna A. Bakulina²

¹⁾ Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russia;

²⁾ Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia
E-mail: sokolovaes65@mail.ru

Abstract. Africa is one of the least developed regions of the world. To date, a number of countries on the continent do not have their own economy. China, on the other hand, is one of the fastest growing economies in the world, with an active interest in African countries. This is an interesting phenomenon and its study is necessary in order to determine what goals the PRC is pursuing in its foreign policy. This article is devoted to the problem of identifying the main features of China's foreign policy and translating the identified mechanisms and tools to the situation with the Chinese presence in Africa. The main results of the study were the conclusions that China primarily pursues economic interests in Africa, while the

political advantages it receives as a result of expansion to the black continent are secondary. Chinese companies play a very important role in the expansion of the PRC to Africa, creating a synergistic effect for the further actions of the Chinese side, they serve as the main conductor of the will of the PRC in the region. The consequences of this phenomenon are quite contradictory, on the one hand, Africa will develop faster and many social problems will be solved, on the other hand, inequality on the continent will increase and the likelihood of military clashes will increase.

Keywords: Africa, China, expansion, foreign policy, soft power, corporate sector

For citation: Sokolova E.S., Bakulina A.A. 2022. China's Africa Policy: Issues and Trends. Via in tempore. History and political science. 49 (2): 489–496 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-489-496

Сегодня Китай стал одной из мировых сверхдержав как в политическом, так и в экономическом смысле. Китайская экономика опережает развитие многих развитых стран, не говоря о развивающихся экономиках; можно с уверенностью говорить, что африканская экономика (даже если говорить о всем континенте в целом) развита гораздо хуже китайской [Галстян, 2016]. При этом экономический потенциал КНР должен реализовываться как в азиатском регионе, так и вне его, поскольку позиция регионального лидера не устраивает Китай. В Азии китайские инновации и предприятия уже давно конкурируют с местными фирмами, более того, китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) стала проводником воли китайского корпоративного сектора в Азии.

Первым вопросом, освещаемым в этой статье, является инструментарий китайской политики в других регионах, особенно в регионах, где большинство стран наименее развитые. Ответив на этот вопрос, можно рассматривать конкретные регионы и отвечать на следующий вопрос, напрямую связанный с китайской политикой (как это будет продемонстрировано далее).

Насколько китайские компании готовы выйти за рамки Азии? Последние события в рамках развития инициативы ОПОП показывают, что именно в другие регионы направлены интересы китайских корпораций. Для начала необходимо определиться, какие регионы наиболее интересны Китаю, затем проанализировать его политику «мягкой силы» и сравнить с политикой «летающих гусей», применяемой ранее Японией для экспансии в другие страны.

Следующим шагом станет анализ китайских проектов в рамках инициативы ОПОП, особенно тех проектов, которые связаны с ключевыми направлениями деятельности китайских компаний за рубежом: инфраструктуры, энергетики, высокотехнологичных отраслей (в первую очередь телекоммуникационных). Необходимо также отметить, что именно эти отрасли формируют основы китайской политики в наименее развитых странах [Жульдаш, 2008].

Сегодня инструментарий политики стран достаточно разнообразен – принято выделять несколько основных групп инструментов, которые все страны в той или иной мере используют при реализации внешней политики.

Первым инструментом является дипломатия. В этом аспекте китайская политика не отличается от политики других стран. Стоит отметить, что сегодня китайская дипломатия вышла на новый уровень, получила возможности использования большего количества инструментов – от классических переговоров и официальных мер до неофициального создания положительного имиджа при помощи открытости и многочисленных подарков официальным лицам [Иванова, 2018, Колесникова, Оводенко, 2018]. Эти инструменты сегодня составляют значительный пласт дипломатических отношений. Помимо этого, китайская дипломатия достигла больших успехов на уровне экономической дипломатии, но в основном в менее развитых странах. Это объясняется тем, что КНР предлагает достаточно стандартные условия сотрудничества в сфере экономики, основанные на использовании ресурсов страны-реципиента и технологий и финансов КНР. В обмен на это Китай получает долю в реализованном проекте.

Еще одной отличительной особенностью китайской экономической дипломатии является ее чисто экономический характер. Безусловно, совместная реализация экономических проектов не может не улучшить отношения двух стран, особенно когда инвестиции приходится в наименее развитые страны, которые в них сильно нуждаются, но Китай преследует этим другие цели, чем США или Россия при реализации похожих мер [Коняхина, 2009]. Основное отличие заключается в отсутствии политических требований в обмен на реализацию экономических проектов. Тут уместно вспомнить ряд наднациональных институтов развития, например, Европейский банк реконструкции и развития, в уставе которого четко прописано, что банк способствует распространению демократических ценностей, или же межамериканский банк развития, функционирование которого служит интересам продвижения и защиты интересов США и его союзников в Латинской Америке [Котляров, 2017]. Проще говоря, китайский подход к экономическому сотрудничеству практически исключает политический аспект. Это – одна из знаковых характеристик китайской политики «мягкой силы».

Второй инструмент – политическое давление и неявные меры. Этот инструмент также достаточно активно используется Китаем, но в основном в тех ситуациях, когда речь идет о территориальном расширении страны. Уместно вспомнить, например, конфликты в Южно-Китайском море вокруг Парасельских островов, архипелага Спратли и рифов Скарборо [Мозик, 2019]. Известна ситуация, когда Китай использовал малогабаритные суда для вытеснения судов других держав из спорных территориальных вод, а также создавал искусственные острова для придания большего веса своим территориальным требованиям. Такой инструментарий можно было бы использовать и в других регионах, но КНР хорошо просчитывает риски своих действий – несмотря на политические прения, военных действий вокруг спорных территорий еще не было, хотя ряд политических противников КНР хотели бы развязать конфликт руками третьих стран.

Третий инструмент – непосредственно военная мощь. Этот инструмент Китай в последнее время использует в большей степени как демонстративный, более того, милитаристские настроения в самой стране не приветствуются [Новосельцев, 2018]. Стоит отметить, что многие инструменты, как и технологии развития военного потенциала, КНР скопировал у России как наследника СССР; так, например, регулярные военные парады в РФ служат возможностью показать свою военную мощь другим странам, тот же инструментарий использует и Китай.

Предпоследний, но на сегодняшний день главный инструмент – экономическая политика. Китай получает большие доходы от реализации взвешенной экономической политики и может себе позволить меньшую прибыльность своих инвестиций за рубежом. То же относится и к китайским корпорациям, которые часто полностью или частично контролируются государством или напрямую связаны с ним [Пешкова, 2013]. Такой подход, ранее описанный как элемент экономической дипломатии, необходимо рассмотреть с другой стороны. Китайские компании, в основном крупные банки, также преследуют интересы экономической экспансии. Если в развитых странах банковская система достаточно стабильна и выйти на рынок этих стран с банковскими услугами достаточно сложно как из-за регуляторных барьеров, так и из-за конкуренции, рынки развивающихся экономик часто открыты для иностранных компаний, которые предлагают услуги и сервисы по меньшей цене и с гарантией их надежности. Использование этих возможностей – как раз тот путь, который выбрали китайские компании. Они часто реализуют гораздо больше проектов в менее развитых странах, чем предлагается китайским правительством в рамках экономической дипломатии. Это – вторая особенность китайской политики «мягкой силы», она реализуется совместно государственным и частным сектором, в результате чего создается синергетический эффект для китайской стороны, а часто и для страны-реципиента.

Последний инструмент – информационное пространство и влияние на него. Сегодня Китай, как и другие развивающиеся страны, не имеет мощной международной позиции на информационной арене, из-за чего достаточно часто проигрывает в информационных

войнах. Тем не менее это направление китайской внешней политики активно развивается, не последнюю роль в этом играет политика информационной открытости, проводимая КНР [Понька, Рамич, Юйяо, 2020]. Помимо этого, Китай использует свои телекоммуникационные компании для того, чтобы создавать глобальную информационную сеть медиа, при помощи которых он сможет усилить свою позицию на информационной арене.

Таким образом, уместно сравнить китайскую политику «мягкой силы» с японской концепцией «летающих гусей». Проведенный выше анализ демонстрирует разнообразные возможности политики «мягкой силы», она не ограничивается экономикой, но и затрагивает многие политические аспекты, что исключительно важно для развивающейся экономики, стремящейся к экспансии. Концепция «летающих гусей» в основном предполагает путь экономической экспансии на открытые рынки через следование крупных компаний за мелкими на новые рынки через контрактную систему [Потапенко, 2014]. Таким образом, политика «мягкой силы» гораздо шире и предлагает больше возможностей проникновения на рынок, так как задействует не только экономический, но и политический и информационный потенциалы инструментария внешней политики.

Задаваясь вопросом о том, как КНР реализует свою внешнюю политику в различных регионах, можно отметить ряд отличий политики Китая, например, в Европе и Азии. Аналогично, Африка также представляет собой отдельное направление китайской внешней политики, но китайские подходы в африканских странах во многом схожи с методами усиления влияния КНР в Азии. Можно сделать предварительный вывод о том, что КНР диверсифицирует свою политику в зависимости от уровня развития конкретного региона – до недавнего времени азиатские страны также были одними из наименее развитых стран мира, а некоторые, такие как Непал, например, остаются ими до сих пор. Отдельно отметим, что Китай в реализации своей внешней политики во многом руководствуется целями снижения глобального влияния США из-за того, что последние активно препятствуют развитию КНР и развязали экономическую войну в 2018–2020 гг. против Китая. Африка в этом плане достаточно интересный регион, поскольку там пересекаются интересы США и его европейских союзников, привыкших считать, что Африка – их подконтрольный регион [Фурманова, 2019]. Помимо этого, африканские страны уже долгое время получают гуманитарную помощь от развитых стран и помощь международных организаций развития, таких как Группа Всемирного Банка. В связи с тем, что уровень развития стран Африки остается низким, тогда как азиатские страны развиваются куда активнее и без настолько значительных инвестиций со стороны названных ранее акторов мировой экономики, напрашивается вывод о недостаточной эффективности подобной помощи или же ее намеренном неправильном использовании или предоставлении.

Коренные отличия китайской политики от европейской и американской, описанные выше в рамках выделения особенностей инструментария китайской внешней политики позволяют африканским странам считать, что на текущий момент их главная возможность начать развиваться – принять предлагаемую Китаем помощь и те условия, которые КНР выдвигает.

Как уже было сказано ранее, в Африке Китай стремится реализовывать только те проекты, которые будут способствовать усилению его влияния в регионе. Такие проекты для Африканского континента представляют особую важность, поскольку позволяют создать базовую инфраструктуру для дальнейшего развития. Рассмотрим рисунок 1.

Рисунок 1 наглядно демонстрирует отсутствие прямой корреляции между уровнем развития страны и объемом китайских инвестиций, если исключить ЮАР из этого вывода. Соответственно, наиболее политически важны для КНР ДРК, Египет, Нигерия, Замбия, Уганда и Гвинея. Отметим, что многие из этих стран обладают полезными ископаемыми, значит, КНР в первую очередь интересуют возможности использования недр страны при инвестициях. Также ряд этих стран обладают возможностями для строительства портов, соответственно, Китай продвигает свой проект Морского шелкового пути в Африку, намереваясь завоевать африканский рынок при помощи экспорта своих товаров.

Рисунок 1. Географическое распределение китайских инвестиций в Африке
[Особенности дипломатии..., 2017; Чечельницкий, 2019]

Figure 1. Geographical distribution of Chinese investments in Africa
[Peculiarities of diplomacy..., 2017; Chechelnitzsky, 2019]

Рисунок 2 демонстрирует распределение инвестиций по отраслям.

Рисунок 2. Инвестиции КНР в Африку по отраслям [Особенности дипломатии..., 2017;
Чечельницкий, 2019]

Figure 2. PRC investments in Africa by industry [Peculiarities of diplomacy..., 2017;
Chechelnitzsky, 2019]

Как доказывает рисунок 2, основа китайской политики в Африке лежит не столько в политической сфере – вытеснении США и ЕС из региона, сколько в экономической. Китаю исключительно интересны африканские природные ресурсы, ради которых и создается «красивая ширма» помощи африканским странам. На самом деле КНР действительно проводит мягкую и выгодную для Африки политику, но четко преследует свои интересы, особенно интересы своих компаний.

Как показывает вышеприведенный анализ, китайские компании уже давно стали одними из наиболее развитых в мире и готовы не только выйти за пределы Азии, но и поспорить с Европейскими и американскими на региональных рынках.

Рассматривая перспективы китайско-африканских отношений, можно сделать ряд выводов, основываясь на ранее выявленных факторах.

Во-первых, КНР готов активно инвестировать в развитие тех стран, которые обладают интересными ему ресурсами – как природными, так и человеческими (как показыва-

ет пример ЮАР). Именно это и происходит сегодня. Благодаря ошибкам США и ЕС, которые допустили Китай в Африку, сегодня африканские страны получают гораздо больше финансовых ресурсов, чем ранее, но не могут ими свободно распоряжаться из-за финансовых условий, которые выдвигает КНР. Насколько это положительно скажется на их развитии в контексте того, что институты этих стран развиты слабо и распределение ранее получаемых ресурсов ими было далеко от совершенства [Шаманина, 2018], – открытый вопрос. Тем не менее авторы склоняются к тому, что КНР выгоднее сотрудничать с относительно динамично развивающимися странами, чем с наименее развитыми, в связи с чем африканский регион в ближайшее время будет развиваться быстрее, чем ранее.

Во-вторых, попытки Европейских стран и США усилить свое влияние в Африке приведут к ряду локальных конфликтов и напряженности, так как инструментарий политики США хорошо известен – использование третьих стран и внутрискановой оппозиции для развязывания конфликтов – хорошо отработанная американская политтехнология [China Global Investment, 2021]. Китай будет вынужденно укреплять свои позиции при помощи размещения своего имущества на территориях этих стран, в связи с чем будет наблюдаться синоизация экономик рассматриваемых стран.

Большое количество китайского персонала, а также политика использования китайских менеджеров на руководящих постах в совместных предприятиях неизбежно приведет к усилению культурного влияния КНР на Африку, в том числе в сфере образования. Информационные институты КНР неизмеримо сильнее африканских, в результате чего Китай приобретет большой вес в информационной среде, подчинив себе Африканское медиапространство.

Глубокое проникновение китайских банков в африканский финансовый сектор создаст дополнительные условия для усиления китайского влияния на страны региона, особенно это скажется на тех государствах, которые не смогут быстро перестроить свои экономики в том ключе, который выгоден КНР, поскольку они будут вынуждены массово брать кредиты у КНР, тем самым еще больше ухудшая свое положение. Стоит ожидать усиления неравенства в Африке.

Таким образом, китайские корпорации и правительство реализуют взвешенную и последовательную политику усиления влияния КНР в Африке. Используются все возможные инструменты реализации внешней политики КНР, в частности особенно активно применяется политика «мягкой силы». Китай заинтересован в африканских странах, поскольку они обладают рядом ценных ресурсов, необходимых КНР, полезными ископаемыми в первую очередь. Политический компонент китайской политики в Африке также присутствует, но он вторичен относительно экономического. Китайский бизнес будет активно развиваться в странах региона, что приведет как к положительным последствиям в виде роста экономики, улучшения качества жизни, образовании и социальном развитии наименее развитых стран, так и в негативном – увеличении неравенства в Африке и накаления обстановки в регионе, в том числе к военным конфликтам.

Список литературы

- Галстян А. 2016. Внешняя политика США: кризис традиций и возвышение лоббизма. Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15341> (дата обращения: 03.06.2022).
- Жульдаc О.Е. 2008. Механизмы политического взаимодействия стран Африки с Европейским союзом. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2: 40–47.
- Иванова А.Р., Рубцов Н.М. 2017. Экономика Китая: настоящее и будущее. Научная идея. 3. 21–28.
- Колесникова Т.В., Оводенко А.А. 2018. Развитие экономики КНР в «новой эпохе»: результаты XIX съезда коммунистической партии Китая. Проблемы современной экономики. 1 (65): 145–150.
- Коняхина Н.Ю. 2009. Теории и концепции прямых иностранных инвестиций: ретроспективный взгляд на аналитический инструментарий международного перелива капитала. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 1: 261–271.

- Котляров Н.Н. 2017. Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях «Новой нормальности» китайской экономики. Мир новой экономики. 2: 27–38.
- Мозик П.М. 2019. Реформирование государственных предприятий в Китае. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 3: 127–154.
- Новосельцев С.В. 2018. Конфликт в Южно-Китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников. Сравнительная политика. 3: 88–101.
- Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие. Н.В. Козыкина, К.Г. Муратшина; [науч. ред. В.И. Михайленко]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 148 с.
- Пешкова Н.Н. 2013. Процесс благотворительности в Африке: отражение социально-экономических условий. Теория и практика общественного развития. 2: 45–51.
- Понька Т.И., Рамич М.С., У Юйяо. 2020. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2: 382–394.
- Потапенко М.В. 2014. КНР как новый Международный донор: особенности политики содействия международному развитию. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 1. 19–32.
- Фурманова К.А. 2019. Деятельность Межамериканского банка развития как фактор влияния на экономические и политические процессы в странах Латинской Америки во второй половине XX века. Концепт. 5. 1–8.
- Чечельницкий С.Л. 2019. Дипломатическая служба Китая. Постсоветский материк. 4 (24): 55–78.
- Шаманина Э.А. 2018. Социальные преобразования и социальная политика Китая. Экономика и управление: проблемы, решения. Том 6. 2: 168–174.
- China Global Investment Tracker. 2021. Available at: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 03.06.2022)

Reference

- Galstjan A. 2016. Vneshnjaja politika SShA: krizis tradicij i vozvyshenie lobbizma [US Foreign Policy: The Crisis of Tradition and the Rise of Lobbying]. Mezhdunarodnaja zhizn [International life]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15341> (data obrashhenija: 03.06.2022).
- Zhul'das O.E. 2008. Mehanizmy politicheskogo vzaimodejstvija stran Afriki s Evropejskim sojuzom [Mechanisms of political interaction between African countries and the European Union]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations]. 2: 40–47.
- Ivanova A.R., Rubcov N.M. 2017. Jekonomika Kitaja: nastojashhee i budushhee [Chinese economy: present and future]. Nauchnaja ideja [Scientific idea]. 3. 21–28.
- Kolesnikova T.V., Ovodenko A.A. 2018. Razvitie jekonomiki KNR v «novoj jepohe»: rezul'taty XIX s"ezda kommunisticheskoy partii Kitaja [Economic Development of the PRC in the «New Era»: Results of the 19th Congress of the Communist Party of China]. Problemy sovremennoj jekonomiki [Problems of the modern economy]. 1 (65): 145–150.
- Konjahina N.Ju. 2009. Teorii i koncepcii prjamyh inostrannyh investicij: retrospektivnyj vzgljad na analiticheskij instrumentarij mezhdunarodnogo pereliva kapitala [Theories and concepts of foreign direct investment: a retrospective look at the analytical tools of international capital flow]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations]. 1: 261–271.
- Kotljarov N.N. 2017. Vzaimodejstvie Kitaja s vneshnim mirom v uslovijah «Novoj normal'nosti» kitajskoj jekonomiki [China's interaction with the outside world in the context of the «New Normal» of the Chinese economy]. Mir novoj jekonomiki [The world of the new economy]. 2: 27–38.
- Mozik P.M. 2019. Reformirovanie gosudarstvennyh predpriyatij v Kitae [Reforming state-owned enterprises in China]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental and African studies: abstract journal]. 3: 127–154.

- Novosel'cev S.V. 2018. Konflikt v Juzhno-Kitajskom more v XXI veke: jevoljucija pozicij uchastnikov [Conflict in the South China Sea in the 21st century: the evolution of the participants' positions]. Sravnitel'naja politika [Comparative policy]. 3: 88–101
- Osobennosti diplomatii sovremennogo Kitaja: ucheb. Posobie [Features of the diplomacy of modern China: textbook. Allowance]. N.V. Kozykina, K.G. Muratshina; [nauch. red. V.I. Miha lenko]; M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii, Ural. federal. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 148 s.
- Peshkova N.N. 2013. Process blagotvoritel'nosti v Afrike: otrazhenie social'no-jekonomicheskikh uslovij [The Philanthropy Process in Africa: A Reflection of Socio-Economic Conditions]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]. 2: 45–51.
- Pon'ka T.I., Ramich M.S., U Jujjao. 2020. Informacionnaja politika i informacionnaja bezopasnost' KNR: razvitie, podhody i realizacija [Information Policy and Information Security of China: Development, Approaches and Implementation]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2: 382–394.
- Potapenko M.V. 2014. KNR kak novyj Mezhdunarodnyj donor: osobennosti politiki sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiju [China as a New International Donor: Features of International Development Assistance Policy]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations]. 1. 19–32.
- Furmanova K.A. 2019. Dejatel'nost' Mezhamerikanskogo banka razvitija kak faktor vlijanija na jekonomicheskie i politicheskie processy v stranah Latinskoj Ameriki vo vtoroj polovine XX veka [Activity of the Inter-American Development Bank as a Factor of Influence on Economic and Political Processes in Latin America in the Second Half of the 20th Century]. Koncept [Concept]. 5. 1–8.
- Chechel'nickij S.L. 2019. Diplomatičeskaja sluzhba Kitaja [Diplomatic Service of China]. Postsovet'skij materik [Post-soviet mainland]. 4 (24): 55–78.
- Shamanina Je.A. 2018. Social'nye preobrazovanija i social'naja politika Kitaja [Social transformations and social policy of China]. Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija [Economics and Management: Problems, Solutions]. Tom 6. 2: 168–174.
- China Global Investment Tracker. 2021. Available at: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (data obrashhenija: 03.06.2022)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.04.2022

Received 08.04.2022

Поступила после рецензирования 11.04.2022

Revised 11.04.2022

Принята к публикации 11.04.2022

Accepted 11.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Соколова Елизавета Сергеевна, профессор кафедры Государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Elizaveta S. Sokolova, Professor, Department of State and Municipal Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0002-4237-548X](https://orcid.org/0000-0002-4237-548X)

Бакулина Анна Александровна, профессор кафедры Государственного управления, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, г. Москва, Россия

Anna A. Bakulina, Professor, Department of Public Administration, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0001-8016-3093](https://orcid.org/0000-0001-8016-3093)